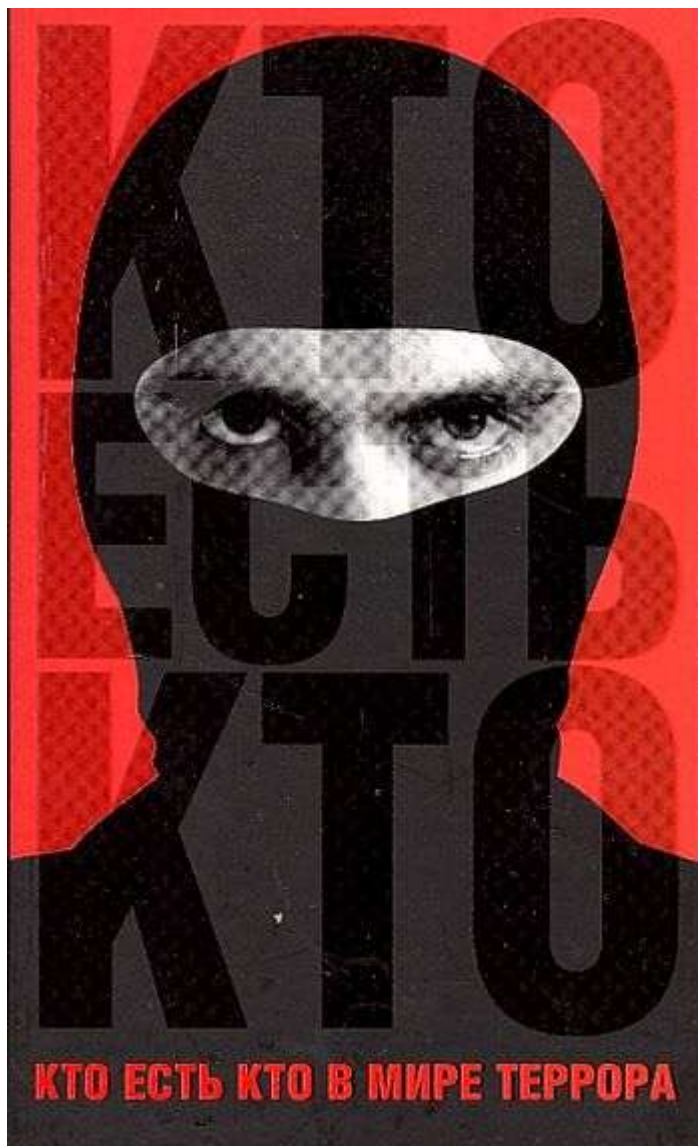

Александр Брасс
Кто есть кто в мире террора

Scan&OCR: В. Г. Черновол

*«Кто есть кто в мире террора»:
АСТ, Астрель, Русь-Олимп; Москва; 2007; ISBN 5-17-041312-2, 5-271-16201-X, 5-9648-0100-5,
978-985-16-0442-1*

Аннотация

Страшное слово «терроризм» давно и прочно утвердилось в нашем лексиконе, став привычным и каким-то даже обыденным. Мы относимся к терроризму, как к стихии, как к некоей неведомой разрушающей силе, которую нельзя ни предупредить, ни предсказать. И совсем забываем о том, что он имеет вполне конкретные человеческие черты...

Впервые читателю предоставляется возможность «посмотреть в лица» тем, кто творит зло на земле, тем, чьими именами пестрят газетные заголовки. И попытаться ответить на вопрос: кто они – люди, восставшие против человечества?

Александр Брасс Кто есть кто в мире террора

Вместо предисловия

Эта книга отличается от множества схожих по тематике и назначению одним, основополагающим фактором: каждая ее строчка пронизана чутким отношением автора к проблеме терроризма. Автор не газетный или телевизионный репортер, специализирующийся на работе в «горячих точках», коими пестрит современная карта мира, не ученый толкователь безжалостных и кровавых историй нашего времени. Он настоящий «профи», посвятивший большую часть своей сознательной жизни проблемам борьбы с терроризмом, что дает ему возможность и право не просто описывать события, а писать, созерцая их изнутри.

Однако и эта особенность не уникальна: на полках магазинов порой встречаются книги, написанные бойцами специальных подразделений и агентами секретных спецслужб о своей работе. Но настоящий труд – это не проба пера: Александр Брасс уже известен широкому кругу читателей и вдумчивым специалистам по своим книгам «Палестинские истоки» и «Между Лениным и Арафатом». Издание «Антигерои: кто есть кто в мире террора» объединяет под своей обложкой захватывающие жизненные истории таких трагически известных персонажей, как террористы Ульрика Майнхоф, Андреас Баадер, кокаиновый наркобарон Пабло Эскобар, Осам бин-Ладен, Карлос-Шакал.

Для меня как читателя становым хребтом этой книги является желание автора объяснить характер своих героев – или, если угодно, антигероев – не столько с политических, сколько с социальных и человеческих позиций. Извращенное понимание догм той или иной конфессии, богатство или нищета, преступные наклонности – все это не более чем кольца нарезки на шурупе. Человека приводит к террору несовершенство окружающей действительности.

Это и доказывает Александр Брасс в своей книге, приводя огромное количество примеров.

Давид Маркиш

Ильич Рамирес Санчес (Карлос-Шакал)

Один из наиболее опасных террористов второй половины XX века, заслуженно считавшийся в 70–80-х годах прошлого столетия террористом № 1, – получивший наибольшую мировую известность под кличкой Карлос-Шакал – «человек тысячи лиц». Провел бесчисленное количество громких террористических актов на территории Европы, Ближнего Востока и других частей света. На его счету угоны и взрывы самолетов, захваты заложников, взрывы в общественных и государственных учреждениях, убийства бизнесменов, политических и общественных деятелей. Лично ему инкриминируется убийство более 80 человек. Один из организаторов и руководителей так называемого Международного террористического интернационала, «мозговым центром» которого долгие годы являлся сам Карлос-Шакал.

Карлос родился 12 октября 1949 года в столице Венесуэлы городе Каракасе, в семье известного и весьма процветающего адвоката. Его отец Хосе Аллаграсия Санчес был ярким приверженцем марксизма-ленинизма, поэтому такие имена, как Сталин, Ленин и Фидель Кастро, врезались в память Карлоса с самого раннего детства. Отец Карлоса настолько боготворил Ленина, восхищаясь его идеями, что последовательно дал своим сыновьям имена: Владимир, Ильич и Ленин. Соответственно средний сын, Рамирес, будущий международный наемный террорист-убийца, более известный под кличкой Карлос-Шакал, получил имя Ильич. Отныне его полное имя звучало Ильич Рамирес Санчес.

Ильич Рамирес Санчес получил прекрасное образование. Отец-миллионер не жалел средств на обучение сына, который, по его замыслу, должен был в скором времени влиться в международное революционное движение. В пятнадцатилетнем возрасте Ильич Рамирес Санчес вступает в ряды Коммунистической партии Венесуэлы и «как настоящий революционер» берет себе псевдоним Карлос.

Спустя два года, когда ему исполнилось семнадцать лет, отец отправляет Карлоса на Кубу, в специальный учебный лагерь, где молодые революционеры постигали основы тактики ведения партизанской войны. В семнадцатилетнем возрасте Карлос еще был идеалистом. Его в меньшей степени интересовали деньги. То, что террор – дело весьма доходное, Карлос поймет немного позже... А пока Карлос обучался в военном лагере, расположенном в окрестностях Гаваны, методике проведения направленных взрывов, приемам рукопашного боя и стрельбе из всех видов ручного оружия, готовя себя к будущим революционным схваткам.

Вернувшись с Острова свободы, отец Карлоса в очередной раз отправляет его за границу, на этот раз в Лондон, вместе матерью и младшим братом по имени Ленин. Как выразился его отец: «Для наведения европейского лоска». Некоторое время они проживают в Кенсингтоне, одном из самых привилегированных аристократических кварталов Лондона. Там в лондонских пивных барах Карлос впервые открывает для себя существование левоанархистских европейских движений. В конце 60-х годов в настроениях общества, и прежде всего в студенческой среде, складывалось ощущение, будто Запад находится на пороге революционных преобразований. Эти настроения подпитывались прежде всего последствиями нацизма, позорным колониальным прошлым западных стран и преступной вьетнамской войной, которую Соединенные Штаты развернули в Индокитае. Европейский левоанархистский экстремизм с каждым годом набирал силу, связывая свою активную, деятельность с реализацией чаяний народов третьего мира. Карлос как губка впитывал в себя новые идеи. Никому из окружающих не могло прийти на ум, что за слащавой, по-детски наивной и нескладной внешностью скрывалась мощная, весьма неординарная личность, способная, подобно затаившемуся вулкану, в один день проснуться и смести все на своем пути.

В середине 1968 года Карлос приезжает в Москву для получения высшего образования. Он без особых усилий сдает вступительные экзамены в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Ни для кого на Западе не было секретом, что Университет дружбы народов готовил не только прекрасных специалистов во многих областях науки и техники, его выпускники становились вольными и невольными «агентами влияния» в странах третьего мира. Об этом периоде жизни Карлос всегда вспоминал как о самых лучших годах своей молодости. В Москве Ильичу Рамиресу Санчесу понравилось. Он вел веселый и разгульный образ жизни. Благодаря регулярным денежным переводам отца, Карлос никогда не испытывал финансовых затруднений. Богатый иностранец постоянно привлекал к своей особе повышенное внимание окружающих. Женщины и дикие кутежи, которые, как правило, оканчивались пьяными потасовками, занимали его куда больше, чем занятия в университете. Рано или поздно московским похождениям Карлоса должен был прийти конец. Формальным поводом к отчислению Ильича Рамиреса Санчеса из университета послужило его участие в несанкционированной демонстрации у посольства Ливии. Летом 1970 года Карлоса выдворяют за пределы Советского Союза за «антисоветские провокации».

Московский период жизни Карлоса-Шакала оценивается многими экспертами по-разному. По всей видимости, есть все основания полагать, что Карлос во время своего «обучения» в Университете дружбы народов имени Патрииса Лумумбы попал под контроль советских спецслужб и в конечном итоге был ими завербован. Стоит отметить, что 70–80-е годы прошлого столетия относятся к периоду разгара холодной войны. Интересы двух противоборствующих систем схлестнулись прежде всего в странах третьего мира. Советские, восточногерманские и румынские спецслужбы очень внимательно следили за набирающими силу на Западе левоанархистскими процессами. Сегодня ни для кого не является секретом, что терроризм второй половины XX века вскармливался двумя противоборствующими лагерями (Варшавским Договором и странами блока НАТО). Политическая ситуация в мире складывалась таким образом, что две великие сверхдержавы не могли себе позволить идти на открытую военную конфронтацию, поэтому им приходилось действовать

через «третьи силы». Противники теории вербовки Карлоса советскими спецслужбами утверждают, что в 70-х годах Советский Союз не поддерживал международный терроризм, однако нельзя не отметить, что советская разведка всегда проявляла повышенное внимание ко всем общественно-политическим процессам, протекавшим на Западе и в странах третьего мира. К этому можно добавить, что понятие «терроризм» очень часто, в зависимости от тех или иных политических конъюнктурных соображений, подменялось такими словами, как «движение сопротивления», «революционное выступление» или «национально-освободительное движение». Через Карлоса спецслужбы социалистического лагеря пытались контролировать палестинские радикальные «освободительные» движения и западные левоанархистские экстремистские группировки. Скандальное выдворение Карлоса из Москвы могло быть тщательно спланированным маневром, чтобы отвлечь от Карлоса внимание западных спецслужб.

Почти двухлетнее пребывание Карлоса в Москве принесло ему неоценимую пользу. В университете Карлос установил контакты со многими «революционерами» третьего мира, которые впоследствии оказались бесценными.

Покинув Москву, Карлос на некоторое время перебирается в Париж, где налаживает теснейшие связи с палестинскими террористическими организациями. Еще будучи в Москве, Карлос познакомился с обучавшимися в Университете дружбы народов палестинскими студентами, которые, в свою очередь, раскрыли Карлосу глаза на палестинскую проблему, дав ему понять, что истинное его призвание – это борьба с американским империализмом и международным сионизмом, тем более что эта борьба щедро подпитывается деньгами, собранными у богатых нефтяных арабских шейхов. В Париже Карлос вливается в ряды палестинской террористической организации Народный фронт освобождения Палестины.¹ Принято считать, что Карлоса завербовал один из видных деятелей палестинского терроризма, член ЦК Народного фронта освобождения Палестины международный террорист Вади Хаддад. Когда в 1979 году Вади Хаддад скончался от лейкемии, Карлос стал самым значимым международным террористом. Через палестинцев Карлос установил тесные контакты с террористами Франции, Бельгии, Западной Германии, Голландии и Японии. В 1970 году Карлос пишет на родину к отцу:

Спасибо тебе, отец, за то, что ты направил меня по истинному пути. Теперь я готов к тому, что должен сделать.

Свой первый террористический акт Карлос провел в Швейцарии. 21 февраля 1970 года он заложил бомбу с часовым механизмом в швейцарский самолет, направлявшийся из Цюриха в Тель-Авив. Бомба взорвалась в багажном отсеке самолета через несколько минут после взлета. В результате этого террористического акта погибло 200 человек.

В мае 1972 года на территории Ливана, в палестинском лагере беженцев, Народный фронт освобождения Палестины организует второй² летний семинар, на который съезжаются представители многих террористических организаций. Среди приглашенных в Ливан был и Ильич Рамирес Санчес. Основная цель этого семинара заключалась в создании международной террористической сети с центром в Париже. Штаб-квартирой международной террористической сети не случайно был выбран Париж. Во-первых, террористические организации могли чувствовать себя весьма вольготно в условиях «беззубых» западных демократий, не в полной мере оправившихся от нацистского тоталитаризма. Во-вторых, сыграло роль удобное географическое месторасположение, позволявшее без каких-либо затруднений поддерживать связь с различными организациями, находящимися в разных частях света. Но

¹ Народный фронт освобождения Палестины (The Popular Front for the Liberation of Palestine — PFLP) — вторая по значению организация в структуре ООП, официально провозглашенная в декабре 1967 года. Объединила в себе под руководством Джорджа Хабаша (George Habash) три ранее существовавшие более мелкие палестинские террористические группировки

² Первый террористический семинар был организован летом 1968 года на территории Иордании.

главное «достижение» международного террористического семинара заключалось в соглашении о проведении согласованных действий различных террористических групп. Основная идея состояла в том, что одна террористическая организация должна была действовать в интересах другой организации. В 70-х годах (как, впрочем, и в наши дни) существовали серьезные затруднения, связанные с экстрадицией преступников из одних стран в другие. Так, пока одна страна требовала выдачи террористов, они успевали покинуть страну и затеряться в другой части света.

В международное террористическое движение Карлос вошел под новым именем – Шакал. Для Карлоса это имя имело глубокое символическое значение. Он выбрал себе псевдоним из названия своей любимой настольной книги известного английского писателя Фредерика Форсайта «День Шакала», на страницах которой рассказывалось о киллере, охотившемся за Шарлем де Голлем.

Вернувшись из Ливана, Карлос-Шакал планирует проведение террористической атаки в израильском аэропорту Лод под кодовым названием «Крупная мишень». Во время ее планирования Ильич Рамирес Санчес открыл в себе незаурядные организаторские способности, позволившие ему впоследствии стать «мозговым центром» Международного террористического интернационала. Через японского террориста Кодзо Окамото, с которым он познакомился еще в свою студенческую бытность, Карлос устанавливает контакт с японской террористической организацией марксистского толка «Армия красной звезды», известной также как «Красная армия», которая, по замыслу Карлоса, должна была совершить террористический акт в израильском международном аэропорту.

30 мая 1972 года трое японских террористов-камикадзе – Кодзо Окамото, Ракеш Окудейра и Йошуики Ясуда, прошедшие подготовку в ливанских лагерях Народного фронта освобождения Палестины, – прибыли в римский аэропорт и поднялись на борт следовавшего в Израиль авиалайнера компании «Эйр Франс». В багаже террористов были спрятаны тщательно упакованные автоматы и ручные гранаты.³ В 10 часов вечера самолет приземлился в израильском международном аэропорту Лод. Здание аэропорта было переполнено пассажирами и встречающими. Получив багаж, террористы, незамедлительно вытащив из чемоданов автоматы Калашникова, стали бросать гранаты и расстреливать людей, находившихся в это время в здании аэропорта. Внутри аэропорта возникла дикая паника, в результате чего израильская служба безопасности в первые минуты не смогла обнаружить и обезвредить террористов-камикадзе. Один террорист погиб почти сразу – неисправная граната взорвалась у него прямо в руках. Второго террориста смогли сбить с ног пассажиры, и он был застрелен израильским полицейским. Третьему террористу, Кодзо Окамото, удалось прорваться на взлетную полосу и открыть огонь по готовящемуся к взлету израильскому пассажирскому авиалайнеру компании EL-AL. Находящиеся на взлетно-посадочной полосе техники компании EL-AL смогли обезвредить террориста и захватить его живьем. В результате этого террористического акта погибло 25 человек и 71 человек получил ранения различной степени тяжести. Их жизни террористы оценили в полтора миллиона долларов США – именно такую сумму получил Карлос-Шакал за успешное проведение террористической операции «Крупная мишень».

28 июня 1973 года агенты израильского «Моссада» взорвали руководителя европейского отделения Народного фронта освобождения Палестины Мухаммеда Будийя. После его смерти Ильич Рамирес Санчес, уже получивший широкую известность как международный террорист Карлос-Шакал, занимает пост руководителя европейского отделения Народного фронта освобождения Палестины. Через него идет снабжение оружием и проходят крупные денежные потоки к левоанархистским, в основном западногерманским, экстремистским организациям. Однако его роль не ограничивается сугубо организационными функциями.

В 1973 году Карлос выбирает новую мишень для атаки. На этот раз выбор падает на произраильски настроенного известного британского бизнесмена еврейского происхождения, руководителя и владельца крупнейшей сети супермаркетов «Маркс энд Спенсер» Эд-

³ В начале 70-х годов прошлого столетия еще не были столь распространены угоны и взрывы самолетов, поэтому багаж пассажиров не досматривался.

варда Сиеффа. Карлос считал Сиеффа «самым главным британским сионистом», поэтому, покушаясь на Сиеффа, он, по его мнению, таким образом наносил непосредственный удар по «сионистскому врагу».

Примерно к семи часам вечера 30 декабря 1973 года Карлос припарковал свой автомобиль возле дома Эдварда Сиеффа. Выйдя из машины, он спокойно направился к парадному входу и несколько раз позвонил. Дверь открыл пожилой привратник. Карлос вежливо протянул визитку с вымышленным именем и, пройдя внутрь, навел пистолет. Сиефф в это время находился в ванной комнате. Не повышая голоса, Карлос потребовал позвать хозяина дома и, после того как его требование было выполнено, ударом пистолета оглушил перепуганного привратника. Дождавшись, когда Эдвард Сиефф выйдет из ванной, Карлос произвел три коротких выстрела из своей «беретты». Из трех выпущенных Карлосом пуль лишь одна попала в лицо Эдварда Сиеффа, да и та оказалась не смертельной. По чистой случайности пуля попала в верхнюю челюсть и, срикошетив от зуба, ушла в сторону, застряв в шее. Рана была настолько серьезной, что Карлос был уверен: Сиефф мертв. Тем не менее врачам удалось спасти жизнь бизнесмена.

В этом же году Карлос подложил в лондонском отделении израильского банка «Апоалим» бомбу с часовым механизмом. В результате взрыва была ранена сотрудница израильского банка.

В 1974 году Карлос организует и проводит ряд террористических актов на территории европейских государств и Японии. Так, доподлинно известно о причастности Карлоса к серии взрывов в редакциях произраильски настроенных газет Парижа.

Следует отдать должное Карлосу-Шакалу, он никогда не бросал своих товарищей по Международному террористическому интернационалу и при любой возможности предпринимал все средства для их вызволения. Так, в сентябре 1974 года Карлос объявился в Голландии. Вместе с группой японских террористов из уже известной промарксистской террористической организации «Красная армия» Карлос захватывает французское посольство, находящееся в Гааге. В руках террористов оказались десять заложников, включая самого французского посла. Карлос потребовал от французских властей немедленно освободить находящуюся в парижской тюрьме японскую террористку Йотака Фуруя, входящую в японскую «Красную армию. Для того чтобы у французских властей не осталось ни малейшего сомнения в серьезности его намерений, Карлос организовал террористический акт в самом центре Парижа. По приказу Карлоса была брошена бомба в переполненное кафе на улице Жермен-де-Пре. В результате взрыва погибло двое и ранено около тридцати человек. Французские власти решили не идти на риск и поспешили выполнить все требования террористов. В Гаагу немедленно был отправлен „Боинг-707“, на борту которого находилась освобожденная японская террористка и 300 тысяч долларов США. Отпустив заложников, террористы беспрепятственно вылетели в Дамаск.

В январе 1975 года Карлос организует террористическую атаку на израильский авиалайнер компании EL-AL в парижском международном аэропорту Орли. Несмотря на чрезвычайное хладнокровие и граничащую с безумием дерзость, Карлос всегда оставался реалистом. Как правило, он до мельчайших подробностей просчитывал шансы на успешное завершение очередной акции. В отличие от многих своих товарищей, он никогда не торопился принести свою жизнь на алтарь „священной борьбы“ с международным империализмом и сионизмом. Задумав нанести удар по авиалайнеру EL-AL, Карлос понимал, что у него нет ни малейшего шанса приблизиться к самолету, не говоря уже о его захвате. Стоит отметить, что в середине 70-х годов французская полиция предпринимала беспрецедентные меры по охране аэропортов.

13 января 1975 года Карлос вместе с членами своей группы проник на территорию взлетно-посадочной полосы аэропорта Орли. Террористы рассчитывали атаковать израильский пассажирский самолет с большого расстояния при помощи похищенного противотанкового гранатомета „РПГ-7“ советского производства. В тот момент, когда самолет компании EL-AL стал выруливать на взлетную полосу, по нему был произведен выстрел из противотанкового гранатомета. К счастью, ни у кого из террористов не было достаточного опыта обращения с „РПГ-7“, и ракета прошла мимо цели, случайно угодив в пустой югославский самолет и нанеся при этом некоторые повреждения также и зданию аэропорта.

К 1975 году Карлос-Шакал уже был самым известным и неуловимым международным террористом, за которым безуспешно вели охоту спецслужбы Франции, Англии, Израиля и Западной Германии. Казалось, что он словно играет с могущественными спецслужбами мира, никогда не скрывая своего лица. Карлос при каждой террористической акции позировал перед кино- и фотокамерами. Его имя постепенно обрастало легендами, и ему начинали приписывать то, к чему он не мог иметь никакого отношения. Это тешило его безграничное тщеславие. Он с немалым удовольствием рассказывал журналистам о проведенных им операциях, именно по этой причине стали известны мельчайшие подробности из его жизни. Как это ни парадоксально, но Карлос стал кумиром для целого поколения европейской молодежи (как, впрочем, лидеры ИРА и западногерманской „Банды Баадер – Майнхоф“).

Ильич Рамирес Санчес был светским джентльменом с хорошими манерами, обладал прекрасным гардеробом и изысканным, аристократическим вкусом. Свободно владел русским, арабским, испанским, французским и английским языками. Его ошибочно можно было принять за киноактера, писателя, художника или, в крайнем случае, за итальянского мафиози высокого ранга, но никак не за террориста. Он любил хорошую жизнь: дорогие рестораны, пятизвездочные фешенебельные отели, шикарные открытые спортивные автомобили и красивые женщины. Он относился к терроризму не как к вынужденной борьбе, а как к образу жизни, приятному времяпровождению. Ему легко удалось создать в мировых средствах массовой информации образ некоего террориста-плейбоя. Занятие терроризмом увеличило его личный банковский счет на несколько миллионов долларов США. Это уже не тот семнадцатилетний впечатлительный юноша, стремящийся путем искреннего самопожертвования изменить мир к лучшему. За очень приятной и чрезвычайно располагающей к себе внешностью скрывался беспощадный, хладнокровный убийца. Карлос был очень жесток. Он никогда не задумывался, когда для устрашения нужно было убить заложника, да и к своим соратникам был также беспощаден. При малейшем подозрении на измену или неповиновение отступника ожидала неминуемая смерть.

Европейским спецслужбам было известно, что основные базы Карлоса-Шакала находятся в крупных европейских городах и он никогда не задерживается надолго на одном месте. Ему никогда не была свойственна паранойя, однако при малейшем подозрении на слежку он словно испарялся, но при этом никогда не напоминал затравленного, испуганного до смерти зверя. В периоды наибольшей опасности Карлос атаковал. Он умел наводить ужас, это было его врожденным природным даром.

Так исторически сложилось, что французские спецслужбы наибольшую активность проявляли в Северной Африке и Ливане. В начале лета 1975 года секретными службами Франции был захвачен Мишель Мукрабель, ливанский террорист палестинского происхождения, входящий в близкое окружение неуловимого Карлоса-Шакала. Одно время он считался близким другом Карлоса, и именно через него Карлос поддерживал связи с ООП. После длительных допросов Мукрабель наконец-то сломался и согласился, выдать место, в котором укрывался Карлос.

Вечером 27 июня 1975 года Карлос отдыхал в своих апартаментах, в одной из гостиниц в центре Парижа. Вместе с ним в этот момент в комнате находились два молодых венесуэльца и подруга Карлоса. Примерно в 21.00 в дверь постучали. Карлос мгновенно вскочил с дивана, так как никого не ожидал, но дверь открывать не торопился. В дверь опять постучали. Карлос послал одного из своих гостей открыть дверь, а сам, накинув на голые плечи просторный халат, который скрывал пистолет советского производства „Макаров“, как ни в чем не бывало, спокойно сел в кожаное кресло и поставил на стол открытую бутылку дорогого французского коньяка. Вслед за венесуэльцем в комнату вошли трое представительных мужчин в штатском. С ходу предъявив удостоверения сотрудников французской антитеррористической службы, они потребовали всех присутствовавших предъявить свои паспорта. Как всегда, Карлос не потерял самообладания и, улыбаясь, предложил вошедшим в комнату людям присесть за стол и выпить. Полицейские присели, однако продолжали настаивать на предъявлении паспортов. Присутствовавшие в комнате, в том числе и Карлос, положили на стол паспорта, тогда полицейские начали расспрашивать Карлоса о том, знаком ли он с Мукрабелем. Карлос все отрицал, утверждая, что никогда не слышал этого имени и не встречался с этим человеком. Тогда один из полицейских сказал, что Мукрабель находится

сейчас в машине и они хотят произвести опознание. Карлос и на этот раз не потерял самообладания, ничем не выдав своего волнения; дождавшись, когда полицейские введут в комнату Мишеля Мукрабеля, Карлос выхватил из-за пояса пистолет и расстрелял агентов антитеррористической службы. Он произвел всего лишь три выстрела, по одной пуле в голову каждого полицейского. Затем Карлос спокойно подошел к Мукрабелю, который, обезумев от страха, не мог сдвинуться с места, и выстрелил ему в лицо. Когда полицейский осведомитель упал, Карлос присел на корточки и выстрелил Мукрабелю еще один раз, в висок.

Третий полицейский, лежавший у входа в номер, был тяжело ранен, но Карлос решил не добивать его и, не теряя времени, перемахнул через балкон в соседний номер и скрылся из гостиницы. Чтобы расправиться с агентами секретной службы и покинуть гостиницу, Карлосу потребовалось менее десяти секунд.

Хотя Карлосу и удалось выскользнуть из кольца окружения, в руки западных спецслужб попали ценнейшие документы, которые террорист не успел забрать с собой или уничтожить. Именно из этих документов западные спецслужбы впервые узнали о существовании так называемого Международного террористического интернационала, координатором которого являлся Карлос-Шакал. Документы, найденные в его гостиничном номере, прямо доказывали связь Карлоса с Ирландской республиканской армией, западногерманской террористической организацией левоанархистского толка „Банда Баадер – Майнхоф“, японской марксистской „Красной армией“, турецкой террористической организацией „Освободительная армия Турции“, иранской террористической организацией „Фронт освобождения Ирана“,⁴ баскскими сепаратистами ЭТА, а также палестинскими и южноамериканскими террористическими организациями. Среди документов были обнаружены фальшивые паспорта на имя Карлоса Андре Мартинеса Торреса, Сенона Мария Кларка, Ахмеда Адил Фаваза, Адольфа Хосе Мюллера Бернала, Гектора Дюпона и других.⁵

Французская полиция совместно с британским Скотланд-Ярдом смогла выследить лондонское убежище Карлоса на Херфорд-роуд, оформленное на любовницу Карлоса, двадцатитрехлетнюю гражданку Испании Анжелу Отаола. Карлосу в самый последний момент удалось выскользнуть из-под носа оперативников Скотланд-Ярда, когда те окружали его квартиру, и укрыться у колумбийской красавицы Нади Тобон. В его лондонской квартире оперативники Скотланд-Ярда обнаружили целый склад боеприпасов, огромные суммы денег наличными, дорогостоящее портативное электронное оборудование и приспособления для изготовления фальшивых документов. Однако больше всего оперативников потряс „черный список“ приговоренных к смерти, который они обнаружили в одной из набитых оружием сумок. В этот список были включены пятьсот известных людей, политиков, министров, членов парламента и общественных деятелей, на которых Карлос-Шакал намеревался в ближайшее время совершить покушение. Среди жертв этого списка были такие имена, как госсекретарь США Генри Киссинджер, король Иордании Хусейн, сэр Бернар Дельфонд, президент Египта Анвар Саддат, лорд Сэйнсбери, скрипач Иегуда Менухин, голливудская киноактриса Джейн Фонда, кинорежиссер Стивен Спилберг и другие. Убийство известных людей должно было посеять страх, вызвать ощущение незащищенности. Террор, по мнению Карлоса, – это лишь средство для достижения политических целей, а террор без страха малоэффективен. „У меня нет ничего личного к тем или иным известным людям, – утверждал Карлос. – Это не примитивное уголовное убийство, за которым скрываются мелкокорыстные побуждения, а необходимый инструмент политической борьбы...“

Несмотря на то что ведущие европейские спецслужбы шли по пятам Карлоса, он, как всегда, не затаился и не лег на дно, а приступил к самым решительным действиям, в очередной раз доказав всему мировому сообществу, что перед ними террорист международного масштаба, подобного которому еще не знала история.

⁴ Стоит отметить, что во время существования террористической организации «Фронт освобождения Ирана», к власти в Иране еще не успели прийти свергнувшие шаха мусульманские религиозные фанатики во главе с аятоллой Хомейни.

⁵ Внешность Карлоса позволяла ему при желании без особого косметического вмешательства быстро изменяться до неузнаваемости, превращаясь в латиноамериканца, араба, русского или турка.

Одной из самых впечатляющих террористических акций, проведенных Карлосом в 70-х годах, был захват делегатов стран – производителей и экспортеров нефти, собравшихся на свой форум в австрийской столице зимой 1975 года. Этот случай стал типичным примером действий международного терроризма 70–80-х годов. В то время только Израиль, неся тяжелые потери, мог что-то противопоставить террористическим атакам. Западные же страны в начале второй половины XX века были в полной растерянности, не зная и не умея действовать против террористических банд. Постоянно идя на уступки террористам, западная демократия невольно сама становилась заложником нарастающей волны экстремизма.

Предыстория этого нападения напрямую связана с весьма непростыми мировыми отношениями, сложившимися после арабо-израильской войны 1973 года. В 1975 году основные арабские экспортеры нефти приняли решение наложить эмбарго на поставки нефти, следствием чего явилось почти двукратное повышение цен на нефтепродукты. Это весьма пагубно отразилось на мировой экономике и придало палестинцам уверенности, что в их руках есть более сильное оружие – нефть. Однако палестинские проблемы меньше всего волновали такие богатые нефтяные страны, как Саудовская Аравия, Кувейт и Иран. Нефтяное эмбарго отразилось не только на западной экономике, но и больно ударило по экономике стран – экспортеров нефти. Чтобы разрешить нефтяной кризис и снизить мировые цены, в австрийской столице Вене в декабре 1975 года был создан форум Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК).

Шел второй день совещания ОПЕК, когда в полдень 21 декабря 1975 года шесть террористов, среди которых была одна женщина, вооруженные автоматическим оружием и ручными гранатами, прорвались в штаб-квартиру ОПЕК в Вене. В этот момент в здании находился 81 делегат, среди которых было 11 министров стран – экспортеров нефти. Открыв беспорядочную стрельбу, террористы ранили 11 человек и убили двоих человек, попытавшихся преградить террористам дорогу. Среди убитых оказались австрийский полицейский и агент иракской службы безопасности. Позже выяснилось, что жертв среди заложников было больше: Карлос лично разрядил целую обойму в безоружного ливийского сотрудника ОПЕК, оказавшего сопротивление, а также позднее в больнице от тяжелых ран скончался еще один служащий ОПЕК, гражданин Кувейта.

Заложников собрали в центральном зале заседаний и приказали всем немедленно лечь на пол. Один из заложников позднее вспоминал о том, что в центр зала вышел вооруженный человек и, сжимая в руках осколочную гранату, прокричал: „Любой, кто окажет сопротивление, будет убит на месте! Тот, кто не выполнит мой приказ, будет убит на месте! Кто попытается скрыться или устроит истерику, будет расстрелян на месте!“

Во время захвата заложников был ранен в живот один из нападавших. Им оказался член западногерманской террористической организации „Баадер – Майнхоф“ Ганс-Йохан Кляйн. Чтобы спасти ему жизнь, террористы вынесли его за пределы здания, и его прооперировали в одной из венских клиник. По всей видимости, террорист был ранен своими товарищами, так как в момент захвата здания ОПЕК им не оказали никакого вооруженного сопротивления.

Сразу после захвата здания ОПЕК террористы передали журналистам и представителям австрийской службы безопасности уместившуюся на семи страницах декларацию, составленную на французском языке. В ней, в частности, говорилось о том, что ответственность за захват заложников берет на себя ранее неизвестная палестинская террористическая организация „Армия арабской революции“. Они сообщили о том, что захват делегатов форума ОПЕК является ответом на предательскую политику арабских стран, которые, по мнению организации, изменили арабскому делу и в своих интересах отгородились от палестинской проблемы. Эта акция прежде всего, по словам террористов, направлена против Ирана и Саудовской Аравии, обещавших начать с Израилем переговорный процесс.

Одним из требований террористов была трансляция по всем радиоканалам декларации „Армии арабской революции“, осуждение европейскими странами сионизма и восхваление героической позиции Сирии и Ирака.

Террористы также потребовали предоставить им к семи часам утра самолет с полными баками горючего, на борту которого должен находиться их раненый товарищ, и беспрепятственный вылет в любом выбранном ими направлении. Также Карлос потребовал за залож-

ников выкуп в размере 50 миллионов долларов.⁶

Все эти требования были переданы через иракского дипломата, которого террористы освободили, чтобы установить контакт с австрийской службой безопасности. Со слов иракского дипломата стало ясно, что группа террористов имеет интернациональный состав: в нее входили три араба, два немца и венесуэлец, как две капли воды похожий на разыскиваемого многими спецслужбами мира известного международного террориста, который и руководил всей операцией.⁷ Таким образом, ни у кого не оставалось сомнения в том, что захват заложников организован и проведен Карлосом-Шакалом.

Среди заложников были граждане Саудовской Аравии, Ирана, Эквадора, Венесуэлы, Кувейта, Индонезии, Габона, Ливии, Нигерии и Австрии. Однако немалое опасение вызывал тот факт, что в списках заложников числился министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейх Ахмад Ямани, входивший в ранее обнаруженный „черный список“ приговоренных Карлосом к смертной казни. (Позднее шейх Ахмад Ямани рассказал, что от неминуемой смерти его спасло лишь вмешательство алжирских властей.) Все прекрасно понимали, что серьезная угроза жизни нависла не только над саудовским министром, но и над всеми заложниками. Богатая биография Карлоса являлась тому прямым подтверждением. Власти Австрии были вынуждены выполнить все требования террористов.

Министр внутренних дел Австрии Отто Руш зачитал перед журналистами требования террористов. Декларация террористов зачитывалась по австрийскому телевидению и радио каждые два часа. 22 декабря в 7.00 утра к зданию ОПЕК был подогнан автобус с зашторенными окнами, который доставил террористов и удерживаемых ими заложников в венский международный аэропорт, где их уже ожидал самолет с полными баками горючего, раненым террористом и тремя пилотами.

В обмен на 41 заложника террористам было позволено вылететь в направлении Алжира. 23 декабря 1975 года, после получения выкупа в 50 миллионов долларов, остальные удерживаемые заложники были брошены в пустыне. Террористы сдались алжирским властям и попросили политического убежища. 29 декабря их просьба была удовлетворена, и они почти сразу вылетели в Ливию.

Из оперативных источников западных спецслужб стало известно, что одним из непосредственных заказчиков венской террористической операции был ливийский лидер полковник Муамар аль-Каддафи, который выделил на проведение операции миллион долларов.

После короткого отдыха на одной из тренировочных баз Ливии Карлос вновь громко напомнил о себе, разработав план угона французского авиалайнера с 258 пассажирами на борту, целью которого являлось освобождение многих международных террористов» включая печально известного японского террориста-камикадзе Кодзо Окамото.

26 июня 1976 года группа террористов из палестинской террористической организации Народный фронт освобождения Палестины захватила в афинском аэропорту авиалайнер, принадлежащий французской авиакомпании «Эйр Франс», следовавший маршрутом Париж – Тель-Авив, приказав экипажу лететь в Уганду. Приземлившись в угандийском аэропорту Энтеббе, террористы отпустили находящихся в заложниках граждан других стран, оставив только израильтян и добровольно пожелавших остаться на борту самолета, в знак солидарности с израильтянами, членов экипажа французского авиалайнера. Палестинские террористы из организации Народный фронт освобождения Палестины выдвинули условие: в течение 48 часов освободить всех палестинских террористов, находящихся в израильских и европейских тюрьмах. Несмотря на огромное расстояние (свыше 4000 километров от границ Израиля) и поддержку террористов угандийским режимом диктатора Иди Амин Дада, израильский спецназ провел беспрецедентную, не имеющую аналогов в мировой истории анти-

---

⁶ Нет сомнения в том, что основной целью захвата делегатов ОПЕК было получение средств для финансирования будущих операций.

⁷ По всей видимости, так называемая организация «Армия арабской революции» никогда не существовала. В состав группы Карлоса входили: один ливанец, двое палестинцев и двое террористов из западногерманской «Баадер — Майнхоф». Скорее всего, ответственность за проведение теракта делят между собой Карлос и Народный фронт освобождения Палестины.

террористическую операцию по освобождению заложников, во время которой, к сожалению, погибли четыре заложника и командир израильского спецназа Йонатан Нетаньяху, родной брат будущего премьер-министра Израиля Беньямина (Биби) Нетаньяху. Были уничтожены все террористы, десятки солдат регулярной угандийской армии и все боевые самолеты угандийских ВВС, находящиеся в аэропорту.

После провала террористической акции по угону французского авиалайнера Карлос понимает, что с израильянами не стоит шутить, и просто исчезает из поля зрения, небезосновательно опасаясь ответных акций со стороны израильских спецслужб. Существовало мнение, что Карлос на некоторое время перебрался в Сирию, где его услуги как консультанта были востребованы сирийским руководством. По сведениям западных разведслужб, Карлос также создавал и обучал мобильные террористические группы для ливийского режима Муамара аль-Каддафи. В этот период он не раз появлялся в столице Венгрии Будапеште, в Чехословакии, в Восточном Берлине, Ираке, в Северном и Южном Йемене.

Когда в конце 70-х – начале 80-х годов европейские спецслужбы сконцентрировали на нем все свое внимание, Карлос был вынужден перебраться в Восточную Европу, в Будапешт и Восточный Берлин. Он не только не скрывает свои связи со спецслужбами Восточного блока, но и при каждом удобном случае предаёт эти факты всеобщей огласке. Так, по заданию органов госбезопасности Румынии и ГДР Карлос организует взрыв на мюнхенской радиостанции «Свободная Европа».

С началом ливанской войны 1982 года Карлос-Шакал предложил свои услуги проиранской террористической организации «Хизбалла». Он организует ряд громких террористических актов на территории Ливана, в том числе убийство 58 членов французской военной миссии в Бейруте.

В 1982 году французские спецслужбы выследили и арестовали жену Карлоса Магдалену Копп, террористку со стажем, входившую в западногерманскую террористическую организацию «Баадер – Майнхоф». Карлос потребовал ее немедленного освобождения. В противном случае он обещал объявить Франции беспрецедентную террористическую войну. Когда же французы ответили отказом на требование террориста, группа Карлоса начала активные действия по запугиванию французских властей.

С 1982 по 1985 год по миру прокатился целый ряд террористических актов, направленных против различных французских объектов. Взрывы во французских культурных центрах Триполи и Западного Берлина. Во время взрыва на марсельском вокзале Сен-Шарль погибло пятеро человек. Взрыв машины, начиненной взрывчаткой, унес жизнь одного человека и покалечил 63 человека. При взрыве поезда Парижу Тулуза погибло пять человек. Обстрел противотанковыми ракетами атомной электростанции в Крейс-Мальвил. Нападения на французские посольства в Бейруте, Триполи и Вене. С каждым месяцем количество жертв объявленной Карлосом террористической войны росло. Карлос был настолько хитер и изворотлив, что французские спецслужбы не могли, да и не знали, что противопоставить террористической группе Карлоса-Шакала. В конечном итоге после трех лет безуспешной борьбы французские власти были вынуждены в 1985 году вначале освободить жену Карлоса-Шакала Магдалену Копп, а затем, спустя пять месяцев, выпустить на свободу Бриги, еще одного члена его организации, чьего освобождения также добивался Карлос.

Его разыскивали американцы, подозревая в причастности к гибели 200 американских морских пехотинцев в Бейруте, израильяне, французы, англичане и даже шведы, небеспочвенно подозревая его в организации убийства премьер-министра Швеции Улофа Пальме. Фактически на Карлоса охотился весь мир. За годы своей бурной деятельности он нажил себе врагов не только в Западном мире, но и среди арабов. Когда в середине 80-х годов в странах социалистического лагеря начались перестроечные демократические преобразования, Карлос стал весьма обременительным гостем, и ему «посоветовали» найти иное убежище.

4 мая 1985 года, отбыв почти весь тюремный срок, «за примерное поведение» амнистирована и досрочно выпущена на свободу жена Карлоса Магдалена Копп. Сразу, после выхода из тюрьмы она в сопровождении агентов французской ДСТ⁸ немедленно выслана из

⁸ ДСТ — французская секретная служба

Франции и передана в руки западногерманских спецслужб. По прибытии в Западную Германию Магдалена Копп была отправлена в дом своей матери, где ей приказали неотлучно находиться несколько дней. Фактически она находилась под домашним арестом. К середине 80-х годов Магдалена Копп по праву считалась одной из самых опасных женщин не только в Западной Германии, но и во всей Западной Европе. Западногерманские спецслужбы находились в некоторой растерянности, не зная, как лучше с ней поступить. Формально она отбыла весь срок заключения, и западногерманская правоохранительная система не могла выдвинуть против нее новое обвинение. В тот же день поздно вечером в доме Копп раздался телефонный звонок от Карлоса. Согласно его инструкциям, на следующее утро она умудрилась незаметно покинуть дом своей матери и тайно приехать во Франкфурт. Оттуда Магдалена Копп в сопровождении одного из подручных Карлоса перебралась на Ближний Восток и воссоединилась со своим мужем в Дамаске.

Встретив жену в Дамаске, Карлос перебирается в Будапешт, однако венгерские власти через несколько месяцев высылают из своей страны нежелательную семейную пару. Карлосу пришлось вернуться в Дамаск и попытаться найти новое убежище, чтобы сохранить свою семью. По распоряжению Карлоса один из его подручных отправляется в Триполи, чтобы подготовить для Карлоса почву на территории Ливии. Однако ливийский диктатор аль-Каддафи, не желая привлекать к себе внимание, отказался поддержать международного террориста Карлоса-Шакала и предоставить ему политическое убежище. Получив мрачное известие, Карлос и Магдалена Копп отправляются на Кубу, однако и там их ждало разочарование. По прибытии в Гавану, в аэропорту, ему было заявлено, что виза им будет выдана всего на несколько дней.

В конечном итоге Карлосу удалось убедить сирийское руководство предоставить ему вид на жительство и политическое убежище. Однако власти Сирии однозначно дали понять Карлосу, что за гостеприимный прием, оказанный ему и его семье, от Карлоса потребуется несколько весьма недвусмысленных «услуг». Карлос со своей семьей под видом преуспевающего мексиканского бизнесмена обосновался в одном из пригородов Багдада, находясь под охраной сирийских спецслужб. В этом же году Карлос и Магдалена Копп по поддельным сирийским дипломатическим паспортам отправляются в Прагу, чтобы снять с одного из счетов Карлоса большую сумму денег, положенную им «на черный день» в один из местных банков. Однако чешские службы заранее получили информацию о прибытии Карлоса и сорвали его планы, выследив и выслав его из страны.

Спустя год, 17 августа 1987 года, у Карлоса и Магдалены Копп родилась дочь, которую они назвали Эльба Роса.

В Сирии Карлос вел тихую жизнь, посвящая большую часть времени своей семье. По его просьбе в Сирию приехала его мать из Венесуэлы. Несмотря на то, что одним из условий предоставления ему политического убежища было сотрудничество с сирийскими спецслужбами, Карлос очень быстро понял, что его знания и опыт здесь никому не понадобятся. Сирийцы сразу предупредили Карлоса, что ему следует вести крайне тихий образ жизни и начисто позабыть о своем террористическом прошлом. Новые веяния в мировой политике коснулись и Ближнего Востока. В 39 лет Карлос-Шакал, международный террорист № 1, оказался выброшенным на обочину международного терроризма. Но больше всего самолюбие Карлоса страдало от заявлений мировых секретных служб, которые больше не воспринимали его всерьез. Отныне он ни для кого не представлял никакого интереса. Израильский «Моссад» более не считал Карлоса действующим террористом, заслуживающим внимания. Даже извечный враг Карлоса французская ДСТ прекратила охоту, не желая растрачивать на него свои финансовые и людские ресурсы. Последней каплей терпения Карлоса явилось заявление тогдашнего директора ЦРУ Винсента Каннистраро. Его слова буквально привели Карлоса в бешенство:

Большинство террористических актов, произошедших в мире, приписывались Карлосу по причине того, что люди не знали, кто в действительности их совершил... Карлос почти полностью деградировал, большую часть своего времени посвящая пьянству в своем доме в Дамаске.

На Карлоса и до сегодняшнего дня никто не обращал бы внимания, позволив ему тихо доживать под защитой сирийского режима, если бы в мире не произошли некоторые весьма значительные события. Снос печально известной Берлинской стены имел скорее чисто символическое значение, отметив черту начала новых мировых взаимоотношений. Две мировые системы начали взаимное сближение, и такие люди, как Карлос, оказались не только лишними, но и «неудобными», а чаще всего использовались как «мелкая разменная монета», чтобы выказать другой стороне свою добрую волю. Карлосу пришлось смириться с тем, что у него в современном мире не может быть покровителей, и защитников. Он оказался на некоем перепутье эпох: левоанархистский международный терроризм уже сошел на нет, а исламский фундаментализм еще не успел набрать обороты.

Вторым важным событием, оказавшим отрицательное воздействие на дальнейшую судьбу Карлоса, явилась оккупация иракскими войсками в августе 1990 года соседнего Кувейта. Сразу после вторжения иракских войск на территорию суверенного Кувейта все внимание западных спецслужб было сосредоточено вокруг войны в Персидском заливе. Западные спецслужбы получили неопровержимые доказательства из нескольких не пересекающихся между собой и заслуживающих доверия источников того, что иракский диктатор Саддам Хусейн, реально оценивая свое безнадежное положение пред лицом международной антииракской коалиции, решил организовать альтернативную террористическую войну против западных стран и прежде всего против Соединенных Штатов. С этой целью он обратился к «вышедшему на пенсию» Карлосу-Шакалу. За организацию крупномасштабных террористических акций Карлосу было предложено 50 миллионов долларов. Несмотря на то что соглашение между Карлосом и Саддамом Хусейном так и не нашло своего продолжения в виде новой волны террористических актов, ведущие мировые спецслужбы отправили своих агентов на поиски Карлоса, наконец-то поняв, что такие люди, как Карлос, представляют собой мину замедленного действия.

Сирия также присоединилась к международной антииракской коалиции, вследствие чего Хафез аль-Ассад решил продемонстрировать свою лояльность западным странам приняв неожиданное решение передать Карлоса-Шакала в руки западных спецслужб. Аль-Ассад отдал распоряжение своим секретным службам оказывать всяческое содействие агентам ЦРУ, французской ДСТ и британской «Ми-6». Однако, несмотря на открытые заверения в сотрудничестве, сирийские власти вовсе не были заинтересованы в том, чтобы Карлоса задержали на их территории. Аль-Ассад хотел выслать Карлоса с семьей, чтобы захват произошел за пределами Сирии.

Удобный случай предоставил сам Карлос. К началу 1991 года его финансовое состояние находилось в весьма плачевном состоянии, и он решил предпринять очередную попытку получить деньги с чешских депозитов, во второй раз вылетев в Прагу. Сирийцы заранее предупредили ЦРУ о возможной поездке Карлоса в Чехословакию, однако американское законодательство запрещало агентам ЦРУ проводить захваты террористов на территориях других государств, не имея неопровержимых доказательств того, что тот или иной террорист совершил преступление против США или их граждан. Тем не менее эту важнейшую информацию ЦРУ передали ДСТ, однако, как это ни странно, французская спецслужба весьма прохладно прореагировала на выезд Карлоса в Прагу и не предприняла ничего, чтобы арестовать своего давнего врага. По всей видимости, у ДСТ в то время были более насущные задачи, чем заниматься отставным террористом.

В результате несогласованности различных спецслужб Карлос в сентябре 1991 года беспрепятственно выехал за пределы Сирии и направился в Ливию, имея на руках дипломатический паспорт. Вместе с Магдаленой Копп, их пятилетней дочерью, матерью Карлоса и некой Джоанной Вайнрих Карлос прибыл в Триполи, заявил прямо в аэропорту, что он и его семья преследуются сирийскими властями, попросив ливийского политического убежища. Им было позволено на несколько дней задержаться в Ливии, но политического убежища Карлосу добиться от ливийских властей так и не удалось. Спустя несколько дней Карлос с семьей был вынужден вновь вернуться в Дамаск.

Сирийские власти были буквально взбешены возвращением Карлоса и в самой резкой форме потребовали от последнего выехать в Ливан, что вовсе не входило в планы Карлоса. Вместо этого он отправил Магдалену Копп с их пятилетней дочерью в сопровождении Джо-

анны Вайнрих в Йемен. Однако и йеменские власти отказали им в виде на жительство и обратным рейсом вернули их в Сирию.

С каждым днем положение Карлоса ухудшалось. Спустя месяц после неудачной попытки осесть в Йемене Карлос предпринимает отчаянный шаг – нелегальный переход границы. Уже открыто преследуемый сирийцами, Карлос тайно переходит иордано-сирийскую границу. Его побег из Сирии оказался совершенной неожиданностью для всех и остался незамеченным как сирийскими и иорданскими секретными службами, так и французской ДСТ.

Долгое время Карлосу удавалось сохранять свое инкогнито, живя в Аммане, в самом центре иорданской столицы. Тем не менее спустя короткий срок после прибытия Карлоса в Амман иорданским властям стало известно о его нелегальном нахождении в их стране. Несмотря на это официальные власти не депортировали Карлоса из страны и позволили ему задержаться на несколько месяцев. В этот период в личной жизни Карлоса происходят существенные изменения. Он решает разорвать свои отношения с Магдаленой Копп ради 23-летней иорданской красавицы палестинского происхождения Абдель Салам Адхман Джарар Лана. Стоит отметить, что между супругами почти всегда царило полное взаимопонимание, и на этот раз расставание Карлоса с Магдаленой Копп было мирным, чуть ли не по взаимному согласию. Вполне вероятно, что для Магдалены Копп жизнь с Карлосом стала слишком обременительной, и она только ждала случая, чтобы разорвать с ним отношения. Магдалена Копп с дочерью и матерью Карлоса покинули Иорданию и переехали жить в Венесуэлу. Магдалена Копп и до сих пор вместе с дочерью проживает в доме матери Карлоса в Каракасе. В свою очередь, Карлос незамедлительно женился на иорданке. Так как официально Карлос уже был женат на Копп, свадьба Карлоса состоялась по мусульманскому обряду, который позволяет мужчинам иметь несколько жен.

В течение последующих лет Карлос не оставлял безуспешные попытки найти ту страну, которая предоставила бы ему политическое убежище. Он в очередной раз получает отказы из Ливии, Сирии, Ирана и других стран. Как загнанный зверь метался из одной страны в другую, пока его не приютил у себя известный лидер суданского исламского фундаментализма шейх Хассан аль-Тураби. В качестве личного гостя всемогущего шейха аль-Тураби Карлос со своей иорданской женой перебирается в столицу Судана Хартум. Пользуясь неограниченной поддержкой шейха аль-Тураби, Карлос ведет вольготную жизнь безумного миллионера, прожигающего деньги и жизнь. Он очень много времени проводит в ночных клубах Хартума, о его диких вечеринках, которые он нередко устраивал на своей вилле, начинают ползти завистливые слухи по всей суданской столице. Поистине Карлос-Шакал в Судане вел жизнь средневекового мусульманского правителя, не догадываясь о том, что им в очередной раз заинтересовались спецслужбы Франции, Англии и США.

На несколько лет Карлос пропал из виду, словно никогда не существовало такого человека. Однако спецслужбы не прекращали вести за ним охоту, отслеживая его старые контакты с различными тоталитарными режимами и террористическими организациями.

Трудно поверить, но Карлос был очень чутким и заботливым отцом, поэтому он крайне болезненно переживал разлуку с дочерью. Французские и британские спецслужбы вели постоянное наблюдение за бывшей женой Карлоса, однако на протяжении нескольких лет Карлос так и не попытался связаться с дочерью. Как всегда, Карлос не изменял своим принципам, личная безопасность для него была превыше всего.

Была еще одна зацепка. Долгие годы Карлос болел тяжелой формой простатита, который доставлял ему невероятные страдания. Последнее время он фактически не мог обходиться без сильнодействующих обезболивающих препаратов. Все прекрасно понимали, что рано или поздно Карлосу придется перенести хирургическую операцию. Однако, не зная точного местонахождения Карлоса, все эти зацепки не имели равным счетом никакого значения. Даже если Карлос-Шакал решится на хирургическую операцию в одной из стационарных клиник, на это просто никто не обратит внимания.

Выследить Карлоса помог случай. Аналитики ЦРУ, пропуская огромное количество второстепенной, побочной информации, относящейся к Судану, обратили внимание на неоднократное упоминание о некоем латиноамериканце, чьи бурные вечеринки любили посещать некоторые правительственные чиновники и другие интересующие ЦРУ лица. После более детальной проверки агенты ЦРУ не только подтвердили, что в донесениях речь шла о

международном террористе Карлосе-Шакале, но и смогли определить его точное местонахождение. Так как по большому счету американцам нечего было делать с этой информацией, они решили извлечь из нее простую выгоду, поделившись ею со своими французскими коллегами.

Французы незамедлительно обратились к суданским властям с просьбой об экстрадиции во Францию Ильича Рамиреса Санчеса, известного международного террориста Карлоса-Шакала. Как и следовало ожидать, суданские власти ответили, что им ничего не известно о нахождении в их стране Карлоса-Шакала, дав понять, что они не заинтересованы в сотрудничестве с представителями Франции. Не добившись от суданских властей взаимопонимания, французская ДСТ отправила в Судан своего агента Филиппа Рондота офицера спецслужб, в последние годы занимавшегося поисками Карлоса в Северной Африке и Латинской Америки в частности в Алжире и Колумбии. Перед ним была поставлена задача: подтвердить или опровергнуть полученную от американцев информацию и определить, по возможности сфотографировать суданское убежище Карлоса. Прибыв Хартум, Рондот решил действовать самостоятельно, не посвящая в свои планы местные спецслужбы. Используя свой колоссальный опыт полулегальной работы, ему вскоре без труда удалось найти виллу, на которой проживал Карлос-Шакал со своей иорданской женой, и, более того, запечатлеть на скрытую видеокамеру самого Карлоса.

Таким образом получив в свои руки неопровержимые доказательства того, что Карлос находится в Судане, Французские власти приступили к более решительным действиям. Израильские или советские, теперь уже российские спецслужбы просто выкрали бы Карлоса из-под носа у суданцев, но французы не могли себе этого позволить в силу многих объективных причин. Французское правительство понимало, что, для того чтобы достать Карлоса из его суданского убежища, необходимо убедить суданские власти выдать его добровольно.

Когда суданские власти получили неопровержимые доказательства того, что Карлос находится в Судане, они были вынуждены признать, что он является гостем их страны однако наотрез отказались выдать его французской или какой-либо иной стороне. Начались долгие и утомительные переговоры. Взамен Карлоса французские спецслужбы предложили передать суданской стороне спутниковые снимки позиций их противников, поставить самые современные средства электронной связи. В свою очередь, к переговорам подключились и представители ЦРУ, заинтересованные в нейтрализации Карлоса руками французских спецслужб. Тем не менее переговоры по экстрадиции Карлоса-Шакала зашли в тупик. Тогда министр внутренних дел Франции Шарль Паскуа лично пригласил несговорчивого шейха Хассана аль-Тураби посетить Париж. Во Франции суданского министра шейха Хассана аль-Тураби приняли по высшему разряду, оказав ему самые высокие почести, тем не менее уже во время первого раунда переговоров тот недвусмысленно заявил, что выдача Карлоса, который является гостем страны, равносильна предательству. Во время второго раунда переговоров Паскуа, пытаясь задобрить несговорчивого министра, пообещал шейху аль-Тураби содействие в получении поддержки Международного валютного фонда и Всемирного банка по обеспечению суданских займов.⁹

Параллельно на суданские власти все больше стран стало оказывать давление, пытаясь добиться экстрадиции Карлоса-Шакала. Фактически в сложившейся ситуации суданские власти были поставлены в крайне сложную ситуацию. Оставить Карлоса у себя значило стать страной, дающей прибежище террористам.

В довершение всего французская сторона предоставила министру шейху Хассану аль-Тураби скрытую съемку ночной вечеринки Карлоса. Как истинного мусульманина, увиденное настолько потрясло и оскорбило шейха аль-Тураби, что он наконец-то дал свое согласие на выдачу Карлоса французской стороне. Единственное, что мог сделать для Карлоса его бывший покровитель, это попросить французские спецслужбы, чтобы к Карлосу не приме-

⁹ В данном случае стоит рассматривать обещания министра внутренних дел Франции как вынужденный блеф, который должен был создать благоприятный фон для дальнейшего развития переговорного процесса. Шарль Паскуа не имел ни полномочий французского правительства на подобные обещания, ни какого-либо реального влияния на такие финансовые институты, как МВФ и Всемирный банк.

нялись жесткие меры во время ареста. Вернувшись в Хартум, шейх аль-Тураби разгневанно заявил: «Мы предоставили ему кров и убежище, считая его борцом за святыи цели, но сейчас это уже не тот человек, не тот Карлос, которого мы пригласили... Его поведение бесстыдно и оскорбляет чувства правоверных мусульман... Он пьет алкоголь и проводит с женщинами столько времени, что я начинаю сомневаться в том, что он мусульманин. Его присутствие в нашей стране не желательно, и его поведение снимает с нас любую ответственность за его дальнейшую судьбу...»

Карлос страшно переживал и мучился из-за разлуки со своей дочерью, оставшейся с Магдаленой Копп. Он и его молодая иорданская жена неоднократно пытались завести детей, однако все их попытки оставались безуспешными. Из-за многолетнего хронического простатита у Карлоса возникли серьезные проблемы, которые не позволяли ему иметь детей. 13 августа Карлос был госпитализирован в хартумскую больницу «Ибн Холдун» для проведения хирургической операции, которая должна была скорректировать слабое семяизвержение. Суданские спецслужбы решили воспользоваться беспомощным состоянием Карлоса и арестовать его для последующей выдачи его французской стороне. Хирургическая операция прошла удачно, однако Карлос перенес её очень тяжело и был вынужден еще несколько дней провести в больничной палате, находясь под охраной своих телохранителей.

Через несколько дней после проведения операции в больничную палату Карлоса вошел высокопоставленный офицер суданской полиции и заявил больному, что департамент суданской полиции раскрыл план покушения на Карлоса и по личному распоряжению шейха аль-Тураби ему настоятельно рекомендуется покинуть больницу и немедленно переехать в военный госпиталь, где он мог бы чувствовать себя в гораздо большей безопасности. Карлос согласился, и под охраной вооруженного эскорта он и его жена покинули больницу «Ибн Холдун». Однако вместо военного госпиталя супружеская пара была доставлена на одну из квартир суданских спецслужб. Все вопросы и возражения Карлоса отменялись мгновенно, аргументируясь его же личной безопасностью. Карлос прекрасно осознавал свое плачевное положение, вызванное прежде всего его жалким состоянием здоровья, однако у него на этом этапе даже не возникало сомнений относительно предательства шейха аль-Тураби.

В тот же день Карлос и его жена были перевезены на одну из вилл в окрестностях Хартума, Тайф, прямо по соседству с домом шейха аль-Тураби. Этот факт окончательно успокоил Карлоса. Тем не менее привыкший жить в необычайной роскоши Карлос был весьма разочарован плачевным состоянием нового жилища. Он ни в какую не соглашался оставаться в таких жилищных условиях и потребовал немедленного возвращения в свой дом. Суданские спецслужбы ответили Карлосу решительным отказом и уговорили его задержаться на вилле, пока ему и его жене не подыщут более сносное убежище. Согласившись остаться на несколько дней, Карлос упрямил своих охранников отпустить жену в их старый дом, чтобы забрать оттуда самые необходимые вещи. Когда жена не вернулась в 22.00, Карлос отправился спать, решив, что задержка связана с повышенными мерами предосторожности.

Примерно в 2.00 ночи Карлос был разбужен бесцеремонно ворвавшейся в его дом группой людей, которые стали связывать его, сонного, по рукам и ногам. Ослабленный недавней хирургической операцией, Карлос попытался оказать сопротивление, но ему сразу накинудли на голову темный мешок, вколдов в вену сильнодействующий транквилизатор, погрузили на носилки и, втолкнув обмякшее тело в ожидавший микроавтобус, увезли в неизвестном направлении. Бессознательное тело Карлоса-Шакала немедленно доставили в хартумский аэропорт, где его уже ожидал реактивный самолет с агентами ДСТ на борту. Его поместили в огромный мешок и запеленали так, что только одна голова Карлоса выглядывала наружу. В таком положении Карлос провел почти шесть часов, пока самолет не приземлился на взлетно-посадочной полосе военного аэродрома Виллакоублей. Здесь Карлоса-Шакала прямо из самолета передали в руки другой группы ДСТ, которая немедленно доставила его в парижскую штаб-квартиру этой службы.

Агенты ДСТ первым делом провели дактилоскопическую экспертизу, чтобы убедиться, что перед ними находится именно тот человек, за которым они охотились долгие годы. Они сравнили отпечатки пальцев Карлоса, оставленные им на письме с требованием выкупа, которое было послано Гастону Деффе, а также с отпечатками пальцев на стакане, который был оставлен на Руи Тулье. Убедившись, что перед ними Ильич Рамирес Санчес, известный

как между народный террорист Карлос-Шакал, судья Жан-Луи Бругейра выписал ордер на его арест за убийство двух агентов ДСТ. Судья Бругейра воспользовался лишь одним эпизодом, желая избежать излишних проволочек, связанных с долгой процедурой обращения в Интерпол за ордером по экстрадиции Карлоса. После окончания всех формальностей Карлос под усиленной охраной был доставлен в самую охраняемую тюрьму Франции «Ла Сенте», где он по сей день отбывает пожизненное заключение в одиночной камере.

Али Хасан Саламе (Красный Принц)

Али Хасан Саламе (оперативная кличка Абу Хасан) по прозвищу Красный Принц – «мозговой центр» террористической организации «Черный сентябрь». Родной племянник Арафата, он стал самым приближенным к нему лицом. Лидер ООП, не имевший своих детей, нередко в присутствии окружающих называл Саламе не иначе, как «сын».

Саламе родился в 1939 году в Восточном Иерусалиме. Его отец, Хасан Саламе, был главарем известной палестинской банды, действовавшей в середине 40-х годов в районе южных пригородов Тель-Авива, и погиб в 1948 году во время очередного налета.

После первой арабо-израильской войны 1948 года семья Саламе была вынуждена покинуть Иерусалим и искать убежище на территории Сектора Газа, а затем и в других арабских странах Ближнего Востока. Али Хасан Саламе получил прекрасное образование в Сорбонне и в середине 60-х годов одним из первых присоединился к террористической организации ФАТХ. Пользуясь близкими родственными связями с Арафатом, Саламе сделал головокружительную карьеру в ФАТХ и ООП. После окончания Шестидневной войны 1967 года он возглавил одну из разведывательных структур ФАТХ, действовавших на территории Западного берега реки Иордан. Он же отвечал за финансовые потоки, поступающие в ФАТХ из арабских стран, и их дальнейший перевод на секретные счета в европейские банки. Благодаря этому Саламе очень быстро превратился в одного из самых богатых функционеров ФАТХ.

После окончания войны Судного дня 1973 года Саламе был назначен Арафатом на пост руководителя «Отряда» и главы службы внутренней безопасности ФАТХ. Он непосредственно отвечал за охрану первых лиц ООП и возглавлял личную охрану Арафата. Существуют также неопровержимые данные о том, что Саламе долгие годы являлся двойным агентом ЦРУ, чем-то вроде подпольного канала связи между Белым домом и Арафатом.

Саламе любил красивую жизнь, шикарные автомобили и красивых женщин. У него были две жены и два дома в Бейруте. Его вторая жена, ливанка Джорджия Ризак, получила в свое время титул Мисс Вселенная. В перерывах между «работой» он прожигал жизнь в бейрутских ночных клубах, где проводил время с многочисленными любовницами.

После трагических событий сентября 1970 года Саламе стал одним из инициаторов создания боевого крыла ФАТХ получившего название «Айлул эль-Асвуад» («Черный сентябрь»). Именно Саламе планировал и разрабатывал почти все террористические операции «Черного сентября».

Первые террористические акции «Черного сентября» были направлены в первую очередь против иорданских дипломатов и политической элиты. Впервые «Черный сентябрь» громко заявил о себе 28 ноября 1971 года, когда боевики организации совершили удачное покушение на жизнь иорданского премьер-министра Васфи ат-Талы.

Спустя, чуть более двух недель, 15 декабря 1971 года мишенью «Черного сентября» стал посол Иордании в Великобритании Заид аль-Рифаи. Его машина была обстреляна с близкого расстояния двумя палестинцами. К счастью, Заид аль-Рифаи остался в живых, получив лишь легкое ранение.

8 мая 1972 года воздушные пираты из «Черного сентября» захватили бельгийский авиалайнер компании «Сабена» Благодаря действиям израильского спецназа, боевиков удалось быстро обезвредить, избежав жертв среди заложников.

Однако наибольшую известность «Черный сентябрь» получил в результате кровавой

бойни, учиненной во время XX Летней Олимпиады в Мюнхене. День 5 сентября 1972 года можно считать кульминацией террористической деятельности «Черного сентября». Мюнхенская трагедия явилась плодом «коллективного творчества» нескольких террористических организаций. При подготовке операции Саламе использовал инфраструктуру европейского терроризма, в частности помощь западногерманской левоанархистской террористической организации РАФ.

Зная, что в Олимпийских играх примет участие команда Израиля, Саламе приступил к тщательной разработке плана захвата израильских спортсменов. В середине лета 1972 года двое палестинцев через Болгарию, Югославию и Венгрию тайно провезли оружие, предназначавшееся боевикам «Черного сентября». В машинах с двойным дном они доставили в Мюнхен восемь автоматов Калашникова, несколько пистолетов и большое количество осколочных гранат. В конце августа в Мюнхен из Италии и Болгарии прибыли две группы боевиков «Черного сентября», по четыре человека в каждой. Одной из групп командовал террорист, известный под кличкой Исса, второй группой руководил его заместитель по кличке Тони. Подлинные имена террористов оставались неизвестными, в Западную Германию они прибыли по фальшивым паспортам. Целью террористов было пробраться на территорию Олимпийской деревни и захватить олимпийскую сборную Израиля.

Для начала террористы установили круглосуточное слежение за Олимпийской деревней. Под пристальное наблюдение были взяты не только подходы к деревне и система ее охраны, но и работа городского общественного транспорта и деятельность местной (баварской) полиции. Очень скоро террористы обладали исчерпывающей информацией о жизни Олимпийской деревни и прилегающих территорий. Израильская сборная разместилась в трехэтажном корпусе, вход в который находился в восточной, плохо освещенной части деревни. Здание опоясывала двухметровая ограда, преодолеть которую террористы могли быстро и без труда.

Изучив полученную информацию, Али Хасан Саламе отдал приказ о начале операции. Захват израильской сборной было решено провести в ночь с 4 на 5 сентября. В 3.20 утра недалеко от Конноли-штрассе остановился микроавтобус, из которого быстро выскочили восемь человек с большими сумками и спортивными рюкзаками за плечами. Перебравшись через металлическую сетку, террористы обогнули здание и вбежали в первый подъезд. Примерно в 3.40 террористы ворвались в комнату, застав врасплах спящих израильтян. Дав автоматную очередь террористы заставили спортсменов лечь на пол лицом вниз, чтобы сделать невозможным какое-либо сопротивление. То же произошло и в другом конце корпуса. Исса предупредил израильтян, что их будут расстреливать при малейшем неповиновении.

Трагедия разворачивалась на глазах потрясенных западногерманских полицейских, те оказались совершенно не готовы к развитию чрезвычайной ситуации и явно не представляли, что следует предпринять. Только к 6 утра корпус № 31 на Конноли-штрассе был взят в кольцо полицейского оцепления. Израильское правительство обратилось с официальной просьбой к западногерманской стороне предоставить возможность израильским командос принять участие в операции по освобождению заложников. В случае согласия «Сайрет Маткаль»¹⁰ был готов спустя шесть часов прибыть в Мюнхен. В начале восьмого утра с террористами попытались вступить в переговоры появившиеся у Олимпийской деревни известные общественные деятели ФРГ, представители международных организаций и члены западногерманского правительства.

Первым требованием террористов было немедленное освобождение 234 палестинских террористов, находящихся в израильских тюрьмах, 16 террористов, отбывающих длительные сроки в тюрьмах Западной Европы, а также основателей и лидеров западногерманской террористической организации РАФ, известной также как «Банда Баадер – Майнхоф», Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф. Для того чтобы ни у кого не возникло сомнений относительно серьезности их намерений, террористы выбросили из окна второго этажа изуродованное мертвое тело одного из израильских спортсменов. Баварская полиция и на этот раз не стала предпринимать никаких активных действий, чтобы попытаться освободить заложни-

¹⁰ Диверсионно-разведывательное спецподразделение Генерального штаба Армии Обороны Израиля.

ков.

Уже в первые часы после того, как пришло известие о захвате израильтян, по распоряжению премьер-министра Израиля Голды Меир в Мюнхен немедленно вылетел тогдашний глава «Моссада» Цви Замир. Он должен был лично возглавить операцию по освобождению спортсменов. Прибыв в Мюнхен, Цви Замир связался с министром внутренних дел ФРГ доктором Гансом-Дитрихом Геншером, в чьем ведомстве находилась полиция и жандармерия, и потребовал от западногерманских властей предоставить израильтянам возможность принять участие в спасении заложников. К сожалению, все израильские предложения были вежливо отклонены. Глава «Моссада» был вынужден наблюдать со стороны за бездарными действиями местных правоохранительных органов.

Со стороны западногерманского правительства переговоры с террористами вел министр внутренних дел Ганс-Дитрих Геншер. К 20.00 террористы согласились принять еду для заложников, и германские власти, несмотря на протест израильской стороны, пришли к промежуточному соглашению с террористами. В соответствии с договоренностью, боевикам «Черного сентября» должен быть предоставлен транспорт для доставки на военный аэродром Фюрстенфенбрук и самолет для последующего вылета вместе с заложниками в Ливию или другую арабскую страну. На протяжении всего дня Саламе почти каждый час по телефону информировал Арафата о развитии событий. Все это доказывало причастность Ясира Арафата к деятельности «Черного сентября». Требование террористов предусматривало их разделение вместе с заложниками на группы. Это оберегало их от неожиданного нападения западногерманских десантников.

В 21.50 к дому подъехал автобус с зашторенными окнами. Выбежавший из здания террорист убедился, что в автобусе кроме водителя никого нет. Затем стали попарно выводить заложников. Террористов оказалось восемь, а не пятеро, как предполагалось ранее. В 22.00 автобус, сопровождаемый немецкими десантниками, вооруженными полицейскими, каретами «скорой помощи» и несколькими пожарными машинами, остановился на поляне Олимпийской деревни возле трех вертолетов с включенными двигателями. В первый вертолет сели двое террористов и четверо израильских заложников, во второй – еще шестеро террористов и пятеро израильтян, в третий – западногерманские участники переговоров, включая доктора Геншера и его помощника, подполковника Ульриха Вегенера. Спустя час полета вертолеты в 23.08 приземлились на военном аэродроме в 150 метрах от ожидавшего их «Боинга-707».

Террористы еще некоторое время находились в вертолетах, не решаясь выйти. Они опасались ловушки. Такая ловушка действительно была подготовлена. Ульрих Вегенер и доктор Геншер поднялись в диспетчерскую башню аэродрома и взяли на себя руководство операцией. План состоял в том, чтобы одним залпом снайперов убить сразу всех террористов. Однако заранее занявшие позиции снайперы располагали лишь предварительными данными о своих целях. Точное число их (не пять, а восемь) стало известно лишь час назад. Не были внесены коррективы в первоначальный план или изменены позиции стрелков. Очевидно, что одновременно поразить восемь человек было трудновыполнимой и крайне рискованной задачей. Каждая из снайперских групп должна была действовать автономно, не зная общей задачи и картины происходящего, а бойцы группы, засевшей в самолете, вовсе посчитали, что задача невыполнима, и оказались не готовы к ее выполнению.

Пятеро террористов по одному, осматриваясь по сторонам, осторожно спустились из вертолетов. В этот момент снайперы открыли огонь. После первого залпа неожиданно погас свет. Когда прожектора вновь вспыхнули, оказалось, что погибли только двое террористов. Вновь погас свет. Началась беспорядочная стрельба. Плохо обученные западногерманские стрелки, заняв неудачную позицию, попали на линию обстрела друг друга. Как выяснилось позже, у снайперов не было приборов ночного видения, оружие не было пристреляно. Это определило результат: трое террористов уцелели после первого залпа.¹¹ Они-то и открыли беспорядочный огонь. Один длинной очередью расстрелял четырех заложников, скованных

---

¹¹ Возможно, несколько заложников погибли от пуль снайперов. До сегодняшнего дня не опубликованы официальные результаты судебно-медицинской экспертизы.

друг с другом наручниками. Другой метнул гранату в вертолет, где находились остальные заложники. Вертолет вспыхнул и за несколько минут полностью сгорел – баки вертолетов до отказа были заполнены горючим.

Итоги бездарно спланированной и проведенной операции оказались таковы: погибли одиннадцать израильских спортсменов (двое – при захвате здания, девять – при неудачной попытке освобождения) и двое граждан ФРГ – полицейский и пилот одного из вертолетов. Несколько снайперов получили ранения. Были убиты пятеро террористов, трое взяты в плен.

На мюнхенскую трагедию последовала незамедлительная реакция руководства Израиля – при кабинете главы правительства была введена новая должность: пост советника премьер-министра по борьбе с терроризмом. Первым этот пост занял бывший начальник военной разведки «Аман» генерал-майор Арон Ярив. Премьер-министр Голда Меир лично пригласила Арона Ярива, в 1972 году находившегося на пенсии, вернуться на службу в свой аппарат. «Мы обязаны отомстить за пролитую кровь наших спортсменов, заставить главарей и исполнителей террористических актов опасаться за свою собственную судьбу. Они должны жить в постоянном страхе, бесконечно менять свои дома и тратить все силы на собственную безопасность. Так у них не останется времени на планирование террористических актов против государства Израиль», – утверждал Арон Ярив. Именно такой подход лег в основу дальнейшей антитеррористической доктрины Израиля.

Тогда же был образован сверхсекретный «Комитет-Х»¹² созданный специально для уничтожения виновников мюнхенской трагедии. Операция получила кодовое название «Вешние воды». Во главе этого органа, действовавшего по типу военно-полевого трибунала, встал Арон Ярив. Первоначально о его существовании знали только члены «Митбахона»¹³ – узкого круга правительства, выполнявших функций Совета Национальной безопасности. «Комитет-Х» находился в прямом подчинении премьер-министру. Основной состав «Комитета-Х» состоял из оперативников израильской внешней разведки «Моссад», военной разведки «Аман», а также службы безопасности Израиля ШАБАК. По распоряжению «Митбахона» «Комитет-Х» составил «черный список» смертников, который первоначально включал в себя от 11 до 16 террористов – так называемую программу-минимум. Первым в списке приговоренных к смерти стояло имя племянника Арафата Али Хасана Саламе. Программа максимум заключалась в полном уничтожении членов «черного сентября» и организации в целом. Этим «Комитет-Х» вносил существенное изменение в антитеррористическую доктрину Израиля. Если ранее Израиль наносил удары по арабским режимам, поддерживающим палестинский терроризм, то сейчас было принято решение добраться до самих террористов, начав с непосредственных виновников мюнхенской бойни.

Объявление войны «Черному сентябрю» быстро принесло результаты: в течение года был уничтожен ряд видных функционеров, организация разгромлена. Однако все попытки выйти на ее руководителя Саламе неизменно терпели неудачу. Первая попытка его уничтожения закончилась провалом и стала одним из самых крупных скандалов, связанных с нелегальной деятельностью «Моссада».

В июле 1973 года «Моссад» поступила информация, что в маленьком Норвежском городе Лиллехаммер, в 180 километрах от столицы Норвегии, якобы обнаружен след Саламе. Израильцы выслали в Лиллехаммер специальную группу, которая подтвердила находящемуся в Париже руководителю операции Майку Харари, что личность обнаруженного человека и руководителя палестинской террористической организации «Черный сентябрь» совпадают. Данные базировались на внешнем сходстве, более исчерпывающих сведений собрано не было.

Майк Харари сам решил возглавить ликвидацию Али Хасана Саламе. В середине июля он в составе группы возмездия прилетел в норвежский городок и остановился под чужим именем в одной из местных гостиниц. Возможно (точной информации на этот счет по по-

¹² «Икс» в названии комитета имеет совершенно иное значение общепринятого «неизвестный». На спецназовском сленге взять «Икс», или в «Крест», — означает взять врага в прорезь снайперской винтовки.

¹³ «Митбахон» — маленькая кухня (*ивр*). Вопросы, входящие, в компетенцию узкого круга правительства, обычно обсуждались дома на кухне у Голды Меир, отсюда название, которое осталось и в наши дни.

нятным причинам нет), руководитель «Моссада» Цви Замир также прибыл в Лиллехаммер в составе «израильской делегации». Уничтожение Али Хасана Саламе было вопросом национальной гордости израильтян.

Группа наружного наблюдения «села на хвост» Саламе, выяснив его распорядок дня, изучив маршруты передвижения и круг общения. Единственное, что смущало, это простота осуществления операции. Саламе был достойным противником. Умный, психологически устойчивый, прекрасный конспиратор, ему неоднократно удавалось уходить из расставленных «Моссадом» ловушек. Майка Харари не покидали сомнения. Но тянуть дальше было нельзя, Саламе и на этот раз мог ускользнуть безнаказанно. И Харари отдал приказ на ликвидацию.

Вечером 21 июля 1973 года похожий на Саламе мужчина в сопровождении блондинки вышел из кинотеатра. Они дождались рейсового автобуса и отправились в сторону окраины города. На остановке Форобакен они вышли и не спеша двинулись по полутемной улице. Было 22.35. Двое агентов «Моссада» вышли им навстречу, в упор расстреляли мужчину и на подъехавшей машине скрылись с места преступления. В эту же ночь киллеры вместе с Майком Харари покинули Лиллехаммер и Норвегию. Остальные члены команды, входившие в группы прикрытия и наружного наблюдения, укрылись на заранее подготовленных конспиративных квартирах.

На следующее утро из норвежских газет стало известно, что группа совершила трагическую ошибку, убив ни в чем не повинного человека. Жертвой «Моссада» оказался обычный официант, эмигрант из Марокко Ахмад Бучики, женатый на норвежке и уже четвертый год проживающий в Норвегии. Вся вина его состояла лишь в том, что он как две капли воды был похож на Саламе. Убийство Бучики произошло на глазах его жены, находившейся на последнем месяце беременности.

В ночь покушения члены группы превысили скорость, и норвежский полицейский записал номерной знак машины: Норвежцы обнаружили машину, а вместе с ней задержали израильских агентов в аэропорту Осло. Еще двое членов группы были арестованы на следующий день, когда шли сдавать взятые напрокат автомобили. Ими оказались агенты наружного наблюдения Мериан Гладникофф и Дан Эрбел. На допросе они признались, что работают на израильскую разведку. Норвежская полиция тут же провела серию арестов, в результате которых были задержаны еще четверо агентов «Моссада».

Разгорелся международный скандал. «Моссад» обвинили в международном терроризме. Израиль официально отверг свою причастность к инциденту, но представленные норвежской стороной улики однозначно доказывали обратное.¹⁴ След, взятый в провинциальном Лиллехаммере, помог раскрыть таинственные убийства палестинских лидеров, совершенные на территории стран Западной Европы. В Париже французская контрразведка вышла на несколько тщательно законспирированных квартир «Моссада». Майка Харари пришлось срочно отозвать в Иерусалим.

После провала в Лиллехаммере группа Майка Харари и «Комитет-Х» были распущены. В Израиле была создана специальная комиссия для тщательного расследования происшествия и выработки рекомендаций. Но работа комиссии так и не была доведена до конца, осенью 1973 года разразилась очередная арабо-израильская война (война Судного дня).

Тайное противостояние между палестинскими террористами и «Комитетом-Х» продолжалось чуть менее года. Террористическая организация «Черный сентябрь» практически была уничтожена. Уцелевшие террористы были деморализованы, инфраструктура организации в значительной степени подорвана, общение с «сентябрем» стало крайне опасным. Но главный организатор мюнхенского преступления Саламе пока ускользал от возмездия. В первые же дни после вступления в должность премьера Бегин вызвал к себе главу «Моссада» и потребовал уничтожить Саламе. Это был не только акт возмездия, террорист продолжал представлять, большую опасность для страны.

¹⁴ В 1996 году Израиль впервые признал свою причастность к гибели Ахмада Бучики, принеся его жене официальные извинения. Жене Бучики и его сыну регулярно переводились деньги, кроме того, им была выплачена дополнительная разовая компенсация в размере 400 000 долларов.

Сам Саламе прекрасно понимал, что израильтяне не простят ему мюнхенской трагедии и других жертв террора. Он был предельно осторожен, постоянно переезжал, менял маршруты передвижения, машины и даже охрану – водителей и телохранителей. На несколько лет «Моссад» потерял Саламе из виду. Израильтяне даже точно не знали, как он теперь выглядит. Но наконец в 1974 году Саламе «засветился» в свите Арафата, когда лидер ООП был приглашен на официальное заседание ООН. Как выяснилось позже, все это время Саламе скрывался в Бейруте, фактически под опекой ЦРУ.

Итак, спустя пять лет после провала в Лиллехаммере «Моссаду» удалось отыскать террориста. К 1978 году Саламе несколько успокоился и утратил бдительность. Он уменьшил охрану и примерно соблюдал распорядок дня, что облегчило «Моссаду» наблюдение и разработку операции. Саламе по-прежнему много времени проводил в ночных клубах. Агенты «Моссады» изучили все маршруты его передвижений, систему охраны, адреса квартир – его собственных и любовниц.

Стало известно, что ежедневно примерно в полдень Али Хасан Саламе на белом «шевроле» в сопровождении пятерых телохранителей одним и тем же путем приезжает в свой офис в бейрутском отделении штаба ООП. В ноябре 1978 года в Бейрут прибыла молодая женщина, говорившая на арабском языке с заметным английским акцентом. Она сняла скромную квартиру на последнем этаже дома, расположенного по маршруту следования Саламе. Женщина увлекалась рисованием и целый день проводила на балконе, наслаждаясь бейрутскими пейзажами. Так, не привлекая внимания она наблюдала за улицей.

В полдень 22 января 1979 года, когда белый «шевроле» поравнялся с припаркованным у края дороги «фольксвагеном», сотрудница «Моссады» при помощи пульта дистанционного управления привела в действие спрятанный в автомобиле 50-килограммовый заряд взрывчатки. Потом она собрала вещи и покинула квартиру. Али Хасан Саламе был смертельно ранен в голову и скончался на месте. В общей сложности погибло 19 человек, многие из них оказались случайными прохожими.

Убийством Али Хасана Саламе израильтяне покончили с «Черным сентябрем» – преступной организацией, за которой только с 1971 по 1973 год числилось 55 террористических актов.

Возмездие виновникам мюнхенской трагедии заняло 7 лет

Джордж Хабаш и Вади Хаддад

Джордж Хабаш, основатель и первый руководитель палестинской террористической организации Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), более известный в арабо-палестинской среде под именем Аль-Хаким, родился в августе 1925 года в городе Лод, в греко-православной палестинской семье. Его отец принадлежал к так называемому среднему классу, что позволило Джорджу получить хорошее образование в местной городской школе. Учился он прилежно, рассчитывая стать врачом. Но события, захлестнувшие постколониальный Ближний Восток, разрушили его планы, как и планы многих его сверстников.

Арабский мир не согласился с разделом Палестины между арабами и евреями, с концепцией ООН «Два народа – два государства», объявив войну молодому еврейскому государству. Разбитые арабские легионы отступили, а тысячи палестинских семей бросили свои дома и бежали в соседние арабские страны, полагая вернуться, когда братья по вере помогут им сбросить ненавистных евреев в Средиземное море. Не стала исключением и семья Джорджа Хабаша, которая сразу после провала арабской интервенции в 1948 году бежала в Ливан. В 1951 году Джордж Хабаш поступил на факультет педиатрии Американского университета в Бейруте.

Влившись в студенческую среду, в которой было немало таких же, как и он, палестинских беженцев, Хабаш пересмотрел свои жизненные приоритеты. Не отказавшись от медицинской карьеры, он решил посвятить себя политической борьбе за право палестинского народа на возвращение. Будучи студентом, он принимал активное участие в деятельности Арабского Национального Движения и даже с 1950 по 1952 год являлся его официальным представителем в Исполнительном комитете Национальной Конференции. Но скоро Хабаш

разочаровался в движении, считая его недостаточно радикальным.

Джордж Хабаш объединяет вокруг себя молодых арабских интеллектуалов палестинского происхождения, выходцев из лагерей беженцев. Он и его друг, студент того же университета Хани эль-Хинди, являются инициаторами создания так называемых батальонов арабских смертников (аль-Катаиб аль-Фидаи аль-Араби). Примерно в этот период (начало 50-х годов) Джордж Хабаш познакомился с будущим руководителем военного крыла НФОП Вади Хаддадом – человеком незаурядным и весьма противоречивым. С Джорджем Хабашем они станут не только друзьями-соратниками, но и непримиримыми соперниками.

Вади Хаддад, более известный в арабо-палестинской среде как Абу-Хани, родился на территории Палестины в 1922 году, как и Джордж Хабаш, в греко-православной арабской семье. В 1948 году, после окончания первой арабо-израильской войны, вместе с семьей Вади Хаддад вынужден бежать из Палестины в соседнюю Иорданию. Свою политическую деятельность он начал с активного участия в создании Арабского Национального Движения. В 1952 году окончил медицинский факультет Американского университета в Бейруте.¹⁵ Вместе с Джорджем Хабашем основал частную клинику в Аммане. Параллельно работал в Ближневосточном агентстве ООН для оказания помощи палестинским беженцам. Однако большую часть времени он уделял политической деятельности, к которой иорданские власти относились с большой настороженностью.

В 1957 году Хаддад был арестован иорданской службой безопасности по обвинению в антигосударственной деятельности, направленной на подрыв существующего монархического строя в Хашимитском королевстве. Во время пребывания в иорданской тюрьме, стремясь лучше представить своего противника, Вади Хаддад стал усиленно изучать иврит и историю сионизма.

В 1961 году, благодаря помощи палестинского подполья, ему удалось бежать из заключения и найти временное прибежище в Сирии, находившейся в состоянии конфронтации с Иорданией. К этому времени относится его знакомство с Хабашем и эль-Хинди. Огромное влияние на формирование мировоззрения молодых людей оказали биографии и взгляды Гарибальди, Бисмарка, Бакунина, а также Сирийская Социалистическая Национальная Партия (SSNP), пропагандирующая насильственную стратегию в борьбе с западной цивилизацией. Все свои усилия они сконцентрировали на уничтожении Израиля. Основной организационной структурой, созданной для этой цели, стало создание Народного фронта освобождения Палестины.

Первым шагом на этом пути было основание подпольной студенческой группы «эль-Камюн эль-Араб», в переводе с арабского «арабская коммуна». Целью «коммуны» было освобождение Палестины путем продуманной и последовательной антиколониальной кампании в арабских государствах. Марксистская идеология организации и религиозная терпимость привела в группу значительное число христиан, играющих важную интеллектуальную роль в палестинской диаспоре. Быстрый рост организации пришелся на 1956–1957 годы, когда помощь в вербовке новых членов стали оказывать преподаватели и добровольцы различных благотворительных организаций, работающих в лагерях палестинских беженцев. На базе «Арабской Коммуны» стали возникать новые, родственные молодежные организации.

Дальнейшим стимулом к формированию в единую структуру стал сокрушительный разгром арабских армий в Шестидневной войне. В декабре 1967 года за счет объединения трех организаций: «Юные Мстители», «Герои Возвращения» и Фронт освобождения Палестины был образован Народный фронт освобождения Палестины.

В первые годы своего существования НФОП, подобно многим другим палестинским организациям и объединениям, придерживался так называемого насеризма – идеологии арабского национального социализма. Однако уже в конце 60-х разочарованные в «арабском социализме» лидеры НФОП взяли на вооружение идеологию марксизма-ленинизма. И в дальнейшем на протяжении всего своего существования НФОП стремился сочетать марксистско-ленинскую революционную стратегию и агрессивный палестинский национализм.¹⁶

¹⁵ По другим данным, ушел с последнего курса университета.

¹⁶ Методы НФОП не всегда соответствовали марксистско-ленинской идеологии в ее трактовке лидерами со-

При этом следует отметить, что в палестинской среде никогда не было единства по проблемам национального строительства и НФОП постоянно приходилось вести борьбу на несколько фронтов – с Израилем, режимами арабских государств и внутри палестинского национально-освободительного движения с его многочисленными фракциями, группировками и организациями. По большому счету НФОП был создан в противовес ФАТХ и декларировал себя как основную политическую организацию рабочего класса Палестины. Основнополагающий пункт устава НФОП гласил:

Основной целью НФОП является освобождение всей Палестины и основание демократического социалистического Палестинского государства.

НФОП и специально созданные им организации одним из первых в мире стали использовать террористические акты с целью привлечения внимания мирового сообщества к палестинской проблеме, игнорируемой как арабским, так и западным миром. С этой целью было создано военное крыло НФОП, руководителем которого стал Вади Хаддад. Планируемые им акции отличались высоким профессионализмом с применением современных западных военно-диверсионных технологий. По замыслу исполнителей наиболее впечатляющими и резонансными для мировых средств массовой информации акциями должны были стать захваты самолетов.

Угон пассажирского самолета «Боинг-707» израильской авиакомпании EL-AL, совершенный палестинскими террористами 23 июля 1968 года, открыл новый этап в палестинско-израильском противостоянии. Сразу же после первого нападения НФОП объявил о своих требованиях и выходе на международную арену. Несмотря на то, что мишенью первых террористических актов были зарубежные израильские объекты, появление НФОП быстро ощутили все граждане Израиля.

4 сентября 1968 года в 11.30 на центральной автобусной станции в Тель-Авиве одновременно прогремели три взрыва. Подложенные в мусорные урны взрывные устройства были приведены в действие во время наибольшего скопления людей. В результате теракта погиб 65-летний житель города Кфар-Саба, 72 человека получили ранения различной степени тяжести.

Арабские средства информации, не скрывая восторга, сообщили что ответственность за теракт взяла на себя молодая палестинская организация Народный фронт освобождения Палестины. Было объявлено, что НФОП начинает вооруженную борьбу, направленную против израильских гражданских объектов.

Международный резонанс, растерянность и даже панические настроения, возникшие в связи с терактом в Израиле, вызвали прилив энтузиазма в НФОП. Джордж Хабаш решил расширить масштаб операций. По его личному распоряжению Вади Хаддад разработал план нападения на пассажирский самолет израильской авиакомпании EL-AL. На этот раз местом теракта был выбран аэропорт в Афинах.

26 декабря 1968 года в 11.30 двое боевиков НФОП выбежали на взлетно-посадочную полосу аэропорта и стали в упор расстреливать из автоматов Калашникова израильский «Боинг-707», совершавший рейс № 253 Лод – Афины – Париж – Нью-Йорк. На борту самолета находилось 48 человек. Пуля, выпущенная террористами, пробила иллюминатор лайнера и ранила в голову 50-летнего гражданина Израиля. Расстреляв несколько обойм, террористы стали забрасывать самолет ручными фанатами, одна из них вызвала возгорание двигателя. Пожар стал быстро распространяться по салону. Самолет еще двигался, когда, желая спасти пассажиров, 21-летняя стюардесса открыла боковой люк и была ранена двумя пулями. Не дожидаясь трапа, пассажиры в панике стали выпрыгивать из самолета. Все это время террористы продолжали вести беспорядочную стрельбу. Только по счастливой случайности больше никто не пострадал.

Лишь спустя 20 минут греческим полицейским удалось задержать террористов, кото-

рые при аресте даже не попытались оказать сопротивления. На допросе оба подтвердили свою причастность к НФОП. Немедленно после совершения теракта сразу по двум арабским радиостанциям, вещающим из Бейрута и Каира, представители НФОП заявили о своей ответственности за нападение и, угрожая новыми терактами, потребовали от греческих властей освободить арестованных боевиков.

Пока события развивались в соответствии, с планами НФОП. Именно такую цель ставили перед собой Джордж Хабаши и Вади Хаддад, планируя диверсию в греческом аэропорту. Палестино-израильский конфликт стал первостепенной проблемой всего мирового сообщества. Дальнейшие теракты не только неизбежно ставили под угрозу жизнь граждан третьих стран, но могли привести к кризису авиатранспорта в целом. Авиапассажиры превращались в потенциальных заложников террористов.

В качестве ответной меры израильское правительство приняло решение провести показательную акцию в международном аэропорту одной из арабских столиц. «Мы просто не имеем права оставить эту террористическую вылазку без ответа!» – заявил премьер-министр Израиля Леви Эшкол. Поскольку террористы прибыли в греческую столицу из Бейрута, целью операции возмездия разработанной генштабом армии Израиля, стал бейрутский международный аэропорт, план операции включал уничтожение всех пассажирских самолетов арабских авиакомпаний, чьи страны поддержали теракте Афинах.

28 декабря 1968 года в 20.37 израильские десантные вертолеты и штурмовые вертолеты прикрытия поднялись в воздух с северной базы ВВС Израиля «Рамат-Давид». Над морем на высоте 800 метров авиагруппа со спецназом на борту выстроилась в боевой порядок и, постепенно снижаясь, стала приближаться к ливанскому берегу. В 21.18 началась высадка десанта. Захватив аэропорт, израильские спецназовцы стали методично взрывать самолеты. Все люди, попавшие в зону операции (экипажи самолетов, пассажиры), были удалены на безопасное расстояние, чтобы исключить человеческие жертвы. Появление десанта было столь неожиданно, что ливанская армия даже не попыталась оказать сопротивление.

В результате операции было уничтожено 14 самолетов, принадлежащих арабским авиакомпаниям, нанесенный ущерб составил 42–44 миллиона долларов. Однако показательная операция возмездия не добилась важнейшей цели. НФОП не только не приостановил нападения на израильские пассажирские самолеты, но и в значительной, степени активизировал свои акции. По мнению лидеров НФОП, обоюдоострое развитие конфликта свидетельствовало о правильности выбранной ими диверсионной стратегии. Теперь этот успех следовало закрепить, а вместе с ним расширить географию проводимых операций. На этот раз местом нападения был выбран швейцарский международный аэропорт Клотен, расположенный в 15 километрах от Цюриха.

18 февраля 1969 года в 18.30 «Боинг-720 В» израильской авиакомпании EL-AL совершавший рейс № 432 Цюрих – Лод вырулил на взлетно-посадочную полосу. На борту авиалайнера находилось 17 пассажиров и 11 членов экипажа. Неожиданно из-за высокого сугроба на обочине полосы выехал микроавтобус «фольксваген», оттуда выскочили четверо боевиков НФОП, вооруженные автоматами Калашникова. Они бросили перед самолетом несколько ручных гранат и дымовых шашек, после чего открыли шквальный огонь по кабине пилотов. Один из пилотов, Йорам Перес, был тяжело ранен в живот, второй пилот Моше Гихель получил ранение в руку. Командир экипажа отдал приказ заглушить двигатели и открыть люки самолета. В панике, вызванной дымовой завесой и обстрелом, пассажиры стали выпрыгивать из самолета на бетонную полосу. Вместе с ними был Мордехай Рахамим, сотрудник недавно созданной при AL службы безопасности «Джей-Ар». Он вступил, в перестрелку с террористами и убил командира группы 36-летнего Абдель Мохсен Хассана выстрелом в голову. Гибель Хассана привела остальных террористов в замешательство, на взлетное поле выехали несколько пожарных машин. Швейцарские пожарники самоотверженно вступили в схватку с нападавшими и разоружили их. Лишь женщине, входящей в группу, удалось в густом дыму ускользнуть, но вскоре она была задержана. Израильский пилот с раной живота был прооперирован в одной из больниц Цюриха, но спустя несколько дней, не придя в сознание, скончался.

Несмотря на успехи, которые приписывал себе НФОП, в его руководстве назрел острый политический конфликт. Многие члены организации были недовольны решением

Джорджа Хабаша и Вади Хаддада отступить без боя во время антитеррористического рейда израильской армии в 1968 году в деревню Караме. По мнению сформировавшейся оппозиции, Хабаш упустил инициативу, передав её ФАТХ, основному конкуренту НФОП. Острота возникшей проблемы подпитывалась политическими разногласиями переросшими в непримиримую борьбу между приверженцами идеологии марксистов, с одной стороны, и мао-троцкистов – с другой. В результате в первой половине 1969 года от НФОП отделились две группы, ставшие впоследствии самостоятельными террористическими организациями.

Первой отделившейся от НФОП организацией стала группа палестинских экстремистов, руководимая Хауатма. Она стала называться Народный Демократический фронт Освобождения Палестины (НДФОП). Другую группу возглавил Ахмад Джибриль. Между Джорджем Хабашем и Ахмадом Джибрилем возникали постоянные конфликты, замешанные на личных амбициях. Выведя из состава НФОП около четверти ее членов, Джибриль создал новую организацию Народный фронт освобождения Палестины – общее командование (НФОП-ОК).

Раскол внутри организации, однако, не отразился на ее террористической активности. Более того, избавившись от внутренней оппозиции, Джордж Хабаш укрепил свои позиции и стал единоличным лидером организации. 6 марта 1969 года НФОП нанес новый удар, на этот раз в столице Израиля Иерусалиме.

Террористы тщательно выбирали объект нападения. В конечном итоге их внимание привлекло кафе, расположенное в здании библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме. У входа в кафе не было охранника, который должен был проверять сумки посетителей. Любой, включая арабов, жителей Восточного Иерусалима, мог, не подвергаясь досмотру, зайти в кафе. Среди посетителей было немало арабов – за этот 1969 год в университет были зачислены 52 арабских студента, проживавших в Восточном Иерусалиме. Именно они стали «наводчиками» террористов.

Примерно в 11.00 из такси с номерами Восточного Иерусалима вышли две молодые арабки. Смешавшись с потоком студентов, они беспрепятственно прошли через университетский комплекс в кафетерий библиотеки, где в это время находилось более 200 студентов. Здесь террористки оставили сумочку с двухкилограммовым взрывным устройством и, включив часовой механизм, как ни в чем не бывало покинули территорию университета.

Спустя четверть часа, примерно в 11.30, в переполненном кафе прогремел сильный взрыв. Помещение было полностью разрушено и загорелось. Взрывной волной разорвало подвесные трубы кондиционера, и они провисли до самого пола, серьезно затруднив спасательные работы.

Крупных жертв удалось избежать, лишь благодаря неопытности террористок. Они спрятали взрывное устройство за большим, заполненным землей цветочным горшком. Он и принял на себя основную силу взрыва. Итог теракта – 35 раненых, 7 из них серьезно.

Совершенствуя методы и технику террористической войны, лидеры НФОП уделяли первостепенное внимание формированию идеологии. Избавившись от оппозиции, Джордж Хабаш и Вади Хаддад определили цель, задачи и принципы деятельности, которыми должны руководствоваться члены организации. В конце 60-х годов ими был выпущен программный документ организации – «Военные размышления с фронта», на страницах которого авторы изложили основные политические установки и положения военной стратегии НФОП. Они сводились к следующим основным пунктам:

1. Марксизм-ленинизм в глазах лидеров НФОП стал не столько жесткой идеологией, сколько руководством к действию.
2. НФОП является партией рабочих, крестьян и трудовой революционной интеллигенции.
3. Необходимо заключение союзов с революционно-освободительными движениями во всем мире, поскольку технологическое отставание палестинского народа не позволяет в одиночку вести достаточно эффективную борьбу с врагом.
4. Только посредством слияния с прогрессивными революционными силами стран третьего мира и опираясь на поддержку Восточного блока; палестинское народно-освободительное движение может добиться победы.

5. Наряду с международным империализмом и сионизмом НФОП видит в арабской буржуазии злейшего врага палестинского народа.

6. НФОП, наряду с освобождением Палестины и построением независимого демократического государства, стремится к объединению всего арабского мира посредством разжигания общеарабской социалистической революции.

Политическая платформа НФОП определяется убеждениями. Их можно разделять или не соглашаться. Однако террористическую деятельность НФОП не могут оправдать никакие высокие идеи.

Под руководством Вади Хаддада НФОП приступил к осуществлению особой тактики борьбы с Израилем, угону не только израильских, но и пассажирских самолетов других стран для последующего обмена заложников на своих соратников, содержащихся в тюрьмах. 29 августа 1969 года мир узнал об очередной террористической акции.

29 августа 1969 года на борт «Боинга-707» американской авиакомпании TWA, следовавший рейсом № 840 по маршруту Лос-Анджелес – Париж – Афины – Тель-Авив, во время пересадки в Риме поднялся мужчина лет двадцати и молодая, привлекательная женщина. При посадке в самолет они предъявили билеты первого класса, иракский паспорт на имя Салима Эсеава и ливанский паспорт, выданный на имя Лейлы Али Халед.

Во время полета над Адриатическим морем мужчина и женщина неожиданно вскочили с мест и, угрожая уничтожить лайнер ручными фанатами и самодельным взрывным устройством с часовым механизмом, прорвались в кабину пилотов. Приставив пистолеты к головам пилотов, они потребовали изменить первоначальный курс самолета и направить его через территорию Израиля в Дамаск.

Когда самолет пролетал над Тель-Авивом, израильские воздушные диспетчеры услышали на радиоволне голос Лейлы Али Халед:

Тель-Авив! Мы из Народного фронта освобождения Палестины. Что вы по этому поводу думаете?

На борту авиалайнера в момент его захвата находилось 12 членов экипажа и 85 пассажиров – шестеро израильтян, а также граждане Франции, Италии, США и Греции. После посадки самолета в аэропорту Дамаска террористы приказали всем пассажирам и членам экипажа покинуть борт и привели в действие взрывное устройство, уничтожившее носовую часть самолета. После этого они спокойно сдались сирийским властям и были помещены под формальный арест в здании министерства обороны Сирии. По всей видимости, угон американского самолета был заранее согласован Вади Хаддадом с сирийскими властями. Спустя две недели 13 сентября, Лейла Халед и Салим Эсеава были выпущены из-под ареста и беспрепятственно покинули Сирию.

Как стало известно позже, на борту угнанного авиалайнера должен был находиться посол Израиля в Соединенных Штатах Ицхак Рабин, начальник Генштаба Армии Оборона Израиля во время Шестидневной войны. К этому времени Лейла Али Халед и ее напарник были известны израильским спецслужбам, которые отслеживали перемещения террористов. Именно по рекомендации ШАБАК, которая предполагала возможность теракта, Ицхак Рабин в последний момент изменил свое решение и вылетел в Израиль другим самолетом.

Несмотря на международное давление, НФОП заявил что не только не прекратит захваты самолетов, но и еще больше активизирует свою деятельность. По заявлению Фронта, угоны самолетов являются одним из аспектов борьбы с сионизмом и международным империализмом. Захват любого (не только израильского) авиалайнера являлся прямым ударом по сионистам.

Захваты самолетов Вади Хаддад лаконично называл рубежными акциями. Они были относительно просты. Им не приходилось сталкиваться с израильской армией, благополучная, уважаемая Западная Европа, не знавшая войны на протяжении последних десятилетий, и вовсе не была готова противостоять нарастающей волне терроризму. Между тем организация нападений требовала от воздушных пиратов все более высокого и разнообразного планирования. В НФОП появились новые яркие фигуры, такие, как Лейла Али Халед. Эта умная и энергичная палестинка с дипломом МГУ стала в первой половине 70 годов са-

мой известной угонщицей самолетов.

Угроза терроризма заставила многие государства объединить усилия в борьбе с общим врагом. По каналам спецслужб в Израиль стала стекаться информация о деятельности палестинских эмиссаров, занимающихся вербовкой левых радикалов из числа западноевропейской студенческой молодежи. НФОП оказался под пристальным контролем. Наиболее тесные связи НФОП прослеживались с западногерманскими левоанархистскими террористическими организациями, в первую очередь с западногерманской террористической организацией РАФ, более известной как «Банда Баадер – Майнхоф», Начиная с 1968 года многие члены «Банды Баадер – Майнхоф» по личному приглашению Вади Хаддада прошли обучение в террористических лагерях НФОП на территории Ливана, Иордании и Южного Йемена.

Благодаря тесному взаимодействию палестинцев с западногерманскими террористами, НФОП смог развернуть широкомасштабную террористическую деятельность на территории многих европейских государств. Спустя годы это сотрудничество получило символическое название Международный террористический интернационал. Теперь НФОП вызывал растущую озабоченность израильских спецслужб, поскольку эта организация проводила большую часть своих операций на территории Западной Европы, где возможности израильтян, очевидно, были ограничены. Новые обстоятельства требовали от израильтян коренным образом пересмотреть свою антитеррористическую доктрину. В конце 60 – начале 70-х годов израильская разведка «Моссад» начала создавать широкомасштабную агентурную сеть информаторов, внедренных в палестинскую среду.

Террористическая деятельность НФОП послужила своеобразным детонатором, приведшим к очередному взрыву насилия на Ближнем Востоке, вошедшему в историю как трагические события «Черного сентября». В конечном итоге ООП и большинство палестинцев в июле 1971 года были вынуждены поспешно покинуть территорию Хашимитского королевства. Этим кровавым событиям предшествовали неоднократные стычки боевиков НФОП с иорданской армией. Внезапный наплыв в страну угонщиков самолетов был продуманной акцией, целью которой являлась дискредитация короля Хусейна в глазах мирового сообщества и последующее отстранение иорданского монарха от власти.

Последней каплей, переполнившей терпение короля Хусейна, стали события на Дусонском поле 6 сентября 1970 года, когда только за один день палестинские террористы из НФОП угнали сразу несколько самолетов и приземлили их на территории Иордании.

Практически ни одна авиакомпания, кроме EL-AL не смогла ничего противопоставить авиапиратам. Поскольку EL-AL изначально была главной целью НФОП, службой безопасности авиакомпании были разработаны специальные инструкции на случай захвата самолета.

7 сентября 1970 года в нидерландском международном аэропорту Амстердама произвел посадку обычный пассажирский самолет, прибывший из Бейрута. В списке пассажиров числилась молодая, элегантная пара. Они представили при прохождении таможенного контроля латиноамериканские паспорта на имя Марии Санчес и профессора Энрико Рене Диаса. За латиноамериканскими именами скрывались объявленные в международный розыск известные террористы Лейла Али Халед, участвовавшая в угоне самолета 28 августа 1969 года, и сальвадорский террорист Патрик Джозеф Аргуэлло. В зале ожидания для транзитных пассажиров их должны были встретить двое других членов НФОП, прибывающих в Амстердам другим рейсом. Вчетвером они планировали захватить самолет израильской авиакомпании EL-AL, следовавший маршрутом Тель-Авив – Нью-Йорк и совершавший промежуточную посадку в аэропорту Амстердама. Однако план был нарушен. Двум другим членам НФОП было отказано в посадке в израильский самолет, и чуть позже они совершили угон пассажирского авиалайнера, следовавшего в Каир. Оставшись без подкрепления, Лейла Али Халед и Патрик Джозеф Аргуэлло, тем не менее, решили не отступать от первоначального плана и вдвоем совершить захват лайнера со 145 пассажирами и 13 членами экипажа. Через 25 минут после взлета Аргуэлло неожиданно вскочил со своего места и угрожая пистолетом, попытался прорваться в кабину пилотов. Услышав шум в салоне, командир экипажа понял, что на борту находятся террористы, и выполнил крутой вираж, чем воспользовались агенты службы безопасности «Ар-Джей-Ар». Один из членов экипажа попытался

вырвать пистолет из руки Аргуэлло и получил тяжелое ранение в грудь. После первого выстрела пистолет заклинило. Тогда террорист вытащил из кармана осколочную гранату и, сорвав предохранительную чеку, бросил ее в пассажирский салон. Сотрудник службы безопасности бросился на гранату и накрыл ее своим телом. К счастью, граната не взорвалась, что спасло жизнь не только мужественному сотруднику «Ар-Джей-Ар», но и всем людям, находившимся на борту авиалайнера. Патрик Аргуэлло был смертельно ранен в схватке.

Все это время Лейла Али Халед оставалась на своем месте, не привлекая внимания. Поняв, что захват самолета провалился, она решила покончить с собой, а заодно со всем самолетом. Достав из дамской сумочки две ручные гранаты, она попыталась сорвать предохранительную чеку, однако пожилой американец, сидевший рядом, и еще несколько израильтян проявили похвальную оперативность. Они разоружили террористку и предотвратили трагедию.

После сообщения о попытке угона пилоты получили приказ немедленно возвращаться в Израиль. Захват живой и невредимой Лейлы Али Халед был бы для израильских спецслужб ценным подарком. Однако на борту находился истекающий кровью член экипажа, который мог не выдержать многочасового перелета, и командир лайнера совершил вынужденную посадку в Лондоне. Поскольку Лейла Али Халед находилась в международном розыске, сотрудники Скотланд-Ярда буквально силой вырвали ее из рук сотрудников «Ар-Джей-Ар». Второй террорист скончался по дороге в больницу.

Спустя три дня израильское правительство официально потребовало от британских властей выдачи Лейлы Али Халед. Однако как только НФОП стало известно о неудавшейся попытке угона самолета и захвате Лейлы Али Халед, она была включена в список террористов, которых потребовали отпустить взамен пассажиров угнанного 6 сентября 1970 года самолета компании TWA. Среди пассажиров этого самолета находилось большое число британских подданных. Лейла Али Халед была выпущена на свободу 29 сентября 1970 года, после того как все заложники были переправлены из Иордании на Кипр.

Апогеем беспредела стало 12 сентября 1970 года, когда два авиалайнера, принадлежавшие американской и британской авиакомпаниям, были взорваны прямо в воздухе вместе с находившимися в них пассажирами. Ответственность за оба взрыва взял на себя НФОП.

Нельзя сказать, что руководство НФОП было едино в оценке достигнутых результатов. За всеми совершенными терактами неизменно стоял руководитель военного крыла Вади Хаддад. Лидер фронта Джордж Хабаш негативно реагировал на экстремистские действия угонщиков самолетов считая, что они дискредитируют организацию. Однако ему приходилось считаться с реалиями текущего момента. Руководство НФОП теперь во многом строилось на равновесии интересов сторон. Хаддад, благодаря планированию и выгодному для себя освещению терактов, приобретал всё больший вес. А его оппонент и номинальный руководитель НФОП Джордж Хабаш теперь чаще проводил время не в своем офисе, а на больничной койке. У него прогрессировала болезнь сердца, и властные функции в организации всё больше переходили к Вади Хаддаду. Открытое осуждения действий угонщиков самолета со стороны Джорджа Хабаша неминуемо привело бы к очередному расколу НФОП и укреплению позиций Арафата, давнего соперника Джорджа Хабаша на «палестинской улице». Однако было бы ошибкой заблуждаться в человеколюбии Джорджа Хабаша. Его молчаливое несогласие с действиями военного крыла НФОП было связано не столько с неприятием тех или иных методов борьбы, сколько с вредом, который угонщики наносили международному имиджу палестинцев. Хабаш считал это тактической ошибкой.

Тем временем в Иордании разыгрывалась настоящая бойня. Под артиллерией и гусеницами танков национальной гвардии короля Хусейна гибли тысячи палестинцев, сотни тысяч палестинцев ударились в бегство, ища защиты на территории Ливана и даже ненавистного им Израиля. Кровавые события, вошедшие в историю как «Черный сентябрь», заставили Хабаша самым серьезным образом пересмотреть стратегическую линию НФОП. Возникал вполне закономерный вопрос: «Кто в первую очередь страдает от терроризма?» Хабаш был опытным политиком, способным, когда того требовали обстоятельства, на ответственные решения и инициативу. Теперь руководитель НФОП пришел к выводу, что терроризм не всегда является эффективным орудием для достижения палестинцами своей цели. На III съезде НФОП в марте 1972 года Джордж Хабаш смог убедить большинство делегатов

отказаться от проведения террористических операций за пределами Израиля. Однако Вади Хаддад, второе лицо НФОП, отказался признать решение съезда и стал проводить свою, независимую внешнюю политику. Фактически Хаддад создал свою автономную боевую единицу, не подчинявшуюся ЦК НФОП.

Желая продемонстрировать свою силу делегатам III съезда НФОП, Вади Хаддад поручает международному террористу Карлосу-Шакалу спланировать громкий террористический акт в израильском международном аэропорту Лод. Вернувшись из Иордании, Карлос, Гассан Канафани и Бассам Абу Шариф приступают к планированию операции под кодовым названием «Крупная мишень». Связавшись через своего старого знакомого японского террориста Кодзо Окамото с японской террористической организацией «Красная армия»,¹⁷ Карлос выполнил заказ Вади Хаддада.

30 мая 1972 года трое японских террористов-камикадзе: Кодзо Окамото, Ракешу Окудейра и Йошуики Ясуда, прошедшие подготовку в ливанских лагерях НФОП, прибыли в израильский аэропорт Лод на самолете авиакомпании «Эйр Франс». Примерно в 10.00 террористы получили багаж, достали из чемоданов гранаты и автоматы Калашникова и принялись убивать всех подряд, кто находился в здании аэропорта. Прежде чем удалось обезвредить террористов, погибло 25 человек и 71 получил ранения различной степени тяжести. Основной жертвой японских террористов-камикадзе стали пуэрто-риканские христианские паломники.

На 30 мая 1972 года массовое убийство в международном аэропорту Лод стало наиболее страшным терактом за всю историю Израиля. Оно получило название «кровавая бойня» и стало трагедией национального масштаба. По всей стране были приспущены флаги и объявлен траур. Тела жертв еще лежали на залитом кровью полу пассажирского терминала, а одна из бейрутских радиостанций торжественно заявила:

Израиль, это Народный фронт освобождения Палестины. Мы берем на себя ответственность.

Радиовыступление принадлежало одному из членов ЦК НФОП, Гассану Канафани, – человеку, непосредственно принимавшему участие в организации преступления. Реакция израильских спецслужб не заставила себя слишком долго ждать. «Малый совет безопасности» премьер-министра Голды Меир принял решение нанести ответный удар по организаторам убийства в аэропорту Лод. Первым в списке значился палестинский писатель и «по совместительству» террорист Гассан Канафани.

8 июля 1972 года в 11 часов утра 36-летний Гассан Канафани сел за руль своего спортивного автомобиля. Как только он повернул ключ зажигания, прогремел взрыв, которым был такой силы, что во всем районе не осталось ни одного целого стекла. Части тела Гассана Канафани были разбросаны во все стороны. Оторванную голову обнаружили спустя час на расстоянии 200 метров от места взрыва, рука оказалась на крыше соседнего здания. Даже пистолет, с которым Канафани никогда не расставался, разлетелся на куски. Ликвидация Гассана Канафани вызвала среди палестинских лидеров НФОП панику, многие, опасаясь за свою жизнь, спешно покинули пределы Ливана. Вади Хаддад «по неотложным делам» срочно вылетел в Алжир. Лейла Халед – близкий друг Канафани – укрылась в Берлине, а Джордж Хабаши отправился на лечение в Москву.

Следующей жертвой «Моссада» стал 29-летний Бассам Абу Шариф. 25 июля 1972 года он попытался вскрыть поступивший с утренней почтой пакет. От взрыва Бассам Абу Шариф лишился нескольких пальцев на левой руке и полностью ослеп на один глаз.

Несмотря на успешные действия «Моссада», НФОП не только не приостановил свою террористическую деятельность, но еще более активизировал ее на территории Западной Европы и в других частях света. В 1972 году террористами НФОП был проведен ряд диверсий, направленных против израильских официальных представительств в Монреале, Брюсселе, Вашингтоне, Буэнос-Айресе, Оттаве, Амстердаме и других крупных городах и столи-

¹⁷ Известна также как «Армия красной звезды».

цах мира. После убийства израильских спортсменов на XX Летней Олимпиаде в Мюнхене начал действовать израильский сверхсекретный «Комитет-Х»¹⁸ Группа ликвидаторов под руководством офицера «Моссада» Майка Харари выслеживала палестинских террористов по всему миру и беспощадно расправлялась с ними. Между палестинцами и израильянами развернулась настоящая война, во время которой обе стороны несли тяжелые потери.

Мир охватила истерия, одним из последствий которой стала преступная ошибка израильских ПВО и службы безопасности. Начиная со второй половины 1972 года в Израиль стала поступать разведывательная информация о намерении террористов захватить авиалайнер и провести масштабный теракт (мегатеракт), направив самолет на кварталы Тель-Авива или другой густонаселенный район на территории Израиля.

21 февраля 1973 года, во время сильной песчаной бури «Боинг-727», принадлежавший ливийской авиакомпании со 112 пассажирами и 12 членами экипажа на борту сбился курса и, перелетев Суэцкий канал, оказался на территории Израиля. На перехват подозрительного лайнера по тревоге были подняты два израильских истребителя. Ни на какие сигналы и попытки установить связь (вплоть до предупредительных выстрелов) ливийский экипаж не отвечал, продолжая полет в сторону центральных районов страны. После того как самолет миновал большую часть Синайского полуострова, начальник генштаба Давид Элизер отдал приказ на поражение цели. Ракетой класса «воздух – воздух» самолет был сбит. Погибли 105 человек, в основном граждане Египта и Ливии, семеро чудом остались в живых.

Трагическая ошибка требует постоянного осмысления в соответствии с опытом сегодняшнего дня. Очевидно, что события в США 11 сентября 2001 года коренным образом изменили современный мир, прежде всего заставив по-иному взглянуть на международный терроризм. Каждая семья осознала, что терроризм перестал быть чем-то далеким и может перечеркнуть жизнь любого человека, где бы он ни находился. Что же потрясло мир? Цифры погибших? Взрыв Пентагона и Всемирного торгового центра, неформального символа капиталистического мира? Не только это. Мир изменяли сами самолеты, превращенные в адские машины и ставшие символом террора. «Томагавк» – ракета, оружие войны – не вызывает такого ужаса, как угнанный самолет, превращенный в огромную пилотируемую бомбу. Террор – это предел страха, не поддающийся человеческому осмыслению. И здесь следует уточнить. Саудовский миллионер и, нынешний террорист номер один Усама бин-Ладен был не первым, кому пришла идея превратить пассажирские авиалайнеры в орудие преступления. Эта чудовищная мысль принадлежит «черному гению» палестинского терроризма 70-х годов Вади Хаддаду и венесуэльскому террористу-наемнику Карлосу-Шакалу. Именно они решили использовать захваченные самолеты как управляемые снаряды. Спецслужбы Израиля знали о таких планах. Вот поэтому ПВО Израиля получила четкий приказ сбивать любой угнанный самолет, вторгающийся в воздушное пространство страны. Это и явилось причиной трагедии, происшедшей в небе над Синайским полуостровом 21 февраля 1973 года. А менее чем через полгода информация израильских спецслужб полностью подтвердилась.

20 июля 1973 года аэробус, принадлежавший японской авиакомпании JAL, на борту которого находилось 23 члена экипажа и 128 пассажиров, совершал обычный рейс по маршруту Амстердам – Париж – Токио – Анкоридж. Спустя 30 минут после взлета из Амстердама в салоне первого класса раздался оглушительный взрыв.

К счастью, взрывная волна разошлась по салону, не нарушив герметизацию самолета. Оказалось, что в сумочке одной из пассажирок разорвалась пронесенная тайком на борт ручная граната. Женщина была убита на месте. Как выяснилось впоследствии, погибшей (имевшей при себе эквадорский паспорт) оказалась иракская христианка палестинского происхождения Кети Джорджия Томас. Томас оказалась командиром террористической группы НФОП. Воспользовавшись замешательством и паникой, возникшей после взрыва гранаты, четверо сообщников террористки ворвались в кабину пилота и, угрожая пистолетами и гранатами, взяли авиалайнер под свой контроль. Неожиданная гибель Томас вынудила их начать запланированную акцию раньше времени. Угонщиками оказались трое пале-

¹⁸ Более подробно эти события описаны в книге А. Брасса «Палестинские истоки».

стинцев – членов НФОП и японский студент Осаму Маруока, муж Фусако Шигенобу – одной из наиболее активных террористок японской «Красной армии». Связавшись с наземным управлением Кипра, террористы сообщили о захвате самолета, но отказались назвать организацию, которую они представляют. В их планы не входило называть НФОП ранее, чем цель захвата будет достигнута. План операции предусматривал удар самолетом по израильскому городу Хайфа. Ожидавший нападения Израиль немедленно поднял в воздух истребители. При попытке вторжения в воздушное пространство страны угнанный самолет подлежал немедленному уничтожению. Однако, потеряв управление операцией, террористы пришли в замешательство. Они не знали, как себя вести. По-видимому, только погибшая террористка имела связь и координировала свои действия с лидерами НФОП на земле, остальные члены группы были простыми исполнителями. Они передумали умирать и вступили в переговоры. Угонщики потребовали от израильского правительства освободить японского террориста-камикадзе Кодзо Окамото, единственного боевика, уцелевшего в бойне 30 мая 1972 года в аэропорту Лод, и выкуп в размере 5 миллионов долларов. Требования были переданы в Иерусалим, но израильское правительство ответило решительным отказом вступать в какие-либо переговоры. Не добившись желаемого результата, террористы стали искать выход из сложившейся ситуации. Ни одна страна не желала принимать угнанный самолет. Им было отказано в посадке в Ливане. Так же поступила и Иордания, ограничившись предоставлением воздушного коридора для пролета в Ирак. Но и в Ираке, где довольно благосклонно относились к палестинским террористам, на этот раз их ждала неудача. Аэропорт в Басре оказался непригодным для посадки тяжелого пассажирского самолета. Складывалась критическая ситуация, запасы горючего на борту угнанного самолета подходили к концу. Близкий Бахрейн также проявил полное равнодушие к судьбе заложников, экипажа и самих террористов. Пилоты уже подыскивали варианты аварийной посадки в пустыне. Но, к счастью для невинно пострадавших людей, Объединенные Арабские Эмираты предоставили для дозаправки самолета аэропорт в Дубае.

Ситуация оставалась крайне напряженной. 21 июля 1973 года террористы позволили министру обороны Объединенных Арабских Эмиратов шейху Мохаммеду бин-Рашиду подняться на борт угнанного самолета. И отказались вступать с ним в переговоры. Похоже, они пребывали в глубокой растерянности и сами не знали, чего хотят. Только на следующий день террористы согласились вылететь в Сирию, где им позволили сделать трехчасовую остановку, чтобы пополнить запасы горючего. Последняя надежда террористов была связана с ливийским диктатором полковником Муамаром аль-Каддафи. Тут они не ошиблись. Сразу после посадки в ливийском международном аэропорту Бенгази террористы «из гуманных соображений» получили политическое убежище. Заложники беспрепятственно покинули самолет. Чтобы представить свое преступление как победу, террористы уничтожили опустевший самолет самодельной бомбой.

Израильские спецслужбы не бездействовали, наблюдая за активизацией террористической деятельности палестинцев. Легендарная группа Майка Харари, действовавшая с осени 1972 года по лето 1973 года, фактически полностью разгромила террористическую группировку «Черный сентябрь», входившую в состав ФАТХ. Тогда же нашли свою смерть и многие члены европейского отделения НФОП. Акты возмездия настигали их в самых разных местах – на улицах, в машинах и даже в собственных постелях. 28 июня 1973 года в Париже в собственном автомобиле был взорван руководитель европейского крыла НФОП режиссер Мухаммед Будиа. После того как европейская сеть НФОП на некоторое время была обезглавлена, пришло время свести счеты с ненавистным основателем НФОП доктором Джорджем Хабашем.

В начале августа 1973 года в «Моссад» поступила информация от одного из самых ценных агентов в среде палестинских террористов – Амины аль-Муфти. В секретном сообщении говорилось, что 10 августа 1973 года Хабаш должен вылететь из Бейрута в Багдад. Полученную информацию Директор «Моссада» Цви Замир обсудил с Моше Даяном. Первые израильтянам представился удобный случай захватить лидера НФОП. По этой причине Израиль пренебрег даже возможными дипломатическими осложнениями. Министр обороны Израиля Моше Даян отдал приказ о начале подготовки операции «Перехват». Ранним утром 10 августа 1973 года в ливанском небе, недалеко от бейрутского аэропорта, истребители из-

раильских ВВС, нарушив международные нормы, перехватили гражданский самолет и заставили ливанских пилотов приземлиться на военном аэродроме в Израиле. Там израильтянин ждало разочарование: операция оказалась напрасной. Из-за внезапного ухудшения здоровья Хабаш, вместо того чтобы вылететь в Ирак, лежал на больничной койке с очередным сердечным приступом.

В 60-х годах противостояние стран Восточного блока и НАТО усилилось. Это отразилось на странах третьего мира в частности, мусульманского Востока. Сверхдержавы не были заинтересованы в развязывании прямого вооруженного конфликта, соперничество носило характер психологической и тайной войны в борьбе за влияние и власть над тем или иным регионом. Нередко шпионско-политические интриги выливались в прямую диверсионно-террористическую деятельность «третьих сил». На этом фоне, благодаря инициативам председателя ООП Ясира Арафата, палестинская проблема вышла далеко за пределы регионального конфликта. Палестинцы превратились в серьезный инструмент в борьбе США и СССР. Здесь спецслужбы соцлагеря существенно опередили своих западных конкурентов. Первые контакты спецслужб Варшавского договора были налажены при посредничестве Каира уже во второй половине 60-х годов.

У лидеров НФОП и служб Варшавского договора складывались все более тесные отношения. Как правило, такие контакты носили исключительно конспиративный характер и проходили на территории Ливана, Кипра, в Южном Йемене. Сотрудничество с палестинцами, и в частности с НФОП, было столь перспективным, что в аппарате спецслужб Варшавского блока для этой цели были созданы специальные отделы. В середине 70-х годов отношения между СССР и Египтом значительно охладели, что было связано с серьезным изменением египетского внешнеполитического курса в сторону Запада. В противовес этому отношения между Советским Союзом и палестинцами приобретали характер стратегического сотрудничества. В середине 70-х годов в спецшколах КГБ и ГРУ под Москвой, Оренбургом, Николаевом и в Симферополе проходили подготовку командного состава десятки палестинцев, в том числе и члены НФОП.

В апреле 1974 года на территории Ливана состоялась конспиративная встреча между Вади Хаддадом и резидентом ПГУ КГБ в Ливане. Во время переговоров руководитель отдела внешних операций НФОП представил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности на Ближнем Востоке, в том числе и на территории Израиля. Для осуществления программы, в том числе ряда конкретных операций, Вади Хаддад просил руководство СССР оказать НФОП помощь в получении и освоении специальных технических средств. Спустя несколько дней о результатах тайных переговоров и запросах НФОП было доложено руководству КГБ СССР. Председатель КГБ Юрий Андропов представил Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу докладную записку с выводами о полезности и перспективах расширения контактов с НФОП. В сентябре 1974 года Вади Хаддад тайно посетил Москву для более детального обсуждения возможностей и планов дальнейшего сотрудничества. Несмотря на то, что советскую разведку в первую очередь интересовали перспективы получения политической и военно-стратегической оперативной информации, высшее руководство СССР рассматривало необходимость активизации диверсионно-террористической деятельности НФОП на территории Израиля. В ходе визита Хаддада в Москву были достигнуты двусторонние соглашения. НФОП обязался активизировать диверсионно-террористическую деятельность на Ближнем Востоке, направленную прежде всего против израильских и американских объектов. Со своей стороны Советский Союз решил удовлетворить просьбу руководства НФОП о предоставлении этой организации специальных технических средств и различных видов легкого стрелкового оружия, необходимого для проведения диверсионно-террористических операций.

14 мая 1975 года в нейтральных водах Аденского залива при соблюдении крайних мер предосторожности в распоряжение НФОП представителями КГБ была передана первая партия оружия и специального оборудования. Во избежание международного скандала одним из условий сделки со стороны КГБ была полная анонимность. Нелегальная передача проходила ночью, далеко от берега, бесконтактным способом. Спецгруз был оставлен в нейтральных водах. После того как команда покинула судно, на его борт поднялся Вади Хаддад. Только ему – руководителю службы внешних операций НФОП было известно об источнике

поставки оружия. По итогам этой операции 16 мая 1975 года Председатель КГБ СССР Юрий Андропов передал генсеку Брежневу докладную записку за номером 1218-А/ов, которой сообщалось о том, что доверенному лицу советской разведки на Ближнем Востоке, члену политбюро НФОП Вади Хаддаду, с которым КГБ с 1968 года поддерживает «деловой конспиративный контакт», была передана большая партия иностранного оружия.

Летом 1976 года Вади Хаддад спланировал и осуществил самую крупную террористическую операцию НФОП, которая в конечном итоге стоила ему не только занимаемого поста, но и самого членства в организации.

Утром 27 июня 1976 года интернациональная группа террористов, в которую входили Вильфред Бонза, международный террорист, в прошлом член западногерманской террористической группы «Банда Баадер – Майнхоф», 24-летняя подруга Карлоса Габриель Крош-Тидеманн и двое арабов – членов боевого крыла НФОП, Фахим аль-Сатги и Хосни Абу Вайки, захватила пассажирский самолет французской авиакомпании «Эйр Франс», совершавший рейс № 139 Тель-Авив – Париж. Французскому экипажу было приказано изменить курс и лететь в ливийский город Бенгази. В заложниках у террористов оказалось 12 членов экипажа и 230 пассажиров, 83 из которых составляли граждане Израиля и 15 евреев из других стран.

Примерно в 15.00 угнанный авиалайнер приземлился на взлетно-посадочной полосе ливийского аэропорта Бенгази. Температура воздуха за бортом самолета достигала 40 градусов по Цельсию, кондиционеры были отключены, террористы держали заложников без воды и пищи. Лишь одной женщине, потерявшей сознание, было позволено ненадолго выйти наружу. Спустя несколько часов авиатехники ливийского аэропорта приступили к дозаправке самолета. В 21.30 авиалайнер вновь поднялся в воздух.

Вскоре после захвата самолета в Израиле было получено тревожное сообщение. Более трети пассажиров были гражданами Израиля. Долгие часы новая информация не поступала. Не было известно, какая террористическая организация ответственна за угон самолета, требования террористов и их планы, даже точное число израильтян, поскольку некоторые из них могли иметь двойное гражданство и зарегистрироваться по иностранному загранпаспорту. По предварительному подсчету, в заложниках оказалось не менее 80 граждан Израиля – самое большое число за всю историю этой страны. Премьер-министр Ицхак Рабин немедленно распорядился привести в боевую готовность весь личный состав «Сайрет Маткаль» и созвать особый комитет из пяти членов его кабинета.

Ближе к ночи из Лондона стала поступать информация. Одной из заложниц, 30-летней англичанке Патриции Хейман, имевшей двойное гражданство, удалось уговорить террористов отпустить ее в ливийском аэропорту Бенгази. Хейман была на восьмом месяце беременности, и угонщики опасались, что из-за тяжелых условий, в которых находились пассажиры, у нее могут начаться преждевременные роды. В свою очередь, не пожелавшие брать на себя ответственность ливийские власти первым же самолетом отправили женщину в Великобританию. Бывшая заложница сообщила сотрудникам Скотланд-Ярда о том, что в планы террористов входит перелет в район Центральной Африки. Об этом она случайно узнала, подслушав разговор двух угонщиков. Вскоре слова Патриции Хейман полностью подтвердились.

Ночью террористы вместе с заложниками совершили перелет практически через весь Африканский континент и приземлились в угандийском международном аэропорту. Энтеббе. Там к террористам присоединились еще шесть вооруженных палестинских боевиков НФОП. Всех пассажиров и членов французского экипажа вывели из самолета и загнали в здание старого пассажирского терминала.

Вади Хаддад, планировавший операцию, не случайно выбрал Уганду, страну, в которой уже три года правил безумный диктатор Иди Амин Дада. Придя к власти в 1971 году в результате военного переворота (по иронии случая, не без помощи израильских военных советников), Иди Амин переметнулся на сторону арабо-мусульманского мира.

Прошли сутки со времени захвата самолета, террористы не выдвигали пока никаких требований. Вокруг захваченного самолета царил информационный вакуум. Однако в израильском правительстве отдавали себе отчет, что воздействовать на бесноватого диктатора

международным давлением невозможно. Жизнь заложников прямо зависела от действий самого Израиля. Именно по этой причине 28 июня 1976 года, вызвав к себе в кабинет начальников спецслужб, премьер-министр Ицхак Рабин отдал распоряжение собрать информацию об аэропорте Энтеббе на случай возможной военной операции израильтян на территории Уганды.

Сбор информации был поручен высокопоставленному офицеру военной разведки «Аман» майору Амираму Левину, бывшему заместителю командира «Сайрет Маткаль». Предстояло найти ответ на три вопроса: какова роль угандийского диктатора в угоне самолета, оказывают ли угандийские солдаты помощь террористам и возможно ли проведение антитеррористической операции.

Даже в случае приемлемых ответов на все эти вопросы силовая операция представлялась настоящей авантюрой. По данным военной разведки, в распоряжении Иди Амина Дады в районе Энтеббе имелось по меньшей мере 267 единиц бронетехники, 21 тысяча хорошо вооруженных и обученных солдат, 50 боевых самолетов советского производства МиГ-17 и МиГ-21, базировавшихся тут же в аэропорту. Почти ничего не было известно об угандийской службе ПВО. Однако, судя по массовым поставкам вооружения, в распоряжении Иди Амина имелось значительное количество ракет класса «земля – воздух», а также гаубичная артиллерия и минометы. Конечно, в прямом столкновении израильская армия намного превосходила угандийскую, но нынешняя ситуация, казалось, не имела для Израиля ни малейшей перспективы. Обе страны разделяло огромное расстояние в 3800 километров, времени на подготовку операции и переброску войск не было. Очевидно, что у израильтян не было шансов не только освободить соотечественников, но и самим вернуться из Уганды живыми, если бы такая мысль им пришла в голову.

Во вторник, 29 июня, стали известны требования террористов. Угрожая расправой над заложниками, угонщики пассажирского самолета потребовали: 1) предоставления правительством Франции выкупа в 5 миллионов долларов; 2) освобождения 53 заключенных 40 из которых отбывали наказание в израильских тюрьмах и 13 – в тюрьмах Франции, Кении, Германии и Швейцарии, среди последних были лидеры западногерманской «Банды Баадер – Майнхоф» Уль-рика Майнхоф и Андреас Баадер; 3) освобождения 5 боевиков НФОП, арестованных кенийскими властями в январе 1976 года после неудачной попытки сбить израильский пассажирский самолет ракетами «земля – воздух». Срок ультиматума, выдвинутого террористами, истекал в четверг, 1 июля, в 14.00.

Ранним утром того же дня в кабинете премьер-министра Израиля состоялось экстренное заседание кабинета министров, на которое были приглашены директор «Моссада» Ицхак Хофи и начальник Генерального штаба Армии Обороны Израиля Мота Гур. Решался единственный вопрос – смогут ли израильские спецназовцы высадиться в аэропорту Энтеббе, чтобы освободить заложников? Начальник Генштаба ответил, что десантники готовы вылететь в Уганду уже вечером. В этих словах было больше патриотизма солдата, чем здравого смысла. Присутствовавшие понимали, что степень возможного риска превышает разумные пределы и операция просто технически невыполнима. В другой ситуации это казалось бы очевидным. Но уступить террористам и начать с ними переговоры значило поставить под удар будущее всего государства, создать мотивацию для шантажа и любых масштабных преступлений. Собственно, этого и добивались террористы. Именно по этой причине Рабин отдал распоряжение командующему воздушно-десантными войсками генералу Дану Шомрону подготовить возможный вариант военной операции в центре Африканского материка.

Совершенно неожиданно к вечеру 29 июня 1976 года угонщики преподнесли израильской разведке неоценимый подарок. Израильтяне и евреи из других стран были отделены от остальных заложников, которых в тот же день отправили во Францию. Известие о селекции заложников переполнило негодованием все израильское общество. Израильские десантники были готовы лететь куда угодно, даже если шансы на положительный исход операции равнялись нулю.

К вечеру стало известно, что террористы удерживают в старом пассажирском терминале территории Энтеббе 106 заложников и 12 членов французского экипажа, которые в знак солидарности пожелали остаться с заложниками. Террористы готовы были отпустить

их, оставив только двух пилотов.

Поздней ночью в канцелярии подполковника Эхуда Барака прошло совещание, на котором присутствовали генерал Дан Шомрон, офицеры разведки, армии и спецназа. Обсуждались возможные варианты военной операции. Выдвигались и рассматривались различные версии проведения операции:

- посадить на взлетно-посадочную полосу обычный гражданский самолет, в котором должны были находиться переодетые бойцы «Сайрет Маткаль»;
- попытаться достигнуть угандийского берега на кенийской яхте, через озеро Виктория;
- десантировать с воздуха в озеро Виктория боевых пловцов «Шайетет-13», которые под покровом ночи должны высадиться на угандийском берегу и тайно проникнуть на территорию аэропорта.

Достигнуть Уганды можно было только воздушным путем, рассчитывая при этом на аэропорт дружественной Кении. Но как подвести спецназ к старому пассажирскому терминалу, в котором содержались заложники? Казалось, единственный путь лежит через озеро Виктория – аэропорт Энтеббе был выстроен прямо на его берегу.

Идея высадки морских командос со стороны озера обладала некоторыми достоинствами, отряд «Шайетет-13» к середине 70-х годов обладал большим опытом в проведении подобного рода операций. Командир отряда Гади Шефи немедленно отправил в Кению секретную миссию во главе со своим заместителем. Она должна была выяснить обстановку на месте. Спустя восемь часов пришел неутешительный ответ: озеро Виктория буквально кишело аллигаторами-людоедами. «Озерный» вариант отпал.

Разумное предложение внес один из офицеров «Сайрет Маткаль». Впоследствии оно легло в основу операции «Энтеббе». План заключался в том, чтобы среди ночи посадить на гражданскую взлетно-посадочную полосу военно-транспортные самолеты с джипами на борту и черным «мерседесом». На таких «мерседесах» передвигались высшие угандийские чины, в том числе и сам Иди Амин. Часть десантников предлагалось переодеть в пятнистую угандийскую форму и загримировать лица черным цветом. Таким образом, появлялась возможность приблизиться к терминалу под видом эскорта угандийского диктатора. Бойцы должны были вступить в бой с угандийскими солдатами и задержать их до освобождения заложников.

И все равно шансов на успех было удручающе мало. Особенно доставало достоверных разведанных, без которых невозможно планирование операции. Этот фактор определял не только техническую сторону дела, но и моральный настрой участников. Люди слабо верили не только в счастливый исход задуманного, но и саму возможность вернуться живыми. И тем не менее всех их объединял дух мужества, самопожертвования и ясное понимание поставленной цели. Было очевидно, что от исхода операции зависит не только их жизнь и судьба заложников в далекой Уганде, но безопасность их близких, их семей здесь, в Израиле, и, в конечном счете, будущее всей страны.

Пока спецназовцы готовились к высадке в Уганде, израильская разведка активизировала деятельность в соседней Кении. С этой страной, так же как с Нигерией и Заиром, израильские спецслужбы связывали союзнические отношения. Ключевой фигурой, связанной с «Моссадом», был британский фермер и бизнесмен Брюс Мак-Кензи. Именно ему пришлось сыграть одну из главных ролей в подготовке «Шаровой молнии» – такое кодовое название получила операция по спасению заложников в Энтеббе.

Брюс Мак-Кензи был одним из самых энергичных людей на кенийской политической сцене трех последних десятилетий. Белый фермер и бизнесмен, бывший британский офицер, он стал близким другом президента Кении Джомо Кениаты. Некоторое время Мак-Кензи даже занимал пост министра сельского хозяйства Кении, будучи единственным белым министром в кенийском правительстве. Все эти годы он продолжал оставаться влиятельнейшей фигурой кенийской политической жизни. С приходом к власти Джомо Кениаты Мак-Кензи создал структуру внутренней службы безопасности, на которую фактически опиралась власть президента. Ни одно важное решение 85-летний президент Джомо Кениата не принимал, не посоветовавшись с Брюсом Мак-Кензи. И вместе с тем Мак-Кензи долгие годы являлся высокопоставленным сотрудником британской разведки «Ми-6» и «по совмести-

тельству» большим другом израильтян. Содействие этого человека израильской разведке в Центральной Африке было незаменимым.

Брюс Мак-Кензи убедил своего друга президента Джомо Кениата помочь израильтянам в осуществлении их плана. Тяжелые транспортные самолеты, предназначенные для полета в Уганду, требовали дозаправки. Мак-Кензи обеспечил разрешение кенийских властей на использование местного аэропорта. Вся операция должна была выглядеть как обычная дозаправка самолетов, зафрахтованных авиакомпанией EL-AL. Таким образом, будут соблюдены все международные юридические нормы, и Кения формально останется непричастной к налету на Энтеббе.

Существенную пользу в планировании операции принесло посещение Амираном Левином Парижа для получения информации от освобожденных-французских заложников. Подавляющее большинство из них было измучено пережитым, люди находились в различной степени нервно-психического расстройства. Ничего существенного сообщить они не могли. Однако, к счастью для израильтян, среди пленников оказался 50-летний французский офицер-десантник. Он не только сохранил присутствие духа, но и запомнил массу важных деталей. На нескольких листах он набросал подробный план терминала с указанием количества и размеров окон и дверей, указал точное число террористов и их вооружение. И главное, француз заверил Левина, что здание, в котором удерживались заложники, не заминировано. Все эти сведения легли в основу планирования операции.

Ознакомившись с подробностями «Шаровой молнии», министр обороны Израиля Шимон Перес дал разрешение на подготовку операции. На все ее проведение – с момента приземления в Энтеббе первого самолета и вплоть до взлета последнего – отводилось 58 минут. Объединенный десант включал в себя 60 бойцов «Сайрет Маткаль» под командованием командира подразделения подполковника Йонатана (Йони) Нетаньяху,¹⁹ двух сотен бойцов бригады «Голани», спецназа 35-й бригады ВДВ Израиля и группы врачей-хирургов с большим опытом работы в полевых условиях. В общей сложности на четырех «Геркулесах» должны были разместиться 280 человек и боевая техника.

Несмотря на напряженную подготовку, времени явно не хватало. Нерешенные вопросы создавали неразбериху. По большому счету, залогом будущей победы был лишь общий энтузиазм и уверенность в правоте собственного дела. За день до начала операции министр обороны Шимон Перес вызвал к себе командира «Сайрет Маткаль», чтобы лично от него услышать, насколько подразделение готово к операции. До состояния готовности было далеко, но командир спецназа уверенно заявил, что его подразделение выполнит любую поставленную задачу. И командующий ВДВ Израиля Дан Шомрон, понимая, насколько поспешна и несовершенна подготовка к операции, доложил начальнику Генштаба, что десант готов в любое время погрузиться в самолеты и вылететь в Центральную Африку. В свою очередь, Мота Гур доложил премьер-министру Ицхаку Рабину, что правительство может рассчитывать на военных.

На самом деле все понимали, что ничего не готово. И Рабин, и Мота Гур, и министр обороны делали вид, что верят друг другу. Эти люди всю жизнь провели в армии и спецслужбах. Конечно, все они отдавали себе отчет в истинном положении дел. Каждый из них мог сказать «нет» и убедительно обосновать невозможность выполнения поставленной задачи. Но каждый из них дал себя «обмануть». Только так можно было сдвинуть с места всю военно-политическую государственную машину. Операция «Шаровая молния» должна была принести Израилю либо полный успех, либо катастрофу, других вариантов не было. Как ни страшно это звучит, но гибель заложников и десанта во время проведения операции имела бы менее губительные последствия для государства, чем удовлетворение требований террористов. Израилю пришлось бы испытать десятки последующих «энтеббе» с требованием территориальных уступок, выдачи преступников, с полной безнаказанностью и торжеством террора.

Запуская по дипломатическим и иным источникам дезинформацию о том, что правительство в принципе рассматривает условия обмена, израильтяне смогли несколько раз пе-

¹⁹ Родной брат будущего премьер-министра Израиля Беньямина (Биби) Нетаньяху.

реносить срок ультиматума. Затягивание времени было жизненно важно в тот момент, чтобы получить возможность лучше подготовиться к антитеррористической операции.

Вечером в пятницу 2 июля 1976 года были проведены учения, на которых лично присутствовал начальник Генерального штаба. На базе ВВС был выстроен огромный макет, точная копия старого пассажирского терминала. Ученая, как оказалось, подтвердили худшие опасения. Штурмовые группы «Сайрет Маткаль» мешали друг другу, десантники 35-й бригады и бойцы бригады «Голани» не успевали высадиться, ушедший вперед «Сайрет Маткаль» оказывался под огнем основной части десанта, которая должна провести зачистку территории аэропорта и подготовиться к отражению возможной контратаки угандийской армии. Явно не хватало информации о подходах и системе охраны терминала, что могло стоить жизни не только десанникам, но и заложникам и привести к срыву атаки. В задачу одной и групп прикрытия входило уничтожение угандийских МиГов, чтобы предотвратить преследование десанта. Но как узнать степень боевой готовности самолетов, их заправки горючим и боеприпасами? Ведь все это могло взорваться при уничтожении самолетов. Тогда ни об освобождении заложников, ни об эвакуации и отходе десанта заботиться будет просто некому. Но и оставлять 50 боевых машин целыми никак было нельзя. Эти вопросы оставались без ответа, и каждый из них мог решить судьбу операции.

Удивительно, насколько все здесь перемешалось – замысел, планирование, авантюризм и надежда на счастливый случай, которая сопутствует ощущению правого дела. Любой из начальников даже невысокого ранга легко мог добиться отмены операции. Достаточно было связаться с членами правительства. И его трудно было бы в этом упрекнуть. Тем не менее в субботу, 3 июля 1976 года, в 14.30 в огромном ангаре на территории одной из баз ВВС собрались 260 десантников и члены медперсонала. Все молча сидели на бетонном полу, ожидая прибытия командира операции генерал-майора Дана Шомрона. Войдя в ангар, он закрыл за собой дверь, встал на подножку бронированного джипа и громко объявил: «То, что вам предстоит сделать, важно для государства Израиль. Я знаю, что каждый из вас выполнит свой долг. Желаю удачи! Благодарю!»

...Все эти дни находившийся в своей ливанской резиденции Вади Хаддад с восторгом следил за развитием событий. Наступил звездный час его террористической карьеры У Израиля не было даже теоретической возможности что либо предпринять, чтобы вырвать своих соотечественников из рук НФОП. Если на арабские режимы еще можно было оказать давление, пригрозить им санкциями или ответным ударом, то на угандийского диктатора повлиять было невозможно. И вместе с тем столь большого числа заложников в руках Хаддада еще не было. Все указывало на то, но израильтяне должны пойти на уступки. И тогда победа в Уганде не только превратит НФОП в флагман национально-освободительной борьбы, но и обеспечит ему – Вади Хаддаду, блестящее политическое будущее. Освобождение палестинских заключенных станет основным козырем в его личной борьбе за лидерство в НФОП. Это станет подтверждением правоты избранной им стратегической линии, которую столь остро критиковал его вечный оппонент Джордж Хабаш. После того как израильтяне дали понять, что они не исключают возможность обмена палестинских заключенных на заложников, Хаддад уже видел себя на посту генерального секретаря НФОП. Он торжествовал.

Тем временем в воздух поднялся «Боинг-707», на борту которого разместился штаб операции. Самолет был перекрашен в бело-голубые цвета компании EL-AL и совершал, как казалось, обычный коммерческий рейс. У штурвала самолета находился командующий ВВС Израиля Бенни Пелед. Учитывая исключительную сложность задачи, он сам возглавил своих летчиков. В кабине рядом с ним находился заместитель начальника Генерального штаба, командовавший операцией.

Следом за ним в воздух поднялся второй «Боинг-707», также перекрашенный в цвета EL-AL, на его борту был развернут полевой госпиталь. Оба самолета должны были совершить 3800-километровый перелет вдоль Красного моря, пройти вдоль берега Саудовской Аравии, пролететь над территорией Эфиопии и совершить посадку в кенийском международном аэропорту Найроби.

Последними в 15.30 с военного аэродрома Шарм-а-Шейх на Синае поднялись и взяли курс на Уганду военно-транспортные самолеты с объединенным десантом на борту. В это

время правительство Израиля еще не дало разрешения на проведение операции, самолеты могли развернуть домой, десантники еще надеялись, что ситуация разрешится миром, все понимали, что в случае провала операции помощи ждать неоткуда. Единственный путь к спасению вел к кенийской границе за 180 километров от Энтеббе. В каждой машине была подробная карта Уганды. Топливные баки бронетранспортеров и джипов были заполнены доверху. Кроме того, десантники припрятали в машинах дополнительные канистры с горючим, которого, как они надеялись, должно было хватить до кенийской границы. Оказаться в руках угандийцев было невозможно, пленников живыми скармливали аллигаторам. Бойцам спецназа оставалось рассчитывать лишь на себя.

Команды на возвращение не последовало, и самолеты точно по плану достигли Энтеббе. За несколько минут до начала операции израильское правительство поставило в известность своих союзников. Как только грузовой самолет коснулся взлетно-посадочной полосы, на бетонное поле аэродрома выскочили бойцы спецназа 35-й десантной бригады и бригады «Голани». Они обеспечивали прикрытие остальному десанту. Потом на взлетно-посадочную полосу выехал черный «мерседес», на переднем сиденье которого находился командир «Сайрет Маткаль» подполковник Йонатан Нетаньяху. На большой скорости, с включенными дальними огнями «мерседес» и сопровождающие джипы направились к пассажирскому терминалу, расположенному в двух километрах от места высадки десанта. Аэропорт был погружен во тьму. Самолетов явно не ожидали, операция началась успешно. На подъезде к терминалу спецназовцы открыли огонь по часовым. Машины неслись на большой скорости, часть охраны уцелела и открыла ответный огонь. Но десантники счастливо проскочили зону обстрела и въехали под защиту здания. Теперь штурмовой группе предстояла схватка с террористами. Те явно не ждали атаки и были тут же уничтожены. От начала первой стычки с угандийскими часовыми до окончания за чистки первого этажа пассажирского терминала и освобождения заложников прошли считанные минуты. К сожалению, был убит израильский заложник – во время штурма он, несмотря на предупреждение лежать на полу, встал, был принят за террориста и застрелен. Еще несколько заложников были ранены отстреливающимися террористами. Сам спецназ понес единственную, но тяжелую утрату. По группе захвата открыли снайперский огонь с контрольной вышки аэропорта и был смертельно ранен командир израильтяин Йонатан Нетаньяху.

Свою часть операции бойцы «Сайрет Маткаль» выполнили с минимальными потерями. Расчет операции предполагал возможные потери трети заложников и личного состава в штурмовой группы. Тем не менее выводить спасенных людей из здания было нельзя – аэропорт не очищен от угандийцев, пространство вокруг простреливалось насквозь. Теперь все зависело от успеха групп прикрытия и второй волны десанта. Они должны были выполнить свою боевую задачу до того, как к аэропорту подоспеют крупные армейские силы с танками и артиллерией.

Как и планировалось в Генштабе, ровно через 7 минут после «Геркулеса» с группой захвата в аэропорту приземлились самолеты со вторым отрядом десанта: отдельное спецподразделение под командованием майора Шауля Муфаза, спецназ 35-й воздушно-десантной бригады под командованием подполковника Матана Вильнаи и бойцов бригады «Голани» под командованием подполковника Ури Саги. Первые бойцы, ступившие на угандийскую землю, несколькими выстрелами из наплечного противотанкового гранатомета «Лау» уничтожили контрольную вышку, на которой засели снайперы и пулеметчик. Потом десантники погрузились в бронетранспортеры с крупнокалиберными пулеметами и бронированные джипы с установленными на них безоткатными артиллерийскими орудиями и, разделившись на три отряда, разъехались по территории аэропорта. Каждый из отрядов приступил к выполнению своей задачи.

Один из отрядов повел зачистку территории, уничтожая все, что могло представлять угрозу эвакуации десанта и заложников. Высадка израильтян стала для угандийских солдат полной неожиданностью, они были деморализованы, солдаты разбежались, почти не оказывая сопротивления.

Другая группа приступила к уничтожению угандийских боевых самолетов. Первоначально планировалось заложить под корпусы истребителей мины замедленного действия. Однако когда выяснилось, что МиГи не имеют боекомплекта и не заправлены горючим,

подполковник Ури Саги отдал приказ немедленно, не дожидаясь конца эвакуации, уничтожить все истребители.

Спецназу 35-й воздушно-десантной бригады под командованием подполковника Матана Вильнаи была поставлена задача зачистить новый пассажирский терминал. На это ушло пятнадцать минут. Во время штурма один из десантников получил тяжелое ранение в голову и остался парализованным.

Эвакуация заложников прошла без единой заминки. В 23.59 Уганду покинул первый самолет с освобожденными заложниками на борту. В 00.40 взлетел последний самолет с десантом, оставляя за собой пылающий аэропорт и горы уничтоженной военной техники. Удалось захватить в плен троих палестинских террористов – членов НФОП. За день до вылета главнокомандующий ВДВ Израиля генерал-майор Дан Шомрон заявил членам правительства, что на проведение антитеррористической операции в Энтеббе отводится 58 минут. С момента приземления первого «Геркулеса» до взлета самолета с освобожденными заложниками прошло... ровно 58 минут!

Во время этой антитеррористической операции «Шаровая молния» израильские десантники проявили все лучшее, что было накоплено в длительной и упорной борьбе с терроризмом. Со стороны израильтян было двое погибших и семеро раненых.

Была еще одна невинная жертва. Израильская заложница, пожилая женщина по имени Дора Блох, неожиданно почувствовала себя плохо и незадолго до высадки десанта была госпитализирована в больницу в городе Камлала. На следующий день после операции в Энтеббе по приказу угандийского диктатора Иди Амина она была убита.

Возвращение заложников превратилось в национальный праздник, который остается событием национальной гордости для нескольких поколений израильтян. Операция в Энтеббе оказала огромное положительное психологическое воздействие на израильское общество, которое вновь обрело веру в свою армию и государство, пошатнувшуюся после серьезных просчетов в войне Судного дня 1973 года. Успех израильтян в далекой Уганде имел огромный международный резонанс. В США известие об освобождении заложников израильским спецназом затмило даже главный праздник года – День независимости.

Успешная антитеррористическая операция в Энтеббе явилась прямым ударом по ненавистному израильтянами руководителю военного крыла НФОП, главному вдохновителю и организатору «зарубежных акций», доктору Вади Хаддаду. Столь громкий и позорный провал перечеркнул все его террористические «заслуги» перед НФОП и подорвал престиж самой организации. Соратники по партии ему этого не простили. Вскоре после антитеррористической операции «Шаровая молния» Хаддад был исключен из состава Народного фронта освобождения Палестины. А почти через два года, 28 марта 1978 года, спустя некоторое время после хирургической операции по удалению злокачественной опухоли доктор Вади Хаддад умер в одной из восточногерманских клиник. Так бесславно закончил свой путь один из злейших врагов Израиля и Западного мира, руководитель военного крыла НФОП, один из теоретиков палестинского терроризма доктор Вади Хаддад.

В середине 90-х годов НФОП была вытеснена на обочину палестинской вооруженной борьбы такими набирающими силу исламскими террористическими организациями, как Палестинский Исламский Джихад, во главе которого со дня своего основания и до 1995 года находился шейх Фатхи Шкаки²⁰ и ХАМАС, духовным лидером которого является шейх Ахмад Ясин.²¹ Пытаясь перехватить инициативу у исламских фундаменталистов и Арафата, в 1993 году НФОП объединился с так называемым «Фронтом отказа», базирующимся главным образом в Дамаске. Именно по этой причине представители НФОП не смогли принять участие во внутренних выборах в образованной Палестинской Автономии.

Вместе с тем 1993 год был отмечен очередной вспышкой террористической активности НФОП. Вот лишь некоторые эпизоды, характеризующие деятельность НФОП середины 90-х годов:

²⁰ 27 октября 1995 года шейх Фатхи Шкаки был ликвидирован агентами «Моссада» на территории Мальты.

²¹ Ликвидирован в Секторе Газа 21 марта 2004 года.

- 16 сентября 1993 года силы Армии Оборона Израиля ликвидировали вооруженного террориста НФОП, пытавшегося прорваться на территорию Израиля морским путем со стороны Ливана, в районе Рош-а-Никра;

- спустя две недели, 9 октября 1993 года, двое израильских туристов были найдены убитыми в ущелье Кельт, расположенном между Иерусалимом и Иерихоном. НФОП взял на себя ответственность за проведение этого теракта;

- 15 ноября 1993 года в Хевроне было совершено жестокое убийство. Двое членов НФОП зарубили топорами престарелого раввина Авраама Зарбива. На одном из топоров на арабском языке было вырезано ножом «Аль-Жабха аль-Ашабийя Итахрир Фаластин»;²²

- 8 декабря 1993 года в Бейт-Лехеме (Вифлеем) двумя выстрелами был тяжело ранен Яир Гонен. Как и в предыдущих случаях, ответственность за нападение взял на себя НФОП;

- 21 января 1994 года житель Ришон-ле-Циона Моше Беккер был убит на своей апельсиновой плантации. Преступники нанесли ему несколько ножевых ранений в область груди, а затем перерезали горло. Оперативники службы безопасности ШАБАК задержали двоих террористов. Ими оказались Мидхат Бардах и Хани Абу Сита, жители лагеря палестинских беженцев «Хан Юнее», расположенного на территории Сектора Газа. На допросе террористы сообщили, что убийство Моше Беккера должно было стать вступительным экзаменом в одну из боевых ячеек НФОП. Накануне вечером они пришли к Моше Беккеру и устроились работать на плантации. На следующий день в 8 часов утра они осуществили задуманное и попытались скрыться на территории Сектора Газа.

С развалом Советского Союза и социалистического лагеря НФОП лишился одного из основных источников финансирования, арабские страны постепенно стали пересматривать свою политику в отношении Израиля и палестинского терроризма. Небогатая Сирия, раздираемая к тому же внутренними проблемами, не могла в полной мере финансировать НФОП, а ультраортодоксальные исламские режимы предпочитали поддерживать другие террористические организации. Время так называемого светского терроризма на Ближнем Востоке начало подходить к концу. Ему на смену пришли более экстремистские исламские террористические организации.

В мае 2000 года из-за серьезного ухудшения здоровья доктор Джордж Хабаш был вынужден уйти с поста лидера НФОП, уступив место своему давнему протезе Мустафе Али Кассам Цабири, более известному в палестинской среде как Абу Али Мустафа.

Ульрика Майнхоф

Если в странах Латинской Америки, Дальнего и Ближнего Востока условия для процветания левого терроризма создал неокOLONиализм, то в странах Западной Европы ситуация выглядела совершенно иначе. В становлении левого терроризма существенную роль сыграли студенческие беспорядки, прокатившиеся по странам Западной Европы в конце 60-х годов. Первой европейской террористической организацией, проложившей путь от «легальных» студенческих бунтов к терроризму, стала западногерманская группа левых экстремистов, получившая впоследствии название «Фракция Красной армии» (РАФ), более известной на Западе как «Банда Баадер – Майнхоф».

Истоки РАФ-терроризма стали зарождаться в пацифистских студенческих движениях конца 60-х годов. Примером для западногерманских «левых» послужили французские студенческие волнения мая 1968 года, грозившие перерасти в революцию. Тем не менее события во Франции не повлекли человеческих жертв, а в Германии, где процесс развивался постепенно на протяжении нескольких лет, они вызвали волну террора, растерянность, ужас и панику среди населения и ответную реакцию властей вплоть до полицейского и судебного произвола.

Причин, породивших революционную ситуацию, было несколько. Это недовольство политической ситуацией, чувство социальной несправедливости и ощущение нарастающего кризиса «общества потребления». Ощущению катастрофичности соответствовали события в

²² «Народный Фронт Освобождения Палестины».

третьем мире, которые можно охарактеризовать как революционный процесс освобождения от колониальной зависимости. Проигранные французами войны в Алжире и Индокитае, американцы, терпящие поражение во Вьетнаме (и огромный материальный ущерб и жертвы этой войны), предвещали время перемен. Об этом говорило распространение в Западной Европе марксистских идей различного толка, вплоть до троцкистских и маоистских (чудовищный коммунистический диктатор Камбоджи Пол Пот был студентом Сорбонны), и их философское обоснование (Сартр, Маркузе). Как ни парадоксально на первый взгляд, но марксистская теория гораздо живее развивалась в Западной Европе, где ею были увлечены некоторые молодежные и интеллектуальные движения, чем в Советском Союзе. Здесь официальный марксизм стал незыблемой и окостеневшей догмой, лишенной всякого динамизма и продуктивного анализа. Идеологическая и политическая стагнация наглядно проявилась во вводе войск Варшавского договора в Чехословакию и подавлении «Пражской весны», идеологи которой исповедовали социал-демократические взгляды.

Все эти явления требовали осмысления и ответных действий. Именно молодежь – наиболее активная и нетерпимая к несправедливости часть общества – стала искать способы протеста, воздействия на власть и, в конечном счете, переустройства мира в соответствии с собственными идеалами. В этих условиях идеи левого радикализма (троцкизма, маоизма, анархизма) оказались востребованы и требовали практического воплощения. Путь от студенческих выступлений и беспорядков к конспиративным формам организации и методам силового (террористического) воздействия на общество и власть оказался вполне закономерным.

2 апреля 1968 года четверо молодых людей, в число которых входили будущие лидеры террористической организации РАФ Андреас Баадер и Гудрун Энслин, совершили поджог одного из крупнейших супермаркетов Франкфурта-на-Майне. Как позднее объяснили мотив своего поступка поджигатели, этот акт должен был стать ответом на действие американской армии в Индокитае, где ежедневно сжигались десятки вьетнамских деревень. Спустя несколько дней полиции удалось арестовать поджигателей. На то время инцидент стал громким событием, сообщения заполнили главные газетные полосы, приковав к себе внимание всей страны. Западная Германия разделилась на два лагеря. Подавляющее большинство молодежи открыто поддерживало поджигателей, считая акцию оправданной и законной формой протеста против политики властей.

Одной из ярких сторонниц поджигателей была известная западногерманская журналистка Ульрика Майнхоф. Она несколько раз посетила обвиняемых в камерах предварительного заключения, брала у них интервью, написала ряд статей, появившихся на страницах левой периодики. Ульрика пользовалась в Западной Германии большой популярностью благодаря частым темпераментным, резким и талантливым выступлениям на ток-шоу и в прессе, что существенно повлияло на формирование благоприятного для поджигателей общественного мнения. Одни восхищались ею, другие (власти) боялись, но равнодушными после ее выступлений оставались немногие.

Страсти вокруг поджога во Франкфурте еще только накалялись, как общественное спокойствие было нарушено еще раз. Очередной взрыв студенческих волнений был спровоцирован покушением на жизнь известного студенческого лидера Руди Дучке. Газетный концерн правого толка «Шпрингер-Пресс» устроил его настоящую травлю, со страниц его газет раздавались откровенные призывы ко «всем честным немцам» остановить Руди. 11 апреля 1968 года молодой неонацист, страдавший психическими отклонениями, совершил покушение на жизнь студенческого лидера, выстрелив ему несколько раз в голову, после чего спокойно сдался в руки полиции. По счастливой случайности, Дучке выжил, но постоянно страдал от приступов эпилепсии и сильных головных болей.

На следующий день после покушения сотни студентов окружили 20-этажное здание концерна «Шпрингер-Пресс». Власти Западного Берлина стянули к зданию крупные силы полиции, усиленные бронетранспортерами и водометами. Атмосфера накалилась. Студенты готовы были лечь на мостовую, чтобы помешать развозке газет. Началась блокада здания с помощью частных автомобилей. Новый редактор журнала «Конкрет» Штефан Ауст,²³ при-

²³ Впоследствии Штефан Ауст станет биографом террористической организации «Фракция Красной армии»

шедший на демонстрацию вместе с Ульрикой Майнхоф, предложил использовать и ее автомобиль. Ульрика еще колебалась, пытаясь оценить происходящее и степень своего участия. Свой первый противоправный поступок она совершила из солидарности с протестующими, поэтому, когда по итогам того дня (ее задержали вместе с другими) полиция предъявила ей обвинение в блокаде здания, она сослалась на нехватку парковочных мест. Это, мол, и вынудило ее поставить свою машину в один ряд с остальными. Она также смогла убедить суд, что на демонстрацию она прибыла из чисто профессиональных интересов.

А тогда ближе к полуночи страсти вокруг здания «Шпрингер-Пресс» стали накаляться. В полицию и окна полетели камни. В разбушевавшейся толпе появились бутылки с зажигательной смесью, известной как «коктейль Молотова». Бутылками с «коктейлем» забрасывают грузовики с печатной продукцией «Шпринтера», которые не могут проехать сквозь блокирующее кольцо. Пять машин выгорают полностью, 10 остальных опрокидывает толпа. Небольшая группа студентов, вооруженных деревянными палками, прорвалась в вестибюль и вступила в потасовку с охраной концерна. Один из демонстрантов добрался до водомета и направил струи воды на полицейское оцепление. Наблюдая эти события, Майнхоф становится из свидетеля их участником, ее вдохновляют искренность и мотивы протестной акции. Сама логика развития инцидента требует все более активных и решительных действий. Использование террора как крайней формы протеста в условиях противодействующего насилия властей, кажется приемлемым и оправданным.

Беспорядки, спровоцированные покушением на Руди Дучке, прокатились по крупным городам Западной Германии. На протяжении всех пасхальных праздников демонстранты продолжали блокировать издательства и типографии «Шпрингер-Пресс» в Гамбурге, Западном Берлине, Ганновере, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Штутгарте и других городах. Описывая происходившие беспорядки, «Шпигель» писал:

... доходило до уличных битв, каких Западная Германия не знала со времен Веймарской республики...

Многие известные общественные деятели Западной Германии активно поддержали студенческие выступления, а Майнхоф быстро «дозрела» до осознания и оправдания террористических методов воздействия на политических оппонентов и власть. Она писала:

Если бросать камень, то это наказуемое действие. Если 1000 камней бросают, это политическая акция. Если сжигают одну машину, это наказуемое действие, сотни машин сжигаются – это политическая акция.

В октябре 1968 года начался суд над «франкфуртскими поджигателями». Защитником на суде выступил известный своими ультралевыми взглядами западногерманский адвокат-правозащитник Хорст Малер. В конечном итоге, после долгих судебных заседаний, ему удалось подать апелляцию и убедить западногерманскую Фемиду временно выпустить «поджигателей» под подписку о невыезде. Одним из условий освобождения было согласие подследственных вернуться за решетку в случае негативного для них решения суда. 13 июня 1969 года Андреас Баадер и его подруга Гудрун Энслин были освобождены после более чем годичного пребывания в заключении. Они дождались решения суда, который отклонил апелляцию адвоката, и в ноябре 1969 года, нарушив подписку о невыезде, перебрались в Париж. «Студенческая революция» там не так давно закончилась, но молодые бунтари рассчитывали на ее продолжение и воздействие («экспорт революции» – в соответствии с теорией Троцкого) на другие страны, в частности Германию. К этому следовало готовиться.

В конце февраля 1970 года в берлинской квартире Ульрики Майнхоф на Кюрфюстдамм появилась молодая пара. Своим дочерям, Беттине и Регине, Ульрика представила их как «тетю Грету» и «дядю Ханса». Первое знакомство Ульрики Майнхоф и Андреаса Баадера произошло полгода назад, когда Ульрика Майнхоф несколько раз навестила его в заклю-

чении, чтобы взять интервью для журнала «Конкрет». Тогда слова Баадера произвели на нее сильное впечатление. Он говорил то, о чем задумывалась сама Ульрика. Призыв к насилию во имя справедливости казался ей более эффективным оружием, чем политические статьи на страницах «ожиревшего» «Конкрета», ставящего перед собой единственную цель – увеличение журнального тиража. Острота этих статей была всего лишь средством, чтобы вызвать сенсацию и привлечь внимание читателей. Ульрика не могла этого не понимать. В Андреасе она разглядела бунтаря, готового действовать во имя идей, близких ей самой. В свою очередь, Баадер увидел в ней не обычную журналистку, ищущую очередной скандальный материал для своей статьи, а представителя той прослойки левой интеллигенции, на которую в будущем он и его соратники по борьбе смогут опереться. Поэтому, оказавшись в Западном Берлине, Андреас Баадер и Гудрун Энслин разыскали Ульрику Майнхоф, не сомневаясь, что найдут у нее убежище. И они его получили. Можно считать этот поступок первым осознанным шагом Ульрики на пути борьбы, – укрывательство лиц, скрывающихся от правосудия, было преступлением. К тому времени Гудрун Энслин и Андреас Баадер поставили себя вне закона, объявив войну всему западно-германскому обществу. То же самое можно было сказать и о ней самой.

Сейчас, когда история и члены «Фракции Красной армии» (РАФ) детально известны, общество продолжает волновать вопрос, что толкнуло молодых, образованных, материально обеспеченных людей, не испытывавших национального и социального притеснения, на путь экстремизма, что побудило их сделать насилие смыслом и целью своей жизни и в конце концов пожертвовать ею.²⁴ Более двух третей членов РАФ были молодые, привлекательные женщины. Поэтому взгляды и судьба Майнхоф представляют особый интерес. Она была из ключевых фигур РАФ, сыграла важную определяющую роль в становлении организации, формировании ее идеологии и методов действия, стала объектом для подражания целого поколения молодых интеллектуалок. В каком-то смысле она представляла собой собирательный образ женщины-террористки. К идеям феминизма, с которыми можно было связать участие женщин в организации, Ульрика и ее единомышленницы были равнодушны. Сущность ее конфликта с буржуазным обществом заключалась в нетерпимости к его порокам, его лицемерию, оправдывающему существование социального неравенства и бедности, в страстном желании сломать существующий порядок вещей. Жизненный путь и судьба Ульрики Майнхоф являются предметом для размышлений.

Ульрика Майнхоф родилась 7 октября 1934 года в городе Ена, земля Вюртенберг. Ее рождение совпало с приходом Гитлера к власти, именно в этой связи Ульрику Майнхоф можно считать одним из типичных представителей «потерянного поколения», искалеченного нацистской идеологией и войной. Отец Ульрики, директор местного музея доктор Вернер Майнхоф, скромный служащий, происходил из семьи протестантских теологов, на протяжении нескольких веков занимавших влиятельные посты в церковной иерархии и системе университетского образования. Один из предков Ульрики по отцовской линии – известный поэт-романтик Фридрих Гёльдерлин. Мать Ингеборг Майнхоф происходила из семьи потомственных мастеровых, сумевших достичь достаточно высокого общественного статуса.

Детство Ульрики было тяжелым, почти сразу после ее рождения отца разбил паралич. Когда в 1940 году отец скончался, мать Ульрики с двумя маленькими дочерьми осталась без средств к существованию. Скромные сбережения были растрочены за время болезни, а небольшого денежного пособия едва хватало, чтобы не умереть от голода. Не имея работы специальности, Ингеборг Майнхоф занялась изучением истории, чтобы попытаться найти место учителя в общеобразовательной школе. В этот период она подружилась с 19-летней студенткой Ренат Римек. Женщины сохранили дружбу до конца жизни Ингеборг Майнхоф, после ее смерти Ренат Римек фактически заменила Ульрике и ее сестре родную мать.

Римек оказала большое влияние на формирование внутреннего мира Ульрики. Это была яркая и сильная личность, способная противостоять не только жизненным тяготам, но и

²⁴ Здесь невольно напрашивается сравнение с историей революционного движения в России — партии «Народная воля» и социал-революционеров (эсеров).

разрушительному влиянию зомбированного нацистского общества. Основные детские воспоминания Ульрики связаны с Римек. Детская память сохранила негромкие домашние разговоры женщин, пытавшихся самостоятельно осмыслить происходящее. Еще в период упоения нацистов быстрыми победами в Европе Римек не строила иллюзий, она была уверена, что Гитлер приведет Германию к катастрофе. Ульрика была еще мала, но научилась понимать серьезность происходящего. В ней рано развилось чувство ответственности, которое определяло в дальнейшем ее поступки и твердость характера. С детских лет она испытывала отвращение как к нацизму, так и к любой форме общественно-политического насилия.

После окончания войны земля Вюртенберг оказалась в советской оккупационной зоне. В городе Ена разместился русский военный гарнизон. Наслушавшись рассказней о зверствах советских солдат, Ренат Римек и Ингеборг Майнхоф, с дочерьми перебрались в западную оккупационную зону, сначала в город Бернек, где женщины стали работать в местной начальной школе, а летом 1946 года в город Ольденбург где у покойного мужа Майнхоф было много друзей. Девочки пошли в монастырскую школу, а Майнхоф и Римек устроились на работу в качестве лекторов на курсах повышения квалификации школьных учителей.

Казалось, жизнь стала налаживаться, но не надолго. В 1948 году Ингеборг Майнхоф заболела раком трахеи и, несмотря на перенесенную хирургическую операцию, скончалась в марте 1949 года. Ренат Римек взяла на себя ответственность за воспитание 11-летней Ульрики и ее сестры, заменив им мать. Скромную помощь оказывал дед со стороны покойной Ингеборг Майнхоф, каждый месяц он переводил осиротевшим внукам небольшие суммы денег.

В 1955 году Ульрика Майнхоф закончила среднюю школу в городе Вайлебург, земля Гессен. Там Ренат Римек получила место преподавателя на курсах повышения квалификации учителей. Еще в школе Ульрика проявила незаурядные литературные способности, здесь тоже сказалось влияние Римек, уделявшей большое внимание интеллектуальному и духовному развитию девочек.

Аттестат зрелости позволил Ульрике Майнхоф продолжить образование, и она поступила в университет города Марбург. Правительство недавно образованной Западной Германии проводило целенаправленную политику развития высшего образования. Сеть университетов охватила всю страну, по числу студентов Западная Германия превосходила другие страны Европы. Страна нуждалась в высококвалифицированных кадрах, чтобы возместить потери, нанесенные гитлеризмом и войной, быстрое восстановление интеллектуального и промышленного потенциала стало национальной идеей. Не менее важной целью было проведение повсеместной денацификации, в том числе преодоление последствий нацистской идеологии. Освобождение мысли стимулировало самый широкий спектр идей и движений – от традиционно христианских, консервативных, либеральных до радикальных марксистских и анархистских.

В университете Ульрика Майнхоф стала изучать педагогику и философию, посещала лекции по истории, но пока не интересовалась политикой. Атмосфера марбургской школы была ей близка, она воспитывалась в ортодоксально-христианских традициях. Но именно поэтому она ощущала их недостаточность, несоответствие запросам времени и, главное, отсутствие ответа на вопрос, который задавали себе многие немцы: как цивилизованная страна с укорененными традициями культуры и философской мысли могла стать эпицентром фашизма и человеконенавистнической идеологии? Ульрика жила в небольшой меблированной комнате, много работала и вела сравнительно замкнутый образ жизни. Одним из первых ее самостоятельных философских увлечений был английский философ-пацифист Бертран Рассел.

В университете Ульрика встретила своего школьного товарища Вернера Линка и по его совету стала посещать лекции профессора Вольфганга Абендрота, убежденного марксиста и любимца студентов левых взглядов. Общение с Абендротом оказало на Ульрику огромное воздействие. Его резкие высказывания и оценки шокировали не только идейных противников, но и друзей. Абендрот был убежден (и убеждал других) в том, что самое лучшее капиталистическое общество всегда будет хуже самого плохого социалистического.²⁵

²⁵ При всей антипатии к презираемому им капиталистическому обществу профессор Вольфганг Абендрот в

При этом он был не только прекрасным лектором и пропагандистом, но сильной харизматической личностью, способной оказывать влияние на окружающих. Он привил Ульрике интерес к политике, вызвал у нее сочувствие к коммунистическим идеям. Коммунизм в ее представлении был религией и мечтой угнетенных, средством преодоления социальной несправедливости и переустройства мира на принципах равенства и справедливости. Особо привлекла Ульрику действенность коммунистической идеологии, ее политический практицизм, обращение непосредственно к народным массам, отказ от полумер и сотрудничества с институтами буржуазного государства, прямой призыв к борьбе, в том числе с использованием насилия. Ей оказалась близка мысль, что только путем прямого насилия можно хоть что-то изменить в этом «насквозь прогнившем обществе потребителей и угнетателей». Вместе с тем глубоко в душе она оставалась христианской идеалисткой, социал-романтиком, мечтающей о христианском мире без оружия и насилия. Истоки последнего она видела в природе капиталистического общества.

Первым шагом в большую политику стал переход Ульрики Майнхоф в 1957 году в Университет города Мюнстер, главного католического центра земли Вестфалия. На базе этого университета по инициативе его профессорского состава, известных ученых и деятелей искусства, а также студенческих объединений и профсоюзов был создан антивоенный, антиядерный комитет. В его состав вошли видные политические деятели Западной Германии, такие как будущий бургомистр Западного Берлина и канцлер ФРГ Вилли Брандт, а также нынешний правящий бургомистр Западного Берлина Генрих Альбертц. В конце мая 1958 года в десяти университетах страны прошли массовые антиядерные демонстрации и митинги протеста против милитаризации Западной Германии. На одном из таких митингов 20-летняя Ульрика Майнхоф выступила со своей первой речью. В дальнейшем она выступала не раз и всегда с неизменным успехом. Помимо ума и темперамента она, безусловно, обладала большим ораторским даром. Искренность и страстность ее выступлений завораживали аудиторию. Ее словам верили, ее призывы находили все новых сторонников. Она приобрела известность. Это не было самоцелью и средством политической карьеристики, это было инструментом борьбы, которая захватывала ее все сильнее. Без всякой специальной подготовки и личных амбиций Ульрика Майнхоф стала одной из самых ярких фигур западногерманской политической жизни. В 1959 году она избирается председателем студенческого союза Министерского университета и председателем антиядерного комитета объединения журналистов. Она постоянно принимает участие в различных ток-шоу радиопередачах, митингах и конференциях. На одной из таких антиядерных конференций в 1959 году в Западном Берлине она познакомилась со своим будущим мужем – Клаусом Рейнером Ролем.

Спустя много лет Клаус Рейнер Роль, к тому времени бывший муж Ульрики Майнхоф, напишет в своей автобиографической книге:

С первого взгляда у меня возникла острая к ней антипатия. У меня сложилось такое чувство, что она испытывала то же самое по отношению ко мне. Она произвела на меня впечатление неинтересного человека, во всяком случае, не моего типа и не моего вкуса: слишком прямолинейная, без каких-либо минимальных норм приличия²⁶.

Нельзя сказать, что и Ульрика влюбилась с первого взгляда, по ее позднейшим отзывам, при первом знакомстве Клаус показался скользким, циничным и ненадежным человеком. Но отношения развивались, углублялись и в 1961 году завершились браком. Спустя еще год у Ульрики родились две девочки-близняшки.

К 23 годам Ульрика Майнхоф на базе Мюнстерского университета вела работу над докторской диссертацией. Невзирая на занятость и семейную рутину, она все больше времени уделяла политической деятельности. Она была членом различных левых движений, вы-

---

1948 году перебрался из ГДР в ФРГ и не спешил возвращаться назад.

²⁶ *Klaus Rainer Rohl. Funf Finger sind Reine Faust.*

ступала за запрещение ядерного оружия и тотальной милитаризации Западной Германии. Постепенно политика становилась главным содержанием ее жизни. Первой вниманием на это обратила Ренат Римек. Человек, любящий Ульрику и чутко улавливающий общественные настроения, она была встревожена. «Не дай политикам проглотить себя», – предупреждала Римек. Однако Ульрику уже было трудно остановить. Ее особенностью был крайний идеализм, не рассуждающая, можно сказать, религиозная вера в собственную правоту. Она считала себя коммунисткой, при этом не имея представления о коммунизме как таковом и результатах его практического воплощения.

Ее муж Клаус Рейнер Роль был третьим человеком (наряду с Римек и Абендрот), оказавшим влияние на мировоззрение Майнхоф. Роль был издателем левацкого молодежного журнала «Конкрет». Политика была для него в первую очередь средством заработка, инструментом конъюнктуры, приносящим его журналу коммерческий успех и известность. На этом пути он был не слишком разборчив. Важным финансовым спонсором журнала было идеологическое руководство ГДР (при прямой поддержке советского руководства), заинтересованное в пропаганде коммунистических идей среди западногерманских студентов.

Не боясь ошибиться, можно сказать, что к развитию отношений с Ульрикой Роля подтолкнул именно профессиональный интерес журналиста. «Конкрет» переживал далеко не лучшие времена, нуждался в свежих идеях. Ульрика была лучшей кандидатурой, которую можно было найти. Роль предложил ей вести в журнале внешнеполитическую тематику. В том же 1959 году она вошла в редколлегия журнала и стала его главным редактором. Как и любое дело, за которое она бралась, журнал поглотил ее целиком, стал ее детищем. Роль был любимым мужем, отцом ее детей, ее издателем и единомышленником, поощрявшим левизну ее взглядов и радикализм. Выбор Роля полностью себя оправдал, энергия Ульрики, казалось, не знала предела. Популярность Ульрики («сумасшедшей журналистки»), а вместе с ней тиражи «Конкрета» взлетели до небес, журнал стал одним из самых популярных молодежных журналов левого толка.

Однако так длилось не долго, в 1961 году журнал неожиданно лишился финансовой поддержки со стороны Восточной Германии. Для Роля и Ульрики, привыкших жить на широкую ногу, наступили трудные времена. За два года долги их семейного предприятия достигли 40 000 марок – суммы по тем временам почти астрономической. Нужно было менять редакционную политику. Здесь следует упомянуть имя близкого семейного друга, одного из журналистов, сотрудничавших с «Конкрет», Петера Румкорфа. Его предложения, наряду с энергией Ульрики, во многом определили новый облик и содержание журнала. Теперь вместе с эксплуатацией и пропагандой левых идей журнал стал развлекательным. Его основной темой стала «сексуальная революция» и «свободная любовь» – настроения, повсеместно распространявшиеся в Западной Европе и увлекавшие западногерманскую молодежь. Успех нового «Конкрета» превзошел все ожидания, в 1964 году еженедельный тираж журнала, которому еще недавно грозило банкротство, составлял 100 000 экземпляров. Вполне в духе журналиста-профессионала, Роль развил «новые» идеи, стал выкупать шведские порнографические книги, переводить на немецкий язык и с большой выгодой переиздавать в Западной Германии.

«Экономическое чудо» позволило семье Роль – Майнхоф купить дом в престижном районе Гамбурга. Но ни два «мерседеса», ни свободный образ жизни и финансовые возможности семьи не смягчили революционный радикализм Ульрики, она продолжала утверждать, что только насильственный переворот может изменить современное прогнившее общество. Идея разрушения капиталистического мира частью которого она была и в котором преуспела, стала доминировать в ее сознании. Вот что писала она на страницах «Конкрета»:

Невозможно стрельбой изменить мир, его возможно только разрушить!

За внешним благополучием скрывалась глубокая личная трагедия. Начав политическую деятельность, она надеялась, что сможет изменить существующий порядок вещей. Теперь ее постоянно преследовали угрызения совести, она считала, что ее нынешний образ жизни преуспевающей буржуазией является предательством идеалов ее молодости и, более того, обманом тех, кого она призывала следовать за собой. Другим разочарованием было

поражение в личной жизни. Роль, каким она его теперь видела, оказался лживым двоедушным человечком, насквозь пропитанным буржуазным лицемерием. Человек, которого она любила, оказался «фальшивым» и откровенно двуличным (крайности в оценках были свойственны Майнхоф). «Свобода нравов», которую он пропагандировал, стала образом его собственной жизни, он открыто изменял жене, выйдя за все возможные рамки приличия.

Ульрика чувствовала себя униженной. Казалось бы, преуспевающая, сделавшая карьеру журналистка, она находилась в состоянии глубокого кризиса. Она ощущала себя игрушкой не только в руках мужа, использующего ее энергию и способности, но всей системы, тиражирующей лицемерие и несправедливость. Натура деятельная, Ульрика искала выход. «Делать что-то – значит не говорить, а переходить к активным физическим действиям» – такова была ее формула, оправдание ее будущей борьбы. Применительно к сложившемуся противоборству идеологий, революционному развитию марксистских идей, эта формула получила конкретное содержание: коммунизм сегодня – это вооруженное насилие...

Тем временем в стенах Свободного университета Западного Берлина началось формирование реальных структур радикального направления, был создан левый студенческий союз, открыто призывавший к борьбе с миром капитала. Это как нельзя более соответствовало нынешним настроениям Ульрики, ее горячему желанию «перейти от слов к делу», присоединиться к людям, которые, по ее словам, «не ограничиваются лишь одними пустыми разговорами». И она принимает важнейшее решение. Зимой 1967/68 года она уходит с поста главного редактора «Конкрета», оставляет дом, переезжает в Западный Берлин. Было покончено, как она позже писала, «с самообманом социал-революционерки за письменным столом в шикарном доме в престижнейшей районе Гамбурга».

Одновременно было покончено и с семейной жизнью. Развод с мужем прошел достаточно мирно. Она сохранила за собой право ведения политической рубрики в журнале «Конкрет», взамен чего бывший муж получил возможность без ограничений навещать дочерей. Девочек Ульрика забрала с собой, временно разместив их (до решения проблем своей новой жизни) у Ренат Римек.

Достаточно крупная сумма, составлявшая треть стоимости дома, алименты и доходы от публикаций в журнале «Конкрет» позволили Ульрике снять жилье в привилегированном берлинском районе Дахлам, недалеко от Свободного университета. Район отличался левизной, здесь селились западноберлинские интеллектуалы, и Майнхоф сразу оказалась в самом центре политической жизни.

Одним из первых, с кем встретилась Ульрика в Берлине был ее близкий друг Петер Румкорф, вместе с которым она 4 года назад спасли от банкротства «Конкрет». В отличие от Майнхоф, Румкорф обладал холодным рассудком и умел различать теорию коммунистического учения, его практическое воплощение и уличную стихию студенческого бунта. При сходстве взглядов и заимствовании политических лозунгов они существенно отличались друг от друга. Ульрика Майнхоф провела немало времени в скромной берлинской квартире Румкорфа. Это было время ожесточенных политических дискуссий о политике, принципах мироустройств и личной ответственности за происходящее. Под наблюдением Румкорфа Ульрика изменилась, она стала другой, не той Ульрикой, которую он знал раньше (так он потом вспоминал). Натура цельная и не терпящая компромиссов, Майнхоф переживала в тот год глубокий кризис, который готов был вылиться в душевную депрессию. Разочарование в любимом человеке вылилось в более общий кризис веры. Что она могла противопоставить этому? Борьбу как возвращение к жизни, потребность в немедленных действиях, поиск нового идеала, основанного на жажде справедливости. Ее рассуждениям не хватало диалектики, она не принимала во внимание возражения оппонентов. Нетерпимость во взглядах обосновывала использование насилия как метода воздействия на политических противников и терроризма как метода принуждения власть имущих. Петер Румкорф, вспоминал по этому поводу:

Она всегда имела достаточно прозрачные взгляды на насилие как форму социально-политической борьбы, хотя и не высказывалась открыто по этому поводу. Сейчас же это не просто сторонница насильственных методов, это человек,

яро отстаивающий право терроризма на **существование**.²⁷

Логика рассуждений, обосновывающих терроризм, неизменно приводит к оправданию провокаций как эффективного метода воздействия на общественное сознание. В жертву идеям приносятся жизни невинных людей. Как оправдать это, чтобы не считать себя убийцей? Единственный аргумент – необходимость жертв во имя революционного переустройства общества. Вот как писала об этом Майнхоф в 1968 году:

Наша задача состоит в том, чтобы спровоцировать фашистскую полицию и вытащить на белый свет ее настоящее, истинное лицо, тогда массы признают нас и поддержат наши действия.

Тактика Майнхоф состояла в том, чтобы путем непрекращающихся провокаций вынудить правительство пойти на ответные меры. В результате власть будет поставлена перед дилеммой: либо изменить существующий капиталистический строй, то есть капитулировать перед террористами, либо встать на путь вооруженного противостояния с ними, тем самым подтвердить важность их идей, придать им пропагандистский вес. В любом случае, как представлялось Майнхоф, «массы проснутся и встанут в один ряд с борцами за социальную справедливость», и это станет не только целью, но и оправданием террора. Эти пока еще умозрительные суждения Ульрики Майнхоф лягут в основу идеологии будущей террористической организации «Фракция Красной армии» (РАФ).

Очевидно, что Ульрика не могла оставить без внимания судебный процесс «франкфуртских поджигателей», который начался в октябре 1968 года. Она публично выступила в поддержку Гудрун Энслин и Андреаса Баадера, назвав их действия вполне законными и мужественными проявлениями гражданского неповиновения. Она признавалась себе в том, что завидует Энслин и Баадеру, находя поступок поджигателей практическим воплощением собственных теорий. Сама она еще колебалась, прежде чем перейти от слов к действиям.

На это ушло еще два года. Ульрика пыталась найти «успокоение» в журналистике, в работе над новым остросоциальным документальным фильмом о подростковых проблемах девочек «Бамбуле». Ей приходилось бороться с собственной депрессией и тяжелым мировоззренческим кризисом. Сублимация личного фактора сыграла большую роль в этой непростой судьбе, ее жертвенность, неудовлетворенность, чувство вины подталкивали ее к решительным действиям, чтобы проявить, реализовать себя.

Предоставив убежище укрывающимся от правосудия «франкфуртским поджигателям» Андреасу Баадеру и Гудрун Энслин, Майнхоф осознала, что находится среди людей, которых объединяет одна общая цель – организация «партизанской» вооруженной борьбы на улицах западногерманских городов. Она отвечала за безопасность этих людей. Эта ответственность вызвала новое, ранее не испытываемое ощущение – чувство облегчения, которое испытывает человек, нашедший наконец свой правильный путь. Переход от замкнутого на себя, самотерзающего существования к активным действиям был разительным, сродни религиозному откровению, к выходу на свет после долгих скитаний во мраке. Она испытала прилив сил и энергии. Кроме того, сложившаяся ситуация давала возможность реализации ее идей, она, как идеолог, могла не только определить и выразить взгляды единомышленников, но доказать ее своими поступками. Федеральная полиция разыскивала «поджигателей», Ульрике пришлось взять на себя массу обязанностей по обеспечению беглецов всем необходимым, налаживанием связей со сторонниками, обсуждением дальнейших планов. Ульрика была намного старше остальных, она приняла на себя роль «матери семьи бунтарей». Именно в такой роли она и выступала далее – опекала и советовала, но не командовала и приказывала. Впрочем, от нее это и не требовалось. Ульрика была рупором организации: ее статьи, выступления из подполья и тюрьмы способствовали оправданию акций РАФ, придавали им пропагандистское обоснование. Следует отметить, что западногерманское общество в значительной степени сочувственно относилось к судьбе Майнхоф, в ее искренности никто

²⁷ *Ruhmkorf Peter*. Die Jahre die ihr Renut. Rowohlt Taschenbuch Verlag.

не сомневался.

В марте 1970 Андреас Баадер и Гудрун Энслин присоединились к созданной Хорст Малером (племянником композитора Густава Малера) террористической организации «Фракция Красной армии» (РАФ). Эти люди прекрасно дополняли друг друга. Хорст Малер был теоретиком террора, Баадер – практиком. Однако первая же операция закончилась неудачей, и Баадер оказался за решеткой, 4 апреля 1970 года по заданию Малера он должен был ночью проникнуть на городское кладбище и извлечь из тайника спрятанное там (по информации Малера) оружие. РАФ еще только формировалась и насчитывала не более двух десятков человек, но в ней уже был полицейский провокатор. Никакого оружия на кладбище не оказалось, на обратном пути машину Баадера под предлогом обычной проверки документов остановил дорожный патруль, и Баадера схватили, прежде чем он успел оказать сопротивление.

Через несколько дней после его ареста Гудрун Энслин изменив внешность и воспользовавшись фальшивыми документами, посетила Андреаса в камере предварительное заключения. Установив с ним связь, она потребовала от Малера освободить Баадера. Малер одобрил план. Для него эта акция должна была стать показательной, призванной укрепить дух и сплоченность организации. Каждый член РАФ должен быть уверен в том, что организация сделает все, чтобы вырвать своих товарищей из тюрьмы.

Энслин убедила Майнхоф принять участие в операции. По разработанному плану Ульрике принадлежала ключевая роль. Пользуясь своим журналистским авторитетом, Майнхоф должна была убедить администрацию тюрьмы Маобит предоставить Баадеру право посещать библиотеку Института социальных исследований несколько раз в неделю, в сопровождении конвоиров, якобы для совместного написания книги. Репутация Майнхоф как журналистки левых взглядов была известна, и ее просьба не вызвала подозрений. Ей трудно было заподозрить в сговоре с сообщниками Баадера. Но сама она колебалась. Она отдавала отчет, что попытка освобождения Баадера перечеркнет всю ее жизнь, ее карьеру, возможность воспитывать детей. Это были дни мучительных сомнений. На другую чашу весов легли аргументы её новых друзей. Ей представлялась возможность на деле подтвердить правоту собственных слов – о необходимости борьбы, жертвенности во имя революционного переустройства мира. Пример был перед глазами – Гудрун Энслин оставила собственного ребенка ради «высоких идеалов», ради вооруженной революционной борьбы с прогнившим капиталистическим обществом. Теперь Ульрике представлялась возможность последовать ее примеру. Со стороны история может показаться надуманной, ведь сами аргументы были более книжными, чем взятыми из реальной жизни. Но всё было именно так. Именно Энслин смогла убедить Ульрику присоединиться к РАФ и принять участие в освобождении Баадера. Можно даже предположить, что, если бы не она жизнь Майнхоф сложилась бы иначе. Это было полусознанное соперничество за полноту следования собственным принципам и силу духа. Обе женщины в дальнейшем составили ядро организации.

Майнхоф предложила издателю Клаусу Вагенбаху заключить контракт на создание книги о проблемах современной молодежной преступности. В основу книги должны был лечь беседы с ожидавшим суда Баадером. Известность заключенного и популярность самой Ульрики гарантировали книге успех и большой тираж. Издательство охотно подписало договор, который послужил основанием для ходатайства и разрешения на посещение Баадером библиотеки. Утром 14 мая 1970 года автобус тюремной охраны доставил Баадера в наручниках и в сопровождении двоих охранников к Институту социальных исследований. В читальном зале библиотеки его уже ожидала Майнхоф. Пока Ульрика просматривала картотеку, Андреас под присмотром охранников что-то старательно вписывал в тетрадь. Тем временем в дверь позвонили (зал был временно закрыт), и пожилой служащий библиотеки увидел на пороге двух молодых симпатичных девушек. Это были члены РАФ Ингрид Шуберт и Ирен Гоердженс. Сославшись на срочную работу в библиотеке, они долго и слезно просились войти. Несмотря на приказ начальства, служащий разрешил посетительницам обождать в соседнем зале, пока Майнхоф и Баадер закончат работу. Через несколько минут позвонили еще раз. На этот раз распоряжались сами девушки. Они сбили служителей с ног и впустили своих сообщников. Вооруженные пистолетами Энслин и еще один нападавший (оба в масках) открыли в читальном зале беспорядочную стрельбу, тяжело ранив библиотечного ра-

ботника. А Майнхоф и Баадер, не теряя времени, сбежали через окно (читальный зал был на первом этаже). Их уже ждали две машины, на которых благополучно скрылись все участники операции.

Выбор был сделан. Ульрика Майнхоф перечеркнула старую жизнь, репутацию и авторитет журналистки и безоглядно присоединилась к террору. Все участники освобождения Баадера, включая Хорста Малера, были объявлены в федеральный розыск. Последовали разнообразные меры. Даже актуальный документальный фильм «Бамбуле», над которым Ульрика работала последний год и премьера которого была назначена в престижное время вечером в воскресенье 24 мая, был вычеркнут из программы телепередач.²⁸

Западный Берлин буквально гудел. Дерзкое освобождение Баадера стало центральной новостью всех средств массовой информации. Радио и телевидение трудились вовсю. Ежечасно мелькали имена Майнхоф, Баадера, Хорста Малера. «Фракция Красной армии» отныне и надолго стала драматическим фактом жизни западногерманского общества. Название организации было выбрано под влиянием японской террористической организации «Красная армия», а слово «фракция» должно было означать, что западногерманская организация является лишь частью масштабного, международного движения. Тем не менее западногерманская правая пресса намеренно опускала официальное название организации, упоминая ее как «Банда Баадер – Майнхоф». Имя Ульрики Майнхоф попало в название благодаря ее известности как журналистки и в недавнем прошлом активной правозащитницы. Нынешний статус в организации был иным – она не только не являлась лидером РАФ, но и в какой-то мере была самым слабым ее звеном. Настоящими неформальными лидерами, обладавшими реальной властью и авторитетом, были Баадер и его подруга Энслин. Эти двое были вдохновителями и дерзкими исполнителями терактов, но им не хватало ни известности и авторитета Майнхоф, чтобы создать и оправдать идеологию терроризма, ни организаторских способностей Хорста Малера, чтобы превратить организацию в эффективную структуру.

Несмотря на тревогу, вызванную дерзким побегом Баадера, рафовцы не стали «отлеживаться» на конспиративных квартирах. Уже на следующий же день после освобождения Баадера, 15 мая 1970 года, рафовцы совершили дерзкое ограбление «Банк фюр Индустри Хандель» похитив более 200 000 марок. Деньги были необходимы РАФ для обучения членов организации методам ведения партизанской войны в городских условиях. С этой целью РАФ установила контакты с палестинскими террористическими организациями, в частности с руководителями НФОП. Палестинцы с большим энтузиазмом восприняли возможность распространить террористическую активность на Западную Европу и с готовностью представили свои базы и инструкторов «западногерманским союзникам и собратьям».

8 июня 1970 года по фальшивым документам рафовцы двумя группами выехали на Ближний Восток. Одну из групп возглавила Майнхоф. Путь из Западного Берлина через Италию, Югославию и Турцию лежал в Иорданию, где располагался один из учебных центров НФОП. Вторая группа прибыла туда же через Восточную Германию, Ливан и Сирию. Главной целью встречи было проведение международной конференции для создания общего народно-освободительного фронта. Кроме рафовцев, в лагерь доктора Джорджа Хабаша, возглавлявшего НФОП, съехалось немало европейских левых радикалов. По некоторым данным, на конференции присутствовал также известный международный террорист-наемник Карлос-Шакал.

Однако братания не вышло, отношения между рафовцами и палестинцами не сложились. Немцы в первую очередь рассчитывали на помощь в обучении, а палестинцы больше времени старались уделять пропаганде. В свою очередь, рафовцы прохладно относились к антиизраильской риторике, послевоенное поколение немцев испытывало чувство вины за преступления гитлеризма. К тому же немцы не рвались к учебе, предпочитая сибаритствовать и пить пиво, а Ульрика и Энслин загорали нагишом. Озабоченные разлагающим влиянием рафовцев на палестинскую молодежь, хозяева предложили гостям побыстрее соби-

²⁸ В 1971 году был издан в книжной версии киносценарий «Бамбуле». На экраны телевидения фильм попал только в 1997 году.

раться домой.

Вернувшись на родину, рафовцы стали действовать. Число членов организации достигло тридцати. Создание структуры, приобретение оружия, транспорта и многое другое требовало денег. Здесь в полную силу развернулся Баадер – он отвечал за планирование и исполнение операций. Западногерманские банки один за другим подвергались дерзким налетам. Только в течение одного дня 29 сентября 1970 года под руководством Баадера члены РАФ совершили ограбление трех западногерманских банков, похитив 21 744 950 марок.

Все это время Ульрика Майнхоф старалась обеспечить налетам достойное идеологическое обоснование. Вот характерная и любимая ею цитата из трудов известного и популярного в Западной Германии философа Герберта Маркузе:

Некоторые утверждают: ограбление банка не является политическим вопросом. Но с каких пор вопрос финансирования политической организации не является политическим вопросом? Партизаны в Латинской Америке называют ограбление банка акцией экспроприации. Никто не утверждает, что ограбление банка может хоть как-то отразиться на эксплуататоре. Для революционной же организации оно в первую очередь означает решение проблемы финансирования. Оно верно в плане логистики, поскольку снимает проблему финансирования и более не требует уделять этому внимание. Оно верно в политическом плане, так как является акцией экспроприации. Оно верно в тактическом плане, так как является истинно пролетарской акцией. Оно верно в стратегическом плане, так как служит финансированию партизанской войны.

Результаты вылазок РАФ не замедлили сказаться, деятельность организации приобрела широкую известность. У РАФ даже появился свой раздел в ведущих западногерманских журналах. Несмотря на то, что террористы именовали себя «Фракцией Красной армии», в прессе за ними прочно утвердилось название – «Банда Баадер – Майнхоф». Когда в еженедельнике «Шпигель» появился раздел «В – М», никому не требовалось расшифровывать название. Новости «В – М» стали необходимой потребностью западногерманского обывателя. Для молодежи «В – М» стала истинным воплощением так называемого радикального шика. РАФ стала задавать молодежную моду, она имела узнаваемый стиль и стала частью арт-культуры. «Радикальный шик» РАФ-терроризма подтолкнул многих вполне благополучных молодых людей вступить в организацию и стать на путь терроризма.

5 ноября 1970 года, в связи с резким ухудшением криминальной обстановки в Западной Германии, бундестаг принял специальную программу, направленную на модернизацию и интенсификацию борьбы с преступностью. Прежде всего внимание было уделено материальному и персональному укреплению Федерального ведомства западногерманской уголовной полиции. Был значительно увеличен личный состав ведомства и существенно расширены его полномочия. Решение оказалось непростым и потребовало усилий со стороны правительства и законодателей – в стране, недавно пережившей эру нацистского тоталитаризма, любое наступление на гражданские права давалось крайне тяжело.

Проблема РАФ-терроризма вышла на федеральный уровень, но пока это не отразилось на активности группы. В том же месяце Ульрика Майнхоф, существенно изменив внешность, отправилась во Франкфурт, где у представителя палестинской террористической организации ФАТХ приобрела 23 пистолета и взрывчатку. В ночь с 22 на 23 ноября 1970 года Майнхоф вместе с еще двумя членами организации взломали окно, проникли в городскую ратушу и похитили большое количество чистых удостоверений личности, служебные удостоверения и печати, пустые бланки разнообразных городских и федеральных документов. Теперь, изменив внешность, террористы РАФ могли без опасения передвигаться по всей территории Западной Германии. Трудность для властей состояла еще в том, что большинство членов организации никогда прежде не задерживались и не привлекались к ответственности и у Федерального ведомства уголовной полиции было явно недостаточно информации (хорошо, если были паспортные данные).

Тем не менее усилия федерального уголовного ведомства стали приносить первые результаты. В Западном Берлине тысячи объявлений с фотографиями разыскиваемых членов

РАФ были развешаны по городу. Полиция «дышала рафовцам в затылок». Начались аресты. В декабре, 1970 года Майнхоф предложила перенести штаб организации из Западного Берлина в более спокойный Франкфурт. Сама она остригла волосы и перекрасила их в другой цвет. Ее внешность изменилась настолько, что без особого риска она появлялась днем на улице. Но так везло не всем, террористы – вчера ещё вполне благополучные молодые люди – не обладали хваткой профессиональных преступников. Полиция и рафовцы учились одновременно и друг на друге, первые – ловить, вторые – скрываться. Мало кому из новых членов организации удавалось продержаться более нескольких месяцев и не попасть в руки полиции. Однако желающих присоединиться к «борцам» было более чем достаточно, западногерманская молодежь и левая интеллигенция видели в «Б – М» современных робин гудов.

Ночью 20 декабря 1970 года Ульрика Майнхоф была остановлена дорожным патрулем на контрольно-пропускном пункте. Она привлекла внимание полицейских слишком быстрой ездой и могла не опасаться проверки. Документы на машину были в полном порядке, а у нее самой было прекрасно выполненное фальшивое удостоверение личности. Ее измененная внешность имела мало общего с обликом прежней Ульрики, которую безуспешно разыскивала полиция всей Германии. Но шли аресты, явки проваливались одна за другой, рафовцы метались, ощущая растущую день ото дня опасность. Нервы у Ульрики не выдержали. Не выходя из машины, она вступила с полицейским в мирные объяснения и вдруг рванула с места и умчалась. Ей легко удалось скрыться. С машиной пришлось расстаться – номер ее был «засвечен». Главная проблема заключалась в том, что Ульрика оставила в руках полиции свое удостоверение с фотографией. По ней полиция распознала Майнхоф и представляла, как она теперь выглядит. На следующий день её фотографии были у каждого западногерманского полицейского.

Несмотря на преследование и отдельные удачи полиции, 1971 год был отмечен масштабным размахом террористических операций. Политические требования обычно не декларировались, и нападения, по сути, ничем не отличались от обычного бандитизма. Ограбления банков и угоны автомобилей уже никого не удивляли и стали частью повседневной жизни Западной Германии. Рафовцы набирались опыта. В условиях полицейской охоты происходил естественный отбор. На свободе оставались самые умные, дерзкие и осторожные. Организация постепенно сколачивала свое ядро из опытных нелегалов.

Однако было бы неверно представлять РАФ как «идиллическую» организацию полных единомышленников. С каждым днем обострялись противоречия между лидерами «Б – М» Майнхоф и Баадером. Основные разногласия возникали из-за цели террористических акций. Для Баадера террор был образом жизни, а сами акции носили конъюнктурный характер, в том числе для пополнения финансовых возможностей организации, которые он не слишком отличал от своих собственных. В отличие от него, Майнхоф пришла в организацию по сугубо идеологическим соображениям и не уставала бороться за «идейную чистоту». Баадер был террористом-практиком, но он понимал, что организации необходима идеология, и был вынужден считаться с Майнхоф. А сама Майнхоф не переставала твердить, что частоту нападений и жертвы с обеих сторон нужно умерить, а больше внимания уделять пропаганде, широкому разъяснению целей организации и агитации среди молодежи. В РАФ намечался раскол. Лидеры стремились перетянуть на свою сторону остальных членов организации, к концу 1971 года РАФ фактически разделилась на две фракции. Тем не менее это пока не отразилось на боеспособности и, соответственно, террористической активности организации. Только за один 1971 год РАФ совершила 550 акций, похитив при этом около 2 миллионов марок.

Впрочем, идейные искания Майнхоф не мешали ей оставаться беспощадной террористкой. 22 декабря 1971 года трое членов РАФ – Клаус Йоншке, Вольфганг Грундманн и Ингеборг Барз – совершили очередное ограбление. Налету подверглось небольшое отделение «Баварского ипотечного банка», расположенное в провинциальном городке Кайзерлаутерн. Добыча фабителей составила 135 000 марок. Нападение стоило жизни полицейскому, который случайно проходил мимо банка. Налетчики расстреляли человека в упор из-за того, что на нем была полицейская форма. Убитым оказался 32-летний Герберт Шонер, после него осталась жена и две маленькие дочери. Одна из них была рядом с отцом в момент

его гибели. Крик ребенка потряс 19-летнюю Ингеборг Барз, присоединившуюся к РАФ в конце 1971 года. Ее мучили ночные кошмары и угрызения совести. Ингеборг не находила себе места, она решила порвать с организацией. 21 февраля 1972 года Ингеборг позвонила матери в Западный Берлин и сообщила ей, что собирается вернуться домой и найти себе какую-нибудь работу. Больше девушку никто не видел. Как позже стало известно, Майнхоф принимала решение и (возможно) участвовала в ликвидации Ингеборг, мотивируя это угрозой ее предательства и раскрытия организации. Спустя несколько лет арестованный член РАФ Герхард Мюллер, ставший государственным свидетелем по делу РАФ, показал, что Ульрика Майнхоф пришла в ярость, узнав о том, что Ингеборг хочет оставить организацию. Она и Баадер вывезли Барз в заброшенный лесной карьер в районе Мюнхена и расстреляли.²⁹ Поступки Майнхоф вполне соответствовали ее убеждениям:

Терпимость к предателям рождает новые **предательства**³⁰.

1972 год ознаменовался новой мощной волной террора и разгромом «первого поколения» РАФ. 11 мая 1972 года три сильных взрыва прогремели во Франкфурте-на-Майне на территории штаб-квартиры V Американского корпуса. В результате теракта погиб ветеран войны во Вьетнаме 39-летний подполковник армии США Поль Блумквист, 13 американских военнослужащих были ранены. Ущерб от теракта превысил миллион марок.

На следующий день, 12 мая 1972 года, два взрывных устройства были приведены в действие в здании полицейского управления города Аугсбурга, пятеро полицейских получили тяжелые ранения. В тот же день спустя два с половиной часа взрыв прогремел в Мюнхене на автомобильной стоянке КРИПО (криминальной полиции, которая проводила анти-террористические операции). Мощная бомба была спрятана в припаркованном автомобиле. По счастливой случайности обошлось без жертв, сгорели 60 машин сотрудников КРИПО.

Через три дня, 15 мая 1972 года, сработало взрывное устройство, спрятанное в частном автомобиле судьи Вольфганга Будденберга, подписавшего большинство ордеров на арест членов РАФ. Жена судьи, находившаяся в машине, получила тяжелые ранения.

В пятницу, 19 мая 1972 года, в Гамбурге Ульрика Майнхоф, Зигфрид Хауснер, Клаус Йоншке и Ильза Сташовиак вошли в здание местного филиала концерна «Шпрингер-Пресс» и оставили шесть самодельных бомб с часовым механизмом. В это время в здании находилось несколько сот служащих. Примерно за пятнадцать минут до взрыва в офис концерна позвонил мужчина, сообщивший, что в здании заложена бомба, которая будет приведена в действие через пять минут. Служащая не восприняла угрозу всерьез, посчитав звонок глупой шуткой. Вскоре раздался второй звонок, и тот же голос сделал повторное предупреждение. И оно было оставлено без внимания. В те дни такие звонки (в том числе ложные) были не редкостью. Кроме того, несмотря на серию недавних взрывов, никто не мог поверить в то, что террористы решатся заминировать здание, в котором работало несколько сот человек, не имевших никакого отношения к конфликту между РАФ и ненавидимой ими Системой. Но взрывы прогремели, 17 человек были ранены. Жертв могло быть намного больше, но три бомбы из-за технических неполадок не взорвались. Они были обезврежены саперами и представлены на экстренной пресс-конференции. На следующий день в том же офисе раздался звонок с новым предупреждением. На этот раз к нему отнеслись со всей серьезностью. Люди были срочно эвакуированы, а прибывшие саперы обезвредили три новые бомбы. Ответственность за взрывы в гамбургском филиале «Шпрингер-Пресс» взяла группа, именовавшая себя «Движение 2 июня». Тем не менее эксперты КРИПО, ведущие расследование, считали, что за организацией взрыва стоит РАФ. В тот же день, 20 мая 1972 года, в агентство печати «ЮПИ» поступило заявление с объяснением причин теракта, связанных с редакционной политикой «Шпрингер-Пресс». В человеческих жертвах обвинялось руковод-

²⁹ Это преступление не было окончательно инкриминировано Ульрике Майнхоф и Андреасу Баадеру, в показаниях свидетелей обвинения оказались неточности и противоречия.

³⁰ Demaris O.Op.cit. P. 231.

ство концерна, которое пренебрегло телефонным предупреждением. Поскольку при взрывах пострадало много невинных людей, спустя несколько лет, во время судебного процесса, лидеры РАФ категорически отказались как от заявления, так и от своей причастности к этому теракту.

24 мая 1972 года две машины, начиненные большим количеством тротила, были взорваны на территории Европейской штаб-квартиры Американской армии в Хейдельберге. В результате этого теракта погибло трое американских военнослужащих.

Очевидно, что без принятия чрезвычайных мер с волной террора справиться не удастся. Это вынудило власти ФРГ 31 мая 1972 года провести крупнейшую за всю историю страны антитеррористическую операцию под кодовым названием «Водный удар». Были задействованы более 15 000 полицейских, жандармов и оперативных агентов. Тысячи заграждений были возведены на автобанах, сотни бронетранспортеров блокировали улицы западногерманских городов.

1 июня 1972 года вместе с двумя другими членами РАФ во Франкфурте-на-Майне был задержан Андреас Баадер. 7 июня 1972 года в Гамбурге была арестована его подруга Гудрун Энслин. Она совершала покупки в одном из гамбургских магазинов модной одежды, когда продавщица обратила внимание на подозрительный пакет, торчащий из ее кармана, и сообщила об этом полиции.

В течение нескольких дней с начала антитеррористической операции «Водный удар» КРИПО удалось практически полностью ликвидировать ядро «Фракции Красной армии». Из лидеров РАФ на свободе оставалась только Ульрика Майнхоф. «Фракция Красной армии» была почти полностью разгромлена. Большинство рафовцев находились за решеткой, несколько человек оказали сопротивление и были убиты во время задержания. Крайне важным оказалось то, что «сочувствующие», возмущенные и напуганные волной насилия и грабежей, отвернулись от РАФ. С осуждением акций РАФ открыто выступил духовный отец леворадикального движения философ Маркузе. Друзья из «новых левых» поспешили отмежеваться от Майнхоф. Еще оставаясь на свободе, она оказалась в духовной и физической изоляции. Ее явки были провалены, полиция шла по пятам, она ощущала себя загнанным зверем. Но не только это. Само общество, которое недавно служило ей опорой, в котором она привыкла видеть сочувствие и поддержку, теперь отвернулось от нее. Еще не осужденная законом, она была осуждена общественной моралью.

В конечном итоге Майнхоф и ее друг и сообщник Герхард Мюллер нашли убежище в Ганновере, на квартире школьного учителя Фритца Родевальда, приятеля одного из друзей Ульрики. Ранее квартира иногда использовалась как временное укрытие террористов, однако сейчас ситуация переменилась. Родевальд придерживался социалистических взглядов и не скрывал своих убеждений. Это позволяло ему относиться к деятельности РАФ с некоторой долей сочувствия, но не более. Нынешние события вызвали у него активное неприятие. И не только в силу ответственности за укрывательство террористов. Налицо было глубокое расхождение во взглядах между эволюционными взглядами на общественное развитие у Родевальда и экстремистскими – у Майнхоф и ее сообщников. Тем не менее Родевальд колебался, выдача полиции доверившихся ему людей граничила с предательством. Конец моральным терзаниям Родевальда положила его подруга. Она сняла трубку телефонного аппарата и набрала номер полицейского участка.

15 июня 1972 года оперативники окружили квартиру Родевальда. Мюллера задержали, когда он вышел на улиц чтобы позвонить из автомата. Он попытался выхватить пистолет, но был сбит с ног навалившимися полицейскими. Затем оперативники тихо постучали в дверь, на пороге квартиры появилась сама Майнхоф. Ее скрутили и надели наручники раньше, чем она успела понять, что происходит. Сначала она заплакала. Затем последовал взрыв ненависти. Она пыталась вырваться, осыпала полицейских отборной руганью. Крики были слышны за несколько кварталов. Её выволокли на улицу и доставили в отделение КРИПО. Среди личных вещей Ульрики Майнхоф полицейские обнаружили три пистолета, несколько ручных гранат, автомат, «бейби-бомбу».³¹ Вознаграждение за выдачу Ульрики Майнхоф Фритц

³¹ «Бейби-бомба» — РАФ-изобретение. Плоская бомба с выпуклой стороной подвешивалась на ремнях под юбкой. Создавалось впечатление, что женщина беременна. Таким образом террористкам многократно удава-

Родевальд перечислил в недавно созданный фонд помощи арестованных членов РАФ. Этот факт характеризует типичную для того времени ситуацию. Многие обыватели осуждали террор, тем не менее с симпатией и сочувствием относились к участникам движения.

На следующий день в газетах были опубликованы сенсационные фото Ульрики Майнхоф, сделанные в следственном изоляторе тюрьмы «Оссендорф» и непонятно как попавшие в прессу. Судя по одутловатому, распухшему лицу Ульрики, было видно, что она нещадно избита. Власти поспешили с опровержением: по их сообщению, плачевный вид Майнхоф является результатом последнего года ее жизни, связанного с физическим и нервным истощением и приемом наркотиков. На момент ее задержания Ульрика Майнхоф весила 45 килограммов.

Окончательная идентификация личности Майнхоф потребовала ряда дополнительных мер. Прежде Ульрика ни разу не задерживалась полицией, у КРИПО не было ее отпечатков пальцев. Идентификацию проводили на основании данных ее старой медицинской карты. Там сохранились сведения о кесаревом сечении (после которого на животе должен был остаться шрам) и рентгеновский снимок черепа. На снимке была видна металлическая скобка – последствие нейрохирургической операции, сделанной ей в 1962 году. Несмотря на протесты и яростное сопротивление, Майнхоф связали руки, раздели и подвергли медосмотру, подтвердившему наличие шрама, затем под наркозом ей был сделан повторный рентгеновский снимок. Теперь полиция могла торжествовать победу: в ее руках действительно оказалась легендарная Ульрика Майнхоф.

Всех членов РАФ, как особо опасных заключенных, распределили по разным тюрьмам, определив им особые условия содержания. Ульрика Майнхоф оказалась в одиночной звуконепроницаемой камере тюрьмы Кельн-Оссендорф. Условия содержания были охарактеризованы заключенными как «изолирующая пытка». В правозащитной лексике появились и другие определения – «белая пытка», «мертвые коридоры», «мертвый тракт». На этаже содержался лишь один арестант. Остальные камеры, а также верхняя и нижняя на других этажах оставались свободны. Человек, попавший в «мертвый тракт», ощущал себя погребенным заживо. Первыми заключенными, испытавшими на себе тяжесть «изолирующей пытки», оказались Ульрика Майнхоф и Астрид Пролл. Ульрика так описала состояние многомесячного пребывания в «мертвом тракте»:

Впечатление, как будто комната едет. Ты просыпаешься, открываешь глаза и чувствуешь, как едут стены. Вечером, когда солнце светит под потолком, они внезапно останавливаются. С этим ощущением невозможно бороться, невозможно понять, от чего тебя все время трясет – от жары или от холода. Для того чтобы разговаривать нормальным голосом, приходится кричать. Все равно получается какое-то ворчание – создается впечатление, что ты глхнешь. Произнесение шипящих согласных становится непереносимым. Охранники, двор для прогулок – все это видишь словно через полиэтиленовый пакет. Головная боль, тошнота. Нельзя контролировать построение предложения, грамматику, синтаксис. Пишешь вторую строчку и уже не помнишь, что было в первой. Неистовая агрессивность, которой нет выхода. Это самое страшное. Ясное сознание того, что у тебя нет ни малейшего шанса на существование, ты теряешь возможность к общению, к разговору, к произнесению обычных слов – даже охраннику ты ничего толком не можешь сказать. Их посещения не оставляют после себя ничего. Через полчаса невозможно вспомнить, было ли это сегодня или неделю назад. Чувствуешь себя так, словно с тебя сняли кожу.

Адвокаты заключенных и особый Комитет против пыток неоднократно направляли жалобы и требовали изменить условия тюремного содержания заключенных. Однако Федеральная судебная палата отклонила все ходатайства, мотивировав это тем, что сами заключенные вынудили власти пойти на крайние меры.

17 января 1973 года все заключенные РАФ начали коллективную «сухую» голодовку, требуя отмены пыточной системы для Ульрики Майнхоф и Астрид Пролл, состояние которой было критическим. Многочисленные правозащитные организации провели по всей Западной Германии акции протеста, направленные против применения пыток. Власти были вынуждены отступить. 9 февраля 1973 года Ульрика Майнхоф после восьмимесячного пребывания в «мертвом тракте» была переведена в одиночную камеру мужского отделения тюрьмы Кельн-Оссендорф.

Для западногерманских властей, так же как и для средств массовой информации, Ульрика Майнхоф была одной из ключевых фигур организации. Но это было не совсем так, хотя Ульрика, безусловно, входила в ядро РАФ, состоявшее из 10–12 членов. Она была признанным и авторитетным идеологом левого движения; на идеях которого создавалась РАФ. Хорошее философское образование и глубина мысли позволяли ей быть на высоте проблемы, которой было озабочено общество: как изменить жизнь в интересах социальной справедливости. Молодое поколение страны, лишь недавно избавившейся от фашизма, мучительно искало ответ на трудные вопросы. Идеи Ульрики пользовались популярностью, они же создавали пропагандистскую привлекательность для РАФ. Но это не значит, что Майнхоф разделяла практические действия РАФ. Она не была уверена в выборе методов борьбы и оспаривала целесообразность проведения многих операций. Лидером (в глазах общества) ее сделал случай – участие в освобождении Андреаса Баадера. Этот эпизод – первый и вполне рядовой в масштабе последовавших затем акций РАФ – дал и название организации «Банда Баадер – Майнхоф» (сами рафовцы никогда не признавали этого названия). Свою роль сыграло и желание журналистов придать ситуации пикантность в духе гангстерских фильмов, сделать Баадера и Майнхоф любовниками.

Подлинная расстановка сил в организации стала понятна в ходе следствия к 1975 году. Подлинными лидерами организации были Андреас Баадер и Гудрун Энслин. Эта пара – близкие между собой физически и духовно – стояла во главе движения, была его создателями, мотором и непререкаемым авторитетом. Они же из тюрьмы призвали арестованных членов РАФ к проведению голодовки в защиту Майнхоф и Пролл.

5 февраля 1974 года Гудрун Энслин была переведена из Эссена в кельнскую тюрьму Кельн-Оссендорф, в которой уже второй год содержалась в заключении Ульрика Майнхоф. Женщины оказались в соседних камерах (обычных, а не звукоизолированных) и могли свободно перестукиваться друг с другом, а по ночам даже перекрикиваться. Общение оказалось для Ульрики спасением от помутнения рассудка, признаки которого уже стали проявляться в конце 1973 года. Во время Рождества Ульрика Майнхоф окончательно попрощалась со своими дочерьми-близняшками отказавшись от дальнейших контактов с ними. Ренат Римек в свое время заменившая Ульрике Майнхоф умершую мать, теперь взяла на себя заботу и о ее дочерях.

В апреле 1974 года в тюрьме Штутгарта Штаммхайм был сдан в эксплуатацию особый блок, ставший предметом гордости западногерманских тюремщиков. Рядом со стеной тюрьмы, внешне напоминавшей неприступный бастион было возведено новое здание суда, соединенное с главным корпусом Штаммхайма подземным переходом. Федеральные власти затратили на строительство миллионы марок налогоплательщиков. Новый тюремно-судебный комплекс имел повышенную степень надежности и предназначался для проведения наиболее крупного (после Нюренбергского) судебного процесса в истории ФРГ – суда над членами террористической организации «Фракция Красной армии» Впоследствии тюрьма Штаммхайм использовалась для содержания особо опасных государственных преступников.

Первыми обитателями нового тюремного блока стали Ульрика Майнхоф и Гудрун Энслин. Поначалу условия содержания были очень либеральными и не шли ни в какое сравнение с тюрьмами Эссена (откуда была переведена Энслин) и Кельна. Узницам разрешалось совершать совместные прогулки во внутреннем тюремном дворе. Около четырех часов в сутки они проводили вместе в одной камере, имел возможность свободно общаться без посторонних. Причины подобного либерализма стали понятны через несколько лет. Стало известно, что власти, игнорируя конституцию и вытекающие из нее правовые нормы, без санкции Федерального суда установили скрытые видеокамеры и подслушивающие устрой-

ства. Таким образом прокуратура рассчитывала получить дополнительную информацию об организации РАФ, роли и личной ответственности отдельных ее членов.

27 апреля 1974 года Ульрика Майнхоф была переведена из тюрьмы Штаммхайм в западноберлинскую тюрьму Моабит. Здесь должны были начаться судебные слушания уголовного дела по организации побега из-под стражи Андреаса Баадера 14 мая 1970 года. Судебный процесс начался 10 сентября 1974 года. Вместе с Ульрикой Майнхоф на скамье подсудимых оказались Хорст Малер и Ханс-Юрген Беккер. Последний обвинялся в ранении из пистолета библиотекаря. Хорст Малер ранее был признан невиновным в организации побега Баадера, но ему вменялась в вину организация РАФ и участие в ее дальнейших операциях.

По примеру Андреаса Баадера Ульрика Майнхоф воспользовалась судом, чтобы в присутствии представителей прессы объявить о начале 13 сентября 1974 года коллективной голодовки узников РАФ. Эта голодовка, как и две предыдущие, сразу же была поддержана всеми членами РАФ, содержащимися в различных тюрьмах Западной Германии. В конце сентября адвокатами Ульрики Майнхоф из тюрьмы был тайком вынесен и опубликован документ, в котором Ульрика Майнхоф объясняла требования участников голодовки.

Голодовка является нашей последней возможностью коллективного сопротивления империализму в условиях изоляции. Борьба делает из слабости – силу. Изоляция – это оружие против всех пленников... Они изолируются, чтобы ликвидировать политизацию, ликвидировать любое сопротивление в тюрьме... Мы просим всех пленников, чтобы они вместе с нами боролись против изоляции. Ликвидация изоляции является единственным условием, которого мы добиваемся.

2 октября 1974 года пяти лидерам РАФ: Андреасу Баадеру, Гудрун Энслин, Ульрике Майнхоф, Яну-Карлу Распе и Хольгеру Клаусу Мейнсу были предъявлены официальные обвинения в пяти убийствах, 55 покушениях на жизнь, шести взрывах, а также бесчисленном количестве поджогов и угонов автомобилей. Эти цифры были заведомо меньше чем итоги террористической деятельности «Фракции Красной армии». Прокуратура строила обвинение лишь на полностью доказанных преступлениях. Всего же рафовцы совершили более 100 покушений на жизнь, окончившихся 29 смертными исходами. Более 70 человек получили тяжелые ранения во время взрывов, организованных РАФ весной 1972 года.

9 ноября 1974 года в одиночной камере тюрьмы Виттлиш после 8-недельной голодовки (и насильственного кормления) скончался один из лидеров «первого поколения РАФ» Хольгер Клаус Мейнс. На следующий день на пороге своего дома был застрелен президент Западногерманского Верховного суда Понтер фон Дренкман. Это стало ответом РАФ на смерть своего товарища.

29 ноября 1974 года в Западном Берлине завершился судебный процесс над участниками освобождения Андреаса Баадера весной 1970 года. Вина Хорста Малера в освобождении Баадера не была доказана, тем не менее суд приговорил его к 14 годам лишения свободы за организацию «Фракции Красной армии» и участие в многочисленных разбойных нападениях. Ханс-Юрген Беккер был оправдан за недоказанность обвинения. Роль Майнхоф в нашумевшем освобождении Баадера была известна всей Западной Германии. Западноберлинский суд приговорил ее к 8 годам тюремного заключения. Вместе с остальными членами РАФ ей еще предстояло предстать перед Федеральным судом.

Несмотря на то, что практически все первое поколение РАФ находилось за решеткой и ожидало приговора суда, РАФ-терроризму не был положен конец. Теперь члены организации сосредоточили свои усилия на освобождении своих товарищей. В ответ бундестаг 18 декабря 1974 года в качестве поправок к Основному закону ФРГ принял свод специальных законов. Впоследствии они получили известность как «Законы Баадер – Майнхоф». Были существенно расширены полномочия правоохранительных органов и спецслужб, в то время как права адвокатов и их РАФ-подзащитных были значительно ограничены.

27 февраля 1975 года днем был похищен кандидат на пост бургомистра Западного Берлина Питер Лоренц. 6 марта 1975 года мощный взрыв почти полностью разрушил па-

рижский офис концерна «Шпрингер-Пресс». 24 апреля 1975 года в Стокгольме было захвачено посольство ФРГ. Имелись человеческие жертвы. Тем не менее западногерманские власти демонстрировали стойкость и не поддавались на ультимативные требования террористов.

21 мая 1975 года начался «процесс века» над первым поколением РАФ. Лидеры «фракции Красной армии» Андреас Баадер, Ульрика Майнхоф, Гудрун Энслин и Ян-Карл Распе оказались на скамье подсудимых. Процесс стал чрезвычайным событием национального масштаба, самым громким после суда над нацистскими преступниками в Нюрнберге.

30 июля 1975 года Ульрика Майнхоф потребовала, чтобы суд над лидерами «Фракции Красной армии» рассматривался не как обычное уголовное дело, а как политический процесс, а за подсудимыми был признан статус политических заключенных со всеми вытекающими отсюда последствиями. Суд отверг эти требования, а Майнхоф, устроившая истерику, была удалена из зала.

19 августа 1975 года, на 21-й день заседания суда, лидерам РАФ Андреасу Баадеру, Ульрике Майнхоф, Гудрун Энслин и Яну-Карлу Распе были выдвинуты официальные обвинения.

4 мая 1976 года, после длительного перерыва, Ульрика Майнхоф вновь появилась в зале суда. Она явно была в подавленном состоянии. Сидя на скамье подсудимых рядом с Гудрун Энслин, Андреасом Баадером и Яном-Карлом Распе, она даже не взглянула в их сторону. Судя по виду, Ульрика находилась в состоянии тяжелой депрессии. Майнхоф пробыла в зале суда около 15 минут, после чего вернулась в свою камеру. Больше она из нее не выходила.

За последние месяцы пребывания в тюрьме в отношениях между ней и другими лидерами РАФ произошел раскол, особенно острый в отношениях с Энслин. Террористы, находящиеся в подполье или на скамье подсудимых демонстративно игнорировали Ульрику. Ее больно задел поступок Жана Поля Сартра. Известный философ, посетивший в камере Андреаса Баадера, не нашел времени, чтобы встретиться с ней. Даже террористическая организации «Движение 2 июня», похитившая Питера Лоренца и потребовавшая освобождения всех узников, вплоть до «предателя Малера», отказавшегося от РАФ, не назвала ее имени. Получив возможность работать в своей камере, она писала длинные послания, адресованные Баадеру и Энслин. Те не принимали ее писем. Лишь однажды Энслин прислала Ульрике короткую записку, в которой сообщала, что ее претензии надоели и она не имеет никакого морального права считать себя членом «семьи». Складывалось впечатление, что страдания Ульрики Майнхоф доставляли удовольствие ее сообщникам, являясь развлечением тюремной жизни. Чтобы понять трагедию Майнхоф, нужно еще раз вернуться в ее прошлое. Несмотря на тяжелое детство, совпавшее с временем войн и нацизма, она росла в атмосфере любви и взаимной нежности. Отец, мать, Ренат Римек, сестры, друзья, товарищи по работе были искренними людьми, которые щедро одаривали Ульрику любовью и дружбой. Она нуждалась в них и столь же щедро дарила себя, не мыслила себя вне привычного круга семьи. Будучи человеком искренним; она была зависима от общения, нуждалась в ответной поддержке, в душевном тепле. Та же сила, которая заставляла ее так страстно реагировать на несправедливость (что стало причиной ее разрыва с обществом), оборачивалась против нее в неумении «просто жить». Это была трагедия нравственно и интеллектуально одаренного человека не сумевшего определить достойную цель для приложения своих усилий. Ее сила и страстность проявились в процессе борьбы. Общественное сочувствие, долгое время проявляемое к РАФ, было бы невозможно без участия Ульрики в движении, без нее деятельность РАФ выглядела бы куда более однозначно – как банды грабителей, прикрывающей кровь и насилие левыми романтическими лозунгами. В этом была особенная роль Ульрики: прикнувшись на волне революционного идеализма к движению, она идеализировала своих новых товарищей, создала для себя новую семью. В ней не было ни власти, ни корысти. Она была старше на десять лет, умнее и несоизмеримо моральнее остальных, не стремилась главенствовать – не «королева бандитов», а их «мать». Члены организации были не только соратниками по «революционной борьбе», но и любимыми «детьми», которыми она искренне восхищалась за их неприятие здравого смысла, отрицание любой формы компромисса, за презрение к «буржуазным ценностям» (в том числе, как оказалось, и к чужой жизни). И

здесь Ульрику ждало поражение. Испытав соблазн насилия и найдя ему приемлемое для себя оправдание (с помощью той же Майнхоф), Энслин, Баадер, Распе целиком приняли новый образ жизни, избавлявший их (во имя высоких идеалов) от угрызений совести. Ульрика, щедрым участием которой они воспользовались, со временем стала обременять их своими сомнениями и рефлексией. Это были цельные и жестокие личности иного, чем она, психического склада, не знающие сомнений, сочувствия и благодарности. Грубо говоря, Ульрику использовали, как использовали другого идеолога – романтика Хорста Малера. Нужно добавить, что проведенные в РАФ годы и последующее заключение разрушительно, сказались на самой Ульрике – она деградировала, была подвержена тяжелым депрессиям, перестала следить за своей внешностью. Последние месяцы она мало интересовалась ходом судебного процесса, отказалась от встреч с адвокатами, близкими и друзьями. Трудно было узнать в ней счастливую мать, эффектную женщину, блестящую журналистку. Все это осталось в прошлом.

8 мая в 22.00 41-летняя Ульрика Майнхоф была найдена повешенной в своей камере № 749. По официальной версии, вечерам 8 мая 1976 года, после очередного обхода, заключенная разорвала полотенец на узкие полоски и, сплетя из них веревку, покончила жизнь самоубийством, повесившись на оконной решетке. Это произошло в немецкий праздник – День Матери. О самоубийстве было официально объявлено на следующий день, 9 мая 1976 года.

11 мая 1976 года по просьбе сестры Майнхоф было произведено вскрытие тела. Доктор Вернер Янсен и члены руководимой им комиссии дали заключение, что результаты вскрытия не обнаружили посторонних факторов, вызвавших смерть Ульрики Майнхоф, которую тем самым следует считать результатом самоубийства.

В отличие от западногерманских коллег, независимая медицинская комиссия британских врачей не была столь категорична в выводах и оставила открытыми ряд вопросов. Отсутствовали некоторые типичные признаки самоубийства: приток крови к голове, вывих шейных позвонков и т. д. Был еще ряд обоснованных поводов для сомнений: четырехметровая высота, на которой была закреплена на решетке камеры веревка, ее недостаточная крепость, неспособная выдержать тело. Непонятным осталось отсутствие предсмертного письма. Все близко знавшие Ульрику утверждали, что она должна была объяснить причину своего ухода из жизни. Заключение носило следующий характер:

Утверждение государственных органов власти, что Ульрика Майнхоф совершила самоубийство через повешение, не доказано. Результаты независимой комиссии указывают, что Ульрика Майнхоф не могла повеситься сама. Окончательные выводы независимой комиссии свидетельствуют о том, что, скорее всего, Ульрика Майнхоф уже была мертва, когда оказалась в петле. Также имеются тревожные признаки, указывающие на вмешательство третьего лица.

По всей Западной Германии, а также Италии и Франции прокатились массовые демонстрации протеста против «убийства» Ульрики Майнхоф. Самые крупные из них прошли в Западном Берлине и во Франкфурте.

Церковь отказалась признать Ульрику Майнхоф самоубийцей. Она похоронена внутри кладбищенской ограды в субботу 15 мая 1976 года в 10 часов утра. В последний путь Ульрику пришли проводить около 4500 человек, многие из которых, опасаясь видеосъемок полиции, шли в масках, неся плакаты: «Ульрика Майнхоф, мы будем за тебя мстить!» Ни Ренат Римек, заменившая ее мать, ни дочери Ульрики не присутствовали на похоронах. Надгробную речь произнес известный евангелический теолог Хельмут Голлвицер.

Ульрика Майнхоф похоронена на евангелическом кладбище св. Троицы, на территории тогдашнего Западного Берлина, могила № 19 в 12 ряду.

Халиль Аль-Вазир-Абу Джихад³²

³² Абу Джихад (араб.) — отец Джихада.

Халиль-аль-Вазир, более известный под именем Абу Джихад, – заместитель Ясира Арафата, политический и военный руководитель «Западного Сектора» организации ФАТХ, являющейся одной из самых крупных террористических организаций, входящих в ООП – Организацию Освобождения Палестины.³³ В ООП аль-Вазир отвечал за организацию и проведение террористических актов против израильских объектов на территориях ближневосточных государств, Европы, Африки и внутри самого Израиля (захват заложников, в том числе путем морского и авиапиратства, обстрел северных районов Израиля с территории Южного Ливана, организация терактов против мирного населения путем минирования, взрывов, в том числе с помощью смертников). Один из непосредственных руководителей интифады.³⁴

Халиль аль-Вазир родился в октябре 1935 года в городе Рамле недалеко от Тель-Авива. Семье принадлежала небольшая пекарня, где Халиль, будучи ребенком, помогал отцу. С началом первой арабо-израильской войны 1948 года многочисленный семейный клан аль-Вазиров переехал из Рамле в Сектор Газа. Халиль с раннего детства сильно отличался от своих сверстников. Это был замкнутый, вдумчивый, достаточно нелюдимый юноша. Позже вспоминали о «магической силе его взгляда». На формирование личности Халиля аль-Вазира огромное влияние оказал отец. Его слова запомнились сыну на всю жизнь: «Чтобы добиться в этой жизни хоть чего-нибудь, чтобы вырваться из серой, беспросветной жизни, следует учиться и получить хорошее образование». Халиль много времени уделяет учебе, с прекрасными результатами оканчивает курс среднего образования и отправляется в Египет, где поступает в Каирский университет.

В первые годы пребывания в Каире Халиль принимает активное участие в студенческом палестинском движении, идеи которого оказываются ему близки. Он требует немедленных действий, отмечая, что в нынешнем виде палестинцы являются не более чем разменной картой в грязной политической игре арабского официоза. «Марионетки, пустые болтуны и дешевые пижоны!» – так характеризует Халиль аль-Вазир политических оппонентов. Объединив своих единомышленников, Халиль создает первые ячейки, прототип будущей террористической организации ФАТХ.

Опасаясь нарастающей волны палестинского движения, египетские власти почти сразу арестовывают Халиль аль-Вазира, и он проводит в заключении довольно длительный срок, что только укрепляет его авторитет в палестинской среде. Находясь в египетской тюрьме, Халиль начинает изучать израильский опыт борьбы за независимость. Уделяет большое внимание изучению иврита и истории сионистского движения. После освобождения египетские власти депортируют его из Египта в Сектор Газа. Там Халиль аль-Вазир энергично принимается за организацию первых палестинских террористических групп. В эти годы он берет себе прозвище Абу Джихад.

В 1959 году происходит личное знакомство Ясира Арафата и Абу Джихада. Их встречу можно охарактеризовать как встречу «средневекового восточного коварства» со «средневековой восточной жестокостью». Эти люди быстро поняли друг друга и оценили пользу, которую они смогут извлечь от объединения своих усилий. Арафат нужен был Абу Джихаду как изощренный и тонкий политик, а Арафат нуждался в Абу Джихаде как решительном энергичном человеке, готовом поставить цель выше норм нравственности и морали. В результате встречи было достигнуто соглашение об организации новых форм борьбы с сионистским врагом – ведении пропагандистской работы, вербовке членов организации, их подготовке и обучении приемам партизанской войны. Это соглашение можно считать началом движения, трансформировавшегося в террористическую организацию ФАТХ.³⁵ О ее

³³ Фактически Абу Джихад был военным руководителем всей организации ФАТХ.

³⁴ Интифада — массовые антиизраильские беспорядки, вспыхнувшие на территории Западного берега реки Иордан и Сектора Газа

³⁵ ФАТХ — аббревиатура от Филастин Табка Хорра (араб.) — «Палестина будет свободна» (национально-освободительное движение Палестины).

официальном создании было объявлено в Каире 1 января 1965 года.

В тот же день созданный под руководством Абу Джихада ФАТХ предпринял неудачную попытку подрыва Южного государственного водопровода Израиля, обеспечивающего водой юг страны. Вслед за этой террористической акцией последовали и другие.

5 марта 1975 года восемь террористов на резиновых лодках достигли побережья Израиля. Высадившись на набережной Тель-Авива, они захватили три этажа отеля «Савой», объявив заложниками находившихся там людей, и потребовали освобождения из израильских тюрем палестинских террористов. Во время штурма все террористы были уничтожены, погибли шесть туристов, 12 израильских мирных граждан и три бойца спецназа.

4 июля 1975 года террористы воспользовались вечерним скоплением народа на иерусалимской площади а-Цион. Главная цель акции состояла в том, чтобы вызвать максимальное число жертв и посеять панику среди мирного населения. Террористы проникли на площадь со стороны арабской части города и выгрузили из машины большой холодильник со спрятанным взрывным устройством. Холодильник был пуст, две минометные мины, украденные террористами с одного из армейских складов и снабженные часовым механизмом, были спрятаны в нижней его части. Некоторое время нелепо стоящий холодильник не привлекал внимания досужей публики, а когда вызвали наряд саперов, было уже поздно. В результате взрыва погибло 13 человек, 60 были ранены.

11 марта 1978 года 13 террористов высадились с двух лодок в районе автомагистрали Хайфа – Тель-Авив, где разделились на две группы. Первая остановила проезжавшее такси. Убив водителя, террористы направились в сторону Тель-Авива, расстреливая на своем пути без разбора машины и пешеходов. Вторая группа остановила междугородний автобус и, захватив заложников, потребовала освобождения своих товарищей, находящихся в израильских тюрьмах. Всего в результате налета террористов погибло 35 мирных граждан и более 80 были ранены. Все 13 террористов были уничтожены силами спецназа.

2 мая 1980 года Абу Джихад организует террористический акт в Хевроне, когда большая группа израильских паломников молилась у одной из наиболее почитаемых в Израиле святынь – Гробнице праотцов. Террористы неожиданно открыли по ним шквальный огонь из автоматического оружия и забросали осколочными гранатами. В результате шесть человек погибло, 16 получили тяжелые ранения. В отместку за кровавый теракт израильское правительство приняло решение депортировать на территорию соседней Иордании несколько палестинских общественных деятелей, проживавших в районе Хеврона и пропагандирующих идеи джихада.

Немало спланированных террористических операций были предотвращены израильскими спецслужбами. Из оперативных соображений и в интересах поддержания общественного спокойствия успешные действия спецслужб не были преданы огласке «по горячим следам». Так, в сентябре 1978 года в эйлатском порту был предотвращен масштабный теракт. ФАТХ планировал взорвать судно, на борту которого находилось большое число цистерн с взрывоопасным веществом. Через свою агентуру израильские спецслужбы своевременно получили информацию о планируемом теракте и перехватили судно на подходе к Эйлатскому заливу.

Абу Джихад разработал стратегию нападения на территорию Израиля с разных направлений. При попытке прорваться к побережью Израиля со стороны моря десятки судов с террористами были перехвачены или уничтожены израильскими ВМС. Другим направлением стали удары по Северной Галилее со стороны Ливана. Мишенью нападений стали гражданское население, жилые помещения и объекты сугубо гражданского назначения. Основной целью терактов было максимальное число жертв, причинение материального ущерба, дестабилизация мирной жизни, создания атмосферы страха и паники. Действия Абу Джихада и его групп стали основным фактором, спровоцировавшим в 1982 году Ливанскую войну. Чтобы обеспечить безопасность своих северных поселений и отбросить от своих границ многочисленные террористические группы, Армия Обороны Израиля была вынуждена занять приграничные с Израилем южные районы Ливана, которые служили плацдармом для нанесения террористических атак.

С 1982 года Абу Джихад занимает ведущие посты в различных террористических организациях, базирующихся на территории Южного Ливана, организуя и корректируя сов-

вместные действия против южноливанской армии, состоящей из ливанских арабов-христиан, союзников израильтян и против самой Армии Оборона Израиля, контролирующей значительную часть ливанской территории. При этом поддерживаются постоянная активность в Секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан и попытки проникновения глубину Израиля. Абу Джихад заручается поддержкой религиозных и светских деятелей, в частности шейха Фатх Шкаки, контактирует и в каком-то роде подчиняет себе родственные организации, в частности Палестинский Исламский Джихад.

В 1985 году между близкими друзьями и соратниками Абу Джихадом и Ясиром Арафатом произошла серьезная размолвка. Причиной послужило заявление лидера ООП, сделанное в Каире в ноябре 1985 года. Арафат официально объявил об отказе его организации в проведении террористических актов против израильских объектов, находящихся за границей. Формально боевое крыло ФАТХ, руководимое Абу Джихадом, входило в состав ООП, и Абу Джихад должен был подчиниться ее лидеру Арафату. Однако авторитет Абу Джихада среди палестинцев позволил ему публично оспорить заявление Арафата и отойти от официальной линии ООП. Абу Джихад утверждал, что заявление Арафата сделано под сильным нажимом со стороны египетских властей, и в частности личным давлением президента Египта Мубарака. С другой стороны, конфликт с Абу Джихадом был выгоден и Арафату, позволяя тому демонстрировать показное миролюбие и обрести репутацию умеренного лидера, сдерживающего экстремистов в рядах ООП. Так или иначе, но Абу Джихад и не думает снижать масштабы террора. С этой целью он устанавливает тесные контакты с одним из основателей Международного террористического интернационала, палестинцем Абу Нидалем, который стоял за террористическими актами, направленными против израильтян в аэропортах Вены и Рима. Весь этот процесс протекает непросто в рядах самой организации ФАТХ, более умеренные элементы выступают за изменение политических целей и ограничение тоталитарной власти Абу Джихада. Однако тот полностью контролирует организацию. Пользуясь реальной поддержкой Арафата (вопреки слухам о разногласиях) и грызней внутри оппозиции, он полностью подавляет последнюю и становится непререкаемым лидером. В лице Абу Джихада Израиль приобрел мощного, фанатичного противника, обладающего неограниченной властью и значительными материальными возможностями.

Для Абу Джихада существовала только Палестина и палестинское национально-освободительное движение, весь остальной мир, в том числе и арабский, интересовал его в той мере, в какой им можно было воспользоваться для борьбы с сионистским врагом. Абу Джихад не был разборчив в методах и средствах достижения своих целей. Не простив арабскому миру его пренебрежительно-безразличного отношения к палестинцам, Абу Джихад использовал для давления на своих единоверцев – сирийцев, египтян, иорданцев, иракцев – не только политические, но и силовые методы. Так, в 1975 году в отместку за подписание мирного договора между Израилем и Египтом Абу Джихад отправляет в Испанию группу террористов для захвата египетского посольства. Этот террористический акт имел не столько практическое, сколько символическое значение. Проникнув на территорию египетского посольства в Мадриде и захватив заложников, террористы потребовали самолет и беспрепятственный вылет в Алжир. После того как их требования были выполнены и захваченный самолет приземлился в аэропорту Алжира, группа террористов отпустила удерживаемых заложников.

В отличие от лидеров экстремистских исламских организаций шейха Фатхи Шкаки (Палестинский Исламский Джихад) и шейха Ахмада Ясина (ХАМАС), Абу Джихад в своей борьбе не делал упор на ислам. Более того, ООП всегда опасалась укрепления влияния исламских радикальных движений, видя в них сильных конкурентов. Его путь к цели был прост: разрешение палестинского вопроса может состояться только в результате уничтожения государства Израиль. Эта цель должна быть реализована лишь путем вооруженной борьбы и последовательного достижения необходимых результатов. Абу Джихад определил их как программы минимум и максимум. Выполнение программы-минимум должно завершиться созданием палестинского независимого государства в пределах границ 1967 года и территории Сектора Газа. Выполнение программы-максимум предполагало объединение вооруженных сил палестинцев и остального арабского мира для окончательной побе-

ды над Израилем и создания единого палестинского государства с границами от реки Иордан до побережья Средиземного моря.

Будучи военным руководителем ФАТХ, Абу Джихад со временем занимает ключевые посты в ООП. Фактически он становится вторым после Арафата лицом в этой организации. Арафат назначает Абу Джихада руководителем военного ведомства и ответственным за военную политику ООП не только на территории Израиля, но и за его пределами. Абу Джихад получает широчайшие полномочия и начинает активную деятельность по созданию в различных частях мира военных представительств палестинцев. Первое официальное представительство ФАТХ открылось в Алжире в 1965 году. Абу Джихад добивается от алжирских властей выделения в ее военной академии специальных квот для палестинцев. Вслед за алжирцами двери своих военных учебных заведений открывают египтяне. Палестинцы получают для своих вооруженных сил профессионально подготовленные кадры. Абу Джихад ищет опору в коммунистических странах. Он совершает длительную поездку по странам Дальнего Востока, встречается с лидерами КНР, КНДР и Северного Вьетнама, перенимает у них опыт организации и ведения партизанской войны. Он организует военные поставки оружия: советского образца, в основном китайского и чешского производства.

В это время Абу Джихад устраивает личную жизнь, женившись на подруге своей юности, палестинской студентке по имени Энтицар. Он дает ей сходное со своим прозвище Умм-Джихад³⁶ и способствует ее быстрому карьерному продвижению в структурах ООП. Умм-Джихад становится постоянным членом верховного военного совета ФАТХ, председателем многих женских палестинских благотворительных организаций и фондов, в частности фонда поддержки семей погибших террористов. На протяжении всей жизни Энтицар Умм Джихад остается ближайшим соратником и первым помощником своего мужа.

Быстрый рост самосознания палестинцев и их эффективная организация в военные и политические структуры создали новую ситуацию в арабском мире. После войн 1948 и 1967 годов палестинское население концентрируется в арабских странах. В Египте, Сирии, Ливане, Ираке и Саудовской Аравии существовали большие палестинские диаспоры, в Иордании палестинцы составляли до 10 % от населения страны. Когда политическое и военное объединение палестинцев стало свершившимся фактом, эти страны ощутили угрозу собственной безопасности. Опасаясь вооруженного переворота, власти Египта вынуждают Абу Джихада и его организацию покинуть страну и выехать в Сирию. Однако и в Сирии ФАТХ не задерживается надолго. Абу Джихад, Арафат и вся структура ООП в скором времени перебираются в Иорданию.

В Иордании палестинцы создают настоящее государство в государстве. Воспользовавшись предоставленной им возможностью, они разворачивают на территории Хашимитского королевства³⁷ развернутую инфраструктуру террора.

Здесь не только плацдарм для нанесения террористических ударов по территории Израиля. ООП постоянно проводит агитационно-подрывную деятельность внутри королевства. В сентябре 1970 года палестинцы предпринимают попытку вооруженного переворота с целью свержения короля Хусейна. Для ООП эта попытка превратилась в настоящую катастрофу, вошедшую в историю как «Черный сентябрь». Десятки тысяч палестинцев нашли смерть под гусеницами иорданских танков. Несколько лагерей палестинских беженцев буквально были стерты с лица земли иорданской артиллерией. Король Хусейн более не мог позволить себе палестинское присутствие в пределах своего королевства. В считанные дни ООП была изгнана из Иордании на территорию Ливана.

С 1970 года начинается ливанский период ООП. Абу Джихад устраивает в Бейруте штаб-квартиру ФАТХ, разворачивая на территории Ливана изошренную инфраструктуру террора, включающую в себя многочисленные центры по подготовке террористов и военные базы. Абу Джихад и в Ливане не изменил своей тактике создания государства в государстве. Официальные власти Ливана практически потеряли контроль над южными приграничными

³⁶ Умм Джихад (*араб.*) — Мать Джихада.

³⁷ По своему статусу Иордания считается Хашимитским Королевством.

с Израилем районами страны. Результаты не замедлили последовать. С 1970 года на Израиль накатывается страшная волна террора, повлекшая тяжелейшие жертвы среди мирного населения. Палестинские террористы организации ФАТХ, направляемые непосредственно Абу Джихадом, не прекращают попытки прорыва на территорию Израиля со стороны моря и через сухопутную ливанскую границу. Стоит отметить, что до появления ООП в Ливане эта страна считалась настоящим раем, восьмым чудом света. Ливан часто называли ближневосточной Швейцарией. Львиная доля ливанского бюджета пополнялась за счет миллионов богатых туристов, ежегодно посещавших средиземноморское побережье, ничем не уступавшее Французской Ривьере, и роскошные горные курорты, открытые практически круглый год. Здесь мирно уживались три основные общины: христиане, друзы и мусульмане. Палестинские беженцы, воспользовавшись своим численным преимуществом, стали доминировать в Южном Ливане, притесняя коренное христианское население. Именно поэтому христианская община поддержала ввод израильских войск на свою территорию. Христиане создали собственную так называемую Армию Южного Ливана, которая на протяжении двух десятилетий выступала в качестве боевого союзника Армии Оборона Израиля.³⁸

В 1982 году Израиль был вынужден провести широкомасштабную военную операцию под кодовым названием «Шлом а-Галиль».³⁹ Воспользовавшись египетскими морскими судами, часть ООП перебазировалась из Ливана в Тунис, а сам Абу Джихад с боевым руководством ФАТХ перебрался в Триполи (порт на севере Ливана), где рассчитывал создать новый центр управления организацией. Здесь он встретил серьезное противодействие Сирии, имеющей в этом регионе собственные интересы, в частности контроль над обширными плантациями опиумного мака. По приказу президента Сирии Хафеза Асада в районе Триполи высаживаются крупные силы сирийского спецназа и просирийски настроенные (оппозиционные Арафату) палестинские террористические группы. Их цель – перехватить или уничтожить активистов ООП. Абу Джихаду в последний момент чудом удается бежать назад в Тунис, в очередной раз воспользовавшись египетскими судами.

Ясир Арафат – прекрасный дипломат и хитрый политик, вновь налаживает хорошие отношения с королем Хусейном, подписав двустороннее соглашение между ООП и Хашимитским королевством о проведении согласованной внешней политики. Арафат уговаривает короля Хусейна дать разрешение перевести часть штаб-квартиры ООП в столицу Иордании Амман. В этом же 1982 году в Амман перебирается и Абу Джихад, назначенный на пост председателя недавно созданного объединенного иордано-палестинского совета. Отсюда он руководит террористическими актами против Израиля и развитием террористической сети внутри Западного берега реки Иордан, Восточного Иерусалима и Сектора Газа. ФАТХ устанавливает тесные контакты с действующими внутри Израиля мелкими палестинскими террористическими группами, в том числе и с начинающим набирать силу Палестинским Исламским Джихадом.

Иордано-палестинский совет достаточно быстро перестает существовать, король Хусейн в очередной раз высылает из страны ООП. Абу Джихад вместе с семьей вынужден покинуть столицу Иордании Амман и переехать в Ирак, откуда спустя короткое время перебирается в Тунис. Здесь он с женой и детьми поселился в частной вилле на берегу Средиземного моря, на достаточном расстоянии от района компактного проживания активистов ООП.

Для выбора места проживания были свои основания. Незадолго до этого, 2 октября 1985 года, восемь боевых самолетов ВВС Израиля произвели налет на опорные пункты ООП в Тунисе. Пострадало 165 боевиков ООП, из них 50 погибло. Этот урок заставил Абу Джихада действовать предельно осторожно. Место его проживания держалось в секрете, семья и сам он жили под вымышленными именами.

Кроме угрозы со стороны израильских спецслужб у Абу Джихада было немало иных

³⁸ После вывода израильского военного контингента с территории Южного Ливана всем ветеранам, воевавшим на стороне Армии Южного Ливана и членам их семей было предоставлено израильское гражданство.

³⁹ Шлом а-Галиль (*ивр.*) — мир в Галилее.

причин, чтобы опасаться за свою жизнь. Внутри ООП, и в частности подведомственном ему ФАТХ, ширилась и набирала силу внутренняя оппозиция. Последние годы и Арафат стал серьезно опасаться растущего влияния Абу Джихада, поэтому он отдал приказ о создании новых, не подчиняющихся Абу Джихаду военных структур внутри ФАТХ. Ясир Арафат поручает молодому амбициозному активисту ФАТХ полковнику Абу аль-Тайебу создать воинское спецподразделение, позднее получившее название «Отряд-17». Первоначально в задачу «Отряда-17» входило обеспечение безопасности первых лиц Организации Освобождения Палестины. Пользуясь неограниченной поддержкой Арафата, полковник Абу аль-Тайеб стал серьезно претендовать на лидерство в ФАТХ, однако влияние Абу Джихада среди палестинцев в Ливане, на Территориях⁴⁰ и в Иордании было настолько прочно, что жалкие попытки пошатнуть позиции второго лица в ООП походили на неравный бой «мухача» с супертяжеловесом.

Параллельно с созданием «Отряда-17» на юге Ливана внутри ФАТХ с легкой руки Арафата создается новое движение, во главу которого, вопреки возражениям Абу Джихада, становится один из крупных руководителей ФАТХ – Абу Таарк Хаувари. Хаувари создает внутри нового движения свои собственные вооруженные группы, которые начинают проводить террористические акты против Израиля по личному указанию Арафата, минуя Абу Джихада.

Тучи вокруг Халиль аль-Вазира Абу Джихада начинают все больше сгущаться. Многочисленная, но разрозненная оппозиция небеспочвенно опасается, что после Ясира Арафата лидером ООП станет не кто иной, как Абу Джихад. В последние годы на Абу Джихада было совершено три неудачных покушения. Его жизни постоянно угрожали просирийски настроенные палестинцы, иорданцы и оппозиция внутри ФАТХ. За ним вел постоянную охоту израильский «Моссад». Безусловно, Абу Джихад был наиболее охраняемым активистом палестинского движения, именно поэтому операция по его ликвидации стала одной из самых ярких страниц в истории израильских спецслужб.

Ликвидация Абу Джихада была выгодна как израильской стороне, так и внутренней палестинской оппозиции, поэтому израильской внешней разведке не составило большого труда получить необходимую информацию касательно лидера военного крыла ФАТХ. Израильская агентура сообщала о том, что Халиль аль-Вазир Абу Джихад последнее время проживает вместе со своей семьей в 20 километрах севернее столицы Туниса. Его вилла была расположена не далеко от железнодорожной станции в одном из самых престижных районов Сиди Бо-Саид, где проживали в основном тунисские дипломаты и бизнесмены. Внешне она ничем не отличалась от других построек. Желая сохранить инкогнито и не привлекать внимание соседей, Абу Джихад запретил своим телохранителям появляться за пределами высокого забора, отгораживающего участок виллы. Несмотря на все предпринятые предосторожности, «Моссад» знал не только место расположения виллы, но и самые мельчайшие подробности внутреннего расположения комнат.

В пятницу 15 апреля 1988 года в Тунис прибыли трое «арабов» и поселились в разных отелях в центре столицы. Вечером того же дня они поочередно зашли в одно из агентств, занимающихся арендой автомобилей, и, предъявив ливанские заграничные паспорта, арендовали два микроавтобуса «фольксваген» и легковой автомобиль «Пежо-305». Вечером следующего дня они покинули свои отели и выехали на арендованных автомобилях в неизвестном направлении.

Поздно ночью того же дня к берегу Туниса пристали несколько резиновых лодок «Шайетет-13»,⁴¹ которые высадили на берег 20 бойцов «Сайрет Маткаль». ⁴² Недалеко от береговой полосы их уже ожидали три черных автомобиля, за рулем которых находились агенты «Моссада».

⁴⁰ Имеется в виду Западный берег реки Иордан, Восточный Иерусалим и Сектор Газа.

⁴¹ «Шайетет-13» (ивр.) — «Тринадцатая эскадра» морских командос ВМС Израиля

⁴² «Сайрет Маткаль» (ивр.) — диверсионно-разведывательное спецподразделение Генштаба Армии Оборони Израиля

Примерно в час ночи три черные машины с вооруженными людьми в масках остановились недалеко от виллы Абу Джихада. За полчаса до этого агенты «Моссада» при помощи специального оборудования отключили телефонную связь на вилле Абу Джихада и ближайшем полицейском участке.

Израильские спецназовцы были вооружены автоматами Калашникова и пистолетами «беретта» с глушителями. Они были одеты во все черное, с масками на головах. Все команды отдавались на арабском и французском языках. Часть бойцов окружила виллу и перекрыла близлежащие дороги, чтобы в случае необходимости не допустить прибытия подкрепления. Прежде чем начать штурм, спецназу пришлось ждать около 20 минут, пока агенты «Моссада» не удостоверятся, что Абу Джихад в этот момент находится на вилле.

Получив последнее подтверждение о том, что Халиль аль-Вазир Абу Джихад в эту минуту находится в своем рабочем кабинете, в 1.30 после полуночи спецназ приступил к штурму. Первым был ликвидирован личный телохранитель, дремавший в припаркованной недалеко от виллы машине Абу Джихада. Затем, взломав ворота специальным гидравлическим домкратом, восемь человек, среди которых была женщина, снимавшая всю операцию на видеокамеру, проникли во внутренний двор виллы. Все произошло настолько быстро, что второй телохранитель, сидящий на пороге дома, не успел отреагировать и выхватить пистолет, как получил несколько пуль в голову. Вместе с ним был убит и садовник Абу Джихада, гражданин Туниса. Покончив с телохранителями, группа спецназовцев искрошила дверной замок автоматными очередями и ворвалась внутрь виллы.

В это время, несмотря на столь поздний час, Абу Джихад сидел за рабочим столом в своем кабинете и просматривал какие-то документы. Услышав шум, он выхватил пистолет и попытался выйти из своего кабинета, однако так и не смог открыть дверь. На шум стрельбы из спальни комнаты выбежали его четырнадцатилетняя дочь и жена, оставив двухлетнего сына в спальне. Убийство Абу Джихада происходило у них на глазах. Его жена и дочь выбежали на балкон выходящий на улицу, и принялись кричать, взывая о помощи, как рассказывали потом соседи. Ворвавшись внутрь дома, спецназовцы открыли шквальный автоматный огонь в направлении кабинета Абу Джихада. Он был сражен намертво еще до того, как приблизился к двери. По другой версии, Абу Джихад успел выскочить на лестничный пролет и направить пистолет в сторону спецназовцев, однако автоматная очередь фактически разорвала руку, державшую пистолет, на мелкие ошметки. Спецназовцы приблизились к лежавшему Абу Джихаду и выпустили в бездыханное тело несколько автоматных очередей в упор. Прежде чем покинуть виллу, туда поднялся командир спецназа и, лично убедившись, что Халиль аль-Вазир Абу Джихад мертв, отдал приказ об отходе.

Вся операция по ликвидации руководителя боевого крыла ФАТХ заняла не более четырех минут. Из его тела было извлечено более 70 пулевых и автоматных пуль. Никто из членов его семьи не пострадал. Прежде чем покинуть виллу Абу Джихада, бойцы «Сайрет Маткаль» забрали большое количество секретных документов, находящихся в личном сейфе Абу Джихада.

Спецназовцы вернулись в ожидавшие их машины и скрылись в направлении первоначальной высадки, где их уже ожидала группа прикрытия морских коммандос. Машины, доставившие спецназ к вилле Абу Джихада, были обнаружены брошенными спустя час в десяти километрах севернее виллы, на одном из пляжей небольшого городка под названием Рауад. Пока власти Туниса поняли, что произошло, спецназовцы и агенты «Моссада» были уже по дороге домой.

Метод и техника ликвидации свидетельствовали об «израильском следе», однако израильская сторона оставила это происшествие без комментариев. Ицхак Шамир, в те годы премьер-министр Израиля, на все вопросы журналистов кратко заявил: «Обо всем случившемся я узнал из сегодняшних утренних газет...»

Андреас Баадер

Яркая личность Андреаса Баадера остается полной противоречий. Для одних – это беспринципный бандит-налетчик, не только сделавший террор смыслом существования, но

извлекавший из этого немалую личную выгоду, для других – создатель и лидер мощной террористической организации, бросившей вызов буржуазному обществу и системе его ценностей, воплотивший в себе заманчивый для подражания особый тип городского партизана.

Андреас Баадер родился в Мюнхене 6 мая 1943 года. Его отец Филипп Баадер был доктором исторических наук и занимал должность главного архивариуса земли Бавария. Во время Второй мировой войны он был призван в вермахт и отправлен на Восточный фронт. В 1943 году доктор Филипп Баадер попал в русский плен, из которого не вернулся. Долгие годы семья ничего не знала о его судьбе. Только спустя много лет пришло известие о том, что доктор Баадер умер зимой 1945 года в сибирском лагере для военнопленных. Мать Андреаса Баадера Анна-Лиза осталась с двухлетним ребенком на руках почти без средств к существованию, только благодаря помощи родственников они смогли выжить в разоренной послевоенной Германии.

Андреас Баадер воспитывался в окружении многочисленных теток, которые не чаяли в нем души и всячески баловали. Красивый, белокурый мальчик ни в чем не знал отказа, что отрицательно сказывалось на формировании его характера. Учился Андреас плохо и несколько раз менял школу. Мать и тетки объясняли трудности воспитания тяжелым детством и недостаточным вниманием со стороны учителей. Однако сами учителя были иного мнения. Они считали, что Андреас избалован, ленив, эгоистичен и агрессивен. При этом он обладал выраженными свойствами лидера, легко объединял вокруг себя хулиганствующих подростков. Желание повелевать проявлялось у Баадера с раннего детства. Другим отличительным свойством (вполне сочетающимся со свойствами лидера) была тяга к вандализму и насилию. Формирование отрицательных черт характера было налицо, но родственники продолжали обвинять во всем школьное воспитание. Попытки развить единственную проявившуюся склонность к журналистике потерпели фиаско. Уверовав в безнаказанность, Андреас скатывался к примитивному потребительству. Праздный образ жизни требовал затрат, однако к 20 годам он не имел ни специальности, ни образования, ни постоянного дохода, позволявшего содержать себя без посторонней помощи. Единственно, чем он располагал, это красивой внешностью и умением нравиться женщинам. Ни на одной работе он подолгу не задерживался. Основной интерес был связан с ночными пивными барами, женщинами и наркотиками. Время от времени он промышлял мелкими взломами и угонами мотоциклов, за что попадал в полицейский участок. Когда родственники хватились, Андреас уже был законченным молодым преступником. Надежда, что армия поможет ему избежать тюрьмы, не оправдалась. Армейская служба никак не входила в планы Баадера. В 1963 году он перебирается в Западный Берлин, где молодежь была освобождена от несения воинской повинности.

Здесь он быстро нашел работу в иллюстрированном журнале «Билдцейтунг», принадлежавшему крупному газетному концерну «Шпрингер-Пресс». Но здесь он не задержался и очень скоро оказался на улицах Западного Берлина без средств к существованию. Бесцельно бродя по ночным улицам и наблюдая жизнь более обеспеченных ровесников, он пришел к выводу, что общество относится к нему «слишком жестоко и предвзято». Жалея себя, Андреас начинал ненавидеть весь мир, видя в нем причину своего бедственного положения.

Как раз тогда он познакомился с модной художницей Элинор Мишель. Она была очарована молодым человеком выброшенным на обочину жизни. После нескольких встреч Элинор предложила Андреасу переехать на ее квартиру в дорогом районе Западного Берлина.

Мишель была не только талантливой художницей, большой поклонницей левого философа Маркузе и очень добрым человеком. Двери ее дома-студии были круглые сутки открыты. Десятки молодых людей, преимущественно студентов, проводили целые дни в социально-политических диспутах и спорах о современном искусстве. Гостеприимство Элинор не имело границ. Она разбрасывалась «бессрочными ссудами», подкармливая своих «любимчиков и любимиц». Наконец терпению мужа пришел конец. Он покинул дом, а место рядом с Элинор занял Андреас. Так он провел около года, ведя беззаботный образ жизни, целыми днями слушая английскую поп-музыку и бесцельно тратя деньги Мишель на выпивку и женщин. В 1965 году у Андреаса Баадера и Элинор родилась дочь, которой дали имя Сюзан.

Промарксистская риторика, которая в основном звучала в доме Элинор, пока мало

волновала Андреаса, как и судьбы «насквозь прогнившего» западногерманского общества. Его привлекало общение с молодыми интеллектуалами, но не настолько, чтобы он стал читать и совершенствовать свое образование. Андреас Баадер, как он сам любил себя называть, был «человеком действия». Однажды попав на студенческую демонстрацию, он понял, что нашел свою стихию. Среди людей, зараженных общей энергией нетерпимости, он чувствовал себя как рыба в воде. Здесь, на уличных демонстрациях и маршах протеста, он был своим. Ему было все равно, против чего протестовать – войны во Вьетнаме или ядерного оружия. Вряд ли он смог бы быстро отыскать на карте место, где находится Вьетнам. Ему нравилось вести себя агрессивно, вызывая, стоя перед рядами полицейского оцепления, прорывать их ряды, забрасывать административные здания яйцами, вести за собой возбужденных людей. Он чувствовал себя исполнителем главной роли на театральной сцене, любимцем публики, дарящей восторг герою и бунтарю.

Андреас пользовался популярностью у женщин. Его романы и любовные похождения были темой разговоров среди студенческой богемы Западного Берлина. То, что в глазах другой женщины считалось бы изменой, для Элинор Мишель, придерживающейся «прогрессивных взглядов», было лишь простительным приключением. Она боготворила красавчика Баадера и потакала его выходкам. Так тянулось до тех пор, пока в доме Мишель не появилась молодая, но уже известная студенческая активистка Гудрун Энслин. Ее бурный роман с Андреасом перешел все границы приличий. Любовные отношения развивались на глазах Элинор и в ее спальне. Терпению «слишком либеральной» хозяйки дома, к тому же полностью содержавшей обнаглевшего Андреаса, пришел конец, и она в решительной форме потребовала от любовников убраться.

Энслин и Баадер решили переехать из Западного Берлина во Франкфурт-на-Майне, который в 1968 году являлся центром студенческих выступлений Западной Германии. Инициатором переезда стала Гудрун, которая рассчитывала продолжить учебу в университете Франкфурта, совмещая учебу с активной политической деятельностью. Гудрун была одаренной студенткой и смогла без особых затруднений добиться годовой стипендии, которая обеспечивала ей и Андреасу сносное существование.

Западную Германию лихорадило от постоянных студенческих беспорядков и ответного беспредела полиции. 2 июня 1967 года, во время многотысячной студенческой демонстрации протеста по поводу прибытия в Западный Берлин персидского шаха, переросшей в массовые беспорядки, выстрелом полицейского был убит 23-летний студент-теолог из Ганновера Бенно Онезорг (Benno Ohnesorg). Его похороны, прошедшие 9 июня 1967 года, вылились в самый крупный за всю историю Западной Германии студенческий марш протеста. Это было время быстрой радикализации студенческой среды и благодатная почва для различных провокаций. Казалось, стоит только начать, подтолкнуть возбужденные массы к активным действиям, и обрушится лавина, которая сметет буржуазный миропорядок.

Взгляды и энтузиазм Энслин, разделяемые Баадером, быстро сделали молодых людей популярными. Не без успеха они пытались радикализировать студенческие выступления, придать им дополнительный динамизм. Но усилий молодых агитаторов оказалось недостаточно, довести своих сторонников до «точки кипения» не удавалось. На то были свои причины. Большая часть членов «Системы ПКО»⁴³ были готовы к уличным беспорядкам, забрасыванию полиции и официальных лиц яйцами и пакетами с кремом для пирожных (некоторые готовы были использовать бутылки и камни), но не разделяли экстремистский максимализм Энслин, призывавшей к масштабным террористическим акциям. Студенты сознавали зависимость от общества, которое их призывали разрушить. Ответная реакция властей – роспуск студенческих объединений, отчисление из университета – была реальностью. К тому же многие из членов «Системы ПКО» пользовались льготными государственными и университетскими стипендиями, дававшими возможность получения высшего образования. Все это привело к расколу в левом студенческом движении между сторонниками умеренных форм протеста и небольшой группой экстремистов, объединившихся вокруг Гудрун Энслин и Андреаса Баадера. Раскол подтолкнул Гудрун и Андреаса к принятию

⁴³ «Система ПКО» — «Социалистический немецкий студенческий союз»

важного решения: чтобы «раскачать» инертное общество, необходимо провести действие, направленное на разрушение буржуазной собственности, показать пример. Важен в первую очередь не материальный ущерб (хоть и он имел значение), а общественный резонанс поступка. Важно также избежать человеческих жертв, будущие террористы не были пока к этому готовы.

Наиболее подходящей целью могли стать крупные магазины. Немалую роль в сделанном выборе сыграла брошюра Фрица Тойфеля и Рейнера Ланганса. Авторы утверждали, что поджоги магазинов являются лучшим способом расшевелить заплывшее жиром чувство сострадания европейского обывателя. По словам Андреаса Баадера, поджог крупных универсамов должен стать ответом на длительный государственный террор, преступную войну во Вьетнаме, а также акцией протеста «... против общества потребления, которое оболванивает сознание масс...».

Баадер планировал провести серию поджогов в Западном Берлине 2 апреля 1968 года в знак протеста против убийства Бенно Онезорга. Однако Энслин настояла на том, чтобы первые террористические акты были осуществлены в «столице западногерманского капитала» – Франкфурте-на-Майне.

Накануне поджога Андреас Баадер, Гудрун Энслин и третий член террористической группы, студент факультета искусства Торвальд Пролл, отправились в Мюнхен к другу Баадера актеру экспериментального театра Хорсту Зунлейну. Несколько дней они провели на квартире Зунлейна, заканчивая последние приготовления к реализации своего плана. 1 апреля 1968 года четверо поджигателей вернулись во Франкфурт в арендованном Зунлейном «фольксвагене». В багажнике машины лежало несколько самодельных зажигательных бомб, изготовленных из дорожного будильника, батарей, легковоспламеняемой смеси и взрывчатого вещества.

В первой половине дня 2 апреля 1968 года Баадер и Энслин отправились в торговый центр города, чтобы наметить конкретные объекты нападения. Их внимание привлекли два крупных универмага: склад-магазин «Каухоф» и магазин женской верхней одежды «Шнейдер». Ближе к вечеру, перед закрытием, террористы пронесли в помещение магазинов две зажигательные бомбы. Одну Энслин незаметно оставила на полке с одеждой, другую Баадер спрятал в деревянном шкафу мебельного магазина. Таймеры на взрывателях были установлены на 24.00, с тем чтобы избежать человеческих жертв в пустых помещениях.

За несколько минут до полуночи Гудрун Энслин из уличного автомата позвонила в Немецкое агентство печати и взволнованным голосом заявила: «Горит магазин женской одежды „Шнейдер“ и склад-магазин „Каухоф“. Это политический акт возмездия...» Сразу после поджога террористы укрылись на квартире у знакомой, хотя особых причин для опасения не было. У полиции пока не было шансов – Гудрун и Андреас еще не приобрели следующей «известности», а акцию, несмотря на отсутствие большого криминального опыта, они провели профессионально, не оставив ни единой улики.

Пожары полностью уничтожили магазины. Как и рассчитывали террористы, обошлось без человеческих жертв. Только в складе-магазине «Каухоф» от испуга и угарного дыма пострадал пожилой служащий. Материальный ущерб от поджогов был колоссальным. Страховые компании выплатили компенсацию в размере 282 339 марок в магазине женской одежды «Шнейдер» и 390 865 марок в складе-магазине «Каухоф».

Наиболее любимым местопребыванием Андреаса Баадера и Гудрун Энслин был модный молодежный бар «Клуб Валтар», находившийся недалеко от здания франкфуртской оперы. Он был широко популярен не только среди западногерманских левых. Там можно было встретить членов ИРА, баскских сепаратистов ЭТА и даже палестинских экстремистов из террористических организаций ФАТХ и НФОП.⁴⁴ Бар любили посещать американка Анжела Девис и герой французских студенческих выступлений конца 60-х Красный Дени. Стены бара были увешаны портретами Мао Дзедуна, Фиделя Кастро, Че Гевары, Ленина, Троц-

⁴⁴ Деятельность палестинских террористических организаций ФАТХ и НФОП (Народный фронт освобождения Палестины) подробно описана в двух книгах Александра Брасса «Палестинские истоки» и «Между Лениным и Арафатом».

кого, Маркса, Хо Ши Мина. Здесь велись ожесточенные политические дискуссии и завязывались полезные знакомства среди приверженцев левых движений. Здесь можно было проявить себя или просто покрасоваться перед единомышленниками. Естественно, что амбициозной паре нравилось это место. Единственное, чего не учли пока еще малоопытные Баадер и Энслин, это наличие агентов и осведомителей среди завсегдатаев бара. А поджигателей буквально распирало чувство гордости, тем более что посетители не скрывали своего восторга, поджоги были основной темой разговоров. Народ в баре бурлил и поздравлял друг друга. Неудивительно, что крепко подвыпившая Энслин расхвасталась и объявила, что поджог – ее рук дело.

Утром следующего дня все четверо поджигателей были задержаны агентами полиции. Отпираться было бессмысленно: в квартире и «фольксвагене» найдено большое количество улики. Было объявлено об аресте по обвинению в поджоге Энслин, Баадера, Пролла и Зунлейна. Проблемы, которые Баадер и Энслин создали полиции и всему обществу, были еще впереди, а пока пресса пыталась увязать мотивы противоправного поступка утративших чувство меры вандалов с антигосударственной деятельностью левых студенческих союзов (арестованные были членами «Социалистического немецкого союза студентов»). Несмотря на то что лидеры левых студенческих организаций (Коммуна Западного Берлина I и другие) поспешили на словах заявить о своей непричастности к терактам, однако сочувствие к поджигателям и солидарность с ними отчетливо просматривались.

Одной из немногих, кто не побоялся открыто выступить в защиту поджигателей, стала популярная западногерманская журналистка, ведущая политической рубрики на страницах левого журнала «Конкрет» Ульрика Майнхоф. Она, не призывала студенческую молодежь выходить на улицы и громить магазины. Как всегда в своих публикациях, Майнхоф попыталась дать внятное объяснение происходящему. Поджог во франкфуртских магазинах был, по ее мнению, не чем иным, как актом протеста против бездушия капиталистического общества потребления, основной ценностью которого являются деньги и прибыль. Были и более конкретные выводы. Безразличие западногерманского общества к страданиям вьетнамского народа вложило в руки поджигателей бомбы.

Чтобы вы могли спокойно совершать свои шопинги, во Вьетнаме каждый день напалмом сжигаются десятки деревень.

В октябре 1968 года в Западном Берлине четверо франкфуртских поджигателей – Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Торвальд Пролл и Хорст Зунлейн – предстали пред судом. Интересы обвиняемых представлял известный адвокат-правозащитник Хорст Малер.

Это был первый в истории Западной Германии процесс над террористами, и немецкая Фемида оказалась неопытной и растерянной. Подсудимые вели себя довольно нагло и сумели извлечь из процесса пропагандистскую выгоду. Большое общественное внимание к процессу обеспечило им известность, пресса, жадно следящая заходом суда, тиражировала их политические заявления и выступления. Эпатаж обывателя сочетался с революционной романтикой. В глазах части западногерманской молодежи и некоторых интеллектуалов они стали героями, достойными подражания.

На первое судебное заседание все четверо обвиняемых явились в состоянии сильного опьянения. Они смеялись, громко переговаривались и обнимали друг друга, развалившись на скамье подсудимых, как в пивном баре. Суд они демонстративно игнорировали и отказывались отвечать на вопросы. Гудрун Энслин заявила, что, поскольку суд является частью порочной западногерманской системы, они не испытывают к нему уважения и не признают его процедуру и решение. Гудрун была возбуждена и кричала. Поджог магазинов является делом их рук. Их поступок является политическим актом, вызовом обществу угнетения и несправедливости. «Мы зажгли факел в честь Вьетнама!» – гордо заявила она. Строгой логики в ее высказываниях не было, Гудрун рассчитывала на вдохновение, противореча самой себе, но держалась вызывающе. Она удивила присутствующих, когда призналась в том, что поджог стал «...ошибкой, ошибкой... однако это я буду обсуждать с другими, а не с вами...».

Андреас Баадер также не признал себя виновным. Заявляя о неправомерности суда,

Баадер заявил, что система вынесла им обвинительный приговор еще до начала суда, а все происходящее в зале является фарсом, в котором они не намерены участвовать. «Это гнилая система правосудия подвергается суду, а не мы!» – такова была его позиция. Он вслед за Энслин обратил внимание на особенности проведения операции. «Мы действовали так, чтобы не подвергать опасности человеческую жизнь».

Энслин и Баадер взяли на себя всю ответственность за организацию и проведение поджогов и настаивали на полной невинности Пролла и Зунлейна. Они заявили, что те не только не принимали никакого участия в терактах, но ничего не знали о содержимом пакетов с бомбами. Несмотря на настойчивость главных обвиняемых, суд отказался принять к сведению их признательные заявления и оставил Пролла и Зунлейна на скамье подсудимых.

К процессу было приковано внимание всей Западной Германии. Тогда еще трудно было представить, что это само по себе значительное событие знаменует важную веху в истории страны. С этого времени терроризм стал реальностью. Это можно было предугадать по общественным настроениям, проявившимся в ходе процесса. У подсудимых оказалось немалое число сочувствующих. Большая часть левой прессы выступила с осуждением насилия, тем не менее признавая за поджигателями гражданскую позицию и отстаивая их право на диалог с властью. Но проявились и более радикальные настроения – действия поджигателей рассматривались как героические и заслуживающие подражания.

Хорст Малер, следуя стратегии защиты, выстроенной им самим, пытался изменить характер процесса, сделать его из уголовного политическим, актом гражданского неповиновения во имя высокой цели. Если безрезультатно исчерпаны все другие средства убеждения, гражданин имеет не только право, но и обязанность привлечь внимание общества к его насущным проблемам. Поджог является фактом социальной борьбы двух противодействующих начал, и если рассматривать его в суде, то основным обвиняемым следует признать самую систему. Она толкнула обвиняемых на противоправный, но бескорыстный поступок во имя интересов всего общества.

Несмотря на доводы защиты, суд 31 октября 1968 года признал Андреаса Баадера, Гудрун Энслин, Торвальда Пролла и Хорста Зунлейна виновными в преднамеренном поджоге, подвергшем опасности жизнь людей, и приговорил всех четверых к трем годам тюремного заключения. 13 июня 1969 года после 14-месячного пребывания в тюрьме вся четверка была временно выпущена на свободу. Освобождение стало возможным благодаря апелляции, поданной адвокатами в Федеральный Конституционный суд. Осужденные «под подписку» обязались не покидать пределов Западной Германии и вернуться в тюрьму, если апелляция будет отклонена. Иронию ситуации придавал тот факт, что осужденные обязывались использовать время пребывания на свободе для воспитательной работы с трудными подростками. Никаких реальных гарантий соблюдения условий освобождения не было и быть не могло. Из заявлений на суде было видно, что Баадер и Энслин ничуть не раскаиваются в своих поступках и видят себя «солдатами революции». Теперь им представился случай бежать из вражеского плена.

Пока же, располагая легальными возможностями пребывания на свободе, они обосновались во Франкфурте. Судебный процесс принес им известность «западногерманских робин гудов». Перед ними были настежь открыты двери молодежных тусовок, дискуссионных клубов и пивных. Молодые и внешне привлекательные, умеющие хорошо говорить и использовать возвышенную риторику, они стали героями-практиками будущей революции. Они доказали свою правоту своим мужеством и личным примером. Это было время их славы. Денежные пожертвования сыпались на них со всех сторон. Нашлось немало бизнесменов, готовых поддержать революцию. Богатая дама – владелица большого магазина модной одежды (!), подарила Андреасу новый «мерседес» последней модели. Сбылась юношеская мечта, Андреас разъезжал по городу в дорогом и красивом автомобиле. Жизнь будущего террориста неожиданно предстала в розовом свете. Известность, магическая сила, которая придавалась отныне его словам, почитание молодежи, успех у женщин и серьезное отношение интеллектуалов к в общем-то малообразованному человеку – все это стало реальностью. Конечно, Энслин и Баадер были личностями, «людьми с характером», который мог проявиться по-разному. Теперь они окончательно стали заложниками ситуации, казалось, что общественный успех и ожидание новых «подвигов» направляют их по избранному пути.

Следует сказать, что Энслин и Баадер полностью выполнили условия освобождения в том, что касалось работы с молодежью – «...уделять большую часть своего времени, проведенного вне тюремных стен, на общественно полезные цели...». Но только в собственных интересах, которые общественно полезными назвать никак нельзя. Это был период поиска «коллектива учеников», как называли их организаторы, а на самом деле вербовки сторонников из числа трудных подростков (как и было определено в предписании об освобождении), так и вполне благополучных студентов, жаждущих бунтарской романтики. Конечно, эти люди отличались между собой, здесь были и уличные хулиганы, и чистые душой идеалисты. Но Баадер – безусловно, талантливый организатор – сумел сплотить молодых людей, вызвать к жизни скрытую в них энергию и, главное, принудить без рассуждений подчиняться требованиям своего вождя. При этом не просто понять, что сам Андреас Баадер был хулиганом и налетчиком, безразличным к чужой жизни, честолюбивым авантюристом и циником без угрызений совести, благородным разбойником и идеалистом, сознательным революционером, заблудившимся на путях террора. Многие из этих черт можно в нем обнаружить или при желании вообразить, тем более что сам Баадер еще при жизни стал легендой. Очевидно, что он был очень хорошим организатором, умеющим освободить своих сообщников от чувства ответственности, взять его на себя, заставить поверить в безнаказанность. По ночам молодые люди громили телефонные автоматы, взламывали машины и, упившись пивом носились по городу на угнанных мотоциклах. Так они «выражали свой протест обществу». Беспредел закончился весьма неожиданно (и удачно для некоторых из молодых людей попавших под влияние Баадера). В ноябре 1969 года Федеральный Конституционный суд отклонил поданную четырьмя месяцами назад апелляцию и предписал четверем осужденным немедленно вернуться в места отбывания наказания. Адвокаты подали новое прошение о помиловании, однако оно было отклонено.

Один из четырех поджигателей – Хорст Зунлейн – дисциплинированно вернулся в тюрьму. Он переосмыслил недавнее прошлое и твердо решил покончить с ним. Его бывшие товарищи видели свое будущее иначе. Гудрун Энслин, Торвальд Пролл и Андреас Баадер не собирались выполнять условия освобождения и подчиняться требованиям властей, Те, в свою очередь, объявили их «беглыми арестантами», а сами «беглецы» перешли на нелегальное положение.

Они бежали в Париж. Здесь они, воспользовавшись рекомендациями Красного Дени (Даниель Коэн-Бенди), обратились к Жану-Марселю Бугеро, бывшему активисту UNEF (Национальный Союз Студентов Франции), и укрывались на квартире соратника Че Гевары Региса Дебрея (Regis Debrey) – революционера и весьма состоятельного человека, отбывавшего в это время длительное заключение в боливийской тюрьме. Беглецы не испытывали нужды, но крайне опасались французской жандармерии. Баадер и Пролл все еще воспринимали свою нынешнюю жизнь как легкомысленное приключение, но Энслин смотрела на ситуацию более реально. После студенческих волнений 1968 года жандармерия была настроена серьезно, левые организации – их лидеры, места сборов, квартиры – находились под контроль местных спецслужб. «Немецкие друзья» были бы неминуемо обнаружены и выдворены к себе на родину.

По инициативе Энслин Пролл позвонил во Франкфурт своей сестре Астрид Пролл и попросил ее отправиться в Амстердам, к известному среди левых радикалов специалисту по изготовлению фальшивых документов. Выполнив поручение брата, Астрид Пролл с документами приехала в Страсбург, куда к тому времени перебралась вся компания. Здесь Торвальд Пролл решил вернуться к законопослушной жизни и сдался местной полиции. Его место заняла родная сестра Астрид Пролл, отныне она прочно и до конца связала свою судьбу с терроризмом.

Из Страсбурга Андреас, Энслин и Астрид отправились в Италию, где остановились на квартире общего берлинского знакомого. Итальянским «Красным бригадам» еще предстояло появиться, но почва была подготовлена, и поддержка беглецам была обеспечена. Здесь же они узнали, что ходатайство об их помиловании окончательно отклонено. Несмотря на это, они решили нелегально вернуться на родину по поддельным документам. Главной причиной такого решения была ситуация, сложившаяся к концу 1969 года в ФРГ. Противостояние между радикально настроенным молодежным движением и властями достигло критиче-

ской точки. Прибывший из Западного Берлина знакомый передал приглашение присоединиться к боевой группе под названием «Фракция Красной армии» (РАФ). Казалось, не хватает последнего усилия, чтобы поднять массы на вооруженную борьбу и свержение ненавистной системы.

В декабре 1969 года по подложным документам Баадер, Энслин и Пролл вернулись в Германию и обосновались в Западном Берлине. Это было наиболее удобное место. Большое число сторонников обеспечивало поддержку и результативность революционной работы, кроме того, оставался шанс укрыться в случае провала на территории соседней ГДР. Тем временем в самой Западной Германии была объявлена амнистия для участников студенческих беспорядков. Однако амнистия не распространялась на «франкфуртских поджигателей». Социальная реабилитация и путь к обычной жизни был для Баадера и Энслин окончательно отрезан, о чем они, впрочем, ничуть не жалели. Они сделали свой выбор.

В конце февраля 1970 года у двери берлинской квартиры Ульрики Майнхоф на Кюрфюрстдамм появилась молодая пара. Баадер познакомился с Майнхоф, когда Ульрика посещала его в тюрьме: преуспевающая журналистка, освещающая проблемы левого движения (и сочувствующая ему), брала у «идейного поджигателя» интервью. Тогда они произвели друг на друга большое впечатление. Ульрика увидела в Андреасе практика революции, обладающего решимостью к действию, которой не хватало ей самой, а Баадер разглядел в Ульрике не только талантливую журналистку и единомышленницу, но возможного и крайне необходимого им идеолога, способного выразить интересы движения. Поэтому, объявившись теперь в Западном Берлине. Баадер и Энслин тут же принялись разыскивать Майнхоф. Они не сомневались, что найдут у нее убежище. Но рассчитывали они на большее. Ульрику необходимо было вовлечь в формирующуюся организацию, сделать ее активным функционером. Это у них блестяще получилось.

В начале марта 1970 года Энслин и Баадер встретились со своим давним знакомым, Дитером Кензельманном, одним из организаторов студенческих беспорядков. За время их отсутствия Дитер собрал небольшую группу молодых радикалов. Узнав от общих знакомых, что беглецы вернулись в Берлин, Дитер поспешил встретиться для выработки стратегии совместной борьбы. Казалось, о лучшем Баадер не мог и мечтать. Он встретил предложение с энтузиазмом. Трудности возникли при решении практических вопросов, в первую очередь – кто возглавит организацию. Баадер был не тот человек, чтобы оказаться на вторых ролях. Но и Дитер не хотел уступать, ведь решающий вклад в будущий проект был за ним. Переговоры зашли в тупик, и стороны, казалось, разошлись ни с чем. Тем не менее Баадера и Энслин ждала неожиданная удача. В переговорах принял участие хорошо знакомый беглецам Хорст Малер – их адвокат на франкфуртском процессе. Он молча наблюдал, как Баадер и Дитер до хрипоты оспаривают друг у друга лидерство, и вступил в дело, когда стороны, исчерпав аргументы, собрались расходиться. Он отвел в сторону Энслин и Баадера и сделал неожиданное признание. Он, Хорст Малер, основал собственную организацию «Фракция Красной армии» (РАФ)⁴⁵ и предлагает им принять в ней участие на самых выгодных условиях. Малер был чистейший идеалист, живущий мечтой о мире справедливости. Ради этого он готов был расстаться с адвокатской практикой, бросить жену и детей. Кое-какой опыт у него уже был. За организацию беспорядков Судебная палата Западного Берлина приговорила его к 10 месяцам тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговора. Мягкость (условность) наказания не образумила Малера, и теперь он с энтузиазмом занимался созданием подпольной группы. Познакомившись в ходе франкфуртского процесса со своими подзащитными, Малер отдал должное твердости их характеров и решимости воплотить свои взгляды в практические действия, то есть настоящих революционеров. Малер был хорошим организатором, но он не был честолюбив и не рвался к лидерству. Для Баадера это было весьма кстати, его честолюбия хватало на двоих, а чистота идеологии его не очень заботила. Очевидно, что первые же успехи организации сделают его непререкаемым лидером, а о пропагандистском обеспечении будет кому позаботиться. Баадер с энтузиазмом дал свое согласие, и «Фракция Красной армии» обрела своего будущего вождя. По настоятельному совету

⁴⁵ РАФ — Rote Armee Fraktion (нем.).

Малера Баадер и Энслин съехали со «слишком заметной» квартиры Ульрики Майнхоф на окраину Западного Берлина и приступили к планированию будущих операций. Первой задачей было раздобыть оружие. Для этого Баадер и Пролл должны были ночью (4 апреля 1970 года) проникнуть на кладбище и выкопать из тайника оружие, якобы спрятанное там старым знакомым Малера Петером Урбахом. Малер не подозревал, что Урбах сотрудничает со специальными службами. Оружия в тайнике не оказалось, но на обратном пути машину «случайно» досмотрел дорожный полицейский патруль. Андреас Баадер предъявил удостоверение личности на имя Петера Ченовича. Полицейские признали удостоверение фальшивым и задержали Андреаса, прежде чем он успел оказать сопротивление.

Ирония развития дальнейших событий состояла в том, что полицейские не смогли установить личность задержанного, а выдал его не кто иной, как Хорст Малер. Явившись на следующее утро в полицейский участок и будучи уверенным, что полиции «все известно», Малер, как адвокат, потребовал предоставить ему информацию об арестованном Баадере. На что полиция выразила согласие «только в том случае, если вы можете подтвердить, что задержанный действительно является Баадером». И Малер подтвердил.

Накануне ареста Баадер заболел гепатитом, его немедленно перевели и больничное отделение тюрьмы «Моабит», а затем в тюрьму «Тегель», отличавшуюся либеральными условиями содержания. В тюрьме его, кроме матери, регулярно навещали Ульрика Майнхоф, адвокат Малер, вызвавшийся защищать Баадера, и даже Гудрун Энслин, которая несколько раз умудрилась проникнуть на свидание, воспользовавшись фальшивыми документами на имя доктора Гретэль Веитермеир.

Планы вооруженной борьбы отошли на второй план; Теперь все силы были направлены на освобождение Андреаса Баадера. Он был нужен организации, но не менее важен был пропагандистский успех. РАФ получала возможность громко заявить о себе. И сами рафовцы, которым еще только предстояло проявить себя, могли быть уверены, что при необходимости организация не бросит их на произвол власти. Сам Андреас Баадер был уверен, что сообщники предпримут все нужные меры для его освобождения.⁴⁶

И такой план был разработан. Важным действующим лицом в нем должна была стать Ульрика Майнхоф. Энслин удалось уговорить ее принять участие в освобождении Баадера. Используя свой авторитет журналистки, Майнхоф получила от тюремной администрации разрешение на посещение Баадером библиотеки Института социальных исследований. В библиотеке, по ее объяснению, они должны были работать над совместной книгой о проблемах молодежной преступности в ФРГ. Побег предстояло совершить из библиотеки.

14 мая 1970 года в 8.30 Баадера на тюремной машине доставили в библиотеку института. Сопровождали его двое охранников в форме. Сам Баадер был в обычной гражданской одежде, но в наручниках. Полицейские предупредили его о соблюдении соответствующих правил: никаких попыток привлечь к себе внимание, устроить провокацию или, тем более, пытаться бежать. «Можете быть совершенно спокойны, – заверил тюремщиков Баадер. – Я не собираюсь предпринимать ничего такого, что могло бы вас огорчить. В конце концов, у меня на руках контракт с издательством, которое должно принести мне кучу денег, и я совсем не хочу потерять такой великолепный шанс».

За несколько минут до того, как доставили Баадера, в библиотеку пожаловала Майнхоф. Читальный зал был еще закрыт, но о ее договоренности с руководством института было известно. Служащая библиотеки Гертруда Лоренс впустила Ульрику в зал. Когда в сопровождении вооруженной охраны появился Баадер, Майнхоф сосредоточенно просматривала картотеку, демонстрируя деловитость и полное спокойствие. Один из охранников осмотрел читальный зал, тщательно проверил окна и снял с Баадера наручники.

Тот попросил у библиотекарей кофе, но Ульрика потребовала не терять времени и начинать работу. Майнхоф просматривала каталоги, Баадер готовил какие-то записи, охранники контролировали ситуацию. Все выглядело вполне обычно и, хоть работа с заключенным происходила в библиотеке далеко не каждый день, обстановка не вызывала подозрений.

⁴⁶ С начала 70-х годов основная деятельность РАФ будет направлена именно на освобождение своих товарищей, отбывающих длительные тюремные заключения или ожидающих вынесения судебного приговора.

В это время в закрытые двери библиотеки позвонили, и 64-летний библиотекарь Георг Линке в смотровое окно увидел двух хрупких симпатичных девушек с портфелями в руках. Девушки приехали издалека, чтобы поработать в читальном зале, и сейчас не могли скрыть огорчения. У Линке была строгая инструкция не допускать в зал посетителей. Но девушки так трогательно просили сделать для них исключение, что Линке сжалился и разрешил подождать внутри библиотечного помещения, пока в главном зале не закончится работа. Девушки с радостью согласились и устроились в соседнем зале, где нашли чем себя занять. Милыми посетительницами оказались члены РАФ Ингрид Шуберт и Ирен Гердженс. Не вызвал подозрений и следующий звонок. Но девушки опередили пожилого библиотекаря, оттолкнув его, открыли запертую дверь и впустили в библиотеку своих сообщников. Все произошло очень быстро. В библиотеку ворвались Гудрун Энслин (внешность ее была изменена, Гудрун была на этот счет большая мастерица) и мужчина в маске, размахивавший пистолетом «берета». Библиотекарь попытался поднять тревогу, и налетчик беж колебаний выстрелил. (Спустя несколько дней Линке скончался в больнице от смертельного ранения в печень. Впоследствии обвинение в убийстве было предъявлено одному из членов РАФ, но оно так и не было доказано.) «Милые девушки» Шуберт и Гердженс достали из портфелей газовые пистолеты, и мимо застывшей от страха библиотекарши Гертруды Лоренс четверо налетчиков ворвались в зал с криком «Оставайтесь там, где вы сейчас находитесь, иначе вы будете застрелены!». Здесь они стали палить под ноги охране, которая достойно пыталась оказать сопротивление. Один из охранников схватился с налетчиком в маске, пытаясь обезоружить его, другой сорвал парик с головы Энслин. Судьбу схватки решили газовые пистолеты, охранники получили заряды прямо в лицо.

Читальный зал был на первом этаже. Майнхоф и Баадер открыли окно и оказались во дворе института. Вскоре, разоружив охрану, к ним присоединились остальные. Выскочив на улицу, они бросились к двум машинам, стоящим за углом с включенными двигателями, и скрылись с места преступления.

Вся Западная Германия была потрясена дерзким похищением. Особо привлекло участие в нем Ульрики Майнхоф. Именно поэтому организация в дальнейшем именовалась властями «Банда Баадер – Майнхоф». Если «заслуги» Баадера не вызывали сомнений, то роль Ульрики была гораздо более скромной. В каком-то смысле ее можно считать не только пропагандисткой, но и заложницей собственных убеждений. В тот же день фотографии Баадера, Малера и Майнхоф были расклеены по всей стране. Однако беглецы вовсе не собирались отсиживаться на конспиративной квартире или пытаться покинуть ФРГ. На следующий день после похищения они организуют дерзкое ограбление «Bank für Industrie. Handel», добыча составляет 200 000 марок. Обеспечив себя деньгами, рафовцы 8 июня 1970 года отправляются на Ближний Восток для прохождения диверсионно-террористической подготовки на одной из учебных баз Народного фронта освобождения Палестины.

Разделившись на две группы, они благополучно покинули ФРГ и разными путями добрались до Иордании – конечного пункта своего маршрута. Поездка прошла удачно, но отношения с палестинцами у немцев не сложились. Рафовцы хотели изучить практику проведения террористических операций, палестинцы много времени уделяли антиизраильской пропаганде, которая не вызывала у немцев сочувствия. Слишком свежи были в памяти ужасы гитлеризма. Пережившие трудные времена, немцы «расслабились» и не выпускали из рук банки с пивом. Это раздражало их правоверных собратьев по оружию. Совершенный шок вызывала привычка Ульрики и Гудрун обнаженными принимать солнечные ванны. Особо палестинцы присматривались к Андреасу Баадеру. Они находили в нем ряд качеств лидера и образцового городского партизана. Вместе с тем они отмечали черты дамского любимчика, тщеславие и отсутствие должной ответственности при принятии решений. Учился Андреас, как он и привык, спустя рукава и провалил экзамены которыми заканчивалось обучение партизан. В целом Андреас вызвал антипатию у хозяев, и в конечном итоге палестинцы выпроводили рафовцев, сославшись (с полным основанием) на то, что их пребывание в лагере НФОП пагубно влияет на мораль арабской молодежи.

Вернувшись в Западный Берлин, рафовцы энергично приступили к организации будущей деятельности. Баадер был признанным лидером группы, которая насчитывала около 30 человек, он же руководил планированием операций и давал на них «добро». В первую оче-

редь предстояло пополнить бюджет организации. Путь для этого был известен – ограбление банков. Идеальная борьба с буржуазным капиталом идеально совпадала с прозаическими потребностями в деньгах. Пока члены группы вели наружное наблюдение за намеченными объектами, Андреас 27 августа 1970 года ограбил один из западноберлинских универсамов. Через несколько дней последовал налет на банк. Западногерманские банки начала 70-х годов представляли собой легкодостижимую цель. Удачный налет мог совершить даже одиночка, для этого ему было достаточно иметь пистолет и убедительно им размахивать. Успех ограбления разжег аппетиты, 29 сентября 1970 года террористы ограбили три западноберлинских банка. Добыча налетчиков в тот день составила 217 449 марок, сумму по тем временам немалую.

Почувствовав безнаказанность, рафовцы стали действовать все более дерзко и нагло. За вторую половину 1970 года только в одном Западном Берлине они осуществили около 80 поджогов магазинов, общественных и государственных учреждений. Нападениям террористов стали подвергаться объекты бундесвера и НАТО, размещенные на территории ФРГ. Размах преступной деятельности ширился день ото дня, прежние студенческие беспорядки стали казаться детской игрой, как правило, успешно контролируемой и умиряемой действиями полиции. Теперь она казалась бессильной. Нападениям подвергались государственные учреждения и объекты частной собственности. Страна столкнулась с новым явлением – масштабным террором, вызывающим к себе симпатию и сочувствие. Деятельность быстро растущей и крепнущей организации распространялась на все новые города и регионы: Дюссельдорф, Эссен, Франкфурт, Мюнхен, Кельн. Звучали взрывы, совершились налеты на банки и магазины, вспыхивали пожары. Баадер умело руководил организацией, он не спешил увеличивать ее численность, зато поощрял сочувствующих, готовых собирать информацию и наводить налетчиков на выгодные объекты. А вместе с числом акций росла известность РАФ, теперь организации приписывали даже те преступления, к которым она не имела никакого отношения. «Банда Баадер – Майнхоф» (или «Банда Б – М») стала знаменитой.

РАФ без особых усилий находила новых сторонников, было из кого выбирать. Новые члены проходили проверку, участвуя в терактах, тем самым преступали черту закона и прочно связывали себя с организацией. Но были единичные исключения. Попытки вернуться в здоровое общество и подозрение в сотрудничестве с полицией заканчивались однозначно. РАФ измен не прощала. И тем не менее у полиции были свои информаторы, в том числе добровольные, желающие остановить беспредел. Утром 8 октября 1970 года в управление полиции Западного Берлина поступили сведения о квартире, на которой должны собраться лидеры РАФ: Баадер, Энслин, Малер и другие. Полиция уже располагала сведениями о роли этих людей и приняла самые серьезные меры. Место сбора было незаметно оцеплено крупными силами полиции. Но успех был далеко не полным. Баадера и Энслин в квартире не оказалось. В руках полиции оказались основатель РАФ – адвокат Хорст Малер, Моника Берберих, Бригитта Асдонк, Ирен Гёрдженс и Ингрид Шуберт. Ирен и Ингрид принимали участие в освобождении Баадера, так что полиция хоть частично, но могла реабилитировать себя в общественном мнении.

Это было первым крупным провалом РАФ. Как раз тогда обострились отношения между Баадером и Малером. Совесть Малер не одобрял безрассудного экстремизма Баадера, ведущего к жертвам и панической дестабилизации общества. Он требовал более взвешенных действий, в первую очередь пропагандистских, и в конечном счете поиска компромисса с властями. Особенности ареста Малера при том, что Баадер и Энслин не явились на встречу, вызывали подозрения. Их удалось снять, когда некоторые незаслуженные члены РАФ посетили Малера в тюрьме, и он убедил своих товарищей, что Баадер чист. Под подозрением оказался еще один член организации – Ханс-Юрген Беккер, тот тоже не появился на встрече и вообще исчез на несколько дней.

Несмотря на аресты, к концу 1970 года РАФ оставалась мощной организацией. Она обладала обширной сетью конспиративных квартир, автомобильным парком, включавшим в себя несколько десятков угнанных машин, крупными суммами наличных денег, оружием и фальшивыми документами. Но самое главное состояло в том, что рафовцы пользовались большой популярностью и поддержкой значительной части населения Западной Германии. У них были основания заявить, что террором они выражают мнение части общества. 15 ян-

варя 1971 года террористы совершили очередной налет на два банка в Касселе. Добыча составила 114 715 марок. Как всегда, налетчики использовали машины «БМВ-2000», угнанные во Франкфурте накануне, одна из машин была обнаружена полицейскими спустя несколько часов после налета.

Как ни странно, на первый взгляд арест Малера сделал организацию сильнее. В тюрьме оказался один из двух главных оппонентов Баадера, и теперь Андреас мог проявить себя в полную силу. (Другим была Ульрика Майнхоф, но ее мнение теперь мало что значило.) Бесспорно, Баадер являлся одним из самых известных европейских террористов. Он демонстрировал редкое хладнокровие, мужество и целеустремленность. Это – циник, авантюрист и в то же время прекрасный организатор, обладавший редким умением находить нужных людей. Одной из таких находок стал франкфуртский скульптор по металлу Дирк Хофф. Дирк попал в поле зрения Андреаса в декабре 1971 года. У него была собственная студия, где можно было наладить производство бомб и ручных гранат. Баадер подослал к Дирку члена организации Хольгера Мейнса. Мейнс (выпускник Немецкой академии кинематографии и телевизионной академии Западного Берлина) представился кинорежиссером и проявил интерес к изготовлению бомб и фанат для съемок фильма о деятельности бандитской группировки, специализирующейся на ограблении банков. Тема была актуальной. Дирк согласился помочь и получил заказ. Когда истинные цели заказчика проявились, Дирк не стал особенно огорчаться. Он уже запутался в обязательствах (в первую очередь денежных), и его самолюбию льстило участие в столь известной организации. О результатах использования своих снарядов он особо не задумывался. В своей франкфуртской квартире он хранил более 100 килограммов различных химикатов и взрывчатых веществ, необходимых для изготовления оружия. Дирк даже снискал себе славу создателя так называемой бейби-бомбы. Металлическое полукруглое взрывное устройство при помощи специальных ремней крепилось к плечам женщины и было спрятано под платьем на уровне живота. Со стороны женщина выглядела беременной и, рассчитывая на предупредительное отношение к себе (в том числе охранников и полицейских), могла незаметно пронести бомбу к намеченному месту взрыва и, отстегнув ремни, оставить ее там.

К этому времени (к концу 1971 года) РАФ ожидал новый раскол. Майнхоф требовала ограничить безоглядное использование террора и предложить властям перейти к переговорам. Заслужив «авторитет», РАФ, безусловно, могла стать рупором определенных общественных настроений и добиться политического успеха. Такой путь был, по мнению Майнхоф, вполне реальным. Более того, он оправдывал применение в прошлом террора как необходимого политическом инструмента и демонстрировал желание отказаться от него как только будет достигнута база для переговоров и надежда на взаимопонимание. Такая позиция вполне соответствовала взглядам Майнхоф, испытывавшей серьезные сомнения и угрызения совести в правильности революционной стратегии организации. Но Баадера было уже не остановить. Это была особая жизнь на грани максимального риска, восхищение сторонников и власть над ними, революционная романтика, требования равенства и справедливости и вместе с тем блага, которые может предоставить за деньги современное капиталистическое общество. Чем он мог доказать свою правоту? Сплочением своих сторонников и все новыми успехами на выбранном пути.

Масштабы терроризма приняли грандиозный размах. К концу 1971 года РАФ провела более 550 акций, экспроприировав при этом более 2 миллионов марок. Примеру Рафовцев последовали и другие – на территории ФРГ стали появляться новые террористические группы. Выдвинув левацкие требования, они повторяли стратегию РАФ. Был пример, было у кого учиться. В некоторых случаях под новыми названиями скрывались все те же рафовцы – они стали присваивать вновь созданным группам имена своих погибших товарищей. «Смена вывесок» нужна была не только для маскировки, она имитировала растущий революционный размах. Полиция сбилась с ног. «Проснувшаяся» власть взялась за дело. Меры по противодействию террору вырабатывались в управлении КРИПО – криминальной полиции Западной Германии. В КРИПО рафовцы нашли себе достойного противника. В первую очередь, учитывая мобильность РАФ, был усилен полицейский контроль на дорогах. Участились проверки и специальные полицейские акции. Лишив рафовцев свободы передвижения, полиция занялась почтовой связью: теперь посылки и другие почтовые отправления

стали подвергаться пристальному контролю. Пересылка по почте оружия и взрывчатки (что раньше практиковалось РАФ) теперь была исключена.

Не лишённые бандитского шика и привыкшие к безнаказанности члены РАФ, и особенно их лидер Баадер, привыкли пользоваться для передвижения и налетов угнанными машинами «БМВ». Полиция взяла это на заметку. Январским днем 1972 года кельнский полицейский обратил внимание на машину этой марки, припаркованную на одной из улиц Кельна. Полицейский с пистолетом наготове попросил водителя предъявить документы, на что сидевший за рулем Андреас Баадер, мило улыбнувшись, полез в бардачок, выхватил пистолет и, опередив стража закона, открыл стрельбу. Полицейский все же успел отскочить, и это спасло ему жизнь. Полиция действовала оперативно и оцепила район, Андреасу удалось скрыться, но легендарный боевик едва не был схвачен. На следующий день в газетах появилось сенсационное сообщение о том, что Баадер якобы собирается сдаться и нанял адвоката, который выторговывает у властей приемлемые условия для своего клиента. Баадер был взбешен и поспешил дать опровержение следующего содержания:

Я думаю, что не остановлюсь на этом. Ни один из пленников РАФ, находящийся в застенках, до сих пор не высказал за прекращение борьбы. Нас можно только убить или арестовать. Сила Герильи – это решимость каждого из нас. Мы не находимся в бегах. Мы здесь, чтобы организовать вооруженное сопротивление против существующего порядка, против жестокой эксплуатации народа. Борьба только началась.

Растущая активность полиции стала сказываться, и организованные структуры РАФ стали вытесняться из крупных городов. В 1972 году террористический центр вынужден был передислоцироваться в Западный Берлин, где и была создана организация. Здесь, в «свободном городе», действовал выработанный международными соглашениями особый статус ограничивающий действия полиции. Предполагалась и возможность отступления в восточный сектор Берлина. Операции, как и прежде, проводились на всей территории Западной Германии.

Тем временем ширилась война в далеком Индокитае. Весной 1972 года американская авиация приступила к систематической бомбардировке вьетнамских гражданских объектов и блокаде (минированию) северовьетнамских морских портов. Западногерманские телеканалы давали из Вьетнама впечатляющие репортажи: изуродованные дети, сожженные напалмом деревни, джунгли, обработанные смертельными химикалиями, развалины, слезы, проклятия американской военщине – в памяти немцев оживали воспоминания сравнительно недавней войны. В Германии росли антиамериканские настроения. И было из-за чего. Базы военной авиации США, размещенные в Западной Германии, и штаб-квартира американских вооруженных сил в Гейдельберге имели непосредственное отношение к происходящему в Индокитае.

В этих условиях лидеры РАФ (Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Ян-Карл Распе, Хольгер Майне и Герхард Мюллер) решили нанести удар по штаб-квартире американского корпуса, размещенной во Франкфурте-на-Манне. Вечером 11 мая 1972 года у входа в офицерское казино один за другим прозвучали три мощных взрыва. Самодельные бомбы, изготовленные из обрезков трубы, с зарядом мощностью 80 кг тротилового эквивалента, уничтожили контрольно-пропускной пункт и нанесли серьезные разрушения офицерскому казино. В результате теракта, ответственность за который взяла на себя так называемая Коммандо Петры Шельм,⁴⁷ 13 американских военнослужащих были ранены, погиб 39-летний ветеран вьетнамской войны подполковник Поль Блумквист. Осколок стоявшего на окне стакана перебил ему сонную артерию. Общий ущерб от взрывов составил около миллиона марок.

На следующий день нападению подверглись управления западногерманской полиции.

⁴⁷ С этого момента боевые группы РАФ стали именовать себя в честь своих погибших товарищей. 19-летняя Петра Шельм погибла 15 июля 1971 года в перестрелке с полицией.

В первой половине 12 мая 1972 года Ирмгард Меллер и Ангела Лютер проникли в полицейское управление Аугсбурга, оставили там бомбы с часовым механизмом и благополучно выбрались на улицу. В это же время в Мюнхене Баадер, Энслин и Мейнс припарковали на автомобильной стоянке КРИПО машину, начиненную взрывчаткой. В 12.15 в Аугсбурге прогремели два мощных взрыва, пятеро полицейских были ранены. В 14.15 взорвалась машина на автомобильной стоянке. Было уничтожено свыше 60 автомобилей, принадлежавших сотрудникам КРИПО, по счастливой случайности никто не пострадал, в окнах шестиэтажного здания полиции не осталось ни одного целого стекла. Ответственность за оба теракта, совершенных 12 мая 1972 года, взяла на себя одна из ячеек РАФ под названием Коммандо Томаса Вейсбекера.

Спустя несколько дней после взрывов в Мюнхене и Аугсбурге Баадер, Распе и Мейнс появились в Карлсруэ, чтобы свести счеты с судьей Вольфгангом Будденбергом, подписавшим большинство ордеров на обыски конспиративных квартир и аресты рафовцев. Для них судья Будденберг был олицетворением «фашистствующей юстиции». Смерть судьи (его казнь по приговору РАФ) должна была стать не только актом возмездия, но послужить грозным предупреждением другим чиновникам западногерманской юстиции. План покушения на жизнь судьи предусматривал закладку в его автомобиль взрывного устройства, приводящегося в действие при повороте ключа зажигания. За судьей была установлена слежка. Ночью террористы тайком вскрыли ярко-красный «фольксваген» судьи и начинили его взрывчаткой. Однако планам рафовцев помешала случайность, сама по себе оказавшаяся трагической. Машиной судьи в то утро, 15 мая 1972 года, решила воспользоваться его жена Герта Будденберг, чтобы съездить за покупками. Она стала жертвой взрыва, выжила, но стала инвалидом.

Основными целями РАФ оставались американские военные базы, размещенные на территории Западной Германии. Взрывы 11 мая 1972 года во Франкфурте-на-Майне были первым сигналом. До тех пор американцы не уделяли серьезного внимания охране своих объектов, военная полиция вела поверхностный пропускной контроль и поддерживала порядок на территории базы, специальные антитеррористические меры не предпринимались. Служба на территории ФРГ считалась у американских военных достаточно комфортной. Вопрос об организации надежной системы безопасности встал только после нападений террористов. В свою очередь, рафовцы не намеревались отказываться от своих планов. Здесь у них были выгодные позиции – значительная часть западногерманского общества выступала против войны во Вьетнаме. Мишенью для нападения была выбрана Европейская штаб-квартира Американской армии в Гейдельберге. Сама по себе цель обеспечивала наиболее сильный пропагандистский эффект. Кроме того, рафовцам стало известно, что на территории базы размещено сверхмощное компьютерное оборудование, используемое ВВС США. План операции был тщательно разработан и оказался неожиданно легким. Орудием теракта должны были служить две машины, начиненные 200 килограммами TNT. На машинах были установлены номера, украденные с американских военных машин. Автомобили с такими номерами при въезде на базу досматривались поверхностно. Проведение акции было поручено Ирмгард Меллер и Ангеле Лютер, к этому времени уже имевшим немалый опыт в проведении подобных операций. 24 мая 1972 года во второй половине дня машины благополучно миновали контрольно-пропускной пункт. Одна из машин была припаркована между казармой и казино, другая – рядом с помещением, где, по информации рафовцев, было размещено военное оборудование – сверхмощный компьютер, принадлежащий Агентству национальной безопасности США. Оставив машины, женщины без осложнений покинули территорию базы.

Трое американских военнослужащих буквально были разорваны на куски. Взрыв причинил большие разрушения и вызвал значительные повреждения, на много месяцев выведя из строя дорогостоящую компьютерную технику. В заявлении, опубликованном на следующий день, ответственность за нападение взяла на себя группа Коммандо 15 июля входящая в РАФ.⁴⁸

⁴⁸ 15 июля — дата смерти Петры Шельм.

К лету 1972 года власти Западной Германии были вынуждены признать временное поражение, принятых ими мер оказалось недостаточно. Несмотря на потери, РАФ оказалась способна на проведение масштабных операций – против жизни и имущества отдельных лиц и организаций, которым РАФ объявила войну, а также для пополнения собственного бюджета и автопарка. С этой целью использовались постоянные налеты на банки, приносявшие РАФ немалый доход, угоны автомобилей, исчислявшиеся многими десятками.

Часто эффектные теракты РАФ приурочивала к определенным датам, одной из них было 2 июня – годовщина смерти Бенно Онезорга. К этой дате готовились и власти и рафовцы. 31 мая 1972 года Федеральное ведомство уголовной полиции – КРИПО нанесло упреждающий удар. В масштабной операции под кодовым названием «Водный удар», которую лично возглавил руководитель КРИПО Хорст Херольд, приняли участие 150 000 полицейских, жандармов и агентов в штатском. Тысячи заграждений были возведены на автобанах, полностью парализовав автомобильное движение в стране, в воздухе постоянно барражировали десятки вертолетов. Сотни бронетранспортеров блокировали улицы городов. Полицейские и люди в штатском врываются в дома, устраивая обыски, задерживали на улице прохожих. Тем не менее первая фаза операции «Водный удар» не дала результатов.

Крупный успех, решивший судьбу РАФ, был достигнут благодаря информации, полученной от рядового гражданина, пожелавшего, ввиду понятного опасения за свою жизнь, остаться неизвестным. В одно из отделений КРИПО во Франкфурте-на-Майнс позвонил мужчина и сообщил о молодых людях, перетаскивающих деревянные ящики и небольшие металлические контейнеры в гараже на Хофекштрассе, 3/4. Оперативная группа КРИПО, прибывшая на место, обнаружила в гараже большое количество взрывчатых веществ. Заменив ящики и контейнеры со взрывчаткой на похожие, полиция организовала засаду. 1 июня 1972 года в непосредственной близости от гаражей были начаты работы по расчистке от мусора большого пустыря и его озеленению. Власти Франкфурта давно обещали навести здесь порядок и разбить сквер. «Рабочие», разгружавшие огромные тюки, были сотрудниками спецподразделений, а вместо торфа в мешках находился песок. Полицейские готовились к длительной осаде и ожесточенной перестрелке. Всего вокруг гаража было укрыто более 150 вооруженных полицейских. В одном из близлежащих домов расположилась съемочная группа одного из телевизионных каналов. Она должна была запечатлеть операцию по захвату членов «Банды Баадер – Майнхоф».

Ближе к вечеру 1 июня неподалеку от гаража остановился «порше» сиреневого цвета. Снайперы, расположенные на крышах соседних домов, взяли на мушку троих молодых мужчин, однако огонь не открывали. Полиции было важно захватить террористов живыми. Они могли дать информацию, но главное, чего никак не могли допустить власти, так это превращения рафовцев в мучеников, что могло бы повлечь за собой значительное увеличение числа их последователей. Подобные прецеденты имели место, в частности, имя Петры Шельм, погибшей в перестрелке с полицией, стало одним из символов терроризма.

Двое мужчин направились к гаражу, третий оставался в машине. Одним из двоих был Андреас Баадер, изменивший прическу и перекрасившийся в блондина. Второй оказался тоже хорошо известным полиции, это был один из старейших членов РАФ – Хольер Клаус Мейнс.

Как только мужчины скрылись в гараже, полиция взяла его в кольцо. Третий член группы, находившийся за рулем Ян-Карл Распе, попытался скрыться, но дорогу перекрыли полицейские машины. Распе отстреливался, но полицейским удалось схватить его и обезоружить. Полицейский броневик заблокировал единственный выход из гаража. Боевики за баррикадировались и приготовились защищаться. В задней стене гаража полицейские просверлили отверстие и стали нагнетать внутрь помещения слезоточивый газ. Но сильный сквозняк выдувал газ наружу, и усилия полицейских не дали результата. Осада продолжалась уже три часа, на все уговоры сдать осажденные отвечали выстрелами. Силовой захват пока исключался, было ясно, что живыми рафовцы не сдадутся. Но полиция продолжала вести переговоры.

– Выходите по одному с поднятыми руками! – кричал через мегафон офицер КРИПО. – Мы гарантируем, что с вами ничего не случится. Подумайте о своих жизнях! Вы еще слишком молоды!

Неожиданно дверь гаража распахнулась, оттуда появился Андреас Баадер с журналом в руках, в котором, как выяснилось позже, был спрятан пистолет. Полицейский снайпер, засевший в доме напротив, ранил Андреаса в бедро, и тот вновь укрылся в гараже. Последовала пауза, после которой с поднятыми над головой руками появился Мейнс. Полицейские приказали ему отойти от гаража подальше и раздеться до трусов. После того как в сложенной одежде не оказалось оружия и взрывчатки, полицейские скопом набросились на Мейнса. Задержание произошло с превышением необходимой силы. Вслед за этим был предпринят штурм гаража, на полу которого бойцы группы захвата нашли истекающего кровью Андреаса Баадера. У того не было сил сопротивляться, последнее, что он успел выкрикнуть полицейским: «Вы свиньи!»

Баадер и Мейнс под усиленной охраной некоторое время содержались в университетской больнице Франкфурта-на-Майнс. Несмотря на посулы, ни один из арестованных не стал сотрудничать с полицией и не дал никакой информации. Тем не менее аресты продолжались, это был настоящий разгром организации.

Спустя неделю после ареста Баадера была задержана его подруга Гудрун Энслин. 7 июня 1972 года она совершала покупки в гамбургском салоне модной одежды «Linette». Одна из продавщиц магазина обратила внимание на оттопыривавшийся карман кофты Гудрун, угадала спрятанный пистолет и позвонила в полицию. Прибывшие сотрудники КРИПО опознали и задержали Энслин. Еще через неделю, 15 июня 1972 года, в Ганновере была арестована Ульрика Майнхоф.

С арестом лидеров РАФ деятельность «Фракции Красной армии» не прекратилась. На смену «первому поколению РАФ», сформированному в основном из идейных сторонников насильственной антиимпериалистической революции, пришло «второе поколение». Эти «новые люди» не были отягощены революционными идеалами, действовали стихийно, анархически и в значительной степени дискредитировали цели движения. Как точно заметил немецкий публицист и коммунист Н. Мадлох, «второе поколение РАФ состояло из подражателей, а не последователей...».⁴⁹ Террор стал самоцелью, средством выживания организации. Действиями террористов «второго поколения» непосредственно руководили основатели РАФ, находившиеся в тюрьме. Через своих адвокатов, многие из которых были членами организации или сочувствующими, лидеры РАФ поддерживали связи со своими сообщниками, оставшимися на воле. Многие теракты, включая покушения и похищения видных общественных и государственных деятелей, политиков и бизнесменов, были спланированы Андреасом Баадером из его одиночной камеры в тюрьме «Швальмстадт». Следует подчеркнуть, что многие акции «второго поколения» террористов были направлены на освобождение своих товарищей из заключения или являлись актами возмездия за их гибель. В том, что политика шантажа и запугивания не дала результата, заслуга властей.

Ввиду чрезвычайной опасности заключенных РАФ, для них были созданы особые условия содержания под стражей. Адвокаты заключенных неоднократно подавали жалобы в специальный комитет против пыток, классифицируя условия содержания как «изолирующую пытку». Несмотря на то что комитет поддержал ходатайство адвокатов, Федеральная судебная палата отказалась его удовлетворить, рассматривая предпринятые меры как необходимые ввиду крайней опасности, которую заключенные представляют для общества.⁵⁰

Такие меры предосторожности были направлены на то, чтобы сломить заключенных, склонить их к сотрудничеству с властями. Не удастся также отделаться от мысли, что жестокость в обращении с заключенными была вызвана мстительностью западногерманской Фемиды, по которой рафовцы наносили свои удары. После полугодичного содержания в одиночной звуконепроницаемой камере Андреас Баадер согласился выступить на процессе по делу Хорста Малера в качестве свидетеля обвинения. В декабре 1972 года Баадер был доставлен в Западный Берлин, чтобы свидетельствовать на суде. Зал ломился от журналистов, желающих первыми сообщить о сенсационных разоблачениях и покаянных признаниях. Од-

⁴⁹ Madloch N. Troyanische Pferd des Imperialismus// Horizonl. 1979. № 20.S.8.

⁵⁰ Подробнее об «изолирующей пытке» смотри в главе «Ульрика Майнхоф».

нако рафовцы, как им не раз удавалось ранее, и здесь обошли власти. Вызванный для дачи показаний, Андреас Баадер публично отказался свидетельствовать против своего товарища (несмотря на резкие разногласия между ними во время руководства РАФ по поводу стратегии организации) и, используя трибуну суда, объявил о начале бессрочной голодовки всех заключенных. Это был на редкость удачный ход. В тот же день новость разнеслась по Западной Германии, и призыв Баадера поддержали заключенные десяти тюрем, в которых содержались рафовцы.

Сразу после хартумских событий⁵¹ правительство Западной Германии приняло решение о создании на базе Федеральной службы безопасности специального антитеррористического отдела. Его основная задача состояла во внедрении секретных агентов в ряды анархистских групп представляющих угрозу для государства. Пока спецслужбы создавали свою агентурную сеть, заключенные РАФ активизировали подпольную деятельность в тюремных стенах. Несмотря на крайне жесткие условия содержания, они сохранили связь между собой. Здесь сказались организационные способности Гудрун Энслин. Она разработала специальную «почтовую систему». Почтальонами служили адвокаты, которые пользовались определенными привилегиями. Один адвокат мог представлять интересы нескольких заключенных; бумаги адвокатов не подвергались тюремному досмотру, и они могли передавать письма от одного заключенного другому. Основным почтальоном был адвокат Керт Грэнвальд.

Чтобы еще более запутать тюремную администрацию, Энслин разработала специальный код. Несколько десятков заключенных РАФ получили псевдонимы, заимствованные Энслин из книги Германа Мелвилла «Моби Дик». Баадер получил кодовый псевдоним Ахав, Энслин – Смутье, Майнхоф – Тереза, Мейнс – Старбюк, Малер – Билдад. Так рафовцы, разбросанные по десяти тюрьмам, могли корректировать совместные акции протеста и оказывать моральную поддержку своим товарищам, оказавшимся в наиболее тяжелых условиях. Одинокое заключение в звуконепроницаемых камерах оказывало тяжелое воздействие на психическое состояние, заключенный ощущал себя отрезанным от остального мира, брошенным и забытым своими товарищами. Были необычайно важны слова поддержки и солидарности, позволяющие заключенному ощутить себя частью единой системы сопротивления. «Почтово-информационная система» помогла рафовцам выстоять в суровых условиях заключения, не утратив силу духа, в тюрьме они проявили себя стойкими и мужественными людьми. Переписка оказалась эффективным оружием в противостоянии тюремной администрации и судебной системе, сделавшей немало, чтобы сломить заключенных. В результате объявленной на всю Германию коллективной голодовки рафовцам удалось добиться некоторого смягчения условий содержания. Связавшись между собой по «тюремной почте», 80 заключенных РАФ 8 мая 1973 года объявили о начале второй бессрочной «сухой» коллективной голодовки, которая продлилась почти два месяца. Основными требованиями заключенных были:

- признание за ними статуса политзаключенных.
- свободный доступ к информации, включая оппозиционные издания.
- отмена пыточных условий содержания.

2 октября 1974 года пяти основным лидерам РАФ: Андреасу Баадеру, Гудрун Энслин, Ульрике Майнхоф, Яну-Карлу Распе и Хольеру Клаусу Мейнсу – наконец-то были предъявлены обвинительные заключения, которые включали в себя пять доказанных убийств, 55 покушений, шесть взрывов, большое количество ограблений, поджогов и угонов автомобилей. В обвинительном заключении особо подчеркивалась ведущая роль Баадера в организации большинства террористических акций РАФ.

По ходу процесса западногерманская юстиция испытывала растущее давление со стороны левой прессы и правозащитников. С угрозами выступили члены РАФ, остающиеся на свободе. 8 ноября 1974 года после 8-недельной голодовки от истощения и последствий

---

⁵¹ 1 марта 1972 года палестинская террористическая организация «Черный сентябрь» захватила посольство Саудовской Аравии в столице Судана Хартуме. В заложниках у террористов оказались десятки иностранных дипломатов, прибывших на официальный прием. Одно из требований террористов включало в себя освобождение заключенных РАФ, в том числе Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф.

насилованного кормления умер один из основателей РАФ, 33-летний Хольгер Клаус Мейнс. На следующий же день на пороге своего дома был застрелен президент Западногерманского Верховного суда Понтер фон Дренкман. Звонок в одно из информационных агентств подтвердил, что РАФ привела и исполнение смертный приговор «палачу нашего замученного товарища». КРИПО ответила крупномасштабной антитеррористической операцией, но она не дала результатов. 7 декабря 1974 года на железнодорожном вокзале Бремена раздался взрыв самодельной бомбы. КРИПО занесла эту акцию в актив РАФ. 27 февраля 1975 года днем рафовцами был похищен кандидат на пост мэра Западного Берлина Питер Лоренц. 6 марта 1975 года мощный взрыв почти полностью разрушил парижский офис концерна «Шпрингер-Пресс». Пик активности «второго поколения РАФ» пришелся на 24 апреля 1975 года, когда группа рафовцев осуществила захват посольства ФРГ в Стокгольме, вылившийся в результате в страшную бойню.

Тем не менее западногерманские власти были полны решимости раз и навсегда покончить с заразой РАФ-терроризма, и первым шагом должна была стать организация показательного судебного процесса над «первым поколением РАФ».

21 мая 1975 года начался процесс века над лидерами «первого поколения РАФ» Андреасом Баадером, Ульрикой Майнхоф, Гудрун Энслин и Яном-Карлом Распе. Процесс над РАФ стал самым громким в Западной Германии после суда над нацистскими преступниками в Нюрнберге. Масла в огонь подлила недавняя история захвата западногерманского посольства в Стокгольме и требования террористов освободить своих захваченных товарищей. Правая пресса требовала от правительства введения смертной казни. Евангелическая и католическая церкви в совместном заявлении осуждали молодежный нигилизм и выражали поддержку действиям властей. Многочисленные голоса в бундестаге потребовали от правительства введения в стране военного положения. Общественный климат был явно не в пользу подсудимых.

Зал многоцелевого назначения штутгартской тюрьмы Штаммхайм был построен специально для суда над лидерами РАФ и обошелся казне в 15 миллионов марок. Особое внимание было уделено вопросам безопасности. Периметр здания круглые сутки патрулировала конная полиция, дежурили десятки сотрудников секретных служб. Крыша здания была спроектирована так, чтобы на нее невозможно было посадить вертолет, а сверху над ней была растянута стальная сетка, с тем чтобы исключить возможность воздушной бомбардировки зала, где проходил суд. Внутренний двор также обтянут стальной сеткой и колючей проволокой. Все это дополнялось многочисленными камерами наблюдения, электронной аппаратурой, металлоискателями и прочей специальной техникой.

Председательствовал в суде Теодор Принзинг. Подсудимых представляли адвокаты Хельмут Ридель, Марилуиз Беккер, Отто Шили, Рупперт фон Плотниц. За несколько недель до начала процесса, руководствуясь «Законами Баадер – Майнхоф», суд отстранил от ведения дела адвокатов Струбеля, Круссана и Грюневальда, представлявших интересы Андреаса Баадера, обвинив их в связях с террористическим подпольем. При этом не была изменена дата начала процесса, что очевидным образом нарушало право обвиняемого на защиту. Суд это не смущало, потому что бундестаг законодательно изменил порядок судопроизводства. Отныне судебный процесс мог проходить в отсутствие адвокатов обвиняемого. Таким образом, Андреас Баадер оказался на скамье подсудимых без адвоката. Каждый раз, появляясь в зале суда, он приветствовал председателя суда взмахом руки и нацистским приветствием «Хайль Принзинг!», пытаясь выразить этим свое презрение к «мещанской пародии на правосудие».

На второй день процесса, воспользовавшись предоставленным ему словом, Андреас Баадер обратился к суду с требованием прекратить прослушивание камер заключенных. Председатель суда Теодор Принзинг опроверг заявление Баадера, назвав того параноиком и провокатором, стремящимся сорвать процесс. Спустя два года факт эпизодического прослушивания камер (в частности, во время захвата посольства ФРГ в Стокгольме и после суда – в 1976 году) был официально признан властями.

На четвертый день процесса в зале суда впервые появился новый адвокат Андреаса Баадера, доктор Ханс-Хайнц Хельдманн. Его ходатайство о 10-дневной отсрочке слушания дела для ознакомления с документами было отклонено судьей Принзингом. Мало того, адво-

кат не получил не только документов, но и самого обвинительного заключения под предлогом их неготовности. Суд все больше напоминал откровенную расправу, мало общего имеющую с правосудием. Стало очевидно, что власти, создав вокруг процесса атмосферу повышенного общественного внимания (что, впрочем, вполне понятно), теперь заинтересованы в его скорейшем завершении.

На пятый день слушаний адвокаты РАФ подали общее ходатайство о перерыве в слушаниях на том основании, что здоровье заключенных подорвано изнурительной голодовкой и они не могут участвовать в процессе. Тюремный врач опроверг заявление адвокатов РАФ, не проведя даже поверхностного медицинского обследования обвиняемых. В знак протеста адвокаты РАФ покинули зал заседания, сорвав на день работу суда.

18 июня 1975 года Андрес Баадер зачитал коллективное заявление заключенных. Он потребовал провести независимое освидетельствование состояния шести узников. Из-за изнурительных голодовок и условий изолированного заключения физическое и психическое состояние этих лиц представляет угрозу для жизни. Баадер потребовал освобождения их из-под стражи и немедленного оказания квалифицированной медицинской помощи. Чтение заявления 17 раз перебивалось членами суда. Вердикт суда был категоричен – никаких послаблений! В знак протеста подсудимые отказались сотрудничать с судом. Их удалили из зала и продолжили слушание дела в их отсутствие. Разрешение на это давали «Законы Баадер – Майнхоф», специально принятые бундестагом в качестве поправки к Основному закону 18 декабря 1974 года.

19 августа 1975 года, на 21-й день заседания суда, официальные обвинения лидерам РАФ были зачитаны в суде – пять преднамеренных убийств и 55 покушений на жизнь. Отдельной статьей была выделена организация преступного сообщества. В свою очередь, подсудимые в очередной раз потребовали независимого врачебного обследования. В противном случае они отказывались посещать зал заседания. После того как суд и на этот раз отклонил требование рафовцев, Андреас Баадер назвал председательствующего судью Принзинга «фашистским засранцем», после чего был удален из зала суда. Остальные подсудимые присоединились к Баадеру и покинули судебное заседание.

Пока в Зале многоцелевого назначения шли предварительные судебные слушания, на улицах Западной Германии продолжали рваться бомбы. 13 сентября 1975 года на главном железнодорожном вокзале Гамбурга прогремел взрыв. 6 октября 1975 года теракт был произведен в Нюрнберге. 12 ноября 1975 года мощный взрыв прогремел в Кельне. Чтобы не вызывать ухудшения содержания заключенных, террористические организации РАФ, «Движение 2 июня», «Революционные ячейки» демонстративно опровергали свою причастность к взрывам, но их прямое отношение к процессу в «Штаммхайм» не вызывало никакого сомнения.

Апогеем террористической активности стал захват штаб-квартиры ОПЕК в Вене группой Карлоса 21 декабря 1975 года.⁵² В состав группы входили палестинцы и немцы, в заложниках у боевиков оказался 81 человек, среди них 11 министров стран – экспортеров нефти. Одним из требований террористов было освобождение лидеров РАФ. Западногерманское правительство категорически отказалось вступать в какие-либо переговоры с террористами. Карлосу ничего иного не оставалось делать, как отпустить заложников, ограничившись выкупом в размере 50 миллионов долларов.

Стало очевидно, что само по себе проведение судебного процесса со всеми его формальностями представляет повышенную угрозу общественному спокойствию и создает дополнительный риск для тех, кого РАФ найдет выгодной мишенью. Остающиеся на свободе рафовцы были решительно настроены на освобождение своих товарищей. Это вынуждало суд (озабоченный к тому же собственной безопасностью) идти на многочисленные нарушения правил судопроизводства, а противной стороне (обвиняемым, защите, правозащитникам и левой общественности) давало повод называть происходящее расправой, судилищем, фарсом и пародией на судопроизводство. С некоторыми из подтверждающих это доводами трудно не согласиться, хотя и власти можно понять. Это же породило множество подозре-

⁵² Более подробно эта террористическая акция описана в главе «Ильич Рамирес Санчес (Карлос-Шакал)».

ний, связанных с дальнейшей судьбой членов РАФ.

9 мая 1976 года Ульрика Майнхоф была найдена повешенной в своей одиночной камере. Официальное заключение тюремной медэкспертизы гласило о том, что заключенная покончила жизнь самоубийством. Многие отмечали, что Ульрика Майнхоф в последние месяцы находилась в крайне подавленном состоянии. Тем не менее ее смерть и до сегодняшнего дня вызывает массу вопросов.⁵³

28 апреля 1977 года в Зале многоцелевого использования был зачитан приговор Федерального суда. Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Ян-Карл Распе были признаны виновными по всем пунктам обвинения. Им инкриминировалось четыре преднамеренных убийства, 34 покушения на убийство, а также обвинение в организации криминального сообщества. Все обвиняемые были приговорены к пожизненному заключению и спокойно выслушали приговор. Оставалась надежда на то, что усилия по освобождению дадут результат.

30 июля 1977 года во время неудачной попытки похищения в своем доме был застрелен банкир Юрген Понто. 25 августа 1977 года была предпринята попытка обстрела здания федеральной прокуратуры в Карлсруэ самодельной портативной ракетной установкой. Установка оказалась неисправной, и трагедии удалось избежать.

Кульминацией террора, который потом назовут «немецкая осень», стало похищение 5 сентября 1977 года 62-летнего миллионера Ханса-Мартина Шлейера. В обмен на свободу Шлейера похитители потребовали от западногерманских властей освобождения своих товарищей, начавших отбывать пожизненное заключение. Власти усиленно искали похитителей, а пока тянули время с ответом, когда последовал новый удар. 13 октября 1977 года группа палестинских террористов, подчинявшаяся Вади Хаддаду – руководителю боевого крыла НФОП,⁵⁴ захватила пассажирский самолет авиакомпании «Люфтганза» и перегнала его в аэропорт Могадишо. Требования угонщиков самолета оставались прежними – освобождение из тюрем лидеров РАФ. Правительство Западной Германии не пошло на уступки. В ночь с 17 на 18 октября 1977 года западногерманское антитеррористическое спецподразделение GSG-9 тайно прибыло в Сомали и неожиданно атаковало захваченный самолет. Все 90 заложников были освобождены.

До сегодняшнего дня трагедия, развернувшаяся сразу после освобождения заложников, оставляет открытыми ряд вопросов. Заключенные совершили коллективное самоубийство. Официальная версия властей такова.

Ян-Карл Распе следил за ходом антитеррористической операции через тайно пронесенный в камеру маленький радиоприемник. Узнав о благополучном освобождении заложников, он сообщил об этом своим товарищам, воспользовавшись «тайной телефонной линией».⁵⁵ После этого потеряв надежду на освобождение, лидеры РАФ решили совершить коллективное самоубийство.

Ранним утром 18 октября 1977 года во время планового обхода тюремный надзиратель обнаружил в камере № 716 тело заключенного Яна-Карла Распе. Распе, как обычно, сидел на своей кровати, облокотившись спиной о стену, со следом пулевого ранения на левом виске. В правой руке было оружие, 9-миллиметровый пистолет, из которого произведен выстрел. Ян-Карл Распе еще слабо дышал. Он умер на операционном столе спустя несколько часов.

В то же время на полу камеры № 719 было обнаружено мертвое тело Андреаса Баадера с простреленным затылком. По заключению следствия, Баадер, достав из выдолбленного в бетонной стене тайника пронесенный тайком в камеру пистолет «ФЕГ» 7,65 мм, выстрелил вначале в стену (желая создать видимость борьбы), затем в подушку, после чего занес пистолет за голову и большим пальцем нажал на пускав вой крючок. Пистолет, из которого было совершено самоубийство, был обнаружен рядом с трупом.

⁵³ Более подробно об этом в главе «Ульрика Майнхоф».

⁵⁴ Подробнее о Вади Хаддаде в главе «Джорж Хабаш и Вади Хаддад».

⁵⁵ Согласно официальной версии, через этажи «мертвого тракта» проходили неиспользуемые электрические провода, которыми хитроумно воспользовались узники РАФ, чтобы поддерживать друг с другом «телефонную» связь.

Гудрун Энслин была найдена повешенной в своей камере № 720. Вырвав электрический кабель из проигрывателя, она привязала его к решетке. Затем, просунув голову в петлю, Гудрун Энслин выбила из-под ног табурет. К моменту обнаружения ее тело уже окоченело.

Так закончили свою жизнь лидеры «первого поколения РАФ» Гудрун Энслин, Андреас Баадер и Ян-Карл Распе. После коллективного самоубийства в камерах заключенных РАФ были найдены тайники, в которых были спрятаны радиоприемники, оружие и некоторое количество взрывчатки, достаточной для изготовления мины средней мощности или пары ручных гранат.

Результаты официального расследования вызвали ряд вопросов.

- Как Андреас Баадер и Ян-Карл Распе смогли пронести оружие в самую охраняемую и надежную тюрьму Западной Германии?

- Как заключенным удалось выдолбить в сверхпрочном бетоне тайники, не имея для этого инструментов?

- Как узники смогли сохранить при себе оружие, несмотря на то что каждые две-три недели их переводили в другие камеры, досматриваемые тюремным персоналом несколько раз за день?

- Как заключенные, несмотря на строгую изоляцию «мертвого тракта», смогли договориться о коллективном самоубийстве?

- При осмотре тела Гудрун Энслин было обнаружено большое количество легких ранений и кровоизлияний на затылке, коленях, груди, бедре и запястьях. Не подтверждено при помощи специальных тестов, была ли Энслин жива, когда ее голова оказалась в петле. Стул, на котором она стояла, отброшен далеко в сторону, а шнур, когда снимали тело, тут же лопнул.

- Трудно представить, как Андреас Баадер смог произвести фатальный выстрел, следов пороха в области входа пули не оказалось. Выстрел был произведен с расстояния 30–40 см или из пистолета с глушителем, который так и не был обнаружен.

Все эти вопросы остались без ответа, а результаты следствия, подтвердившего факт коллективного самоубийства, были признаны окончательными.

19 октября 1977 года во Франции в багажнике автомобиля «Ауди-100» был обнаружен труп 62-летнего миллионера Ханса-Мартина Шлейера. Он был убит тремя выстрелами в затылок. Это была месть террористов за смерть своих товарищей.

27 октября 1977 года на штутгартском общественном кладбище «Валфриендорф» состоялись похороны организаторов и лидеров «Фракции Красная армия». Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Ян-Карл Распе были захоронены в общей могиле. Слева лег гроб с телом Андреаса Баадера, справа – с телом Ян-Карла Распе. На них по центру, в виде пирамиды, уложен гроб с телом Гудрун Энслин. Небольшая каменная плита с маленьким «сердечком» – так выглядит их могила.

Наиф Хауатме

После выхода из состава НФОП большой группы палестинцев, не согласных с проводимой Джорджем Хабашем политической линией, 22 декабря 1969 года на территории Иордании было официально провозглашено о создании Народно-Демократического фронта освобождения Палестины, генеральным секретарем был единогласно избран Наиф Хауатме.

Наиф Хауатме, также известный как Абуль Нуф, родился в 1937 году в ортодоксальной христианской семье на севере Иордании, в городе Эс-Сальт. В середине 50-х годов он закончил Бейрутский университет и получил первую академическую степень по философии и социологии. Тогда же, в начале 50-х годов, еще будучи студентом университета, он присоединился к палестинскому национальному движению. В 1968 году вместе с Джорджем Хабашем он стоял у истоков образования НФОП, но спустя год Хауатме вышел из ее состава и основал свою собственную террористическую организацию, стоящую на более радикальных марксистских позициях.

Раскол в рядах НФОП в первую очередь был вызван идеологическими разногласиями

между главой НДФОП Джорджем Хабашем и Наифом Хауатме, который объявил себя бескомпромиссным врагом сионистов. Он также подверг резкой критике другие палестинские движения за недооценку реакционной роли традиционных арабских режимов. Одним из основных требований, выдвинутых Хауатме, был немедленный разрыв отношений с традиционными арабскими режимами. Наиф Хауатме считал, что национальные цели палестинского народа могут быть достигнуты только через революционную борьбу пролетариата. Крестьяне и рабочие должны создать демократическое государство евреев и арабов на освобожденных от сионистов и империалистов территориях Палестины. Однако палестинской социалистической революции должно предшествовать падение реакционных национально-буржуазных режимов в арабских странах. Одна из задач, которую ставил перед НДФОП Наиф Хауатме, заключалась в объединении всего арабского мира вокруг революционного палестинского государства с идеологией марксистско-троцкистского типа. По мнению Хауатме, палестинское государство должно было стать мостом между арабским миром и международными левоанархистскими, марксистскими и другими экстремистскими организациями. С этой целью НДФОП в первые годы своего образования установил теснейшие контакты с такими террористическими организациями, как ирландская ИРА, западногерманская «Банда Баадер – Майнхоф», итальянские «Красные бригады», японская «Армия красной звезды», и даже с израильской экстремистской организацией «Мацпун».⁵⁶

Основополагающий конгресс НДФОП (первый общий конгресс) был проведен в августе 1970 года. На нем был избран первый Центральный Комитет, утверждены политическая программа, общая программа и временный внутренний устав.

Уже в конце 60 – начале 70-х годов НДФОП активно вливается в общую террористическую деятельность, направленную против Израиля. По словам Наифа Хауатме, его борьба является не чем иным, как проявлением «красного террора». На месте проведения своих акций боевики НДФОП нередко оставляли нарисованную красную звезду.

Один из первых терактов был проведен уже через несколько месяцев после создания НДФОП. Боевики избрали своей целью пассажирский «боинг», принадлежавший израильской авиакомпании EL-AL и совершавший рейс по маршруту Тель-Авив – Мюнхен – Лондон. 10 февраля 1970 года во время вылета из израильского международного аэропорта Лод на борту самолета находилось 34 пассажира и 11 членов экипажа. После приземления в международном аэропорту Мюнхена большая часть пассажиров сошла, а 18 человек остались в зале ожидания, чтобы продолжить путь в Англию.

За несколько часов до этого в мюнхенском аэропорту совершил посадку самолет арабской авиакомпании, прибывший из Аммана. Четверо его пассажиров, арабы (одна женщина и 3 мужчин), присоединились к пассажирам израильского рейса.

Во второй половине дня к пассажирскому терминалу подъехал автобус, который должен был отвезти пассажиров к «боингу», стоявшему в 700 метрах от здания аэропорта. Когда 18 пассажиров и 11 членов экипажа расселись и автобус готов был тронуться с места, к нему подбежал смуглый мужчина и, угрожая водителю пистолетом, попытался открыть переднюю дверь и ворваться в салон. Ему преградил путь 44-летний командир экипажа Азриэль Коэн. Террористу удалось зашвырнуть в автобус гранату, но один из пассажиров, журналист британской газеты «Шеффилд Стар», вытолкнул ее ногой, прежде чем она успела взорваться. Террористы бросили еще несколько гранат и стали расстреливать автобус из автоматов Калашникова. Вырвавшись наружу, пассажиры стали искать убежище в здании аэропорта. Еще несколько гранат были брошены вслед убежавшим людям, а одна взорвалась в руке террориста. Возникшим замешательством воспользовались западногерманские полицейские и служащие мюнхенской таможни, они набросились на террористов и обезвредили их. В результате нападения 11 человек получили серьезные ранения, в том числе британский журналист и командир экипажа. Один террорист погиб во время перестрелки с полицией, трое арестованы, в том числе боевик, которому взрывом фанаты оторвало правую руку. На следующий день в столице Иордании, Аммане, было опубликовано заявление: Народно-Демократический фронт освобождения Палестины Наифа Хауатме взял на себя ответствен-

⁵⁶ «Совесть» (ивр.).

ность за нападение на пассажиров EL-AL.

Жестокая расправа с палестинцами, известная как события «черного сентября», положила конец их пребыванию в Хашимитском королевстве. Король Иордании Хусейн запретил деятельность любых палестинских террористических организаций, в том числе НДФОП, на территории своей страны. Все это заставило лидеров НДФОП пересмотреть дальнейшую политику фронта. Вместе с тем требовалось определение долгосрочных целей всего движения.

Лидеры ряда палестинских организаций, оспаривающих друг у друга правильность стратегии общей борьбы, подошли к выработке программы, декларировавшей «право возвращения, право самоопределения и учреждения независимого палестинского государства на палестинских территориях, занятых в 1967 году, со столицей в Иерусалиме». Несмотря на общность конечных целей, политическое соглашение по конкретным вопросам не было достигнуто и временная программа, необходимость в которой признавали все, представляла коллаж самых разных идей как левого, так и национал-буржуазного толка. Столь же велики были расхождения в методах, представляющих весь спектр мнений от «мирного урегулирования вопроса» и «поисков политических решений» до «вооруженного сопротивления» и «беспощадной вооруженной борьбы».

Первый удар НДФОП испытал на себе в апреле 1973 года, когда палестинские центры в Бейруте были атакованы силами израильского десанта⁵⁷ включавшего в себя бойцов «Сайрет Маткаль», спецназа ВДВ Израиля и морских командос «Шайетет-13». Антитеррористическая операция израильтян под названием «Весна молодости» ставила целью уничтожение пяти объектов, принадлежащих различным террористическим организациям, в том числе и нанесение удара по штабу НДФОП.

Штаб Народно-Демократического фронта освобождения Палестины представлял собой семиэтажное здание на мощных бетонных опорах в самом центре Бейрута. На двух нижних этажах располагались офисы НДФОП, на остальных жили десятки террористов, там же находились квартиры нескольких высокопоставленных деятелей ООП. Присутствие в здании множества хорошо вооруженных людей, а также круглосуточная охрана дома делали задачу нападавших крайне сложной. Первоначальный план подразумевал молниеносный захват и минирование первых этажей здания, после чего оно должно было подвергнуться уничтожению взрывом. Окончательное решение ограничивалось минированием бетонных опор. Изучение их конструкций показало возможность достижения нужного результата. При этом спецназовцы не подвергались излишнему риску.

В ночь с 9 на 10 апреля 1973 года отряд спецназа ВДВ, усиленный несколькими боевыми пловцами «Шайетет-13», высадился на бейрутском пляже, недалеко от района пятизвездочных отелей. Отрядом из 13 бойцов командовал будущий начальник Генштаба Армии Обороны Израиля подполковник Амнон Липкин-Шахак и лейтенант морских командос Авишалом (Авишай) Бен-Иегуда. Сразу после высадки отряд соединился с агентами «Моссада», за день до этого арендовавшими три больших «мерседеса».

Палестинцы имели значительный перевес в живой силе. Кроме того, они находились на территории государства, которое обеспечивало их защиту. Израильтяне могли рассчитывать только на внезапность атаки. Не доехав 200 метров до цели, отряд припарковал машины на параллельной улице, отсюда бойцы стали небольшими группами подтягиваться к дому. Спецназовцы были одеты в обычную гражданскую одежду, под которой были спрятаны автоматы Калашникова, мини-«кузи», пистолеты с глушителями, большое количество ручных гранат и гранат со слезоточивым газом.

Операция состояла из трех этапов:

- нейтрализация часовых и захват первого этажа;
- минирование бетонных опор и доставка к зданию машины со взрывчаткой;
- взрыв здания и отход к месту высадки.

Особое внимание было уделено охране транспортных средств, – в случае их захвата и

⁵⁷ Более подробно антитеррористическая операция «Весна молодости» описана в книге Александра Брасса «Палестинские истоки».

уничтожения спецназ ждала бы неминуемая гибель.

Несмотря на поздний час, на улицах Бейрута было много людей. Огни рекламы и витрин ярко освещали центр города. Растворившись в толпе гуляющих, спецназовцы, не вызвав подозрения, подошли к нужному дому. Бейрут начала 70-х был буквально напичкан оружием. Палестинские боевики чувствовали себя в городе вольготно, автомат или пистолет в руках гражданского лица, даже будучи замеченным, не вызывал у горожан вопросов. Этим сейчас и воспользовались израильтяне.

Во многих окнах здания НДФОП еще горел свет, у входа в дом дежурили несколько вооруженных часовых. Как ни в чем не бывало несколько бойцов приблизились к часовым, стали что-то спрашивать на английском языке и попросили огонька, чтобы закурить. Улучив момент, один из спецназовцев выхватил пистолет с глушителем и расстрелял в упор часовых. Группа захвата бросилась на штурм дома. Но один из часовых успел подать знак боевикам в припаркованной рядом машине. Распахнув дверцу, охранник дал длинную очередь из Калашникова по нападавшим. Один израильтянин был убит, двое тяжело ранены. Один из спецназовцев бросился к машине, расстреливая ее на бегу из мини-«уэи». Стрелявший был убит, другому удалось выскочить из машины и скрыться.

Ситуация для израильтян оказалась тяжелой, на пороге Дома они потеряли трех человек. Но тем не менее штурмующие ворвались в вестибюль и взяли под контроль выход из Дома. Теперь в операцию должны были включиться минеры. В их задачу входило подогнать под дом машину со взрывчаткой и заминировать его бетонные опоры. Само здание напоминало теперь растревоженный улей. Под дикие крики «яхуд! яхуд!»⁵⁸ палестинцы вели яростный автоматный огонь из окон и забрасывали улицу гранатами. Группа прикрытия нападавших произвела несколько выстрелов из гранатомета, чтобы отогнать обороняющихся от окон. Этого времени хватило, чтобы машина со взрывчаткой проскочила простреливаемое пространство и въехала под здание в «мертвую зону», недоступную для обстрела. Минеры погрузили в машину убитого и раненых и приступили к работе.

А в нижнем этаже здания разгорался бой. Палестинцы оправились от неожиданности и теперь старались вытеснив прорвавшихся израильтян на улицу, под ведущийся с верхних этажей огонь. Командующему операцией подполковнику Липкину-Шахаку пришлось вызывать по рации подкрепление, дожидавшееся возле машин. Здесь израильтянам повезло. Лейтенант Бен-Иегуда и его бойцы сумели без потерь преодолеть простреливаемый участок улицы и присоединились к своим товарищам. Минеры делали свое дело, часть людей во главе с подполковником Липкиным-Шахаком прикрывали их с улицы, заняв круговую оборону, а спецназовцы, закрепившиеся в холле, не выпускали рвущихся вниз палестинцев. Весь пол в холле был засыпан стреляными гильзами. Нападавшие понесли потери. Раненые спецназовцы лежали тут же, один был в сознании и держал под прицелом лифт. Как только кабина спустилась, он открыл по ней ураганный огонь. Из кабины так никто и не вышел. Необходимо было захватить первые пролеты лестницы, откуда могли посыпаться гранаты. Бен-Иегуда бросился наверх и тут же столкнулся с набегавшим на него громадным арабом. Они схватились врукопашную. Араб плотно обхватил израильтянина, Бен-Иегуда действовал кулаками, но силы были не равны, а применить оружие не удавалось. Противник навалился на Бен-Иегуду всем своим могучим телом. Оба вцепились в автомат Авишай, выкручивая его из рук, и остервенело пинали друг друга ногами. Еще немного, и палестинец утащил бы израильтянина наверх к своим, но тот действовал быстрее. Он вытащил из автомата обойму, чтобы палестинец не выстрелил вслед, оставил автомат в его руках, мигом сбежал вниз и подхватил оружие лежащего без сознания спецназовца. Автомат заработал вновь, противник отступил.

В этот момент по рации раздался приказ к отступлению. Минеры выполнили свою работу. К этому времени Бен-Иегуда был единственным уцелевшим. Одного раненого, лежащего без сознания, он вытащил быстро, передав его подоспевшим товарищам. Другой кричал от боли. Оказалось, он вел огонь с перебитой рукой. Бен-Иегуда вытащил и его. Перед этим он зашвырнул на второй этаж несколько гранат со слезоточивым газом, и только бла-

⁵⁸ «Евреи! евреи!» (араб.).

годаря этому ему удалось счастливо выбраться из здания.

Поскольку спецназовцы были переодеты в гражданскую одежду и большинство из них были вооружены автоматами Калашникова, прохожие и ливанские жандармы, с безопасного расстояния наблюдавшие за происходящим, приняли бой за очередную разборку между палестинцами. Такие здесь случались, и ливанская полиция в них не вмешивалась. Обстановка благоприятствовала отступающим. Подобрав тело убитого и раненых товарищей, спецназовцы на огромной скорости понеслись в сторону бейрутского пляжа. Вслед им раздался мощный взрыв, от которого во всем квартале вылетели стекла. Семиэтажный дом стал оседать, складываясь этаж за этажом, пока не превратился в гору обломков, над которыми встало густое облако мелкой белой пыли.

На бейрутском пляже спецназовцев ждала группа прикрытия морских командос «Шайетет-13» и резиновые лодки, с которых бойцы пересели на ракетные катера. Один человек был убит, многие ранены. Операция завершилась успешно. Другие отряды, действовавшие одновременно в Бейруте и его пригородах, также успешно справились со своими задачами. Палестинцам был нанесен значительный урон.

Уже утром 10 апреля 1973 года мир на все лады обсуждал последние новости из Бейрута. Даже средства массовой информации, не особенно жалующие израильтян, на этот раз не поскупились на восторженные отзывы. Известная британская газета «Дейли ньюс» в те дни писала:

Израильские секретные службы являются самыми эффективными в современном мире.

Несмотря на успех израильской антитеррористической акции, разгром штаба НДФОП не ослабил позиции этой организации. Более того, Наиф Хауатма отдал приказ о проведении теракта в глубине Израиля, который должен был стать ответом на действия израильских спецслужб. При сравнении легко увидеть принципиальную разницу, отличавшую действия террористов, – их мишенью и жертвами были, как всегда, мирные жители.

13 мая 1974 года, примерно в 22.00, под покровом темноты террористы из организации Наифа Хауатмы пересекли ливанскую границу и углубились на территорию Израиля. На одной из автомагистралей они устроили засаду. Первым объектом нападения оказалась машина, в которой находились возвращавшиеся с работы арабские женщины. Водитель был ранен, однако сумел проскочить зону обстрела. Одна женщина была убита, еще несколько получили серьезные ранения. Из первого населенного пункта водитель сообщил о случившемся в местное отделение полиции.

Известие о прорыве террористов немедленно было передано в штаб Северного военного округа, по тревоге подняты крупные силы армии и полиции. На дорогах выставлены патрули, в воздух подняты вертолеты. Армия приступила к тщательному прочесыванию района. Север Израиля вдоль границы с Ливаном, где проводилась операция, представляет собой цепь сравнительно небольших сельскохозяйственных поселений. Террористов необходимо было перехватить и обезвредить, прежде чем они прорвутся в глубь страны. По предварительным описаниям, террористов было трое. Впоследствии они были опознаны как 22-летний Зиад Камаль Хасан, более известный под именем Рахим, 19-летний Ахмад Цалах Харابي и 27-летний Али Ахмад Хасан Лиину. Предводителем группы был Рахим. Это был, до присоединения к НДФОП, опытный уголовник-рецидивист, хорошо знакомый с методами израильской полиции и умевший уходить от преследования. К тому же он хорошо знал местность. Это позволило террористам укрыться от преследования.

На следующую ночь они продолжили движение и в 3.30 достигли города Маалот, расположенного в Верхней Галилее, недалеко от ливанской границы. На самой окраине города находился одинокий дом, в котором проживала большая израильская семья. Взломав дверь, террористы проникли в помещение. На шум выбежала 30-летняя Фортуна Коэн с 4-летним сыном на руках. Не задумываясь, террористы расстреляли мать с ребенком. Затем они убили отца семьи, 45-летнего Йосефа (Жожа) Козна и тяжело ранили старшую дочь, которая, испугавшись стрельбы, заплакала и тем обнаружила себя. Невредимым остался только полуторагодовалый глухонемой ребенок. Террористы его не заметили и покинули дом. Звуки вы-

стрелов услышали соседи, но Маалот в то время был маленьким городком, в котором не было даже полицейского участка.

Совершив преступление, террористы направились к школе, в которой в это время находилось 102 ученика 15–17 лет и несколько учителей. Это были приезжие школьники, которые из года в год совершали поездки по стране и на этот раз остановились заночевать в Маалоте. По дороге террористы встретили мусорщика Якова Кадоша. Тот, как обычно в этот предутренний час, собирал мусорные мешки, выставленные у дверей домов. Террористы, воспользовавшись свободным знанием иврита, расспросили ничего не подозревавшего мусорщика, как пройти к школе, а затем расстреляли его.

Возле школы стоял туристский автобус; Террористы вытащили спящего в нем учителя, потребовали ключи от автобуса, но потом изменили свои планы. Они проникли в здание школы, один остался охранять дверь, а двое поднялись на второй и третий этажи, где спали дети, и под угрозой оружия стали сгонять их в одно место. Кто-то из преподавателей закричал: «Ребята, это террористы! Убегайте, кто может!» Под автоматными очередями террористов школьники стали выпрыгивать из окон. Всего в их руках оказалось 85 школьников две медсестры и два преподавателя. Всех их, избивая прикладами, согнали в один класс и, приказав сдвинуть к стене столы и стулья, заставили сесть на пол. Возле окна, у двери и в центре класса террористы установили несколько взрывных устройств, которые должны были быть приведены в действие в случае штурма здания. Возможная антитеррористическая операция еще более усложнялась тем, что на телах всех троих боевиков были пояса смертников.

В 4.30, захватив заложников, террористы отпустили одного школьника. С ним они передали ультиматум израильскому правительству с требованием освобождения 23 террористов, находящихся в израильских тюрьмах. Они должны быть переправлены в Дамаск или, в крайнем случае, на Кипр. Десять имен террористы указали сами, одним из первых было имя японского террориста Кодзо Окамото, остальных должны были выбрать сами заключенные. Террористы обещали освободить заложников, после того как все заключенные окажутся на территории Сирии. После этого лидер НДФОП Наиф Хауатме должен передать кодовое слово послам Франции и Румынии в Израиле, которые должны сообщить это слово террористам. Последние, в свою очередь, освободят половину заложников, а со второй в сопровождении сотрудников посольств и представителей Красного Креста доберутся до аэропорта, откуда после освобождения оставшихся заложников вылетят в Дамаск. Если до 18.00 кодовое слово не будет передано, террористы угрожали взорвать школу вместе со всеми заложниками.

Сообщение о захвате заложников поступило к премьер-министру Израиля Голде Меир и на базу «Сайрет Маткаль» примерно в 5.00 утра. Сразу после этого в домах министра обороны Моше Даяна и начальника Генштаба Армии Оборона Израиля Мота Гур раздались телефонные звонки. В течение получаса на ноги были подняты все первые лица государства, армии и ШАБАК – службы безопасности Израиля. К тому времени никто еще не представлял себе подлинных масштабов трагедии.

Спустя час после захвата вокруг школы все еще было тихо. Террористы занервничали. То ли власти оставили их ультиматум без внимания, то ли отпущенный школьник потерял от страха голову и не выполнил поручение. В 5.30 террористы выпустили еще одну заложницу, медсестру Наркис Мордехай, с которой они повторно передали свои требования.

Примерно в 6.00 на место трагедии прямо из дому в гражданской одежде приехал заместитель командира «Сайрет Маткаль» майор Амирам Левин. Опросив жителей Маалота, ставших свидетелями нападения, он провел первую разведку местности, прикидывая план будущей операции. В мирное разрешение проблемы майор Левин мало верил, значит, освобождение заложников будет поручено его подразделению.

К 7.00 на военном вертолете в Маалот прибыли первые лица Армии Оборона Израиля. Руководство операцией было возложено на министра обороны Моше Даяна и начальника Генштаба генерал-лейтенанта Мота Гура. За контакты с террористами отвечал руководитель следственного отдела ШАБАК Виктор Коэн, имеющий большой опыт и репутацию лучшего переговорщика. Условия ультиматума не предполагали больших возможностей для компромисса, целью Коэна было попытаться добиться от террористов тактических уступок и, главное, втянуть их в переговоры и дать время для выработки наиболее эффективных решений и

подготовки к освобождению заложников. Правительство искало приемлемый, в том числе и мирный, выход из ситуации, зато в решимости военных сомневаться не приходилось. Моше Даян, закончив рекогносцировку местности, отдал распоряжение командующему Северным военным округом генералу Рафаэлю (Рафулю) Эйтану и офицерам «Сайрет Маткаль»: «Будьте готовы при первом удобном случае свернуть им головы».

В распоряжении террористов был громкоговоритель, предусмотрительно захваченный ими из Ливана. Заметив появление военных, они стали выкрикивать лозунги НДФОП и угрожать расправой над заложниками, если израильтяне не выполнят их требования или станут затягивать время. Для пущей убедительности террористы выстраивали у окон школьников и строчили по верх их голов из автоматов. Впрочем, следует отметить, что первоначальное отношение к заложникам не было излишне жестоким. Один из террористов, постоянно сидящий в классе, на протяжении, всего времени вступал со школьниками в разговоры, шутил и даже раздавал конфеты.

Примерно в 7.00 на футбольном поле Маалот приземлился тяжелый транспортный вертолет с личным составом «Сайрет Маткаль». Спецназовцы выгрузили снаряжение и незаметно стали подтягиваться к школе. Проблем было много. Школа располагалась на окраине города. Возвышенность, на которой стояло здание, и отсутствие близкой застройки обеспечивали террористам хороший визуальный контроль и существенно затрудняли скрытность передвижения спецназовцев. К тому же оба отпущенных заложника сообщали о минировании помещения, где содержались школьники.

Ситуация становилась все более напряженной. На карту были поставлены жизни десятков детей. Приемлемые силовые решения не находились, степень их риска оставалась слишком высокой. В этих условиях правительство Голды Меир приняло решение не подвергать жизни детей опасности и приступить к рассмотрению требований террористов. В двухчасовом выпуске новостей было объявлено, что правительство Израиля готово выпустить палестинских террористов, отбывающих длительное тюремное заключение. Это известие настолько обрадовало боевиков, что они приступили к разминированию класса, в котором удерживались заложники.

Вместе с тем велась напряженная подготовка к вооруженному разрешению ситуации. После тщательного анализа мнения военных разошлись. Моше Даян оставался сторонником решительных действий, начальник Генерального штаба Мота Гур был более осторожен и настаивал на использовании всех возможных средств убеждения и переговоров. Пока военные искали компромисс и возлагали надежды на дипломатию, спецназовцы готовились к штурму. Отряд разделился на группы, сумевшие незаметно выйти на исходные позиции. Первая залегла возле окна, в котором время от времени показывался предводитель террористов Рахим. Две другие взяли под прицел окно класса, в котором удерживались заложники. В каждой группе было по несколько снайперов, они должны попытаться одним залпом уничтожить всех террористов.

Боевики чувствовали себя уверенно и иногда открыто показывались в окнах, что позволило израильтянам установить позицию каждого. Один постоянно сидел в классе, где удерживались заложники, второй находился в конце лестничного пролета, контролируя выход на второй этаж, а Рахим перемещался от одного к другому.

Время от времени он вступал в переговоры по громкоговорителю с Виктором Козном. Рахим отказался от получения пищи и воды. Он не позволил войти в здание школы врачу для осмотра детей и не захотел принять рацию для ведения переговоров. Он постоянно напоминал израильтянам о штурме бельгийского пассажирского самолета «Сабена» и предупреждал о том, что на этот раз спецслужбам не удастся «запудрить им мозги». Рахим не догадывался, что человек, ведущий с ним переговоры, и есть именно тот, кто «запудрил мозги» угонщикам «Сабены». Впрочем, террористы не теряли бдительности. Раз за разом они открывали огонь, заметив подозрительные перемещения. Так был убит один из солдат оцепления, Рахим заметил его и немедленно дал очередь из автомата.

Тем временем командование операции внимательно изучало строительные чертежи школы. Рассматривались различные варианты штурма. Предлагалось высадиться на крыше здания и по веревкам незаметно проникнуть в школу, обойдя террориста, контролирующего лестницу. Однако шум вертолета неизбежно привлечет внимание боевиков. Отпало предло-

жение командира «Сайрет Маткаль» уничтожить террористов одним снайперским залпом, когда все трое одновременно окажутся «в кресте». Риск был чрезвычайно высок. Единственный уцелевший или раненый террорист мог привести в действие пояс смертника. Оставались и другие «белые пятна», в первую очередь расположение и степень готовности взрывных устройств. Ни при одном из вариантов не удавалось избежать массовой гибели заложников. Наиболее реальным оставался план прямого штурма здания бойцами «Сайрет Маткаль». Основная группа под командованием майора Левина должна была ворваться в школу, другая во главе с офицером спецназа Муки Бецером штурмовать дом по приставной лестнице через окно класса, в котором содержались школьники. Обе группы, выбрав удобный момент, выдвинулись на исходные позиции для атаки. Группа Левина – к западной, а Бецера – к восточной стенам школы. Командующий Северным военным округом генерал Рафаэль Эйтан присоединился к группе Левина. Штурмовые группы были приведены в состояние полной готовности, но ответственность за жизнь заложников удерживала первых лиц страны (премьер-министра Году Мсир и ее кабинет) от решающего приказа.

Время шло. Террористы поставили предельно жесткие условия, они выполняют свою угрозу не позднее 18.00, то есть наступления времени сумерек. Рахим неоднократно угрожал через мегафон, что если израильское правительство не выполнит его требований, то из окон полетят отрезанные детские головы. Под дулами автоматов школьники высывались из окон и кричали: «Что вы ждете? Сделайте хоть чтонибудь! Спасите нас, мы хотим жить!..»

Наиболее энергичным сторонником немедленного силового решения был министр обороны Моше Даян. Он вылетел в Иерусалим, с тем чтобы принять участие в экстренном заседании правительства. Но Голду Меир он пока не убедил и вернулся в Маалот ни с чем. Решение Даяна оспаривали Мота Гур и Рафаэль Эйтан. Как и Даян, они отдавали отчет в необходимости принятия эффективного решения, но искали малейшие шансы, чтобы снизить риск операции. Учитывая все обстоятельства, штурм школы казался безумием.

В 14.45 Даян в очередной раз связался с Голдой Меир и предупредил, что ситуация может выйти из-под контроля. Если правительство не собирается выпускать заключенных, то к штурму следует приступать немедленно, пока террористы рассчитывают на положительный результат своего ультиматума. Дискуссия теперь велась в самом Кабинете министров. Выпустить из тюрем террористов означало превратить в потенциальных заложников все детские учреждения Израиля. Очевидно, что капитуляция израильтян станет для террористов и их лидеров впечатляющим примером. Взвесив все обстоятельства, в 15.15 правительство выдало министру обороны разрешение на проведение силовой акции. Однако теперь вмешался начальник генерального штаба Мота Гур. Он попросил еще полчаса на ведение переговоров и подготовки атаки. Голда Меир дала еще одну отсрочку, время штурма было перенесено на 16.30. В 16.15 Кабинет министров большинством голосов (14 против 1) принял окончательное решение о начале штурма школы. Теперь ситуация была полностью в руках военных. Мота Гур еще медлил и только в 17.15 отдал приказ.

Спустя 13 часов после захвата заложников, в 17.25, раздался первый выстрел снайпера. Пуля попала в главаря террористов и раздробила ему левое плечо. Несмотря на серьезное ранение, Рахим не только не потерял сознание, но, как показали дальнейшие события, оказался главным виновником разыгравшейся трагедии. Сразу после выстрела группа Левина ворвалась в школу. Впереди шел Цвика Либне и его бойцы, в их задачу входило уничтожение террориста, охранявшего лестницу и коридор. Ликвидировав его, они должны были пропустить вперед группу Амирама Левина, которой предстояло выйти на второй этаж и завершить операцию уничтожением остальных боевиков.

Спецназовцы без помех захватили вестибюль и побежали к лестнице. Преодолев два пролета, Цвика Либне увидел террориста. Он дал по нему очередь и метнул гранату, но террористу удалось скрыться. В этот момент подоспел раненый снайпером Рахим. Выскочив перед рвущимися наверх бойцами, он открыл огонь и ранил троих спецназовцев. Их продвижение замедлилось, а сам Рахим, непрерывно стреляя стал отступать по коридору в класс, где содержались заложники. Цвика Либне с оставшимися бойцами поднялся на второй этаж. Школьный коридор имел Т-образную форму, впереди были 15 метров простреливаемого пространства и поворот, за которым находился класс. Цвика Либне дал длинную автоматную очередь и метнул дымовую шашку. Плотный дым заполнил лестницу и кори-

дор, ослепив спецназовцев и террористов.

Как оказалось, использование дымовой завесы было ошибкой. Группа Амирама Левина, которая должна была выдвинуться вперед и продолжать штурм, потеряла в дыму ориентировку. На прояснение обстановки ушло 10 секунд, но они оказались критическими для исхода операции.

Раненый Рахим, оторвавшись от преследователей, вбежал с автоматом в класс. На пороге его встретил 17-летний юноша. Вскочив с места, он попытался преградить террористу путь и защитить заложников. Рахим расстрелял его в упор и стал без разбора расстреливать детей. Класс был небольшой, размерами 6х8 метров, и каждая пуля находила цель. Здесь же были два других террориста, в том числе отступивший с лестницы. Девочки, которые сидели отдельно от ребят и оказались ближе к Рахиму, бросились к окну и оказались прямо перед обезумевшим боевиком. Потому среди убитых заложников оказалось 18 девушек и четверо парней. Продолжая непрерывную стрельбу, Рахим бросил в мечущихся ребят гранату. Это была бойня.

План операции оказался неудачным. Группа Муки Бецера, которая должна была попасть в класс через окно, не смогла выполнить задачу. Дети выпрыгивали из окон прямо на головы поднимающихся по лестнице бойцов. Потом из окна повалил густой дым и вылетела граната, брошенная кем-то из террористов. В классе была слышна стрельба, пули летели через окно, а штурмующие не могли открыть ответный огонь без риска попасть в детей и своих же бойцов. Спецназовцы остановились на лестницах, не зная, что делать дальше, и подхватывая кричащих от ужаса школьников. В окна теперь было не пробиться.

В это время спецназовцы Цвики Либне и Амирама Левина бежали по коридору в класс. Плотный дым не давал дышать, выедал глаза. Двигаться приходилось на ощупь. Бойцы проскочили коридор и свернули за угол. Здесь находились классы. Два первых были пусты, из третьего в самом конце коридорчика доносились стрельба и крики. Окна были распахнуты, дым чуть рассеялся. У классной доски стоял Рахим и лихорадочно менял обойму в автомате. Он был убит на месте. Второй террорист застыл у стены в каком-то оцепенении, он никак не реагировал на ворвавшихся бойцов. Его постигла участь Рахима. Дети кричали все сразу от ужаса и боли, отовсюду неслись стоны раненых и умирающих. Пол был густо залит кровью. Внезапно один из мальчиков закричал: «Это террорист! Это террорист!» – пытаясь отползти от прячущегося за его спиной боевика. Тот выглядел молодо, и спецназовец медлил, но другие дети подтвердили: да, террорист. И спецназовец открыл огонь, как оказалось, очень своевременно. В руках убитого оказался пистолет «беретта» и граната, которые он не успел пустить в ход. С начала первого снайперского выстрела, ставшего сигналом к атаке, и последним выстрелом прошло не более 30 секунд, которые показались вечностью.

Картина, открывшаяся после боя, с трудом поддается описанию. Класс был буквально завален телами мертвых, умирающих и раненых детей. Повсюду на стенах, на полу была кровь, лужи крови. Бойцы «Сайрет Маткаль» – люди хорошо тренированные и психологически устойчивые – пережили потрясение, оставшееся с ними на всю жизнь. Врачи и санитары разбирали фуду окровавленных тел, отделяли убитых от раненых. Кроме 22 погибших оказалось более 50 раненых, 10 из них в тяжелом состоянии.

Антитеррористическая операция в городе Маалот была признана крайне неудачной, она повлекла за собой многочисленные жертвы и стала объектом всестороннего изучения. Ошибочными были признаны ряд решений, принятых на уровне планирования операции и в ходе ее реализации. Печальный опыт был учтен в ходе выработки дальнейшей стратегии по борьбе с терроризмом. В стране был объявлен всеобщий траур, премьер-министр Израиля Голда Меир, выступив по телевидению, пообещала жестоко отомстить террористам.

На следующий день, 16 мая 1974 года, израильские ВВС нанесли мощный авиаудар по базам НДФОП, расположенным в Южном Ливане, в городе Набатия и лагере палестинских беженцев Эйн эль-Халауви. По сообщению южноливанского радио, в результате налета израильской авиации погиб 21 человек.

Спустя полгода после трагедии в Маалоте палестинские террористы из организации Наифа Хауатме совершили очередное преступление. В ночь с 18 на 19 ноября 1974 года трое террористов, вооруженных автоматами Калашникова, осколочными гранатами, ножами и

топором, прорвались на территорию Израиля со стороны восточной, иорданской, границы. В четыре часа утра в южной части города Бейт-Шеан раздались первые выстрелы и звуки разрывов гранат. Террористы ворвались в плотно населенный район Элияху и захватили многоквартирный дом № 1576, в котором проживало более 60 человек.

Большинство жильцов успели отреагировать на нападение и забаррикадировались в своих квартирах, но одну из них террористы успели занять. Дом охватила паника, люди стали спасаться бегством через окна, выбрасывали на улицу матрасы и прыгали на них, спускались по веревкам и связанным простыням. Было много травм и увечий. К тому же террористы бросали вслед спасающимся людям граниты. Внизу под окнами дома осталось лежать около 20 раненых.

До прибытия бойцов «Сайрет Маткаль» район был плотно оцеплен полицией. Несмотря на большое скопление людей, стояла полная тишина. Террористы выкрикивали в мегафон свои требования. Они требовали освободить 20 палестинских заключенных, в том числе архиепископа Иллариона Капуччи, осужденного на 12 лет за контрабанду оружия для палестинцев. Террористы требовали, чтобы посредниками в переговорах выступили австрийский и французский послы в Израиле, они же должны были стать их гарантами безопасного вылета в Дамаск.

Прибывший на место командующий Северным военным округом генерал Рафаэль Эйтан отдал командиру «Сайрет Маткаль» приказ о начале штурма. К тому времени была точно определена дислокация боевиков – квартира семьи Бибес на втором этаже. Спецназовцы открыли шквальный автоматный огонь по окнам квартиры, заставив террористов залечь на пол. Весь штурм закончился в считанные секунды. Трое террористов были уничтожены. Легкое осколочное ранение в руку получил командовавший операцией заместитель командира спецназа Нехемия Тамри.

После того как бойцы «Сайрет Маткаль» оставили дом, озверевшая толпа жителей Бейт-Шеана прорвала оцепление и ворвалась в квартиру. Она выбросила на улицу трупы террористов и, облив соляжкой, подожгла.

Все это время в палестинском руководстве шла постоянная грызня за посты, сферы влияния и, конечно, доступ к финансированию. В 1975 году на специально созванной конференции единый фронт (НДФОП) изменил свое название на Демократический Фронт Освобождения Палестины (ДФОП). Наиф Хауатме сохранил за собой пост генерального секретаря и единоличного лидера, однако конференция учредила иорданское отделение фронта, получившего название «Мажд».⁵⁹ Иорданское отделение ДФОП получило свой устав и политическую программу «в соответствии с особенностями национально-демократической борьбы в Иордании», опубликованные в 1978 году. Несмотря на формальное отделение, Наиф Хауатме сохранил контроль над «Мажд».

Политические дразги и откровенная борьба за власть никак не уменьшили террористическую активность Хауатме и его людей. Ранним утром в среду 11 января 1979 года мобильная группа ДФОП, состоявшая из трех боевиков, под покровом сумерек незаметно пересекла ливано-израильскую границу в одном из самых сложных и мало контролируемых горных районов. Следы нарушителей были обнаружены спустя полтора суток. В преследовании были задействованы вертолеты, по тревоге был поднят личный состав Северного военного округа и полиции. В каждом населенном пункте Израиля местная полиция была усилена воинскими подразделениями.

Несмотря на объявленную тревогу, в пятницу 13 января, примерно в семь часов утра, террористы смогли проникнуть на окраину города Маалот, за пять лет до этого уже пострадавшего от зверского нападения на школу. Теперь целью теракта был выбран местный санаторий, пользующийся популярностью в Израиле как место семейного отдыха.

Проникнув здание санатория, террористы разделились. Двое остались у входа, третий поднялся на второй этаж и постучал наугад в двери номера. Хозяевами оказались молодая супружеская пара с ребенком. Ворвавшись в комнату, террорист направил пистолет на ребенка и заставил семью идти с ним. Когда заложники вышли в коридор, там оказались трое

⁵⁹ «Молитва» (араб.).

солдат, прибывших для охраны. Заложники двигались им навстречу, террорист шел сзади, укрывая в руке пистолет. Родители были скованы, одно неосторожное движение или призыв о помощи стоило бы жизни их ребенку. Солдаты пока ничего не подозревали, но, сблизившись с ними, женщина многозначительно покосилась в сторону прячущегося за их спинами смуглого молодого человека. После этого все стало ясно.

События развивались стремительно. Супружеская пара бросилась навстречу солдатам, а один из солдат, отскочив к стене, дал автоматную очередь вдоль коридора. Террорист успел выхватить гранату, бросил ее в заложников, но один из солдат успел отшвырнуть ее назад. Террорист погиб на месте. По счастливой случайности никто больше не пострадал.

Двое боевиков, укрывшихся в вестибюле здания, услышав выстрелы, крики и взрыв, бросились наружу, пытаясь выбраться с территории санатория. И наткнулись на солдат, бегущих на подмогу своим. Террористы были уничтожены, не успев взяться за оружие. В рюкзаках террористов, оказавшихся гражданами Иордании, было обнаружено три взрывных устройства, 20 ручных гранат, три автомата Калашникова с большим количеством запасных обойм, пистолеты с глушителями, подробные карты северных районов Израиля, а также другое военное снаряжение.

На теле одного из боевиков был обнаружен план намеченной операции, листовки и обращения, содержащие ультимативные требования. Целью операции был захват максимального числа заложников с последующим требованием освобождения 10 палестинских заключенных, удерживаемых в израильских тюрьмах. В ином случае заложников ждала смерть. Арсенал захваченного оружия убеждал в этом.

В ответ на непрекращающиеся нападения террористов руководством Израиля было принято решение отвечать на каждый теракт или его попытку собственными силовыми акциями. 14 и 15 января 1979 года боевая авиация и ВМФ Израиля нанесли несколько огневых ударов по базе ДФОП в окрестностях портового города Цур. По данным военной разведки, именно с этой базы вышли террористы, осуществившие попытку захвата заложников в санатории Маалота. Вслед за ракетно-бомбовыми ударами в ночь с 15 на 16 января 1979 года в районе Цур высадилась группа морских коммандос «Шайетет-13». В ее задачу входило окончательное уничтожение базы террористов.

Группа из 15 бойцов на резиновых лодках подошла к ливанскому побережью и высадилась в районе цели. За четверть часа коммандос вышли к трассе Цур – Роша-Никра, идущей параллельно берегу. Здесь на небольшой возвышенности находилось уцелевшее от обстрела здание базы. Продвижение было скрытным, но местность, вопреки данным разведки, указывающей на скопление боевиков, оказалась совершенно безлюдной. Не было ни машин, ни часовых. По-видимому, террористы, спасаясь от очередного налета израильской авиации, временно оставили полуразрушенную базу и отошли в более безопасные районы.

Опасаясь засады, израильтяне обработали подступы к зданию мощным огнем из гранатометов и, так и не встретив сопротивления, взорвали уцелевшие после авиаударов строения. Вся операция прошла без боевых столкновений и потерь. База боевиков ДФОП была полностью уничтожена.

Мирные переговоры между ООП и Израилем конца 80 – начала 90-х годов заставили часть Демократического Фронта коренным образом изменить политическую позицию. В 1991 году ДФОП раскололся на две фракции: проарафатовскую левоцентристскую и бескомпромиссную марксистско-троцкистскую, которую возглавил Наиф Хауатме. Лидер ДФОП выступил с открытой критикой в адрес проводимой руководством ООП политики, направленной на диалог с Израилем. Хауатме считал такую политику неприкрытым предательством идеалов палестинской борьбы. Вследствие этого фракция Наифа Хауатме приостановила свое членство в ООП, а внутри самого Фронта разразился глубокий кризис. Многие члены Фронта, ставшие в оппозицию Хауатме, настойчиво предлагают изменить платформу партии, основанную на идеях троцкизма, с тем чтобы придать ей более современный и гибкий характер. Один из ближайших соратников Хауатме, Ясир Абед Рабу, являвшийся представителем фронта в исполкоме ООП, вопреки официальной позиции ДФОП поддержал инициативы Арафата. Более того, он лично возглавил переговорную группу ООП в диалоге с администрацией Белого дома. В 1991 году Ясир Абед Рабу вышел из состава ДФОП и основал свою собственную партию, получившую название Партия Палестинского

Демократического Союза (ППДС).

На сегодняшний день фракция ДФОП Наифа Хауатме насчитывает в своих рядах, по разным оценкам, от 500 до 1000 боевиков, в основном рассредоточенных на территории Южного Ливана. Опираясь на финансовую и военно-политическую поддержку Сирии и Ливии, ДФОП активно выступает против любого мирного урегулирования отношений с Израилем и соответствующих соглашений, подписанных в Осло.

Шейх Фатхи Шкаки

В конце 70 – начале 80-х годов противостояние между Западом и Востоком очередной раз достигло наивысшего накала. 1979 год – ввод советских войск в Афганистан. Бойкот Московской Олимпиады 1980 года. Президент Соединенных Штатов Америки Рональд Рейган объявляет Советский Союз «империей зла». С обеих противоборствующих сторон развертываются новые виды и системы вооружений. На фоне этих событий осталось мало заметным рождение новой террористической организации Палестинский Исламский Джихад.⁶⁰

Террористическая организация Палестинский Исламский Джихад (паракан аль-Джихад аль-Ислами аль-Филастини) была создана в Египте в 1979–1980 годах палестинскими студентами, вышедшими из среды так называемых «Мусульманских братьев» в Секторе Газа. Основатели организации находились под влиянием радикальных студенческих организаций Египта и впечатлением от Исламской революции в Иране. Ее лозунги стали идеологическим стержнем новой организации.

Основатели «Джихада» – трое студентов: Фатхи Шкаки, Абд аль-Азиз Одах и Башир Муса – были разочарованы отношением «Мусульманских братьев» к палестинской проблеме. Они предлагают новую концепцию, определившую идеологию «Джихада». Отныне освобождение Палестины станет ключевым моментом истории, который откроет путь к всеобщему объединению исламского мира. В этом объединении «Джихад» станет движущей силой для создания единого всемирного исламского государства! На пути создания этого государства, живущего по законам шариата, стоит одно препятствие – Израиль. Оно должно быть уничтожено посредством «святой вооруженной борьбы» (джихада). На освобожденной территории Палестины будет создано исламское государство. «Каждый, кто откажется принять ислам, должен быть насильно выслан за его пределы или уничтожен» – такова декларация создателей «Джихада». Палестинский Исламский Джихад стал первой террористической организацией в новейшей истории, которая открыто провозгласила священную войну, джихад, против иудеев как первый положительный шаг на пути всемирного исламского переворота.

Организаторы «Джихада», в первую очередь Шкаки, быстро выдвинувшийся в качестве лидера и главного теоретика движения, сумели объединить палестинский радикализм с религиозным фанатизмом и создать универсальное оружие исламского терроризма. Основой исламского фундаментализма стало объединение некоторых положений, разделяющих традиционный ислам. Исламский мир включает в себя последователей двух основных направлений – суннитов, признающих в виде догмата «сунну» – толкование и дополнения к Корану его последователями (первыми халифами), и шиитов – признающих Коран, отвергающих сунну, утверждающих авторитет Имамов – потомков зятя Мохаммеда Али (отсюда название – шииты).⁶¹ Шкаки и его единомышленники рассматривали исламскую революцию как прообраз всего арабского мира, выдвинув на первый план концепцию шиизма – «принцип лидерства религиозного человека» (*vilayet-i-faqih*). Особенностью ситуации было то, что подобная идеология стала развиваться в Египте – стране, традиционно придерживающейся суннизма. В 1979 году Шкаки пишет и издает здесь книгу, на страницах которой он не только восхваляет иранскую революцию и ее лидера аятоллу Хомейни, но утверждает идею

⁶⁰ В дальнейшем — «Джихад».

⁶¹ «Шй Али» — партия Али — шииты (араб.).

вождизма и революционного самопожертвования во имя торжества ислама. Для Египта, где правящая партия БААС, искусно лавируя, проводила религиозную и светскую политику, взгляды Шкаки и его сторонников были совершенно неприемлемы и грозили потрясениями государственному укладу.

Агитация в пользу «Джихада» быстро дала свои плоды: организация стала расти и пополняться все новыми членами, носителями самых радикальных взглядов. Немалую роль сыграла личность самого Шкаки – талантливого организатора, интеллектуала, публициста и агитатора. «Джихад» устанавливает прочные связи с экстремистами в египетском студенческом движении, принимавшими прямое участие в заговоре и убийстве президента Египта Саддата в октябре 1981 года. В результате палестинские исламские радикалы были высланы из Египта в Сектор Газа, находящийся под контролем израильской военной администрации. Эту дату принято считать началом террористической деятельности «Джихада». Первые усилия организации были направлены на выявление, запугивание и физическое уничтожение палестинцев, сотрудничающих с израильскими властями или просто сочувствующих идеям мирного сосуществования с Израилем. Террор дал свои результаты, консолидируя часть палестинцев вокруг радикалов и заставив молчать остальных. На первых этапах «Джихад» поддерживает теснейшие связи с ООП, однако после ликвидации Абу Джихада в Тунисе, руководившего многими террористическими акциями, «Джихад» перехватывает инициативу, постепенно отдаляется как от ООП, так и остальных палестинских движений, занимая ведущее место среди непримиримых врагов Израиля.

В это время Шкаки неоднократно задерживается израильской службой безопасности, а в 1987 году за подстрекательство к террористической деятельности и контрабанду оружия в Сектор Газа приговаривается военным трибуналом к четырем годам заключения и пяти годам лишения свободы условно. В августе 1988 года израильскими властями принимается решение освободить Шкаки из заключения и выслать его на территорию Ливана. Оказавшись на свободе, Шкаки перебирается в Сирию и с присущей ему энергией разворачивает масштабную террористическую войну против Израиля.

В 1987 году – последнем году перед интифадой – «Джихад» провел ряд террористических актов, в основном на территории Сектора Газа. Новая страница в истории организации начинается с убийства израильского офицера армейской полиции 6 октября 1987 года. Во время следующего теракта – засады, устроенной боевиками «Исламского джихада», погибли двое израильтян и шестеро террористов. Лидеры организации с полным основанием утверждают, что именно с этого нападения на армейский джип началась интифада. И далее организация Шкаки поддерживает активность интифады, сводя на нет попытки мирного разрешения ситуации. «Джихадом» были впервые использованы террористы-смертники, лишь потом этот бесчеловечный опыт переняли другие террористические организации, в частности ХАМАС. Усилиями израильской службы безопасности ШАБАК многие активные члены «Джихада» были арестованы и депортированы на территорию Ливана. Это хотя ослабило влияние и активность организации внутри Сектора Газа, но не способствовало решению проблемы в целом. «Джихад» перенес свои действия на различные регионы Израиля.

В 1988 году – поджег лесов в заповеднике Кармель, на севере страны.

6 июля 1988 года – террористический акт на линии автобуса, следовавшего маршрутом Тель-Авив – Иерусалим. С криками «Аллах акбар» террорист набросился на водителя автобуса и силой вывернул руль. Водитель, вступивший в схватку с террористом, не смог предотвратить трагедию. Переполненный автобус сорвался с 30-метровой высоты в ущелье. В результате теракта 16 человек погибло, 27 получили тяжелые ранения.

В феврале 1990 года во время нападения на туристический автобус в Египте убиты девять израильских граждан.

Стало очевидным, что гуманное решение израильских властей о высылке из страны лидеров и функционеров «Джихада» было ошибочным. Десятки палестинцев, высланные в Ливан, прошли настоящую школу террора. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Фатхи Шкаки реорганизовывает свою организацию, укрепляя и расширяя тесные контакты со «Стражами Исламской революции» и «Хизбаллой», базирующимися на территории Ливана. Основная активность организации переносится с Сектора Газа на территорию Ливана. Фатхи Шкаки расширяет политические контакты организации. Ее представительства орга-

низовываются в Бейруте, Дамаске, Тегеране, Хартуме, Аммане, Триполи и во многих европейских столицах. Потерпев несколько поражений в прямых военных столкновениях с Израилем, его агрессивные настроенные соседи видят в «Джихаде» действенный инструмент политической и вооруженной конфронтации, позволяющий им самим оставаться в тени и даже разыгрывать миротворческую карту. Это устраивает многие европейские страны, ведущие собственную игру на Ближнем Востоке, и объединяет лидеров арабских стран, повышая их политический вес. Это понимает и сам Фатхи Шкаки и умело использует ситуацию. На счета его организации устремляются значительные финансовые потоки. Ливийские спецслужбы, стараясь укрепить свое влияние на ближневосточные процессы, начинают активно сотрудничать с «Джихадом» и берут на себя обязанности по обеспечению безопасности лидеров «Джихада», в первую очередь самого Шкаки.

После соглашения в Осло в 1993 году и мирного договора между государством Израиль и Хашимитским королевством Иордания 26 октября 1994 года ситуация на Ближнем Востоке коренным образом изменяется. Существовавший среди арабских государств раскол еще больше усиливается. Под нажимом Сирии создается так называемый Новый Фронт Сопротивления, так называемый «Союз десяти», в котором Фатхи Шкаки становится не только постоянным членом, но одним из центров политического влияния. Его главная цель остается прежней – уничтожение Израиля любыми доступными ему средствами.

С этой целью «Джихад» сближается с наиболее влиятельной на территории Сектора Газа организацией ХАМАС. Ранее «Джихад» искал поддержку у более образованной части палестинцев – интеллектуалов и студентов – и представлял как бы элитарное крыло палестинского радикализма. Теперь ситуация изменилась, и на смену бывшему соперничеству с ХАМАСОМ пришло тесное сотрудничество. Это стало проявляться начиная с 1994 года, когда образование Палестинской администрации потребовало от обеих организаций – «Джихада» и ХАМАСА – объединения усилий с целью придания себе политического веса. Их общей идеологией был непримиримый радикализм, оружием – террор. Особенно привлекает Шкаки освоенная ХАМАСОМ тактика использования террористов-смертников. С этих пор обе организации совместно планируют и осуществляют террористические акции. Наиболее впечатляющим примером такого сотрудничества стало проведение террористического акта на перекрестке Бейт-Лид.

Воскресенье 22 января 1995 года, 9.15 утра. На перекрестке Бейт-Лид, как всегда в это время, полно солдат срочной службы, в основном десантников, возвращающихся после субботнего отпуска на свои базы. Кто-то ждет автобуса или голосует, кто-то досыпает прямо на земле, устроившись на армейском бауле, кто-то пьет кофе у придорожного киоска. Все как обычно в эти часы на этом месте... Никто не обратил внимания на одетого в армейскую форму человека с огромной сумкой на плече. Террорист смешался с солдатами у киоска и привел в действие спрятанный в сумке заряд. Тела погибших и раненых были разбросаны взрывом на десятки метров. Когда опомнившиеся от шока уцелевшие солдаты и проезжавшие мимо люди бросились спасать раненых, раздался второй взрыв. От первого его отделяло не более трех минут. Картины страшнее нельзя было вообразить. Остановка превратилась в кровавое месиво из разорванных, обезображенных, обгоревших тел и их фрагментов, искореженного оружия и амуниции. Отовсюду раздавались стоны и крики о помощи. Это был ад, каким можно его представить на земле – так потом вспоминали прибывшие на место спасатели. Погибло 19 человек, тяжело ранено 34 (общее число раненых – 68), подавляющее большинство жертв в возрасте 18–19 лет. В это утро Израилю был нанесен тяжелый удар, потрясший всю страну. Израильская служба безопасности ШАБАК дала своим гражданам обещание найти и покарать всех виновных в этом преступлении.

Ответственность за теракт взял на себя «Джихад». Двое террористов-смертников, входящих в организацию: 23-летний Ануар Мухамад Сукар, сын палестинского полицейского, три месяца назад выпущенный из израильской тюрьмы после 11-месячного заключения, и 25-летний Сапах Абад Шакер, фельдшер по специальности, проникли на территорию Израиля из Сектора Газа. Каждый из них оставил после себя записку такого содержания:

Я хочу взорвать себя по дороге в рай.

Последствия теракта могли быть еще более тяжелыми. Примерно через год израильская служба безопасности задержала палестинца, который должен был в тот день стать третьим смертником, взорвавшим себя, когда на место придут спасатели и антитеррористические службы. Однако он не выдержал картины страшной бойни, спрятал взрывное устройство в саду неподалеку и скрылся. Спустя год это устройство оставалось на том же месте, и несостоявшийся смертник привел к нему израильских оперативников.

Террористический акт на перекрестке Бейт-Лид стал примером взаимодействия «Джихада» и ХАМАСа. Все взрывные устройства были изготовлены активистом ХАМАСа, Ихие Аяшем по кличке Инженер. Этот человек по праву считался в Израиле террористом номер один. Он был ликвидирован в 1997 году – в его мобильный телефон была заложена пластиковая взрывчатка.

Тем временем «Джихад» использовал любую возможность для нанесения ударов по Израилю и его гражданам, от удара ножом до взрыва автомобиля, начиненного взрывчаткой. Вот список в длинной череде преступлений.

2 августа 1986 – убийство командира армейской полиции в Секторе Газа капитана Рона Таля.

6 июля 1989 – террористический акт на автобусном маршруте Тель-Авив – Иерусалим. Погибло 16, ранено 25 пассажиров автобуса.

26 сентября 1991 – в поселении Кдима ударом ножа убит 70-летний Шлема Яхи.

17 октября 1992 – взрыв машины, начиненной взрывчаткой. Погибла женщина, семь человек ранены.

5 декабря 1993 – террорист вошел в переполненный автобус на перекрестке Холон и открыл беспорядочную стрельбу. Один пассажир погиб. Ситуацию спас водитель, самоотверженно бросившийся на вооруженного террориста и вытолкнувший того из автобуса.

20 мая 1994 – два резервиста, Эрез Бен Барух и Моше Букра, погибли во время нападения на контрольно-пропускной блокпост «Эрез».

11 ноября 1994 – террорист-смертник взорвал себя в поселении Нецарим. Погибли три офицера израильской армии, шесть военнослужащих и резервистов были ранены.

22 января 1995 – описанный выше наиболее кровавый террористический акт на перекрестке Бейт-Лид.

8 апреля 1995 – машина, начиненная взрывчаткой, врезалась в автобус кооператива «Эгед» возле поселения Кфар Адом; восемь погибших, 35 раненых.

Задача подавления активности «Джихада» стала первостепенной проблемой антитеррористических служб Израиля. Мировая практика не дает однозначного ответа на вопрос о целесообразности физического уничтожения лидеров радикальных группировок. Место погибшего занимает его последователь, часто отличающийся еще большим радикализмом. Службы Израиля придерживаются тактики возмездия, предполагающей неотвратимую личную ответственность за покушение на жизнь своих граждан. Очевидно, что судьба Фатхи Шкаки интересовала израильтян в первую очередь. Для этого были и другие (помимо возмездия) веские причины. Шкаки был авторитарным и единоличным лидером «Джихада», его мозговым центром. Из Дамаска он властной рукой руководил действиями всей организации. Поиск и физическое устранение Шкаки стали для израильских спецслужб первостепенной задачей. Пока же они выявили и уничтожили его ближайших помощников на территории Сектора Газа.

Хаани Абед, 34-летний преподаватель технологического колледжа в Хан-Юнесе, 2 ноября 1994 года был взорван в собственном автомобиле.

В августе 1995 года был уничтожен 37-летний Махмуд аль-Хауваджа. Он вышел из своего дома, расположенного в лагере беженцев Шати, и отправился по привычному маршруту к себе в офис, когда рядом с ним остановилась машина с местными палестинскими номерами, выскочившие из нее люди в упор расстреляли аль-Хауваджу и скрылись.

Фатхи Шкаки отдавал отчет о нависшей над ним угрозе. Он вместе с женой и пятью детьми укрывался в Дамаске в районе лагеря беженцев аль-Ярмок, находясь под плотной защитой сирийских спецслужб. Кроме того, во время передвижений по городу его постоянно окружали несколько личных телохранителей. Они же дежурили по всему периметру его дома, пристально отслеживая появление незнакомых людей и машин. Офис и дом были обо-

рудованы современными электронными системами защиты. Подобраться к Шкаки в этих условиях израильским агентам было невозможно. Однако было известно и другое. Деятельность Шкаки не ограничивалась одной террористической войной с Израилем, в определенных международных кругах он имел репутацию и авторитет защитника интересов палестинцев в целом. Как ни странно, но именно на территории Израиля палестинское население пользовалось гораздо большими правами, чем в соседних арабских странах, где их положение чаще всего сводилось к нищенскому, рабскому существованию.

Претендуя на лидерство в палестинском движении, Шкаки не мог не уделять этому внимания, что требовало его присутствия в конфликтных и иных регионах для решения спорных вопросов, поисков финансовой и политической поддержки. С этой целью Шкаки иногда приходилось покидать пределы Сирии, пользуясь фальшивыми заграничными паспортами.

27 октября 1995 года, примерно в 11 часов утра, к парадному входу гостиницы «Дипломат», расположенной в курортном городке Сльема, недалеко от столицы Мальты Валлетта, подъехал мотоцикл «Ямаха-ХТ» голубого цвета. Работники гостиницы видели, как двое парней восточно-средиземноморской внешности, чуть выше среднего роста, примерно 23–28 лет оставили мотоцикл и, не привлекая к себе особого внимания, устроились неподалеку. Видно, они кого-то ждали. Обычная каждодневная картина у входа в гостиницу, не вызывающая ни малейшего подозрения.

Вскоре в гостиницу вошел мужчина средних лет и, предъявив ливийский паспорт, зарегистрировался под именем Ибрагима а-Шаувиша. Этот человек, представившийся ливийским бизнесменом, был Шкаки. Устроившись в своем номере, он примерно в 13 часов вышел из отеля с пустой сумкой, по-видимому, за мелкими покупками. Завидев Шкаки, один из молодых людей не торопясь пошел к мотоциклу, а другой отправился вслед за палестинцем. Это был молодой человек, одетый в черную футболку и синие джинсы. Окликнув Шкаки по имени, он выхватил пистолет с глушителем и на глазах у десятков прохожих произвел пять выстрелов в голову. Все пули попали в цель, Шкаки упал, кровь из-под сбившегося набок парика залила тротуар. Шкаки погиб на месте. Не помогли ни фальшивый ливийский паспорт, ни парик, ни измененная до неузнаваемости внешность. А киллер, вскочив на подъехавший мотоцикл, скрылся вместе со своим сообщником.

Мальтийская полиция объявила розыск. Был сделан фоторобот одного из покушавшихся, управлявшего мотоциклом. Однако все попытки задержать киллеров оказались тщетными. Нужно полагать, они немедленно покинули остров. Брошенный мотоцикл с фальшивыми местными номерами Q-6904 обнаружился под мостом в центре Сльемы. Мальтийская полиция оценила убийство как высокопрофессиональное.

Насколько известно, Шкаки возвращался из Ливии. Там у него состоялась встреча с Муамаром аль-Каддафи, которого он пытался убедить не депортировать палестинских беженцев с территории Ливии. Шкаки сошел на берег Мальты с парома, следовавшего из Ливии, намеревался переночевать в гостинице (он и до этого останавливался в «Дипломате»), а на следующий день отправиться через Рим в Сирию. Прямое сообщение между Сирией и Ливией было невозможно из-за наложенных на Ливию международных санкций.

Никто не взял на себя ответственность за убийство Шкаки, но «Джихад» открыто обвинил в нем агентов «Моссада». Израильская сторона заявила, что ей ничего не известно об инциденте на Мальте, добавив, однако, что она не сильно огорчена смертью Шкаки.

После смерти шейха Фатхи Шкаки его преемником на посту лидера организации стал доктор Рамадан Абдалла Шалах, который провел последние годы во Флориде в США и переехал в Дамаск в начале 1996 года. У Шалаха не было ни харизмы, ни интеллектуальных и организаторских способностей его предшественника, что сказалось на активности организации и ее политическом влиянии как на палестинских территориях, так и в арабском мире в целом. Потерявший своего основателя и лидера «Джихад» уступил ведущую позицию ХАМАСу, который возглавил террористическую войну с Израилем. Тем не менее «Джихад» не оставляет попыток возрождения, большую активность организация проявляет в Секторе Газа и в Южном Ливане, где у нее сохранилось несколько десятков членов. Существенно повлияли на активность «Джихада» денежные затруднения. Основными финансовыми источниками были поступления из Ирана, достигавшие за месяц 400 тысяч долларов. В основном

они оседали на личных счетах Шкаки в швейцарских и других европейских банках, после его смерти этими счетами никто так и не смог воспользоваться.

Несмотря на ощутимые потери, сегодня «Джихад» продолжает оказывать значительное влияние в Секторе Газа, в первую очередь в Исламском университете. Странники организации контролируют в этом регионе 24 мечети. Через имамов и шейхов организация проводит постоянную агитационно-вербовочную работу, пополняя свои ряды. Боевое крыло организации действует небольшими группами, строго отбирая людей и давая им всестороннюю военную и идеологическую подготовку. Такая практика хорошо совпадает с идеями самого Шкаки, который рассчитывал выстроить «Джихад» по принципу «...наконечника стрелы, которая со временем приведет массы к исламскому перевороту и священному джихаду...». Среди палестинцев бытует мнение, что члены «Джихада» отличаются непримиримостью и крайней жестокостью.

За последние 10 лет своего существования, находясь на полном обеспечении Ирана, «Джихад» превратился в ближайшего союзника «Хизбаллы», получив свободный доступ к тренировочным лагерям проиранских террористических организаций. Множество доказательств свидетельствует о тесных контактах «Джихада» и террористической организацией «Эль-Каэда». Фактически «Джихад» превратился в одно из отделений «Эль-Каэды» на Ближнем Востоке.

В лице Палестинского Исламского Джихада Шкаки удалось создать организацию, подобную опасному вирусу, который крайне сложно уничтожить. Придав радикальной идеологизированной цели религиозное толкование и сочетая его с прагматическим военным решением, он сумел превратить фанатика в хорошо организованное самонаводящееся и самовзрывающееся оружие, действующее современными средствами ведения войны по законам самого мрачного средневековья. Имя этому направлению – исламский фундаментализм. Шкаки не единственный, но, безусловно, талантливый создатель этого направления, подтвердивший его практическими результатами. Созданная им организация стала «наконечником стрелы» самого оголтелого насилия. Последние десятилетия стали временем активной миграции мусульманского населения в страны Европы. «Вирус» может длительное время не проявляться, оставаясь в латентном состоянии. Но тайно культивируемый в медресе и мечетях, он легко может превратиться в мощнейшее оружие политического шантажа, вызвать эпидемию насилия, панику, дестабилизацию общественной жизни, об этом пока напоминают единичные скоординированные взрывы, которые мы наблюдаем.

Пабло Эскобар

1 декабря 1949 года в небольшой колумбийской крестьянской общине Рио Негро, в 40 километрах от города Медельин, у супружеской четы Абея де Хесуса и Хермильды Эскобар родился сын Пабло. Он был третьим ребенком из семи детей. Спустя четверть века Пабло Эскобар станет самым жестоким наркобароном Латинской Америки, державшим в страхе всю Колумбию.

Его отец был сравнительно бедным крестьянином. Мать была из небогатой семьи, однако, несмотря на это, смогла получить образование и в дальнейшем преподавала в сельских школах. Она была основным кормильцем и фактически главой семьи. Из всех сил она старалась дать своим детям образование и воспитывала в них чувство сострадания к беднякам. Пабло любил мать больше, чем отца, и сохранил эту любовь на всю жизнь.

Позже Пабло Эскобар утверждал, что его детство прошло в нищете, но это не совсем так. Он не был избалован роскошью, однако всегда был сыт и не нуждался. Единственное неудобство, которое приходилось испытывать Пабло, состояло в постоянных переездах из одной деревни в другую, где его мать находила работу учительницы.

Как и большинство своих сверстников, Пабло любил слушать героические истории о легендарных колумбийских «бандитос». О том, как они грабил и богатых и помогали нуждающимся. Уже ребенком он решил, что, когда вырастет, станет таким же «бандитос». Тогда трудно было вообразить, что мальчишеские романтические мечты со временем обретут реальность и создадут проблему международного масштаба.

В школе Пабло учился среди детей из бедных семей. Ему приходилось видеть, как его сверстники падают в голодные обмороки во время уроков. Пользуясь кредитом, который местные торговцы предоставляли его матери, он постоянно подкармливал своих нуждающихся товарищей. Это свойство, искреннее и показное одновременно, характеризовало все этапы его последующей биографии, вплоть до того времени, когда Эскобар стал одним из самых богатых людей планеты. И сегодня среди колумбийской бедноты о его щедрости и жестокости ходят легенды.

В 1961 году, когда Пабло исполнилось 12 лет, его мать организовала начальную школу в Энвигадо, к югу от Медельина, куда и переехала семья. Среди учеников школы преобладали крайне левые политические взгляды, существенно повлиявшие на формирование личности Пабло. Он и его новые школьные товарищи открыто поддерживали недавно завершившуюся кубинскую революцию. Пабло Эскобар восхищался кубинским лидером Фиделем Кастро, который смог, встав во главе нации, бросить вызов марионеточным властям и Соединенным Штатам, превратившим Кубу в царство мафии, игорного бизнеса и проституции.

Тогда же впервые проявилась бунтарская натура Пабло. Однажды он похитил школьные экзаменационные листы и раздал их ученикам. Обычные меры педагогического воздействия не оказывали на него никакого влияния и казалось, лишь еще больше раззадоривали его дерзкую и азартную натуру. Он пристрастился к марихуане и все чаще прогуливал школу. В 1966 году, когда Пабло исполнилось 16 лет, его исключили из школы.

Теперь Пабло полностью был предоставлен самому себе. Он не испытывал интереса к систематическому труду и получению профессии. Но при этом он не был лентяем и бездельным фантазером. Это был молодой человек твердой воли и холодного делового расчета. Он поставил себе цель добиться богатства и преуспевания в жизни. Очевидно, кратчайший путь был связан с нарушением закона.

Все свое время Пабло стал проводить в окраинных кварталах Медельина, имеющих дурную славу средоточия и рассадника преступности. Первый опыт был связан с похищением надгробий с местного кладбища. Пабло и его дружки стирали с них надписи и перепродавали. Преступный бизнес не приносил большого дохода, но дал нечто большее – Пабло собрал свою первую банду и, главное, открыл в себе талант организатора и лидера преступного сообщества.

Затем от похищения надгробий Пабло перешел к угонам и перепродаже – целиком или на запчасти – дорогих автомобилей. Дело оказалось прибыльным, случаи похищений приняли массовый характер, а сам Пабло получил репутацию удачливого налетчика. Тут же ему пришла в голову еще одна «гениальная» мысль – почему бы не предлагать потенциальным жертвам угона свою «защиту»? Те, кто отказывался платить его банде, рано или поздно лишались своих машин. Так молодой Эскобар освоил искусство рэкета и вскоре стал здесь непревзойденным специалистом.

В 21 год Пабло не испытывал недостатка в желающих «работать» вместе с ним. Его банда непрерывно росла, теперь он контролировал преступность в разных районах города, а сами преступления становились все более изощренными и жестокими. От угонов автомобилей и рэкета Эскобар перешел к похищению людей. В 1971 году его люди похитили богатого колумбийского землевладельца и промышленника Диего Эчеварио. Желая получить за Эчеварио максимально большой выкуп и не сумев добиться своего, преступники долго пытали свою жертву, а затем задушили и выбросили труп на городскую свалку. Миллионер Эчеварио имел репутацию жестокого эксплуататора и вызывал ненависть местного бедного крестьянства. Его убийство официально так и не было раскрыто, но в городе хорошо знали его организатора. Пабло Эскобар открыто заявил о своей причастности к этому преступлению. Бедняки Медельины праздновали смерть Диего Эчеварио и в знак признательности Эскобару стали уважительно называть его Эль-Доктор. Грабя сильных мира сего, Пабло Эскобар не забывал «опекать» местных бедняков, прекрасно понимая, что рано или поздно они станут защитным барьером между ним и властями. Его популярность в Медельине росла изо дня в день.

В 1972 году 22-летний Пабло Эскобар был самым известным преступным авторитетом Медельина. Его группировка занималась угонами автомобилей, контрабандой и похищени-

ями людей. Соответственно росли его аппетиты. И он стал осваивать новую сферу преступной деятельности, с которой будет связана вся его последующая жизнь и громкая биография одного из самых могущественных воротил преступного мира.

Эскобар стал самым известным в мире организатором наркобизнеса. Соединенные Штаты были рынком, сулившим неограниченные возможности. Поколение американцев, попробовавшее марихуану, искало новых, более сильных ощущений. На смену марихуане пришел кокаин. Именно кокаин дал возможность Пабло Эскобару построить могущественную преступную империю, объединившую оба Американских континента. Кокаин – вытяжка из листьев коки – был издавна распространен в Колумбии. Добывать его здесь было проще простого. Многие колумбийцы именно так и поступали. Но преступный бизнес носил кустарный характер до того, как им занялся Пабло Эскобар. Именно он поставил дело на промышленную основу и придал ему невиданный до тех пор размах.

Поначалу группировка Пабло Эскобара занималась посреднической деятельностью. Они покупали кокаин у производителей и перепродавали его контрабандистам, занимавшимся его дальнейшим сбытом в США. Но вскоре вся сеть была поставлена под контроль. Принципиальное значение имела предельная жесткость Эскобара в отношениях с конкурентами и другими группами, не желавшими подчиниться его экспансии. Он не вступал в переговоры и не заключал соглашений, сферы влияния захватывались силой, противодействие подавлялось. Он приобрел известность беспощадного диктатора наркорынка и сам же поддерживал свою репутацию. Любой, кто становился на его пути или мог хоть как-то ему противодействовать, бесследно исчезал. Все это позволило Эскобару взять под контроль всю кокаиновую индустрию Колумбии. На смену доморощенному, слабо организованному и сравнительно маломощному производству наркотиков пришел мощный наркобизнес, объединявший выращивание и производство наркотического сырья, его переработку, создание готового товара и доставку его потребителю. Криминальный гений Пабло Эскобара позволил создать непрерывную сеть, связавшую между собой джунгли Колумбии и улицы американских городов. В этой сети участвовали тысячи крестьян-производителей и миллионы горожан – потребителей товара, ее линии доставки протянулись через сухопутные, морские и воздушные границы, ее работу поддерживали масса курьеров, уличных дилеров и оптовых продавцов, ее безопасность обеспечивала вооруженная мафия. Распространение наркотиков приняло характер эпидемии, в первую очередь за счет массового вовлечения молодежи. Наркомания стала социальной проблемой, распространившейся на все слои современного общества. Так Пабло Эскобар стал наиболее влиятельным криминальным авторитетом Колумбии и создателем невиданного до той поры масштабного наркобизнеса.

К этому времени Пабло обзавелся семьей, узаконив отношения с забеременевшей от него 15-летней подружкой Марией Викторией Энео Виехо. В марте 1976 года Пабло Эскобар женился, спустя месяц на свет появился сын Хуан Пабло, а через три с половиной года – дочь Мануэлла. Пабло неизменно проявлял трогательную заботу о своей семье и родственниках. Он с большим уважением относился к матери, искренне любил своих братьев и сестер, его жена и дети были окружены вниманием и заботой. Вместе с тем его никак нельзя было назвать примерным семьянином. Пабло открыто изменял жене, не скрывая от нее многочисленных любовниц, которые повсюду сопровождали его.

Наркобизнес Пабло Эскобара стремительно разрастался по Северной и Южной Америке. Наиболее доходным рынком были Соединенные Штаты. Контрабанда наркотиков в США была поставлена на широкую ногу. Один из приближенных Эскобара – Карлос Лейдер, организовал в местечке на Багамах большой перевалочный пункт с отдельным причалом, автосервисом и бензоколонками и современной гостиницей для участников преступного бизнеса. Отныне ни один наркоделец не мог без разрешения Пабло Эскобара вывозить кокаин за пределы Колумбии. Он снимал так называемый 35-процентный налог с каждой партии наркотиков и обеспечивал ее гарантированную доставку. В непроходимых джунглях Колумбии он организовал нелегальные химические лаборатории по выработке кокаина и сосредоточил в своих руках львиную долю производства наркотиков. Преступная карьера Эскобара складывалась более чем удачно, он буквально купался в долларах.

Летом 1977 года он и еще три крупных наркоторговца, объединившись, создали наиболее известный в мире преступный синдикат. Он получил название Медельинского ко-

каинового картеля. О подобном финансовом могуществе не могла мечтать ни одна наркомафия. Инфраструктура картеля не знала себе равных. Доставка наркотиков на рынок, в первую очередь в США, обеспечивалась самолетами и морскими судами. Далее вступала в действие сеть распространителей, отлаженная с точностью часового механизма. Система работала бесперебойно, наращивая обороты. Пабло Эскобар стал самым непререкаемым авторитетом кокаинового мира и абсолютным лидером. Медельинского картеля. Он покупал полицейских, судей, политиков. Когда не удавался подкуп, Эскобар пускал в ход насилие и запугивание. Но, как правило, это не требовалось. Девиз бизнеса Пабло Эскобара был известен и соблюдался неукоснительно.

К 1979 году Медельинский картель владел более 80 % кокаиновой индустрии США, масштабы продаж составляли миллиарды долларов в год. В 30 лет Пабло Эскобар стал одним из самых богатых людей мира, его личное состояние исчислялось миллиардами долларов. Его роскошное поместье обошлось, по самым скромным подсчетам, в 63 миллиона долларов. Оно называлось Гасьенда Лос Наполес и располагалось в 130 километрах восточнее Медельина. На площади 30 квадратных километров, которое занимало поместье, было вырыто 20 искусственных озер, построено шесть бассейнов и небольшой аэропорт. Порой казалось, что кокаиновый наркобарон просто не знает, что делать с деньгами. В поместье был собственный зоопарк (по типу сафари), и Пабло постоянно расширял число его обитателей. При этом он был щедр. Любой желающий мог въехать в открытую для посетителей часть поместья и провести на его территории уик-энд.

Иная атмосфера царила в скрытой от глаз части поместья. Эскобар использовал ее для развлечений. Одним из них была охота за юными школьницами. Их высматривали на пути с уроков и настойчиво приглашали посетить поместье. Отказываться было смертельно опасно, жалобы родителям или заявление в полицию могли иметь самые печальные последствия. Со временем вечеринки, а попросту оргии, в поместье Эскобара приобрели известность, их хозяин считался наиболее гостеприимным во всей стране, и получить от него приглашение считалось большой честью. Так вчерашний бедняк Пабло Эскобар стал законодателем нравов местного истеблишмента. Он ни в чем не отказывал своим гостям – красивые женщины, любые напитки и угощение, наркотики были в избытке. Жена Пабло знала об этой стороне жизни мужа, но предпочитала закрывать на нее глаза, ее устраивало положение самой богатой женщины Латинской Америки. Следует упомянуть, что, несмотря на источник своего несметного состояния, сам Эскобар практически не употреблял кокаин и не имел к нему пристрастия. Он с презрением относился к наркоманам, считая их недочеловеками.

Весьма интересна еще одна сторона его биографии. Эскобар щедро жертвовал десятки миллионов долларов на помощь бедным и стал автором ряда социальных и благотворительных программ. Он развернул в Медельине масштабное строительство, прокладывал дороги, строил стадионы и спортплощадки, возводил бесплатные дома для бедных, которые в народе называли «Баррио Пабло Эскобар». Он постоянно заявлял, что ему больно видеть, как страдают бедняки. Он считал, что каждый должен иметь возможность посещать школу и церковь. И он строил их. Он объявил, что никто не должен оставаться голодным, что каждый имеет право на жизнь без лишений и нужды. Эскобар видел себя колумбийским Робин Гудом. Он хотел стать героем не только в глазах земляков, но всех колумбийцев. Для этого ему была нужна власть.

В 1982 году Пабло Эскобар выдвинул свою кандидатуру в конгресс Колумбии и в 32 года стал замещающим членом (то есть замещал конгрессменов во время их отсутствия) высшего законодательного органа страны. В зале конгресса он чувствовал себя также уверенно, как на своих кокаиновых плантациях. Неудивительно, ведь многие конгрессмены успели побывать и развлечься в его поместье, а кое-кто кормился с его руки. К тому же он имел еще одно преимущество – поддержку бедных слоев населения. Он знал, как добиться популярности, и в его голове созрел новый честолюбивый план – стать президентом Колумбии.

На этом пути ему пришлось столкнуться с большими трудностями. В Боготе Эскобар увидел, что его популярность не вышла за пределы Медельина. Его известность в столице страны была крайне сомнительной. Один из популярных политиков Колумбии и основной кандидат на президентское кресло Луис Карлос Галан первым открыто осудил связь нового

конгрессмена с преступным бизнесом. Вслед за этим министр юстиции Родриго Лара Бония развернул кампанию против использования грязных денег в предвыборной гонке. Это была первая серьезная попытка нанести удар по кокаиновой мафии. Итогом деятельности Бонии стало выдворение Пабло Эскобара в январе 1984 года из колумбийского конгресса. Стараниями министра юстиции его политическая карьера закатилась. Но Эскобар был не тот человек, который уходит тихо. Через три месяца после изгнания из конгресса он организовал убийство Бонии.

30 апреля 1984 года, когда министерский «мерседес» Бонии остановился у светофора на одной из оживленных улиц Боготы, к нему подъехал мотоцикл, и сидящий сзади пассажир в упор расстрелял машину из автомата. Министр Бонна погиб на месте.⁶² Вся страна была потрясена дерзостью этого преступления. Впервые за всю историю Колумбии бандиты осмелились убить государственного чиновника столь высокого ранга. Этот день можно считать началом масштабного террора, охватившего страну.

В середине 80-х годов кокаиновая империя Эскобара контролировала практически все сферы жизни колумбийского общества. Но, несмотря на кажущееся всемогущие наркобаронов, над ними нависла серьезная угроза. Администрация президента США Рональда Рейгана объявила войну распространению наркотиков не только по территории Соединенных Штатов, но и по всему миру. С этой целью США оказывали постоянно возрастающее давление на колумбийские власти. Между США и Колумбией было достигнуто важное соглашение: колумбийское правительство обязалось выдавать американскому правосудию дельцов, занимавшихся переправкой наркотиков в Соединенные Штаты.

Причины этого понятны. Окажись торговцы наркотиками в любой колумбийской тюрьме, они могли бы беспрепятственно продолжать руководить своими криминальными сообществами прямо из мест заключения и очень скоро оказались бы на свободе. Иное дело – американское правосудие и содержание в тамошней тюрьме. Здесь наркодельцам было гарантировано многолетнее заключение, изоляция и, в конечном счете, полное крушение преступного бизнеса. Понимание этой ситуации удачно иллюстрирует пословица, бывшая в ходу у тогдашних главарей преступного бизнеса: «Лучше могила в Колумбии, чем тюремная камера в Соединенных Штатах».

Наркомафия ответила террором. Пабло Эскобаром и другими наркобаронами была создана специальная террористическая группа, получившая название «Лос Экстрадитаблес» (подлежащие выдаче). «Лос Экстрадитаблес» совершали нападения на чиновников, полицейских, общественных деятелей, журналистов и всех тех, кто позволял себе громко возмущаться разгулом наркопреступности. Поводом для террористической акции могла послужить крупная полицейская операция или выдача в США очередного босса кокаиновой мафии.

Но время работало теперь против Эскобара, и он стал понимать, что упускает ситуацию из-под контроля. Эпизодические террористические акции уже не могли существенно повлиять на правительство. Следовало предпринять нечто из ряда вон выходящее, что всколыхнуло бы Колумбию подобно землетрясению. В ноябре 1985 года Эскобар и другие наркодельцы реализовали подобный план. Они наняли большой отряд левых партизан, который с пулеметами, фанатами и переносными ракетными установками неожиданно появился в центре Боготы и захватил Дворец правосудия. Заняв круговую оборону во Дворце, где находилось по меньшей мере несколько сот человек, партизаны не выдвигали требований и отвечали беспорядочным огнем на любые попытки вступить с ними в переговоры. Реакция правительства была быстрой и твердой. В столицу были введены крупные силы армии и полиции. После дня боя штурмовые батальоны при поддержке танков и боевых вертолетов ворвались в здание. В результате расправ террористов и при штурме погибли 97 человек, включая 11 из 24 судей.

Нападение на здание Дворца правосудия, где заседал Верховный суд страны, имело самые серьезные последствия. Система правосудия Колумбии была парализована. Часть су-

⁶² Согласно другой версии, убийство Бонии стало ответом мафии на конфискацию полицией в марте 1984 года крупнейшей партии кокаина (14 тонн).

дей была убита, остальные запуганы. Партизаны уничтожили все документы, касавшиеся экстрадиции преступников. Они прямо заявили, что противодействие экстрадиции явилось главной целью их операции.

Очевидно, что подобных акций следовало ожидать и в будущем. Через год после нападения Верховный суд отменил соглашение об экстрадиции наркоторговцев в США. Понадобились воля и мужество новоизбранного президента Колумбии Версилио Барко, наложившего вето на решение Верховного суда и возобновившего действие соглашения. В феврале 1987 года в США был экстрадирован ближайший помощник Эскобара, «теоретик наркоторговли» Карлос Лейдер.

Пабло Эскобар вступил в открытое столкновение с законом и перешел на нелегальное положение. К этому он был хорошо подготовлен – по всей стране была раскинута сеть созданных загодя тайных убежищ. Благодаря информации, получаемой от своих людей в правительстве, он успевал опережать идущие по его следу органы правопорядка. Сочувствующие крестьяне всегда предупреждали его при появлении подозрительных людей, машин с полицейскими или солдатами. У Эскобара оставалось достаточно времени, чтобы уйти от преследования. При этом он сохранял завидное хладнокровие и не позволял себе необдуманных поступков. Поэтому ему удавалось не только оставаться на свободе, но и успешно контролировать кокаиновую индустрию.

В 1989 году, после трех проведенных в бегах лет, Пабло Эскобар попытался заключить сделку с правосудием. Он согласился сдаться полиции при условии, что правительство не выдаст его Соединенным Штатам. Власти ответили отказом, и началась новая волна террора, достигшая своего пика в августе 1989 года.

16 августа 1989 года от рук киллеров Эскобара погиб член Верховного суда Карлос Валенсия, 17 августа 1989 года был убит полковник полиции Вальдемар Франклин Контеро, 18 августа 1989 года – популярный колумбийский политик Луис Карлос Галан.

В своей предвыборной речи основной кандидат на пост президента Луис Карлос Галан обрушился на наркоторговцев, и в первую очередь на Пабло Эскобара. В случае избрания президентом страны он обещал развернуть непримиримую войну с торговцами кокаином, очистить Колумбию от наркобаронов, экстрадировав их в США. 18 августа 1989 года во время выступления на очередном предвыборном митинге он был застрелен киллером, нанятым Пабло Эскобаром. Это убийство потрясло всю страну. Теперь в Эскобаре видели не только преступника, но врага государства и общества номер один.

В период, предшествующий выборам, террор Медельинского картеля достиг наибольшего размаха. От рук «Лос Экстрадитаблес» гибли десятки человек. Только в Боготе одна из террористических группировок наркомафии совершила в течение двух недель 7 взрывов, в результате которых погибло 37 человек и около 400 получили тяжкие увечья.

27 ноября 1989 года люди Пабло Эскобара подложили бомбу в пассажирский самолет колумбийской авиакомпании «Авианака», на борту которого находилось 107 пассажиров и членов экипажа. Этим рейсом должен был лететь преемник погибшего Луиса Карлоса Галана, будущий президент Колумбии Сесар Гавирия. Спустя три минуты после взлета раздался мощный взрыв. Самолет рухнул в окрестностях аэропорта. Все пассажиры и экипаж погибли. По счастливой для него случайности, Сесар Гавирия в последний момент отменил свой вылет. Никто не взял на себя ответственность за теракт, однако заказчик был известен – Пабло Эскобар. По стране прокатились массовые облавы и антикокаиновые рейды, подвергались уничтожению химические лаборатории и плантации коки. Десятки участников наркобизнеса оказались за решеткой. В ответ Пабло Эскобар организовал два покушения на шефа колумбийской секретной полиции генерала Мигеля Масу Маркеса. При втором покушении, 6 декабря 1989 года, от взрыва бомбы погибло 62 человека и 100 были ранены.

Теперь расчет Эскобара строился исключительно на жестокости террора и вызванном им всевластвующем страхе. В конце 80-х годов по стране прокатилась эпидемия насилия. Число жертв террора исчислялось сотнями. Человеческая жизнь потеряла всякую цену. Имя Эскобара наводило ужас на всю Колумбию. И все это время наркоимперия Пабло Эскобара продолжала процветать. К началу 90-х годов он считался одним из богатейших людей планеты. Его состояние оценивалось не менее чем в 3 миллиарда долларов. Одновременно он возглавлял составленный американской юстицией список наркоторговцев. В 1990 году он

представлял наиболее реальную угрозу безопасности. Правительство распорядилось о создании особой поисковой группы, единственной целью которой было задержание или уничтожение Эскобара. В группу вошли лучшие силы полиции, армии, спецслужб и государственной прокуратуры. В помощь колумбийцам из Соединенных Штатов прибыли агенты АНБ (Агентство национальной безопасности) и небольшие двухместные самолеты со специальным электронным оборудованием. Весь эфир Колумбии круглосуточно прослушивался.

Создание особой поисковой группы, во главе которой стал полковник Мартинес, быстро принесло положительные плоды. Несколько человек из ближайшего окружения Эскобара оказались за решеткой. Он стал нервничать. Теперь Эскобар был вынужден постоянно менять укрытия, как правило, не оставаясь на ночь дважды на одном месте. Положение стало еще более трудным, когда в августе 1990 года к власти в стране пришел Сесар Гавирия. Нейтрализация Пабло Эскобара была определена новым президентом как важнейшая проблема государственного значения. Возможности главы Медельинского кокаинового картеля оказались на пределе, и он предпринял отчаянную по дерзости операцию.

Люди Эскобара похитили нескольких человек из богатейших семейств Колумбии. Эскобар рассчитывал, что влиятельные родственники заложников окажут давление на правительство, с тем чтобы отменить соглашение об экстрадиции преступников. Эскобар объявил, что убьет заложников, если его требования не будут выполнены. Влиятельные родственники, среди которых были бывшие президенты Колумбии, вступили в переговоры с властью вынуждая уступить требованиям Эскобара. Не было сомнений, что стране угрожают новые похищения и расправы. В конечном счете план Эскобара удался. Чтобы прекратить повальное похищение людей, правительство отменило его экстрадицию. 19 июня 1991 года, после того как угроза экстрадиции в США отпала, Эскобар сдался властям. Он заключил секретную сделку с президентом Колумбии Сесаром Гавирией. Эскобар согласился признать за собой вину в нескольких незначительных преступлениях, взамен чего ему простили все остальные. Для того чтобы придать сделке хотя бы видимость правосудия, Эскобара поместили в тюрьму. Правительство гарантировало ему безопасность. Ирония заключалась в том, что тюрьму Эскобар выстроил для себя сам. Он же отобрал для себя тюремщиков и конвоиров, которые препроводили его к месту заключения. Было объявлено, что из-за тюремной решетки Эскобар не сможет руководить своим бизнесом. Как это было на самом деле, трудно себе представить.

Тюрьма называлась «Ла Катедраль» и была построена в горном массиве Энвигадо. Тюрьма соответствовала требованиям престижного загородного клуба. Здесь имелись дискотека, плавательный бассейн, сауна, футбольное поле. Узника без помех навещали друзья и женщины, а члены семьи имели право неограниченного доступа. При этом ни национальная полиция, ни особая поисковая группа полковника Мартинеса не имели право приближаться к «Ла Катедраль» ближе чем на 20 километров. Эскобар свободно покидал тюрьму. Он посещал футбольные матчи и ночные клубы Медельина. Трудно было вообразить большее унижение правоохранительной системы. Но президент Гавирия не считал цену слишком высокой. Страна могла передохнуть после многолетнего беспредела.

Во время «отсидки» Эскобар в нескольких стесненных обстоятельствах продолжал руководить своим многомиллиардным бизнесом. Однажды он узнал, что компаньоны, воспользовавшись отсутствием хозяина, обокрали его. Он приказал доставить виновных в «Ла Катедраль» и, прежде чем убить, лично подверг их жесточайшим пыткам. Тела были вынесены за пределы тюрьмы. История приобрела известность. Терпимости властей был положен предел. 22 июля 1992 года президент Гавирия отдал приказ перевести Пабло Эскобара в настоящую тюрьму. Однако Эскобар своевременно узнал о решении президента, без труда покинул «Ла Катедраль» и вновь перешел на нелегальное положение. На этот раз власти США и Колумбии были полны решимости покончить с преступником и его бизнесом. Кольцо вокруг Эскобара стало сжиматься. Почувствовав решимость правосудия, наркобарона стали покидать былые сторонники. Финансовые возможности Эскобара были достаточно велики, но власти один за другим перекрывали каналы его влияния. Осознав свою уязвимость, Эскобар заметался и попытался возобновить соглашение с правительством. Однако президент Сесар Гавирия, чувствуя твердую поддержку правительства США, отказался от любых переговоров. Наилучшим решением, с точки зрения властей, была ликвидация за-

рвавшегося преступника при аресте.

Но Эскобар, как не раз бывало в прошлом, нанес удар первым. 30 ноября 1993 года по его указанию была подложена мощная бомба на одной из многолюдных улиц Боготы, рядом с книжным магазином. Во время взрыва в магазине было много посетителей. В основном это были родители с детьми, которые пришли купить школьные принадлежности. В результате теракта погиб 21 человек и более 70 получили тяжелые ранения. Ни одна из жертв Эскобара даже отдаленно не была связана с наркотиками. Более чудовищное и бессмысленное преступление трудно было вообразить.

На этот раз объединилось колумбийское общество, возмущенное недостаточно эффективными действиями правительства. Большая группа колумбийских граждан создала полувойсковую организацию с названием «Лос Пепес», что означало «люди, пострадавшие от Пабло Эскобара», объединявшую лиц, чьи родственники погибли по его вине. К организации присоединились некоторые бывшие соратники Эскобара и представители конкурирующих наркокартелей. На следующий день после теракта в магазине Боготы «Лос Пепес» нанесли ответный удар. Были взорваны бомбы перед домом Пабло Эскобара. Поместье, принадлежавшее его матери, выгорело дотла. «Лос Пепес» не ограничилась поисками Эскобара, преследовали и убивали всех, кто хоть как-то был связан с его бизнесом. Могууществу кокаиновой империи был нанесен существенный ущерб. Но еще более значительными были человеческие потери и психологическое давление. Погибли многие функционеры бывшего картеля, уничтожались дома и имущество, нажитые преступным бизнесом. Семья самого Эскобара оказалась в осаде. Любое подозрение в сотрудничестве с Эскобаром и передаче ему информации безжалостно пресекалось. Теперь Эскобар заметался, все меньше находилось желающих предоставить ему укрытие или ночлег. За это неукоснительно следовала расправа со стороны «Лос Пепес». Эскобар безуспешно пытался вывезти из страны свою семью, но тут вмешалось правительство и запретило выезд. Его близкие, включая престарелую мать и детей, оказались на положении заложников. Вздумай Эскобар развернуть ответный террор, и они были бы уничтожены людьми «Лос Пепес».

Осенью 1993 года Медельинский кокаиновый картель распался. Но самого Эскобара больше тревожило положение его семьи, более года он не видел жену и детей. 1 декабря 1993 года Эскобару исполнилось 44 года. Все это время он старался говорить по телефону предельно коротко, чтобы его не засекли агенты АНБ. Но тут он дал волю чувствам. 2 декабря 1993 года Эскобар позвонил домой и, разговаривая со своим сыном Хуаном Пабло, оставался на линии около 5 минут. Этого было достаточно, чтобы засечь место его тайного укрытия в медельинском квартале Лос Олибос. Дом, в котором укрывался Эскобар, был немедленно окружен. Пока спецназовцы выбивали дверь, в окне появился телохранитель Эскобара и открыл огонь. Он был ранен и выпал из окна. Вслед за ним в окне возник сам Эскобар. Поливая полицейских отборной бранью, он открыл стрельбу и, сбросив с ног ботинки, попытался уйти по крыше, но не сумел. Из трех поразивших его пуль одна попала в голову. Пабло Эскобар погиб на месте.

3 декабря 1993 года тысячи колумбийцев заполнили улицы Медельина. Большинство из них пришло оплакать медельинского Робин Гуда, но было немало и таких, которые вздохнули в этот день с облегчением. Закончил свой путь самый удачливый и самый известный гражданин Колумбии. Если сегодня в бедных медельинских кварталах задать вопрос, кем был Пабло Эскобар, никто не произнесет о нем дурного слова. Кое-кто боится, но большинство думает и говорит искренне о защитнике бедняков и их благодетеле. Жестокость, часто бессмысленная, бессердечие и цинизм остались в прошлом, здесь и теперь это – человек-миф, и нужно напоминать, сколько человеческих жизней было принесено этим человеком в жертву своему обогащению и преступному могуществу.

Ахмед Рамзи Юсуф

Настоящее имя Абд эль-Басит Махмуд Абд аль-Карима осталось малоизвестным. Этот человек печально знаменит как Ахмед Рамзи Юсуф, он же Адам Адель Али, он же доктор Адель Саба. Под этими именами значится один из известнейших идеологов терроризма кон-

ца прошлого века, положивший начало современной практике этого вида преступности, заставивший считаться с террором как с одной из самых насущных проблем международного масштаба. Рамзи Юсуф интересен современным террористам как объект для подражания и спецслужбам, занимающимся организацией мер антитеррора. Результатам деятельности его небольшой террористической ячейки могли позавидовать даже такие исламистские террористические гиганты, как «Эль-Каэда», «аль-Джамаа аль-Исламия» и «Джихад аль-Ислами аль-Масри». Если бы в 1991 году, когда имя Рамзи Юсуфа впервые появилось в сводках ФБР к нему бы отнеслись с должной серьезностью, многих терактов удалось бы избежать, в том числе событий 11 сентября 2001 года.

Рамзи Юсуф родился в 1968 году в Кувейте в семье пакистанских эмигрантов. Семья ничем не выделялась среди многих других, и о детстве Рамзи мало известно. Впервые он заявил о себе в конце 80-х годов. Тогда молодой Рамзи в числе арабских добровольцев приехал в Пакистан. Вдохновленный идеологией священного джихада шейха Абдаллы Азама, он готов был принять участие в изгнании русских из Афганистана. На своей родине он остановился в Пешаваре в одном из семейных пансионатов, принадлежащих «Эль-Каэде», вступил в контакт с людьми бин-Ладена и вскоре оказался в одном из его учебных лагерей, расположенном в труднодоступном горном районе, неподалеку от Джелалабада. В течение полугода он сменил несколько таких лагерей, где прошел подготовку подрывника. Она включала в себя изготовление самодельных взрывных устройств в кустарных и полевых условиях с использованием общедоступных химических средств, в частности сельскохозяйственных удобрений. Квалификация подрывника является наиболее ценной среди других «специализаций» террориста. Неизвестно, встречался ли Юсуф с Осамой бин-Ладеном, однако ближайшим окружением «шейха моджахедов» способности молодого кувейтца были замечены. После недолгого участия в боевых операциях Юсуф был отозван для дополнительного обучения в спецшколе «Эль-Каэды», где готовили террористов высокого класса, в том числе для нелегальной и диверсионной работы в условиях современного города.

В 1991 году при посредничестве агентов бин-Ладена Юсуф сошелся с давним его соратником, лидером филиппинской террористической организации «Абу Сайяф» Абдурагаком Абу Бакаром Джанджалани. В «Абу Сайяф», специализирующейся на захвате заложников и контрабанде наркотиков, Юсуф выполнял функции технического консультанта. Такова была обычная практика, «Эль-Каэда» готовила и поставляла «специалистов» и тем самым занимала доминирующее положение в расширяющейся инфраструктуре террора.

Постепенно полем деятельности «Эль-Каэды» стали США, где растущая террористическая угроза пока недооценивалась. В ноябре 1990 года, сразу же после окончания еврейского праздника Суккот, в Нью-Йорк из Израиля приехал известный и популярный среди американских евреев израильский раввин-экстремист Меир Кахане. Кахане был основателем организации «Лига защиты евреев» и ныне запрещенной в Израиле экстремистской организации «Ках». В ходе поездки по крупным городам Кахане намеревался выступить перед местными еврейскими общинами, убеждая их оказать поддержку срочной репатриации в Израиль (алии), чтобы «...спасти от уничтожения евреев, живущих в изгнании...».

Экстремистская идеология Кахане была не намного лучше идеологии исламистов. Красивые речи о необходимости защищаться оправдывали призыв к насилию. Это вполне соответствует общей закономерности – терроризм может произрастать на почве любой религии (христианской, мусульманской, иудейской), искажая ее, сея нетерпимость и противопоставляя политику запугивания, страха и шантажа разумному и мирному решению проблем. В любом случае страдают, становятся заложниками и погибают невинные люди, а выгоду – политический и материальный капитал – получают ценой человеческих жизней безответственные, корыстные и циничные идеологи и фанатики (в том числе и религиозные). Сам Кахане, совершивший алию в Израиль из Соединенных Штатов в 1972 году, неоднократно преследовался израильскими правоохранительными органами за свои экстремистские высказывания и даже провел несколько лет в тюрьме.

Кахане, как и многие другие идеологи экстремизма, отличался незаурядным ораторским даром. 5 ноября 1990 года он выступал в отеле «Мариотт» на Лексингтон-авеню в Манхэттене, перед большой аудиторией. С трибуны он говорил о необходимости срочной алии американских евреев и создании отрядов еврейской самообороны. Последнее высказы-

вание, по американским законам, вполне могло рассматриваться как призыв к насилию:

Никогда больше евреев не будут бить, никогда больше мы не потерпим насилия со стороны неевреев... Мы – новое поколение, и представители этого поколения отрубят руку, поднявшуюся против евреев, так чтобы каждый, кто ударит еврея, сам получил бы удары, и более сильные удары.

В этот момент в переполненном зале прозвучали выстрелы, и раввин Кахане, осекшись на полуслове, беззвучно осел на пол. Пуля, смертельно ранившая раввина, попала ему в шею. Стрелявшего, который тоже был ранен, задержали. Им оказался арабский египетский эмигрант по имени Сайд Нусейр. При нем оказался пистолет «магнум» 9-го калибра, из которого, предположительно, был сделан смертельный выстрел.

Сайд Нусейр приехал в Нью-Джерси из Каира ровно год назад. Женившись на местной мусульманке, гражданке США, Нусейр получил вид на жительство («грин-карт»). Соседи характеризовали его как нелюдимого, странного, несколько необычного человека. В Нью-Йорке он брался за любую грязную работу. О другой, тайной стороне его жизни было неизвестно – Сайд Нусейр являлся членом исламистской группировки, организованной «слепым шейхом» Умаром Абд аль-Рахманом.

Расследование покушения было проведено бестолково и не принесло однозначных результатов. Пистолет, обнаруженный у Нусейра во время ареста и представленный суду, был не тем, из которого был произведен смертельный выстрел. Баллистическая экспертиза дала однозначное заключение: Сайд Нусейр сделал лишь один выстрел, причем в воздух, остатки пули были обнаружены в потолке. Поэтому суд признал Сайда Нусейра виновным в соучастии, но не в убийстве. Похоже, что Нусейр должен был отвлечь внимание, а решающий выстрел был произведен кем-то другим. При этом убийца воспользовался суматохой, подобрался к Кахане близко и стрелял почти в упор. Следователи ФБР не отнеслись с должной серьезностью к инциденту, посчитав Сайда Нусейра экстремистом-одиночкой, солидарным с палестинцами и действовавшим по собственной инициативе. Наличие сообщника и, соответственно, тщательно спланированного плана покушения не принималось во внимание. В какой-то степени это соответствовало сложившейся практике. В Нью-Йорке преступления на почве национальной розни были не редкими и рассматривались стереотипно, ориентируясь на видимые обстоятельства. Преступник, хоть явно сомнительный, был найден, и это устроило американскую Фемиду. Немалую роль сыграли и настроения в обществе. Существенная часть американских евреев протестовала против действий Кахане и предоставления ему публичной трибуны для разжигания израильско-палестинской розни. Даже посольство Израиля в США демонстративно дистанцировалось от «дела Кахане», несмотря на то, что он был не только гражданином Израиля, но и, с 1984 года, членом израильского парламента (Кнессета). Со стороны выглядело так, что смерть раввина-экстремиста устраивала многих и его убийство вызвало не только возмущение и скорбь, но облегчение.

Во время обыска на квартире Сайда Нусейра были обнаружены интересные документы на арабском языке, а также фотографии и списки стратегических объектов на территории Нью-Йорка и Вашингтона. В том числе и фотографии Всемирного торгового центра – «Башен-Близнецов», на которых был заснят не только общий ракурс двух небоскребов, но и планы подъездов к ним, стоянки и посты охраны. Как ни удивительно, но это не вызвало интереса у следователей ФБР. Захваченные документы на арабском языке были переведены бездарно и не проанализированы. Это относится ко всему ведению следствия. Оперативники ФБР не потрудились перепроверить содержащиеся в документах имена, в том числе впервые появившееся в них имя Ахмеда Рамзи Юсуфа. Только спустя несколько лет, в 1993 году, выяснились подлинные обстоятельства нераскрытого убийства Кахане. Сведения поступили от египетской службы безопасности, сумевшей «разговорить» захваченного ими террориста.

Операция была спланирована тщательно. Нусейр не стрелял в Кахане. Его роль сводилась к тому, чтобы отвлекать внимание.

Собравшиеся в зале гостиницы в Манхэттене слушали выступление Кахане. Нусейр вытащил обнаруженный у него впоследствии пистолет «магнум» и

выстрелил в воздух. Вовремя возникшего замешательства и паники подлинный убийца выстрелил в Кахане из другого пистолета, также из «магнума».

В Нусейра стреляли, ранили и арестовали, а убийца тем временем не спеша спустился на улицу и, сев в поджидавш его такси, отправился в аэропорт и покинул США.

Убийство Кахане от начала до конца было спланирова Рамзи Юсуфом.⁶³

На допросе террорист так и не смог назвать имя убийцы, поскольку сам он в это время находился на улице. Однако к тому времени у следователей ФБР было достаточно данных, чтобы с уверенностью утверждать, что в раввина Меира Кахане стрелял Рамзи Юсуф.

В конце 80-х годов Юсуф под своим настоящим именем – Абд эль-Басит Махмуд Абд аль-Карим – въехал на территорию Соединенных Штатов. Он мог не опасаться за свою безопасность, поскольку и в Афганистане, и в других «горячих точках» он действовал под вымышленными именами. С момента появления в Пакистане и вербовки в «Эль-Каэду» его настоящее имя не фигурировало ни в одном документе. Под ним он беспрепятственно курсировал между Пакистаном, Соединенными Штатами, Филиппинами и странами Ближнего Востока. Не вызывая подозрения американских властей, он сумел организовать в Соединенных Штатах несколько тщательно законспирированных и готовых к действию террористических ячеек. Ячейки не превышали 3–5 человек, состояли из ветеранов Афганистана или местных исламистов. Между ячейками не существовало никакой связи, все контакты замыкались на «Рашиде иракском». Такова была конспиративная кличка Юсуфа. Даже знакомые между собой члены разных ячеек не подозревали в вовлеченности в единую террористическую сеть, которая могла быть приведена в действие по единому сигналу. Предполагалось «одноразовое» использование боевиков. Тактика действий разрабатывалась по мере создания организации и планирования акций и логически привела к использованию террористов-самоубийц как максимально эффективного способа достижения поставленной цели.

Такой целью было проведение мегатерактов с многочисленными жертвами, способными вызвать потрясение в обществе и государстве. За этим планом стоял Осам бин-Ладен. Сам он не участвовал в разработке конкретных операций и работе с резидентами, в том числе с Юсуфом. Он был создавшим идеологию переустройства мира под эгидой радикального ислама вдохновителем сотен фанатичных последователей, готовых пожертвовать собственной жизнью и тем более не щадящих сотни и тысячи чужих. Чем больше жертв, тем лучше – такова была стратегия движения, которую называли синдромом «лопнувшего афганского аппендикита». От этой болезни, как от перитонита, должен был погибнуть весь западный мир с его традиционными демократическими ценностями и институтами.

Долгое время в западных странах невнимательно относились к появлению и быстрому развитию новой террористической доктрины, рассматривая ее как побочный продукт военного противостояния в Афганистане и предполагая, что после вытеснения из этой страны «советских» проблема решится сама собой. К тому же западное общество несколько снисходительно относилось к выходцам из арабских стран, считая их недостаточно способными для разработки, длительной подготовки и реализации грамотной и технически совершенной операции. Сама концепция бин-Ладена о наличии многовековой несправедливости в отношениях между христианским Западом и мусульманским Востоком отличалась новизной. Но решение проблемы легко напрашивалось – западный мир добровольно не отдаст присвоенные богатства, их нужно взять силой, а для этого необходимо сплотить всех мусульман, поднять их на борьбу. Бин-Ладен был прекрасным пропагандистом. Он завораживал слушателей своим спокойным, бархатным голосом, невозмутимо говоря о необходимости ограничения тлетворного влияния Запада и замены коррумпированных, послушных Западу правителей мусульманских государств фундаменталистскими исламскими режимами. Он удачно использовал антиамериканские настроения, популярные в мусульманских странах. Он убе-

⁶³ Из протокола допроса члена террористической ячейки Рамзи Юсуфа — Махмуда Абу Халима, двоюродного брата Сайда Нусейра. Во время убийства раввина Меира Кахане он находился за рулем автомобиля, на котором должен был скрыться Сайд Нусейр.

дительно рассуждал о том, что все беды мусульман связаны с засильем западной бездуховности и тлетворной пропагандой западного образа жизни. Он убеждал, что все мусульмане должны жить в одной стране – халифате, опирающемся на единственно справедливые законы шариата. Исламское мировоззрение, по мнению бин-Ладена, базируется на заповедях Аллаха, а не на законах, созданных людьми, следовательно, оно несравненно более верно и справедливо. Все остальное не только противозаконно, но не имеет права на существование. Только мусульмане являются людьми в высшем понимании этого слова, потому что они следуют воле Аллаха, все прочие лишь искажают ее, погрязнув в погоне за мирским благополучием и чувственных удовольствиях.

Бин-Ладен сумел использовать самые разнообразные средства и доводы для убеждения. Он рассуждал об исторической несправедливости и итогах грабительских колониальных войн, эксплуатации и бедности населения исламских стран и чванливой уверенности Запада в своем превосходстве и праве диктовать свою волю людям другой культуры и религии. Он сумел объединить фанатичную преданность к исламу с чувством социального протеста, яростную проповедь шейхов с радикализмом левых интеллектуалов. Из сочетания религиозной проповеди с революционной, практикой бин-Ладен получил то, что хотел – слепое подчинение духовным авторитетам и готовность к не рассуждающему насилию, то есть идеологию исламского фундаментализма.

Результаты проповедей бин-Ладена не замедлили сказаться. Люди, подобные Рамзи Юсуфу, распространялись по миру и занялись практическим воплощением его идей. Организационные трудности преодолевались легко. Бин-Ладен был богат и располагал значительным числом спонсоров, в том числе на уровне правительств исламских государств. Финансовая поддержка шла на организацию фирм-прикрытий и оплату расходов, связанных с подготовкой террористической деятельности. Доподлинно известно, что Рамзи Юсуф получал помощь через многочисленные неправительственные исламские благотворительные организации, как «Исламская всемирная лига» и «Международная Исламская Благотворительная организация».

В Соединенных Штатах Рамзи Юсуф появился очередной раз 1 сентября 1992 года. К этому времени в его распоряжении имелась хорошо законспирированная террористическая ячейка из местных исламистов, последователей «слепого шейха» Умара Абд аль-Рахмана. План Юсуфа отличался невиданными ранее масштабами и дерзостью. Он рассчитывал нанести удар по символу западного мира – Всемирному торговому центру, расположенному в «Башнях-Близнецах» в центре Манхэттена. Намеченное время проведения теракта приходилось на час пик, когда в зданиях обоих небоскребов могло находиться около 200 тысяч человек.

За несколько месяцев Юсуф тщательно проработал план операции. Оказалось, что огромное сооружение практически не имеет системы безопасности. Американцы никак не предполагали самой возможности террористического нападения. Юсуф смог изучить нужный ему объект совершенно беспрепятственно. Охрана комплекса не досматривала машины, въезжающие на парковку. Юсуф загружал свой автомобиль тряпичными муляжами, имитирующими мешки со взрывчаткой, свободно проезжал в подземные гаражи и на время оставлял свою машину на стоянке с машинами ФБР на втором этаже, под северным небоскребом. Ни разу ни один охранник не удосужился заглянуть в его машину, несмотря на то что рядом находились полицейский пост, центр связи, микроавтобусы спецподразделения нью-йоркской полиции, бронированные лимузины конгрессменов и машины ФБР.

Члены террористической ячейки Рамзи Юсуфа – Нидаль Ияд, Абд аль-Рахман Ясин и Махмуд Абу Халима приобрели нужное количество легко доступной как химическое удобрение аммонийной селитры, нитроглицерин и другие химические компоненты, необходимые для изготовления взрывчатого вещества. Все это было перевезено в Нью-Джерси в ангар, который еще в начале января был арендован Рамзи Юсуфом и Мухаммедом Саламе. В специально оборудованной подпольной лаборатории из вышеперечисленных химических компонентов Рамзи Юсуфом было изготовлено почти 700 килограммов взрывчатого вещества. Этого количества было достаточно, чтобы разрушить целый городской квартал.

23 февраля 1993 года Мухаммад Саламе отправился в расположенное в Нью-Джерси агентство по прокату автомобилей «Рейдер» и взял напрокат микроавтобус «форд эконо-

лайн». В тот же день Рамзи Юсуф и Ахмад Аджадж установили в машине взрывное устройство. К нему они прикрепили три больших газовых баллона, которые должны были увеличить разрушительную силу взрыва. На полу салона автомобиля разместили две большие емкости с серной кислотой и цианидом натрия. При взаимодействии этих субстанций образовывался смертельный газ, схожий по свойствам с газом «Циклон-Б». В годы Второй мировой войны нацисты использовали этот газ в концентрационных лагерях для уничтожения евреев.

За несколько дней до теракта Рамзи Юсуф обратился за помощью к иорданскому студенту Ияду Исмаилу, который был близок с группой исламистов «слепого шейха». Ияд Исмаил долгое время проработал таксистом в Нью-Йорке и свободно ориентировался на улицах города. Террористам со смертоносным грузом важно было не застрять в предельно насыщенном в дневные часы городском движении.

26 февраля 1993 года исламисты начали террористическую войну на территории Соединенных Штатов. Примерно в 11 часов утра к «Близнецам» подъехали две машины. За рулем арендованного желтого микроавтобуса сидел Ияд Исмаил, рядом с ним Рамзи Юсуф. За ними на легковом автомобиле проследовал третий член террористической группы, Мухаммад Саламе. В 11.55 по нью-йоркскому времени микроавтобус припарковался на втором этаже подземного гаража рядом с машинами ФБР. Несмотря на то, что стоянка в этом месте была строжайше запрещена, никто из охранников не обратил внимания на микроавтобус. Ияд Исмаил пересел к Мухаммаду Саламе, на машине которого должны были скрыться террористы. Юсуф, убедившись, что за ним никто не наблюдает, забрался через задние двери в микроавтобус, поджег фитиль 670-килограммового заряда, выбрался из машины, запер ее и присоединился к сообщникам.

Горение фитиля было рассчитано на 15–20 минут. Чтобы предотвратить выделение дыма, Рамзи Юсуф предусмотрительно покрыл фитиль слоем резины. Времени, чтобы скрыться, у террористов было вполне достаточно. В 12.05 их автомобиль беспрепятственно покинул подземную стоянку и влился в городское движение.

26 февраля 1993 года в 12 часов 18 минут северный небоскреб комплекса Всемирного торгового центра содрогнулся от сильного толчка. В первые минуты Юсуф испытал сильное разочарование. Стоя на другой стороне залива, он рассчитывал увидеть, как «Близнецы» оседают, погребая под собой тысячи людей. Тем не менее взрыв был настолько сильным, что в его эпицентре образовалась гигантская воронка радиусом 70 метров и глубиной шесть этажей. Позднее эксперты определили, что мощность взрыва составила 360 килограммов в тротиловом эквиваленте. 20-сантиметровые бетонные перекрытия рухнули, словно гипсовые перегородки, похоронив под собой станцию нью-йоркского метрополитена. В каменном плену оказались десятки пассажиров. Холл отеля «Виста», находившийся над эпицентром взрыва, был почти полностью уничтожен. В радиусе 90 метров взрывной волной были выбиты все стекла. На подземной стоянке начался сильный пожар. Горели асбестовые перегородки. Через лестничные пролеты ядовитый дым быстро распространился по всем 110 этажам северного небоскреба. Пожар заблокировал выходы из здания. По меньшей мере 40 тысяч человек оказались отрезанными от внешнего мира в небоскребе, переполненном едким, удушливым дымом.

Расчеты террористов на обрушение здания или зданий, если взорванный «Близнец» упадет на второй, не оправдались. Здание содрогнулось, но выстояло. Все оно было окутано едким дымом. Счастьем было то, что террористы воспользовались самодельными взрывчатыми веществами – разрушения от взрывчатки, используемой в военных целях, были бы гораздо более катастрофическими. Взрывная волна разошлась по нижним этажам подземного гаража, практически не причинив ущерба несущим конструкциям фундамента. Смертельный газ не образовался, емкости с реактивами выгорели, прежде чем началась химическая реакция.

Всемирный торговый центр Нью-Йорка оказался неподготовленным к чрезвычайной ситуации. В результате теракта были полностью выведены из строя системы энергообеспечения, погас свет, телефонная связь не работала. Люди оказались заблокированы в лифтах и офисах небоскреба, началась паника. Продвигаясь в дыму, спасатели в поисках людей обследовали один за другим тысячи офисов. К счастью, продолжала функционировать ус-

вершенствованная система кондиционеров. Только благодаря ей люди не задохнулись. На выходные дни на экскурсию во Всемирный торговый центр привезли группу 5-летних малышей. 17 детей провели более пяти часов в лифте, застрявшем на 35-м этаже, прежде чем пришла помощь. 22 человека поднялись на крышу небоскреба. Под открытым небом, на высоте 110 этажей, им пришлось провести несколько часов, борясь с нестерпимым холодом, прежде чем их эвакуировал вертолет. Всего спасателями были эвакуированы более 15 тысяч человек. Большая часть людей смогла выбраться наружу самостоятельно. Все они находились в состоянии глубокого шока. Многочасовой спуск по задымленным лестничным пролетам, окутанным непроницаемым мраком, оказался тяжелым испытанием. Большинство людей пострадали от отравления дымом. Выйдя наружу, они падали на асфальт, жадно хватая ртом чистый воздух. Носы, рты, дыхательные пути были забиты черной сажей. Люди страдали от головокружения, рвоты и раздражения глаз. Снаружи тоже царила паника – скопление взволнованных людей, машин, пожарных, полицейских, работников и машин «скорой помощи», крики, вой сирен и, главное, полное непонимание и страх оттого, что происходит и еще может произойти в ближайшие мгновения и часы.

Широкомасштабные спасательные работы продолжались до поздней ночи. Вся Америка находилась в растерянности. Внутри комплекса не было оборудования, которое могло вызвать подобный взрыв. Не было складских помещений с легковозгораемыми или взрывоопасными веществами. Несмотря на то, что о причинах взрыва официально объявили лишь спустя несколько дней, не возникало сомнений, что речь идет о террористическом акте.

Ранее террор был предметом телевизионного или кинозрелища, далеким от будничного существования американцев. Теперь он стал частью их жизни. В результате теракта погибло шесть человек, среди них женщина на последнем месяце беременности. Последнюю жертву взрыва извлекли из-под завала лишь спустя две недели, во время восстановительных работ. Более 1000 человек получили ранения, из них более 50 были госпитализированы в больницы в тяжелом состоянии. Прямой ущерб от теракта составил около миллиарда долларов.

В сравнении с этим теракт обошелся Рамзи Юсуфу в смехотворно низкую сумму. На аренду микроавтобуса, покупку легкового автомобиля, аренду двух квартир и приобретение химикалий, необходимых для производства взрывчатки, террористы затратили 18 000 долларов. Сюда же добавим неоплаченные телефонные счета стоимостью 6000 долларов. Как выразился один из американских экспертов, «террор – это не самое дорогое удовольствие».

Девять исламских террористических организаций немедленно взяли на себя ответственность за совершение этого преступления. На следующий день к ним присоединилась ранее неизвестная террористическая организация, именуемая себя «Пятый батальон Армии Освобождения». Но у следователей ФБР изначально не было ни одной зацепки, способной вывести на реальных виновников трагедии. Выдвигались самые невероятные версии. В какой-то момент власти США были склонны обвинить в совершении теракта боснийских сербов, которые могли совершить это нападение в отместку за поддержку боснийских мусульман. Однако эта версия была почти сразу отвергнута. Со времени взрыва прошло полтора дня. Расследование затягивалось. Террористов не удалось задержать по горячим следам.

Большие силы служб безопасности, включавшие сотрудников нью-йоркской полиции и агентов ФБР, сантиметр за сантиметром обследовали место взрыва, собирая по крупницам все, что могло иметь отношение к преступлению: фрагменты, которые могли оказаться частями взрывного устройства и автомобиля, элементами химических веществ, использованных для изготовления бомбы. Все это извлекалось из-под обломков и пыли и немедленно отправлялось на анализ. Криминалистические лаборатории изучили в этот день сотни разнообразных образцов, провели огромное число анализов, пытаясь установить тип взрывчатого вещества.

Решающий прорыв в расследовании наступил, когда агенты, работавшие в эпицентре взрыва, обнаружили 20-килограммовый кусок сильно искореженного металла. Он оказался фрагментом микроавтобуса и, к огромной удаче следователей, содержал номер корпуса. Получив в свои руки паспорт автомобиля, следователи легко проследили его судьбу и имя владельца. Микроавтобус «форд эконолайн» принадлежал агентству по прокату машин «Рейдер» и был арендован Мухаммедом Саламе, уже известным ФБР своими связями с

исламистами.

4 марта 1993 года Мухаммед Саламе явился в агентство, чтобы забрать 400 долларов – залог за машину, которую он объявил угнанной накануне. Получив деньги, он собирался купить авиабилет и покинуть территорию США. За стойкой агентства находился сотрудник ФБР, еще более десятка агентов скрытно окружали здание. Мухаммеда Саламе задержали, когда он выходил из агентства.

Самого Рамзи Юсуфа захватить не удалось. Сразу после взрыва он под своим настоящим именем Абд эль-Басит Махмуд Абд аль-Карим беспрепятственно покинул США. Билет бизнес-класса в Пакистан был куплен заранее.

Спустя шесть дней, 10 марта 1993 года, был арестован еще один участник теракта – Нидаль Ияд, и почти сразу за этим задержаны остальные террористы: гражданин Ирака Абд аль-Рахман Ясин, Ахмад Аджадж и иорданец Ияд Исмаил – водитель заминированной машины. Агенты ФБР предложили Абд аль-Рахману Ясину сделку. За сотрудничество со следствием ему обещали существенно облегчить наказание. Ясин согласился, но, усыпив бдительность ФБР, ушел от агентурного наблюдения, скрылся в Иорданию, а оттуда перебрался домой в Ирак.

Еще один террорист, Махмуд Абу Халима, 1 марта 1993 года при помощи личного переводчика «слепого шейха» Сиддика Али, успел вылететь из Нью-Йорка в Саудовскую Аравию, а оттуда в Судан. Его имя вскоре всплыло на следствии, и Соединенные Штаты обратились к правительству Египта с просьбой о его задержании и экстрадиции. В Каире был дом родителей террориста, и можно было ожидать, что он у них объявится. Предположения оправдались. В первой половине марта Махмуд Абу Халима был арестован египетской службой безопасности. Американцы, однако, не торопили египтян с выдачей преступника. Методы дознания египетских служб безопасности существенно отличались от американских, запрещающих жестокое обращение с подследственным. Египтяне в таких случаях не церемонились, и когда специальный самолет доставил Махмуда Абу Халима назад в США, спецслужбы обеих стран уже располагали ценной информацией. Под пытками Абу Халима показал, что его группа занималась подготовкой покушения на президента Египта Хосни Мубарака во время его предстоящего посещения Нью-Йорка. На основании этих данных и несмотря на все заверения американской стороны о надлежащих мерах безопасности, Мубарак отменил свой визит в США.

Выяснилось, что террористическая ячейка Рамзи Юсуфа поддерживала теснейшие связи с египетскими террористическими организациями «Джихад аль-Ислами аль-Масри» и «аль-Джамаа аль-Исламийя». Тогда же впервые всплыло имя «слепого шейха». По словам Абу Халима, шейх Умар Абд аль-Рахман, вдохновитель убийства президента Египта Анвара Саддата, был главным идеологом исламистов, проживавших на территории Соединенных Штатов. Именно здесь вербовал свои Кадры Рамзи Юсуф.

К этому времени имя Юсуфа стало известно следствию, и он был объявлен в международный розыск как особо опасный преступник. В Пакистане он долго находиться не мог, спецслужбы этой страны с начала войны в Афганистане тесно сотрудничали с ЦРУ. Можно было не сомневаться, что американцы легко добьются выдачи Юсуфа. Не желая испытывать судьбу, он перебрался в соседний Иран, где сразу же получил политическое убежище. Однако и в Иране Юсуфу не суждено было долго задержаться. В конце 1993 – начале 1994 года по Ирану прокатилась волна терактов, организованная суннитскими экстремистами, главным образом ветеранами войны в Афганистане. Кульминацией, положившей конец терпению иранских властей, стал взрыв в мечети имама Риза, во время которого погибли 26 молящихся и сотни получили тяжкие увечья. Учитывая бурное «революционное прошлое» Юсуфа, подозрение в организации терактов пало на него. После организации взрыва в Нью-Йорке его специфическая известность в исламистских кругах затмила славу самого бин-Ладена. Он не рискнул испытать на себе «достижения иранской демократии». Отдавая себе отчет в том, что иранский суд во многом отличается от американского, то есть пытки, быстрое признание и голова с плеч. Рамзи Юсуф в первой половине 1994 года спешно покинул Иран и на короткое время перебрался вначале в Судан, а затем и на Филиппины.

Сложно сказать, встречался ли в те дни или вообще когда-нибудь Рамзи Юсуф с бин-Ладеном. Но можно со всей уверенностью утверждать, что Юсуф полностью разделял его

взгляды и видел себя неотъемлемой частью созданного в то время «Братства бин-Ладена». Эта связь была двусторонней и эффективной, через различные организации (египетских исламистов и других) Юсуф постоянно получал значительные денежные средства от «шейха моджахедов».

С филиппинскими террористами Юсуфа связывали давние отношения, большинство членов местной террористической организации «Абу Сайяф», как и он сам, принимали участие в войне в Афганистане. Обосновавшись на Филиппинах, Рамзи Юсуф принялся за формирование своей собственной террористической группы. Его предыдущий американский опыт показал, что маленькие ячейки могут быть более эффективными, чем крупные организации. Терракт при наличии соответствующей подготовки и средств вполне по силам нескольким единомышленникам. Знание этих людей и эффективное управление ими (в чем Юсуф преуспел) уменьшают возможность провала из-за некомпетентности, случайности или внедрения в группу информатора. Одновременно Юсуф не прекращал сотрудничества с «Абу Сайяф» и по просьбе местных координаторов «Эль-Каэды» обучал членов этой организации методам диверсионно-террористической работы. Особую пользу местным террористам принесли знание и опыт Юсуфа в работе со взрывчатыми веществами: изготовление самодельной взрывчатки и взрывных устройств из находящихся в свободной продаже материалов – химических веществ и других средств.

В этой области Юсуф имел среди террористов репутацию непревзойденного умельца. Он представлял большую ценность (и, соответственно, опасность для цивилизованного общества), чем целая террористическая организация. Летом 1994 года в Манилу приехал личный представитель Осамы бин-Ладена. Стало известно, что Билл Клинтон собирается посетить с официальным визитом Филиппины в ноябре 1994 года. Бин-Ладен предложил осуществить покушение на американского президента. Центральная роль в осуществлении плана должна была принадлежать Юсуфу. Идея его заинтересовала, более того, Юсуф дал предварительное согласие на участие в деле. Но после детального ознакомления с информацией он отказался от задуманного. Юсуф был расчетливым реалистом. Оценив беспрецедентные меры предосторожности, предпринимаемые местными властями и американскими спецслужбами, он просчитал, что шансов на удачное проведение операции у него нет. Это характеризует Юсуфа как опытного профессионала, умеющего хладнокровно соразмерять дерзость своих планов с возможностями их успешной реализации.

Вместо покушения на президента США он предложил совершить теракт против папы римского Иоанна Павла II, чей визит в Манилу был запланирован на первую половину января 1995 года. Юсуф обоснованно считал, что убийство папы римского потрясет весь христианский мир и может спровоцировать множество конфликтов между христианской и мусульманской частями населения. Осам бин-Ладен высоко оценил «стратегический план» Рамзи Юсуфа. Обострение религиозных противоречий помогло бы создать благоприятные условия для активизации исламского радикализма.

Запланированный визит папы римского Иоанна Павла II должен был стать историческим событием, филиппинская и мировая пресса детально освещала будущую программу пребывания понтифика в Маниле. Юсуф без труда установил маршрут, по которому должен был проследовать официальный кортеж. Через одного из своих сообщников Юсуф снял квартиру, выходящую окнами на улицу по пути следования папы римского. Покушение планировалось совершить выстрелом из ручного противотанкового гранатомета.

Однако Юсуф вовсе не собирался ограничиться одним терактом, он планировал целую серию преступлений, которые должны были превзойти его «нью-йоркский успех». По его замыслу, в воздухе должно быть одновременно взорвано до десятка пассажирских самолетов, принадлежащих американским авиакомпаниям. Операция получила кодовое название «Боджинка», что в переводе с сербского языка означает «бомбардировка». Юсуф рассчитывал, что такие взрывы не только нанесут колоссальный экономический ущерб американским авиакомпаниям, но основательно парализуют все авиасообщение.

Для осуществления своих планов в конце 1993 года на территории Филиппин Юсуф создал диверсионно-террористическую группу из местных исламистов. Это были проверенные люди, имевшие навыки конспирации и преданные лично своему вожаку. Засекреченность была настолько тщательной, что, после того как организацию раскрыли, ее численный

состав и личности всех участников установить не удалось. Каждый террорист имел кличку, любое упоминание иных, тем более подлинных, имен не допускалось.

Минкас – настоящее имя Вали Хан Амин Шах, друг детства Юсуфа, – стал его правой рукой. Сам Юсуф выходил на контакты только при крайней необходимости, вся организационная работа лежала на Минкасе. Он, как и Рамзи Юсуф, входил в число «арабских афганцев» и воевал в составе вооруженных формирований под непосредственным командованием бин-Ладена. В отличие от Юсуфа связь Минкаса с Осамой бин-Ладеном полностью доказана. Сам «шейх моджахедов» неоднократно называл его своим близким другом. В одном из интервью, данном бин-Ладеном, он так характеризовал Минкаса:

Вали Хан Амин Шах – мусульманский молодой человек, его прозвище в Афганистане было Лев. Он был среди самых храбрых мусульманских молодых людей. Он был моим близким другом, и мы вместе сражались в одних и тех же траншеях в Афганистане.

Когда британский журналист Джон Миллер напрямую спросил его о том, работал ли задержанный в Маниле Минкас на него или нет, Осам бин-Ладен спокойно, в свойственной ему расплывчатой форме сказал: «Я не знаю, что вам сказать... Мы – все в этом, все мы работаем для Аллаха».

Прежде чем взяться за взрывы авиалайнеров, Юсуф решил провести несколько испытаний своего устройства на земле. В номере 603 отеля «Дон Джозеф», снятом на имя Минкаса, Юсуф оборудовал небольшую химическую лабораторию для производства взрывчатых веществ и самодельных бомб со встроенным часовым механизмом. Он изготовил портативное взрывное устройство малой мощности, действующее на жидком нитроглицерине. 1 декабря 1994 года Минкас пронес взрывное устройство в столичный кинотеатр «Гринбелт» и оставил его в сумке в проходе между рядами. Когда начался просмотр фильма, Минкас запустил таймер и выскользнул из зала. Спустя несколько минут произошел взрыв. Бомба была малой мощности, взрывная волна прошла под креслами зрителей, легко пострадали несколько человек, оказавшихся рядом с бомбой. Юсуф остался удовлетворен результатом и решил повторить испытания, на этот раз в воздухе.

Он решил лично пронести взрывное устройство в самолет. В качестве мишени был выбран пассажирский аэробус филиппинской авиакомпании PAL. Воспользовавшись фальшивым иностранным паспортом на имя гражданина Италии Армильдо Форлани, Юсуф приобрел билет первого класса на рейс № 434 из Манилы в Токио, с промежуточной посадкой в филиппинском городе Себу. В конце декабря 1994 года Юсуф поднялся на борт самолета, пронеся в ручной клади компоненты бомбы. Когда самолет находился в воздухе, он прошел в туалетную кабинку, собрал взрывной механизм, вернулся на свое место, Достал из сумки самодельную бомбу и спрятал ее под своим креслом внутри специального спасательного жилета. Прежде чем покинуть самолет в промежуточном аэропорту города Себу, Юсуф запустил таймер, рассчитав время, когда самолет будет находиться над Тихим океаном. Спустя два часа на высоте 10 000 метров в салоне первого класса прогремел взрыв. 24-летний японский инженер Харуки Икегами, занявший в Себу место Юсуфа, погиб на месте. Пятеро пассажиров получили тяжелые ранения. Взрывная волна рассеялась по салону аэробуса, к счастью, не причинив ему губительных разрушений. Опытный экипаж лайнера сохранил управление и совершил аварийную посадку в аэропорту Наха на японском острове Окинава. В момент взрыва на борту самолета находилось 272 пассажира и 20 членов экипажа.

Прибывшие на место полицейские обнаружили в салоне самолета элементы взрывного устройства: два фрагмента 9-вольтовой батареи и ремешок от часов «Касио». Приступившие к работе специалисты из Манилы предположили участие Юсуфа в преступлении. По фотографии его опознала стюардесса, это был именно тот человек, что следовал в самолете до Себу. Отпечатки пальцев Юсуфа (они уже был в распоряжении ФБР) удалось обнаружить в агентстве, которое продало билет злоумышленнику. Теперь к расследованию подключились оперативники ФБР, два года безуспешно охотящиеся за террористом.

А сам Юсуф остался доволен проведенным экспериментом, который на практике подтвердил, что можно без большого риска пронести на борт самолета комплектующие взрыв-

ного устройства. Бомба на жидком нитроглицерине работала исправно на большой высоте. Террорист мог, не вызывая подозрений, покинуть заминированный самолет во время промежуточной посадки. Оставалось рассчитать силу бомбы, которая, с одной стороны, могла бы сразу уничтожить самолет, а с другой – не показалась бы подозрительной при проносе с ручной кладью на его борт. Но и тут изворотливый ум Юсуфа нашел выход. Он раздобыл чертежи «Боинга-747», который использовали американские авиакомпании, стал анализировать его уязвимые места и нашел то, что искал. Оптимальное место для установления взрывного устройства находилось в центре самолета, под креслом, расположенным над большим топливным баком лайнера. Здесь взрыв даже небольшой мощности должен был привести к катастрофе.

К январю 1995 года все было готово. Согласно замыслу Юсуфа, 21 января 1995 года в небе над Тихим океаном должны один за другим взорваться 11 пассажирских самолетов, принадлежащих американским авиакомпаниям. Даже удивительно, насколько простым оказался замысел. Всего несколько человек должны осуществить операцию, которая могла стоить жизни более чем 3000 пассажиров и летчиков, прочие последствия теракта трудно даже вообразить.

По плану, сам Рамзи Юсуф должен вылететь из Манилы самолетом авиакомпании «Норд-Вест Эйрлайнс» по маршруту Манила – Сеул – Лос-Анджелес, установить в нем взрывное устройство и сойти в аэропорту Сеула. Здесь пересесть на самолет авиакомпании «Юнайтед Эйрлайнс», следующий по маршруту Сеул – Тайбей – Гонолулу, повторить операцию и сойти в аэропорту Тайбея. Из Тайбея вылететь на самолете той же авиакомпании по маршруту Тайбей – Бангкок – Сан-Франциско, установить бомбу и сойти в аэропорту Бангкока. После выполнения операции Юсуф рассчитывал вылететь в Карачи и там затаиться.

Второй террорист – Маркоа, он же Валид Шейхи Мухаммад, должен был установить бомбу на самолете компании «Норд-Вест Эйрлайнс», следовавшем из Манилы в Токио и Чикаго, заминировать его, сойти в Токио, пересесть в самолет авиакомпании «Норд-Вест Эйрлайнс», следовавший маршрутом Токио – Гонконг – Нью-Йорк. Установить в нем взрывное устройство, покинуть самолет в Гонконге и вылететь через Сингапур в Карачи.

Третий террорист по кличке Маджобс (его подлинное имя так и не удалось установить) намеревался вылететь в Таиланда на самолете авиакомпании «Юнайтед Эйрлайнс» по маршруту Тайбей – Токио – Лос-Анджелес, подготовить самолет к взрыву, сойти с него в Токио, пересесть на другой самолет той же авиакомпании, следующий по маршруту Токио – Гонконг – Нью-Йорк, заминировать его, сойти в аэропорту Гонконга и, перебравшись оттуда в Карачи, присоединиться к своим сообщникам.

Еще один террорист, по кличке Убейд, Абд аль-Хакки Мурад, действуя по той же схеме, должен был за несколько дней до начала операции вылететь в Сингапур, в назначенный день заминировать самолет авиакомпаний «Юнайтед Эйрлайнс» на рейсе Сингапур – Гонконг – Лос-Анджелес, сойти в Гонконге, вылететь самолетом той же авиакомпании маршрутом Гонконг – Сингапур – Гонконг, заминировать его на пути в Сингапур и оттуда вылететь в Карачи.

И наконец, заместитель и помощник Юсуфа Минкас должен заминировать самолет «Юнайтед Эйрлайнс» на рейс Манила – Сеул – Сан-Франциско, из Сеула вылететь в Тайбей на самолете авиакомпании «Дельта Эйрлайнс», заминировать его и из Банкока, где самолет совершал промежуточную посадку, отправиться в Карачи.

День 21 января 1995 года мог стать самой черной датой в истории гражданской авиации. В одном Юсуф был прав – мир пережил бы тяжелейшее потрясение. Но, к счастью, его чудовищному плану не суждено было осуществиться. Трудно представить, как развивались бы события, но помог случай.

Для реализации операции «Боджинка» Юсуфу требовалось за неделю изготовить 11 компактных разборных бомб с часовым механизмом. Для этого ему было необходимо не менее 60 килограммов взрывчатого вещества. На конспиративную квартиру в манильском отеле «Дон Джозеф», в котором была оборудована химическая лаборатория, Юсуф и Минкас завезли несколько центнеров аммонийной селитры. Этот химикат широко используется как удобрение, в том числе в городе, для подкормки травяных газонов. Селитру, не вызывая подозрений, можно приобрести в хозяйственном магазине, она же является исходным сырь-

ем для изготовления взрывчатки. 6 января 1995 года во время этого процесса Юсуф совершил ошибку, в результате которой возникло возгорание вещества. В течение нескольких минут пламя охватило всю комнату и грозило распространиться дальше. Соседи и уличные прохожие, заметив дым в одном из окон отеля, вызвали полицию и пожарников. Поначалу Юсуф и Минкас пытались собственными силами загасить пожар, но, увидев полицейские машины, поспешили скрыться, оставив в горящей комнате массу разнообразных улик. Теперь они наблюдали за происходящим со стороны. Пожар был быстро погашен, и Юсуф понял, какая добыча досталась полиции. Он приказал Минкасу вернуться в отель и, пользуясь суматохой, попытаться выкрасть из-под носа полиции портативный компьютер. Риск был очень велик, но в компьютере содержалась важнейшая информация о террористической сети на Филиппинах, столь упорно создаваемой Юсуфом. Приказы Юсуфа не подлежали обсуждению, и Минкас отправился навстречу своему аресту. Он был тут же опознан служащими и постояльцами отеля и задержан.

А прибывшим на место агентам спецслужб досталась богатая добыча. Были обнаружены фотографии стратегических объектов филиппинской столицы; чертежи «Боинга-747» с пометками Юсуфа, заранее закупленные на 21 января 1995 года авиабилеты, большое количество химикалий, необходимых для производства взрывчатки, корпуса для бомб с часовым механизмом; крупные суммы в иностранной и филиппинской валюте, фальшивые иностранные паспорта и личная записная книжка Рамзи Юсуфа с контактными телефонами бин-Ладена и других известных террористов, находящихся в международном розыске. Но подлинные масштабы деятельности Юсуфа оперативники смогли оценить, проанализировав информацию его персонального компьютера. Помимо планов покушения на папу римского Иоанна Павла II и взрыва самолетов компьютер содержал разработки операций по дестабилизации всей жизни Филиппин посредством убийства известных политических деятелей и взрывов в людных местах Манилы. Было очевидно, что многие из планов близки к осуществлению и являются делом ближайшего месяца. На это указывали загодя отпечатанные листовки. Ответственность за готовящиеся теракты брала на себя организация, именуемая себя «Пятый батальон Армии Освобождения». Организация была известна, с ней был связан взрыв Всемирного торгового центра. Информация немедленно ушла к американским спецслужбам. После двухлетних безуспешных поисков у них появился реальный шанс добраться до неуловимого Юсуфа. Его настоящее имя Абд эль-Басит Махмуд Абд аль-Карим было уже известно. К тому же стал давать показания задержанный Минкас.

К этому времени в Соединенных Штатах была разработана специальная программа по розыску особо опасных международных преступников с многозначительным названием «Герой». За информацию, которая могла бы существенно помочь в поиске и задержании преступника, правительство США выплачивало крупное денежное вознаграждение, сохраняя при этом анонимность получателя. Эта программа уже дала обнадеживающие результаты, и теперь была использована. За информацию, обеспечивающую поимку Ахмеда Рамзи Юсуфа, ФБР обещало денежное вознаграждение в размере 2 миллионов долларов. Плакаты с фотографией Юсуфа, под которой было крупно обозначено «\$ 2 000 000», были расклеены по всей Маниле. Но к этому времени Юсуф уже успел покинуть страну. На следующий день после провала подпольной лаборатории, 7 января 1995 года, он, как всегда первым классом, вылетел из Манилы в Гонконг, а оттуда в Карачи.

Его сообщникам повезло меньше, хотя поначалу случилось невероятное. Минкас, уже дававший признательные показания, сумел сбежать из филиппинской тюрьмы. Он даже успел вылететь в Малайзию, но здесь был задержан местными полицейскими, возвращен на Филиппины, а оттуда немедленно депортирован в США.

Рамзи Юсуф понимал всю тяжесть провала – разгромлена не только его организация, но уничтожено само «дело», которому он посвятил последние годы жизни. Но Юсуф не поддавался панике и с поистине дьявольской энергией взялся за осуществление новых планов. Он предъявил филиппинским властям ультиматум с требованием отпустить на свободу захваченного к тому времени боевика по кличке Убейд (Абд аль-Хаким Мурад). В противном случае Юсуф угрожал филиппинцам волной террора. Насколько реальна эта угроза, оценить тогда было трудно, но в решимости Юсуфа сомневаться не приходилось. Абд аль-Хаким Мурад был близким родственником Юсуфа, но главная причина была не в этом. Убейд был

единственным из террористов, мечтавшим о миссии шахида, и был готов пожертвовать жизнью в «священном джихаде» – беспощадной войне с неверными. Убейд предлагал использовать себя как живую бомбу во время операции «Боджинка». Юсуф знал об этом, можно не сомневаться, как распорядился бы Юсуф жизнью своего родственника, если бы тот оказался под его началом.

А пока Юсуф стал создавать в Пакистане новую террористическую группу. Его не оставляла идея взрывов пассажирских самолетов. Он даже расширил число потенциальных объектов, включив в них наряду с американскими самолетами французских авиакомпаний, совершавшие рейсы между странами тихоокеанского бассейна и Соединенными Штатами. С этой целью он завербовал несколько пакистанских исламистов, среди которых был Иштихак Паркер. Паркер должен был вылететь в Тайбей, пересечь там на самолет французской авиакомпании «Эйр-Франс», следовавший в Нью-Йорк, и, заложив в нем взрывное устройство, сойти в промежуточном аэропорту.

И здесь Юсуф просчитался. По-видимому, Паркером руководило несколько причин. Здесь и боязнь, что он не сумеет правильно распорядиться бомбой, будет схвачен охранниками или, того более, сам станет жертвой взрыва. И угрызения совести от сознания своей вины за гибель множества ни в чем не повинных людей. И наконец, корыстное желание получить немалую сумму, которую составляло вознаграждение за выдачу Юсуфа. Паркер долго размышлял и колебался, не зная, как поступить. Юсуф представлял собой зловещую фигуру для самих террористов, и Паркер справедливо боялся возмездия за предательство. Но в конце концов он решился.

3 февраля 1995 года Паркер позвонил в посольство США в Исламабаде и сообщил, что располагает информацией о разыскиваемом террористе Ахмеди Рамзи Юсуфе. Тогда таких звонков поступали десятки – от бдительных граждан, от желающих заработать, от психически неуравновешенных людей. Несмотря на скептицизм, развившийся в связи с этим у сотрудников посольства, все звонки с похвальной четкостью пересылались в вашингтонское бюро ФБР для проверки. К тому же сотрудники посольства не без оснований опасались ловушки, которую могут устроить террористы, воспользовавшись ложным вызовом. Паркеру было предложено самому явиться в посольство. Он с радостью согласился. Запуганный Юсуфом, Паркер считал посольство США единственным местом, где он мог чувствовать себя в безопасности.

У здания посольства появился молодой человек со свернутым в трубочку американским еженедельником – такова договоренность. Но человек выделялся и помимо еженедельника. Он часто озирался по сторонам и был явно испуган. Агенты ФБР, входившие в штат посольства и наблюдавшие за Паркером со стороны, были разочарованы. Они решили, что имеют дело с легковесным аферистом, соблазненным вознаграждением. Таких тогда объявлялось немало. Впечатление изменилось в ходе беседы. Паркер легко убедил оперативников в том, что он тот, за кого себя выдает – человек из ближнего окружения Юсуфа, знающий о его местонахождении. Впервые с момента взрыва во Всемирном торговом центре у ФБР появилась реальная возможность нейтрализовать главную и первую по важности террористическую угрозу безопасности США. Под таким номером Юсуф значился среди разыскиваемых США преступников.

Пока американцы собирались с силами и готовили операцию по захвату Юсуфа, Паркеру было предложено вести дальнейшее наблюдение. Вскоре он перезвонил. Юсуф собрался покинуть Исламабад, выехав из города на рейсовом автобусе в приграничный с Афганистаном Пешавар. Это осложняло дело. Пешавар практически не контролировался правительством Пакистана, хозяйничающие там боевики обеспечивали Юсуфу надежную защиту. Из Пешавара он мог спокойно перейти границу и окончательно затеряться в Афганистане, где закон был бессилён. Американские агенты проявили завидное мужество: они добрались до Пешавара и взяли под наблюдение тамошнюю автобусную станцию на случай появления там Юсуфа. В случае, если бы они там встретились, угроза для жизни агентов была бы не меньшей, чем для террориста.

Но Паркер перезвонил еще раз. Юсуф решил задержаться в Исламабаде на несколько дней и снял комнату в местном отеле под названием «Сукаса». Группа агентов, прибывшая специальным рейсом из Вашингтона, установила скрытое наблюдение за гостиницей. Вско-

ре агенты смогли убедиться, что остановившийся в «Сукасе» человек и есть Юсуф. Он был опознан на пороге гостиницы.

Всю ночь американские и пакистанские агенты спецслужб держали отель в окружении. На утро 7 февраля 1995 года была намечена операция по захвату. Сначала следовало убедиться, что Юсуф до сих пор находится в своем номере на втором этаже гостиницы. К нему направили Паркера, которому Юсуф по-прежнему доверял. Если Юсуф окажется на месте, Паркер должен был подать условный сигнал – выйдя из отеля, снять кепку и дважды пригладить волосы. Это означало, что объект до сих пор находится на месте.

Получив от Паркера подтверждение, агенты стали действовать. Первыми шли пакистанцы. Они поднялись на второй этаж и выбили дверь в номере 16, в котором, по словам осведомителя, скрывался террорист. Рамзи Юсуф безмятежно спал. Даже после того, как его стащили с постели, он не проявил ни малейшего волнения. Услышав английскую речь, он понял, что оказался в руках американцев, но продолжал сохранять завидное хладнокровие. Лишь после того, как один из пакистанских офицеров зловеще прошептал Юсуфу, что американцы сегодня ночью улетят, а он останется с местными правоохранителями, Юсуф заметно заволновался. Тут ему не приходилось рассчитывать на гуманное отношение. Его поставили на колени, надели на голову черный мешок, вывели из отеля на улицу и увезли.

Допросы Юсуфа начались уже в самолете. Он с нескрываемой гордостью и во всех подробностях рассказывал американцам о том, что уже совершил и что планировал совершить в ближайшем будущем. С аэродрома Стюарт на севере штата Нью-Йорк Юсуфа на вертолете намеренно провезли над нижней частью Манхэттена. Здесь с его головы впервые с момента ареста сняли мешок. Американцы хотели показать ему целый и невредимый Всемирный торговый центр, своеобразный символ западного мира, который так стремились разрушить исламисты. Рамзи Юсуф улыбнулся и спокойно заметил, что, будь у него больше денег и времени, он обязательно довел бы задуманное до конца.

То, что не смог совершить Рамзи Юсуф в 1993 году, спустя девять лет в 2001 году, выполнил Осам бин-Ладен. Именно у Юсуфа он заимствовал идею взрыва башен-близнецов. «Исключительная заслуга» Рамзи Юсуфа состоит в том, что он первым показал американцам, что они не могут чувствовать себя в безопасности, отделенные от остального мира огромными пространствами океана.

Абд эль-Басит Махмуд Абд адь-Карим, более известный как Ахмед Рамзи Юсуф, был приговорен к 240 годам тюремного заключения. Всю оставшуюся жизнь он проведет в одиночной камере тюрьмы «Флоренс» штата Колорадо. Рамзи Юсуф и до сегодняшнего дня считался бы наиболее опасным международным террористом, если бы не события 11 сентября 2001 года. Но своеобразным прологом к ним оказалась именно деятельность Рамзи Юсуфа.

Осама Бин-Ладен

Этот человек является основателем огромной террористической империи, в которой «Эль-Каэда» является составной частью. Имя этой империи – Всемирный Исламский Фронт Джихада против крестоносцев и евреев,⁶⁴ ее признали равным военным противником мировые державы, с ней в значительной степени связано проведение военных операций в Афганистане и Ираке. В этих войнах нет победителя и людям в разных странах приходится смириться с тем, что война будет длиться долгие годы и потребует все новых жертв. Осам бин-Ладен выпустил на волю джинна, которого уже не удастся загнать обратно в бутылку. Но это не сказка, а вполне реальный образ начала нового тысячелетия – появление на мировой арене новой силы, претендующей на мировое господство. Осаме бин-Ладену удалось, казалось бы, невозможное: сплотить для единой цели радикальные организации многих стран – египетские, алжирские, палестинские, афганские, индонезийские, пакистанские и другие, объединить их в «террористическое сообщество» общемирового масштаба. Его талант про-

⁶⁴ Официальное название террористической структуры исламских фундаменталистов, духовным лидером которой является Осам бин-Ладен.

пагандиста и организатора является непревзойденным, его победа означала бы гибель всей системы западной цивилизации.

Родился Осам бин-Ладен 28 июля 1957 года, или 1377 года месяца Хиджры по исламскому летоисчислению, в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде, в квартале аль-Малаз⁶⁵ и был 17-м сыном из 52 детей шейха Мохаммеда бин-Ладена, миллиардера и основателя наиболее влиятельной финансово-промышленной империи Саудовской Аравии «Сауди бин-Ладен груп». Его мать Хамида, десятая жена его отца,⁶⁶ была старшей дочерью сирийского бизнесмена. Осам был ее единственным сыном. К моменту его появления на свет это была красивая, хорошо образованная 22-летняя женщина. Положение Хамиды в семье было несколько двусмысленным: она не имела саудовских корней, считалась иностранкой, что предполагало ее неравенство в сравнении с остальными женами. Однако «жена-рабыня», как презрительно именовались женщины с аналогичной биографией, отнюдь не считала себя ущемленной и демонстративно выделялась среди других жен. Она не носила обычных нарядов саудовских женщин, а предпочитала заказывать наряды в магазинах европейских столиц. Согласно традиции, она не могла претендовать на роль любимой жены. Трудно сказать, какие чувства к ней на самом деле испытывал ее муж, известно только, что он не отказывал ей в ее желаниях и позволял ей чувствовать себя свободно. Впрочем, Мохаммед бин-Ладен считался человеком щедрым и оказывал должное внимание всем членам своей обширной семьи, вплоть до самых нелюбимых и позабытых жен.

Осам бин-Ладен никогда не ощущал себя в семье ущемленным «сыном рабыни». Также, как его братья, он получил традиционное воспитание в привилегированных школах Джидды и Бейрута. Закрытость образования не позволяет узнать, как прошли годы учебы, как формировался его характер и как рано проявились в нем свойства лидера. С уверенностью можно судить о двух обстоятельствах: молодой Осам высоко чтит отца (не только в силу традиции, но и как личный пример) и внимательно изучал ислам – сущность учения и вытекающие из него законы права и этики. Саудовскую Аравию ежегодно посещали миллионы паломников, и в доме бин-Ладена побывало немало известных мусульманских теологов. Все они отмечали удивительные способности молодого Осамы. До формирования его собственного фундаменталистского мировоззрения было еще далеко, однако ранние суждения отличались независимостью и остротой мышления. Вместе с тем это был весьма дерзкий молодой человек. В конце 70-х годов во время учебы в Бейруте (он жил там вместе с двумя старшими братьями) Осам получил репутацию дебошира и женолюба, запомнились его похождения и потасовки в ночных клубах. Следует добавить, что к традиционному воспитанию немало добавила его мать. Она позаботилась о том, чтобы сын получил не только светское образование, но усвоил манеры и стиль человека западной культуры.

Образование сделало молодого Осаму всесторонне развитым человеком, но основные житейские принципы он усвоил дома. Дом отца представлял тесно спаянный клан. Все члены семьи продолжали жить в одном доме-дворце и, как минимум раз в день, собирались за одним столом. Связи внутри семьи были не только родственными, но духовными, каждый из ее членов мог рассчитывать на помощь при любых обстоятельствах. После того как Осам бин-Ладен попал в опалу саудовского королевского двора, семья продолжала поддерживать с ним тайные контакты.

В 1969 году, когда Осаме было 13 лет, погиб его отец.⁶⁷ Его вертолет разбился во время песчаной бури в Аравийской пустыне. К тому времени Осам, рано проявивший деловые способности, не раз сопровождал отца в деловых поездках, вникал в его отношения с партнерами и тонкости отцовского бизнеса. После своей гибели шейх Мохаммед бен Абед бин-Ладен оставил мощную финансово-промышленную империю. Его смерть была для Осамы трагедией, но он был готов взять на себя груз ответственности. При разделе наследства юноша унаследовал 300 миллионов долларов и получил контроль над важными сферами се-

⁶⁵ Согласно другим источникам, Осам бин-Ладен родился в Хиджазе.

⁶⁶ Согласно другим источникам, мать Осамы бин-Ладена звали Алия Ганим (Alyaa Ghanim).

⁶⁷ Другие источники утверждают, что шейх Мохаммед бен Абед бин-Ладен погиб в 1972 году.

мейного бизнеса.

Следуя семейной традиции, Осама в семнадцатилетнем возрасте женился. Его женой стала юная сирийка, состоявшая с ним в далеком родстве по материнской линии. К тому времени молодой бин-Ладен был уже опытным менеджером и финансистом. Не было сомнений в его дальнейшем преуспевании. Ему было уготовано прочное место в семейной корпорации и жизнь с неограниченными возможностями одного из наиболее богатых и влиятельных людей мусульманского мира. Но два события в корне изменили его мировоззрение и направили его энергию по новому руслу. Этими событиями были учеба в Университете имени короля Абд эль-Азиза и война в Афганистане.

Университет имени короля Абд эль-Азиза в Джидде в те годы был известен как «кузница исламистских кадров». Особую роль в этом играл шейх Мохаммед Куттуб – известный мусульманский теолог и философ. Осама бин-Ладен был лучшим учеником, не по принуждению, а из глубокой духовной потребности. Пик их общения пришелся на 1975 год. Осама боготворил своего учителя. В духовном плане тот заменил ему погибшего отца – глубоко религиозного мусульманина-суннита. Под влиянием Куттуба Осама как бы заново открыл для себя ислам и теперь пытался найти в нем ответы на вызовы современного мира. Он начал действовать. Его корпорация выполнила реконструкцию двух больших мечетей. Это было больше, чем выполнение строительного подряда, бин-Ладен придавал этому смысл религиозного подвижничества. Он много работал, духовно рос и пытался найти выход переполнявшей его энергии. Он всегда был спокоен и сосредоточен, но под внешней оболочкой бушевал мощный огонь. Это был редкий случай, когда цельность натуры, энергия, максимализм и религиозная экзальтация сочетались с огромными финансовыми средствами, позволяющими немедленно приступить к реализации самых отчаянных проектов. Такой проект имел целью безусловное торжество ислама: мир, независимо от его желания, должен был принять эту религию, обратиться к ней или сдаться на ее милость. Компромиссов быть не должно. Необходимо было действовать, определить место приложения усилий. Авторитетом, наставившим Осама на путь борьбы, был шейх Абдалла Азам, будущий идеолог «афганских арабов».⁶⁸ Шейх преподавал в те годы в университете, где учился бин-Ладен. Под его руководством молодой бин-Ладен учился воплощать отвлеченные идеи в конкретные поступки. Шейх требовал доказательств веры, борьбы и, если понадобится, жертвенной гибели за идею.

И такая возможность представилась – в конце 1979 года Советская Армия вошла в Афганистан. В первый месяц вторжения было введено: четыре дивизии, пять отдельных мотострелковых бригад, четыре отдельных полка, три вертолетных полка, четыре полка боевой авиации, две вспомогательные бригады, а также части обеспечения и обслуживания. Советская Армия взяла под контроль важнейшие административные центры и стратегические объекты: аэродромы; электростанции Наглу, Пули-Хумри, Суруби, Кабул; стратегически важный туннель перевала Саланг; завод в Мазари-Шариф; газопромыслы Шибарган и Джагакудук. Были взяты под контроль жизненно важные магистрали: Кабул – Джелалабад, Пули – Хумри – Кундуз – Файзабад, Хайратон – Кабул и Кушка – Герат – Кандагар. В первый год войны боевые действия в основном сосредоточились в провинциях Пактия, Газни, Хазарджате, Логаре, Нагарах и провинциях, непосредственно примыкающих к столице Афганистана Кабулу. Особенно жестокие бои разразились в Пандшерском ущелье, которое находилось под контролем таджикского полевого командира, героя Афганистана Ахмада Шах Масуда.⁶⁹

В январе 1980 года было объявлено об организации «Исламского альянса сопротивления» (другое название – Международный исламский интернационал). Прозвучал призыв к джихаду, и тысячи молодых мусульман из разных стран отправились в Афганистан, чтобы помочь единоверцам. Вначале «альянс» представлял множество плохо организованных, раз-

⁶⁸ «Афганские арабы» — так принято называть наемников и добровольцев из мусульманских стран, участвовавших на стороне афганского сопротивления во время войны в Афганистане.

⁶⁹ В переводе с фарси «Масуд» буквально означает «счастливчик».

розненно действующих групп, к тому же часто враждующих между собой. Но моджахеды были храбрыми солдатами, и сила сопротивления быстро крепла. Все эти люди нуждались в единой организующей идее, которая придавала бы их борьбе высший смысл. Все они были мусульманами, но этого было мало. Нужен был один бесспорный авторитет, духовный лидер. Таким лидером стал шейх Абдалла. В действиях Советской Армии он увидел вызов, который атеисты бросили всему мусульманскому миру, стремясь поработить его, поглотить своей бездуховностью. Война с захватчиками была не только войной за Афганистан, это была война за идею, испытание ее на прочность. Исламская идея, по убеждению шейха Абдаллы, должна была объединить разрозненные афганские племена, жившие по законам слабо развитого феодализма, и множество добровольцев (в большинстве случаев уместнее говорить о наемниках), поспешивших им на помощь. Физическая победа над оккупантами и изгнание их из страны были лишь частью общего дела, главным было объединение всех мусульман, создание единого Всемирного халифата.

Оставив Саудовскую Аравию, шейх Абдалла Азам забрал семью и в конце декабря 1979 года переехал в пакистанский город Пешавар, расположенный на афгано-пакистанской границе. С началом советского вторжения Пешавар превратился в центр афганского сопротивления. В Пешаваре на саудовские деньги он создал организацию «Бейт уль Ансар»⁷⁰ (она также известна как «Мактаб уль Хедамат Муджахидин», или «Бюро оказания помощи моджахедам»). Вскоре шейх вместе с очередной группой добровольцев перешел афгано-пакистанскую границу и присоединился к воюющим моджахедам. Очевидцы рассказывали, что шейх Абдалла проявлял не только храбрость, но и большую жестокость.

Спустя несколько месяцев войны в горах Азам вернулся в Пешавар и посвятил себя организационной работе по сплочению и укреплению сил сопротивления, созданию структур качественно нового уровня, способных объединить разрозненные усилия отдельных партизанских групп. Потратив немало средств и времени на переорганизацию «Бейт уль Ансар», шейх предпринял «мировое турне». Он призывал мусульман вступать в созданный им «Легион арабской веры». За первые годы афганской войны через «призывные пункты» этого «Легиона» прошло 35 тысяч добровольцев из стран исламского мира.

Саудовская королевская семья, традиционно стремившаяся к лидерству в арабомусульманском мире, считала своим долгом и политической необходимостью организовать широкомасштабную помощь афганским моджахедам. Как часто бывало при решении ответственных государственных дел, саудиты возложили эту важную миссию на клан бин-Ладенов. В декабре 1979 года старый друг семьи – шеф саудовской разведки, сын покойного короля Фейсала – Тюрки аль-Фейсал обратился к Осаме бин-Ладену с предложением отправиться в краткосрочную командировку в Пакистан. Целью поездки должен был стать сбор разведывательной информации о ситуации в приграничных с Афганистаном районах Пакистана. Саудовскую разведку интересовало все, что могло пригодиться в организации будущего сопротивления и оказания ему масштабной помощи наемниками, оружием и другим снаряжением. Круг обязанностей эмиссара бин-Ладена был чрезвычайно широк, он должен был не только оценить положение с беженцами, размеры гуманитарной катастрофы, но и возможности использования человеческого потенциала в военных целях, на которые в первую очередь была направлена «программа помощи». Деньги и оружие были средствами, которыми бин-Ладен должен был склонить на свою сторону вождей афганских племен, поддержать непримиримых, склонить на свою сторону колеблющихся и запугать склонных к сотрудничеству с новой кабульской властью. Саудовская разведка делала ставку на бин-Ладена как лидера монолитного афганского сопротивления. Для этого были свои резоны. Бин-Ладен был «свой человек», которым саудовские верхи рассчитывали управлять, обеспечивая себе политическое и военное влияние. Шейх Абдалла Азам, развивший к тому времени бурную деятельность, был в перспективе недостаточно хорош. Азама был этническим палестинцем, к которому в разных арабских странах относились неоднозначно и с недоверием. За всей этой политикой сказывалось влияние США, американцы были всемерно заинтересованы в поддержании и раздувании конфликта. Афганистан становился ключевой точкой

⁷⁰ В переводе с арабского «Дом поддерживающих».

мировой геополитики.

Осама бин-Ладен казался идеальной фигурой, устроившей всю антисоветскую сторону афганского противостояния. Это был молодой, решительный, глубоко религиозный идеалист. Он был честолобив и намерен занять лидирующее положение в семейном клане. Он был хорошо знаком и пользовался личным расположением премьер-министра Фахда и короля Халеда, он стремился доказать свою преданность королевскому дому. Он был богат и не замечен в стяжательстве. Это был подлинный борец за идею, которого и саудиты, и стоящие за их плечами американцы готовились использовать в своих целях. Но у Осамы бин-Ладена были собственные планы. Это был человек, решивший преобразовать мир по законам ислама, разрушить несправедливость многовекового господства христиан («крестоносцев», по определению бин-Ладена) и нынешних коммунистических атеистов. Священный джихад был для него не идеологическим лозунгом, а сущностью религиозной войны, в справедливость которой он верил и которой он был готов отдать себя до конца. Как оказалось впоследствии, бин-Ладен лишь частично оправдал расчет хитроумных американских политиков – союзник на этапе противостояния с СССР, он оказался их непримиримым противником в дальнейшем.

Тогда, в январе 1980 года, бин-Ладен под чужим именем морем прибыл в пакистанский город Карачи. Обосновавшись в Пешаваре, он регулярно объезжал приграничные районы Пакистана, знакомясь с жизнью и настроениями афганских беженцев и устанавливая контакты с их вождями – будущими командирами моджахедов. Увиденное до глубины души потрясло Осаму. Сочувствуя местным единоверцам, он воспринял освобождение Афганистана как свой личный джихад. В таком настроении бин-Ладен спустя месяц вернулся в Саудовскую Аравию. Теперь он располагал нужной информацией и мог определить для себя цели и перспективы освободительного движения.

Опираясь на поддержку семейного клана и саудовских спецслужб, он стал активно лоббировать интересы моджахедов. В первую очередь, движение нуждалось в деньгах. Осама щедро направил на эти цели собственные средства (к тому времени его личное состояние составляло 300 миллионов долларов). Благодаря личному примеру, ему удалось собрать значительные пожертвования, и в районы расположения беженцев начались масштабные поставки продовольствия и медикаментов. Первое представительство бин-Ладена открылось уже спустя несколько месяцев после его поездки. В этом представительстве беженцы могли рассчитывать на помощь, а сам бин-Ладен стал известен и быстро приобретал авторитет лидера. Второе посещение Пакистана продлилось не более месяца, но также было эффективным. Вместе с ним в Саудовскую Аравию приехало около десяти афганцев и пакистанцев. Они были отобраны бин-Ладеном на роль его будущих эмиссаров, после соответствующего обучения через этих людей должно было идти снабжение формирований моджахедов и набор новых бойцов. Своих помощников Осама отбирал сам. Решающее значение имели не только храбрость, проявленная в боях, но личные счеты с просоветским кабульским режимом и Советской Армией – жертвы среди родственников, разрушенное жилье и другие. Бин-Ладен был хорошим психологом и умел управлять людьми, среди его подчиненных не было предателей.

Вплоть до 1982 года Осама бин-Ладен ежегодно совершал несколько коротких поездок в Афганистан. Война притягивала его. Поставка средств для воюющих моджахедов была поставлена им на регулярную основу, он стал основным добытчиком средств для афганского сопротивления. Через него в Афганистан шли огромные суммы денег, финансовые потоки ширились – в этом была его первостепенная заслуга. Помимо военного обеспечения, он уделял много внимания сугубо гуманитарному аспекту афганской трагедии. В его поступках был не только расчет, но искренние сильные чувства. Наличные средства он построил несколько медицинских пунктов для оказания помощи беженцам, детских домов, приютов для вдов, потерявших мужей на войне.

В 1981 году в Вашингтоне между США, Пакистаном и Саудовской Аравией были проведены тайные переговоры, результатом которых стало принятие долгосрочной программы военной поддержки моджахедов. Тогда же ЦРУ впервые обратило внимание на молодого саудовского миллионера Осаму бин-Ладена. Скорее всего его имя было названо саудовцами. Этот факт интересен, потому что прямых контактов бин-Ладена с ЦРУ установить не уда-

лось, причем «виновником» невнимания к могущественному американскому спонсору был сам бин-Ладен. С большим основанием можно считать, что антиамериканские настроения были присущи ему уже в те годы. Известна его негативная реакция на проникновение западного образа жизни и культуры в страны мусульманского мира. Бин Ладен считал эту экспансию агрессивной и разрушительной для исламской религии и уклада жизни.

Похоже на то, что бин-Ладен не использовал в своем противостоянии «американскую помощь». Он финансировал созданные им структуры из собственных средств и щедрых пожертвований арабских «нефтяных шейхов» и исламских благотворительных организаций. В этих кругах он пользовался полной поддержкой и доверием. Значительная часть оплеченного им оружия была советского производства, которое закупалось через третьи страны или добывалось путем хищений и перепродажи со складов правительственных войск. Американские поставки шли само собой, но бин-Ладен предпочитал действовать автономно. Возможно, так проявлялась его неприязнь к тогдашнему союзнику, а впоследствии злейшему идейному врагу.

Между тем известность его крепла. В приграничных районах обеих стран – Афганистана и Пакистана – распространялся слух о загадочном долговязом саудовце-миллионере, щедрость которого и личная скромность не имеют границ. В 1982 году Осам бин-Ладен сделал свой выбор. Он отказался от прежней жизни и полностью посвятил себя джихаду. В январе 1982 года он вместе с четырьмя женами и пятнадцатью детьми переехал в Пакистан. Вместе с собой он привез целый парк строительной техники – бульдозеров, тракторов, других машин и механизмов. И тут же принялся за работу – строительство коммуникаций и оборудование всей приграничной территории в один укрепленный район. Это была большая программа по строительству дорог, мостов, пещерных укрытий, тренировочных лагерей для моджахедов. Учитывая труднопроходимый горный характер местности, такая работа и в мирное время была опасна. Тем более опасна она была теперь, когда над районами часто появлялась советская авиация, ища для себя подходящую цель. Тем не менее сам Осам не раз садился за руль трактора или бульдозера и направлял его по крутым горным склонам. Это была его война. Она придала его взглядам характер твердой убежденности. Если афганцы защищали свой дом и уклад своей жизни, то бин-Ладен защищал весь мусульманский мир.

В 1984 году Осам бин-Ладен вновь сблизился со своим бывшим учителем, шейхом Абдаллой Азамом. На территории Афганистана под началом шейха Абдаллы действовало несколько группировок, принимавших активное участие в боях с Советской армией. Осам бин-Ладен стал военным союзником шейха. Если целью Абдаллы было изгнание «шурави» (так называли здесь советских солдат), то планы Осамы были гораздо масштабнее. Его война была лишь частью грандиозного плана объединения всех мусульман для выполнения воли Всевышнего. Он чувствовал эту волю и готов был исполнить возложенную на него миссию. Он вдохнул в традиционный догматический ислам новое революционное сознание. Пока что они с Абдаллой сражались вместе, но союз этот был временным. Ученик перерос своего учителя. Бин-Ладен видел дальше. Когда между ними возникли противоречия, он без колебаний разорвал отношения с шейхом и стал действовать самостоятельно. Он воевал, но одновременно продолжал строить, расширять и укреплять ареал своего влияния. По сути, он создавал в труднопроходимых горах государство военного назначения, со своей инфраструктурой, связью и возможностью длительного автономного существования в условиях осады и массированного военного воздействия. Здесь были военные лагеря для подготовки моджахедов, склады и долговременные убежища, способные выдержать удары самого современного оружия. Бин-Ладен видел не только нынешнюю войну, но и войну будущего и загодя готовился к ней. Район готов был стать центром общемирового исламского радикализма. Что со временем и случилось.

Пока же штаб и координационный пропагандистский центр бин-Ладена располагались в Пешаваре. На их оборудование и работу бин-Ладен не жалел средств. Здесь была большая типография, специальный отдел, занимавшийся вопросами религиозно-идеологического воспитания, со своей огромной библиотекой пропагандистской литературы. При центре функционировали отделы боевой подготовки, финансового обеспечения и материального снабжения моджахедов. Большое внимание уделялось работе по сбору пожертвований, агитации среди исламских студентов и молодежи в разных странах (включая страны Европы и

США), набору и обучению добровольцев. Здесь не только сформировалась идеология исламского фундаментализма, но была подведена база для ее реализации и сформированы соответствующие структуры. Безусловно, бин-Ладена можно охарактеризовать как выдающегося революционера, он был не только фанатичным и самоотверженным приверженцем идеи, но расчетливым политиком и практиком, способным провести свою идею в жизнь.

Основной поток добровольцев поступал через Саудовскую Аравию и Египет. Прибывшие в Пешавар волонтеры проходили начальную военную подготовку, мелкими группами переправлялись на территорию Афганистана и там вливались в отряды моджахедов. По организационным вопросам бин-Ладену приходилось поддерживать теснейшие контакты с лидерами моджахедов. Первоначально лидеры афганского сопротивления критически относились к использованию арабских добровольцев, рассчитывая обойтись собственными силами. Бин-Ладену пришлось приложить усилия, чтобы изменить это мнение. И это ему удалось. За годы войны он завоевал настолько прочный авторитет, что руководители партизанских отрядов, опирающиеся на разные племена и преследующие собственные интересы, не раз обращались к нему с просьбой о посредничестве в решении спорных вопросов. В его справедливости никто не сомневался. В немалой степени его авторитет опирался на тесные связи с двумя крупнейшими лидерами моджахедов: Бурханудином Раббани и Гулбудином Хекматъяром.

В середине 80-х годов разрозненные и недостаточно обученные отряды моджахедов оказались на грани поражения. Советская Армия приобрела опыт ведения войны в труднодоступных горных районах страны и постепенно брала их под свой контроль. Окончательный исход войны казался лишь вопросом времени. В этот критический для Афганистана период бин-Ладен создает свои собственные военные формирования, укомплектованные исключительно из арабов-наемников, получивших впоследствии имя «арабских афганцев». Среди этих людей было немало профессиональных военных из Сирии и Египта. Они имели за плечами богатый боевой опыт, накопленный в войнах с Израилем и других военных конфликтах.

Одной из первых организаций, созданных бин-Ладеном (а создано их было впоследствии немало), стал «Исламский легион». Можно перечислить несколько организационных достоинств легиона: он объединял профессионалов, умеющих воевать, среди легионеров было немало идеалистов и фанатиков, воевавших «за идею», легион имел интернациональный характер, что позволило легионерам сохранить свои связи после окончания войны и создать действенную (вплоть до настоящего времени) международную террористическую структуру. Это была реально существовавшая армия, при этом не имевшая никакого юридического статуса, централизованного командования и финансирования. Тем не менее небольшие разрозненные отряды представляли собой серьезную военно-политическую силу. В «легионе» не сразу утвердилось единоначалие. Нередко полевые командиры гибли при странных обстоятельствах – как правило, от рук своих же соратников. Тот факт, что бин-Ладен в таких условиях не только выжил, но и стал безусловным лидером, лишний раз подтверждает его исключительность. Им восхищались и уважали за его бескорыстие и готовность к самопожертвованию. При этом он был аскетичен и не спешил захватить власть или воспользоваться ею в личных целях. Он был подчеркнуто чужд лидерских амбиций. Это помогло бин-Ладену пережить всех своих конкурентов.

В те же годы в лагере бин-Ладена появился 35-летний египтянин, врач по профессии Айман аль-Завахири. Этот человек впоследствии станет лидером афганской фракции исламской террористической организации «Джихад аль-Ислами аль-Масри» и вторым лицом в «Эль-Каэде» – ее идеологом, казначеем и личным врачом бин-Ладена.

С 1986 года и вплоть до окончательного вывода Советских войск из страны отряды Осамы бин-Ладена стали совершать регулярные рейды, нанося удары по советским транспортным колоннам. Помимо десятков столкновений и боев местного значения, его формирования участвовали в ряде крупных операций. Во всех боях бин-Ладен отличался беспримерной личной храбростью. Несколько раз он был серьезно ранен, но неизменно отказывался покинуть поле боя, пока не будет оказана помощь каждому из его людей. Он отступал последним. При этом нельзя сказать, что он был удачливым командиром, многие спланированные им операции не приносили результата или заканчивались поражением. Но

его авторитет был настолько высок, что люди готовы были выполнить любой его приказ. Со временем распространились слухи о его неуязвимости. Несколько раз во время авианалетов и обстрелов сражающихся рядом боевиков буквально разрывало на части, но сам он оставался невредим. Во время одного из боев в районе Хоста он оказался на волосок от гибели, но уцелел. После этого, по собственному признанию, он уверовал в свою избранность и высшее предназначение.

Горы Афганистана стали кузницей кадров, которую назовут потом «Братством бин-Ладена». В боях с одной из лучших армий мира его люди не только научились воевать, но и прониклись сознанием своей исключительности и правоты. За время войны через Афганистан прошло не менее 100 тысяч добровольцев из арабских стран. Точное число их неизвестно, на начальном этапе войны никакой документации не велось. Прибывшие в Пакистан молодые люди оставляли здесь свои документы и дальше действовали анонимно. Таков был закон партизанской войны, формально запрещающий в ней участие граждан третьих стран. В учебных военных лагерях в районах боевых действий прибывшие добровольцы-моджахеды пользовались прозвищами. Поэтому, даже когда моджахед погибал на глазах своих товарищей, часто никто не знал его настоящего имени. Человек исчезал бесследно. К тому времени имя бин-Ладена было хорошо известно в мусульманских странах, призыв к джихаду был связан с его именем. На него посыпалась масса писем с одним и тем же вопросом: «Что случилось с нашим сыном?» Семьи готовы были видеть в погибшем сыне мученика за веру, но не могли смириться с его исчезновением в полной безвестности. Бин-Ладен взялся исправлять свой просчет. С этих пор каждый будущий моджахед сдавал на регистрацию свои подлинные документы в обмен на прозвище, с которым связывалась вся его дальнейшая военная биография. Регистрация проводилась неукоснительно, как и все, что делал бин-Ладен. Так появилась структура, получившая название «Эль-Каэда», что в переводе с арабского означает «Основа».

Сегодня, когда «Эль-Каэда» известна всему миру, этому названию придают многозначительный характер, усматривая в нем символ Международного исламистского террористического интернационала. Это менее вероятно. Скорее всего, бин-Ладен изначально придавал названию вполне конкретный смысл, соответствующий функции создаваемой структуры. Арабское слово «'ка'эда» можно трактовать как «база» или «первое пристанище». Таковым «Эль-Каэда» изначально и являлась – бюрократической и гуманитарной организацией, регистрирующей вновь прибывших волонтеров.⁷¹ Однако уже вскоре функции «Эль-Каэды» были значительно расширены, и через нее стала осуществляться вербовка добровольцев. Не осталось в стороне правительство Саудовской Аравии, способствовавшее значительному снижению цен на авиабилеты до Пакистана для лиц, зарегистрированных при посредничестве «Эль-Каэды». К концу войны все прибывшие в Пакистан добровольцы прошли через эту организацию.

«Эль-Каэда» вступила в острый конфликт с бывшим соратником бин-Ладена шейхом Абдаллой Азамом, который первым создал организацию по вербовке «арабских афганцев» и в течение ряда лет считался здесь признанным лидером. Вытеснение его «Эль-Каэдой» ставило под вопрос ведущую роль шейха в сопротивлении в целом (трудно сказать, насколько бин-Ладен добивался этого, но получилось именно так). В свою поддержку палестинский шейх Абдалла даже призвал специалистов по шариатскому праву. Здесь было к чему придраться. По шариатскому праву, для создания любой исламской структуры требуется созыв совета, который должен выбрать эмира. Все эти правила были проигнорированы при создании «Эль-Каэды», что могло иметь серьезные последствия – «Эль-Каэда» могла быть объявлена вне закона. Осаме бин-Ладену при поддержке Аймана аль-Завахири пришлось немало потрудиться, чтобы отстоять право своего детища на существование. Ему помогли связи и авторитет внутри афганского сопротивления и поддержка египетских и алжирских исламистов, которые к моменту тяжбы успели повоевать в Афганистане и сейчас воспользовались своими боевыми заслугами, чтобы решить спор в пользу бин-Ладена. Так «Эль-Каэда» – те-

⁷¹ Полные отчеты «Эль-Каэды» о вновь прибывших добровольцах, а это по меньшей мере 23–30 тысяч человек только за 1988–1989 год, хранятся сегодня в архивах саудовских секретных служб.

перь самая могущественная террористическая организация в мире – начала свое существование.

В 1989 году Михаил Горбачев положил конец советскому присутствию в Афганистане, 13 февраля 1989 года главнокомандующий Ограниченным контингентом Советской Армии генерал-майор Борис Громов последним пересек мост через реку Пяндж. Тем не менее мир на афганской земле не наступил, страну захлестнул хаос. Произвол безвластия и клановая борьба были ничуть не лучше времени оккупации. Бои продолжались с не меньшим ожесточением, уже без участия советских войск. Правительственная прокоммунистическая армия, укрепившаяся в Джелалабаде, была еще достаточно сильна, в наследство от Советской Армии ей досталось огромное количество нового оружия и боеприпасов. Летом 1989 года моджахеды предприняли поход на Джелалабад. Эта операция афганских моджахедов и «афганских арабов», поощряемая Пакистаном и Соединенными Штатами, закончилась полным провалом и огромными потерями. Осама бин-Ладен в составе пакистанских «технических» советников принял участие в ночном бою за аэропорт Джелалабада. В том бою он получил серьезное ранение и стал носителем «значка моджахедов», который вручается особо отличившемуся воину. С тех пор он стал сравнивать себя с Саладином.⁷² (Примечательно, что спустя несколько лет Саддам Хусейн также объявит себя «вторым Саладином»). После многодневных кровопролитных боев в июне 1989 года Джелалабад пал. Это положило конец почти десятилетней войне в Афганистане.

Осенью 1989 года в Пакистане произошло событие, существенно повлиявшее на расстановку сил в движении исламистов. 24 ноября по пути на полдневную молитву в своем автомобиле был взорван шейх Абдалла Азам. Взрывное устройство, спрятанное в автомобиле, было большой мощности, от тел шейха и двух его сыновей не осталось почти ничего. Некоторые подозрения в убийстве пали на бин-Ла-дена, он, безусловно, получал политическую выгоду, шейх оставался его единственным конкурентом в борьбе за лидерство среди «арабских афганцев», ставших к тому времени весьма эффективной военной организацией радикального исламистского толка. Правда, сами разногласия не выносились на широкое обсуждение, чтобы не повредить общему делу, и потому в штабе бин-Ладена, по крайней мере внешне, царил скорбь. Сам же бин-Ладен обвинил в теракте израильский «Моссад». Он отверг малейшие намеки на собственную причастность к теракту и рассказал, что лично упрасивал шейха Абдаллу перейти под его охрану, чтобы обезопасить себя от возможного покушения. В целом бин-Ладен выиграл от ситуации и занял положение единоличного лидера, к которому давно стремился. Заодно он возвысил и созданную им «Эль-Каэду». К почетной характеристике «ближайшего ученика» шейха, которую бин-Ладен удачно использовал, добавил мученический ореол его погибшего учителя. Это требовало отмщения «врагам ислама», к чему бин-Ладен постоянно призывал. Вышло так, что смерть шейха оказалась очень удачной ступенькой в начатой им политической борьбе, вопреки неясным подозрениям (впрочем, достаточно обоснованным) его недругов. Вскоре после убийства шейха бин-Ладен покинул Пешавар и вернулся домой, в Саудовскую Аравию.

32-летний Осама бин-Ладен прибыл в Эр-Рияд национальным героем. Им гордилась его семья, его друзья и знакомые. Моджахеды всего мира видели в нем своего героя и покровителя. Саудовский королевский дом оказал ему высокие почести и выказал свою доброжелательность. Отныне бин-Ладена стали называть «шейхом моджахедов». Это обращение само по себе можно считать высочайшей наградой, бин-Ладен стал символом военной победы ислама над неверными. То, чего удалось достичь в одной стране, следовало повторить множество раз, чтобы принести в мир свет истинного учения.

Дома – в Саудовской Аравии – перед ним открывались блестящие перспективы. Герой войны – он мог рассчитывать на высокие посты в правительстве страны и, можно не сомневаться, преуспел бы на этом поприще. Однако бин-Ладен отклонил самые лестные предложения и предпочел остаться дома, в кругу семьи, чтобы поразмышлять над своим будущим. Он попробовал заняться строительством, но этот род деятельности, который привлекал его

⁷² Саладин (Салах ад-Дин) — исламский полководец XII века, изгнавший крестоносцев из Палестины, а также нанесший сокрушительное поражение непобедимым полчищам татаро-монголов.

раньше, показался ему сейчас малоинтересным и скучным. Бин-Ладен пережил ощущение, понятное людям, побывавшим на войне и ощутившим ее вкус. Применительно к Афганистану это состояние называлось «афганский синдром». В равной мере оно оказалось присуще советским солдатам и их противникам, недаром и те и другие создали свои афганские «союзы» и «братства». После войны, а бин-Ладен отдал ей десять лет жизни, опыт мирной жизни казался пресным и пустым, а довоенная жизнь, к которой он теперь вернулся, мелкой и унижительной. «Настоящая жизнь» осталась там, в горах Афганистана, а вместе с ней «настоящие люди», с которыми он воевал и которые доверяли ему свои жизни. Особенно это касалось «афганских арабов», составлявших костяк «Эль-Каэды». Они разъехались по своим странам, но не могли вернуться к мирным будням и так же, как их командир, испытывали ностальгию по прежней жизни. Военное братство оказывалось сильнее родственных связей с людьми, которые были озабочены приумножением денег и купленных за них «радостей жизни». Можно думать, что окончательно антиамериканизм бин-Ладена сложился под влиянием этих впечатлений. Все его дальнейшие шаги направлены на открытое размежевание с системой западных ценностей.

За десять лет отсутствия бин-Ладена в политическом климате Саудовской Аравии произошли существенные перемены. Монархические правители страны вызвали все большее недовольство. Приверженность саудовцев к традиционному укладу помогала удерживать ситуацию под контролем, но критика властей становилась все более острой, а обвинения в разбазаривании национальных богатств раздавались все громче. Интерес американцев к саудовской нефти тесно связывал политику обеих стран, королевская семья пребывала в роскоши и, главное, все более отступала от традиционных норм, предписанных законами шариата. Это не оставалось незамеченным, и критика саудовских правителей увязывала во едино расточительство, клановую коррупцию и пренебрежение наставлениями корана. Критика изнутри страны умело подогревалась и дополнялась обвинениями со стороны государств, вступивших на путь исламских революций и изо всех сил стремившихся экспортировать свои «завоевания». Здесь правители Саудовской Аравии испытывали растущее пропагандистское давление со стороны Саддама Хусейна и иранских аятолл. Антиамериканская направленность их риторики была очевидной, противоречия в интересах сторон все более острыми и очевидными. Вскоре и бин-Ладен присоединился к критикам саудовского режима. Здесь он занимал вполне самостоятельную и твердую позицию, выношенную под влиянием собственного видения ислама и военного опыта, который склонял к радикализму. Его критика и пожелания нынешней власти сводились к следующему:

- Активизация ваххабизма как наиболее революционного направления в исламе, способного объединить правоверных в разных странах и направить их энергию на борьбу за переустройство мира.
- Уменьшение политической и военной зависимости от Соединенных Штатов и Великобритании, осознание опасности их влияния как исторических (со времен крестоносцев) противников ислама и готовность к противостоянию с этими странами в борьбе за влияние в мире и его освобождение от современного колониализма.

В этих вопросах бин-Ладен не шел на компромиссы. Учитывая влияние бин-Ладена на саудовское общество, власти пытались урезонить его либо прямо – путем бесед и увещаний, либо через родственников членов клана бин-Ладе-нов. Власти добились обратного результата. Осама бин-Ладен начал открыто говорить о предательстве саудовской политической элиты, отступлении от ислама во имя сатанинского союза с Западом. Свое нынешнее противостояние бин-Ладен вел присущим для него образом – бесстрашно, но расчетливо. Когда он стал поднимать вопрос о легитимности королевской семьи, стало окончательно ясно: ни сломить, ни запугать его не удастся. Само собой разумеется, что он порвал отношения не только с королевской семьей, которая еще недавно чествовала его как героя, но и со многими из своих родственников, которые прекрасно уживались с саудовскими правителями.

Пока бин-Ладена не трогали. Авторитет его не только на родине, но во всем исламском мире был чрезвычайно высок, и любые репрессии могли сыграть ему на руку и даже спровоцировать политический кризис. Но постепенно терпение правящей династии подошло к концу. Осторожный, но вместе с тем решительный правитель Саудовской Аравии король

Фахд, в 1982 году сменивший на престоле слабого и больного короля Халеда, взялся противостоять дестабилизирующим действиям бин-Ладена. Он запретил его выезд из страны, предполагая, что тот сможет еще более эффективно действовать из-за границы, используя в пропагандных целях противоречия в мусульманском мире. Формально запрет на выезд объяснялся тем, что у правительства появились неопровержимые доказательства, что за «героем Афганистана» ведется охота со стороны неких могущественных спецслужб, и запрет на выезд преследует цель обеспечить его собственную безопасность. Естественно, бин-Ладен был возмущен и засыпал короля Фахда, членов королевской семьи и чиновников гневными письмами и обращениями. Те, в свою очередь, дали понять, что грань между «шейхом моджахедов» и «государственным преступником» определяют сами власти и от поведения бин-Ладена зависит, чем обернется его будущее. Бин-Ладен не сдавался, но тут изменилась ситуация на Ближнем Востоке. 2 августа 1990 года иракская армия вторглась и оккупировала граничащий с Саудовской Аравией Кувейт. Безопасность Саудовской Аравии и существование ее династии оказались под угрозой, бин-Ладен разделял эти опасения и предложил свои услуги. Он потребовал от правительства мобилизации всех моджахедов саудовского происхождения, воевавших в Афганистане под его началом. Кроме того, бин-Ладен обещал собрать всех «афганских арабов», разбросанных по всему мусульманскому миру. Авторитет бин-Ладена среди этих людей был безграничен. Нескольким десяткам тысяч опытных ветеранов было по силам противостоять иракской военной машине и нанести ей поражение. В течение нескольких недель он представил свои предложения королю Фахду. Тому предстояло принять решение. С одной стороны, Саддам Хусейн с агрессивной идеологией и армией, которую он будет готов использовать и дальше, если не получит достойный отпор. С другой, бин-Ладен с преданными ему моджахедами. Оба варианта не обещали королю ничего хорошего. Саддам мог оккупировать страну, а бин-Ладен в случае победы становился непререкаемым авторитетом и мог диктовать правящей верхушке свои условия. В том, что это будет означать конец его власти и всей династии, король не сомневался. Оставался третий вариант, которым король и воспользовался. Он поддержал образование международной антииракской коалиции, в которой заправляли американцы. Проведение операции «Буря в пустыне» повлекла за собой широкомасштабное присутствие американских вооруженных сил на территории стран Персидского залива и Саудовской Аравии в частности. Когда бин-Ладен увидел колонны американской военной техники, движущиеся по Аравийской пустыне, он пришел в ярость. Он гневно протестовал против вмешательства Америки во внутриарабский конфликт. Не без оснований он утверждал, что США преследуют в этом конфликте свои собственные экономические интересы, вмешиваясь в непростые отношения между странами, объединенными общей религией и исторической судьбой. Бин-Ладен считал совершенно неприемлемым союз одной арабской страны с Америкой против другой арабской страны. Такой союз он объявил сатанинским, а саудовские власти, допустившие присутствие американцев на своей территории, он назвал не только предателями, но вероотступниками. Земля Аравийского полуострова является святой для мусульман землей, и неверным на ней делать нечего. Более того, бин-Ладен предупреждал, что, однажды ступив на Аравийский полуостров, американцы останутся здесь навсегда.⁷³ И их присутствие положит конец суверенитету удовской Аравии.

Конфликт между непокорным критиком режима и властями достиг пика. Тем более этому сопутствовали обстоятельства общего ближневосточного кризиса и надвигающейся войны. Теперь бин-Ладену уже угрожали. Если он не изменит свою позицию в отношении американского присутствия, его семейный бизнес доведут до банкротства. Ограничили его перемещение по стране, запретив выезд из Джидды. В его резиденцию прибыл отряд Национальной гвардии и произвел обыск. С бин-Ладеном гвардейцы обращались подчеркнуто уважительно, оправдываясь тем, что вынуждены выполнять неприятный приказ. Бин-Ладен ответил гневным письмом заместителю министра обороны принцу Абдулле, в чьем подчинении находилась Национальная гвардия. Принц принес свои извинения, заявив, что о

⁷³ Ради справедливости следует отметить, что время доказало правоту Осамы бин-Ладена. Война окончилась, а американский воинский контингент до сих пор находится на территории Саудовской Аравии.

вторжении гвардейцев ему не было ничего известно Принц пообещал лично разобраться и наказать виновных. Все это вызвало дальнейшее ужесточение репрессий, и в конце концов бин-Ладен был помещен под домашний арест.

Наиболее болезненно он переживал вынужденное бездействие. Он не мог спокойно наблюдать, как американцы хозяйничают на его родине, в то время как он – заслуженный ветеран войны, преданный своей стране, не может принять участие в ее судьбе. Для него – гордого независимого человека, привыкшего повелевать людьми, это было унижительно. Будучи бессильным что-либо предпринять, Осама бин-Ладен принял решение покинуть Саудовскую Аравию. Для этого нужно было преодолеть существующий запрет. Начались неофициальные переговоры через влиятельных родственников и членов королевского дома. Осама сумел убедить влиятельные лица что ему необходимо лично присутствовать в Пакистане чтобы уладить некоторые финансовые вопросы. В конце концов, дав обещание воздерживаться от политических заявлений, бин-Ладен в конце апреля 1991 года смог неофициально покинуть пределы страны. Фактически лица разрешившие выезд, нарушили королевский запрет, и отъезд бин-Ладена следует рассматривать как бегство. Он подтвердил это сам, отправив письмо из Пешавара, в котором извинялся перед влиятельным родственником, ходатайствовавшим о разрешении на краткосрочную поездку. Бин-Ладен сообщал о том, что не собирается возвращаться в Саудовскую Аравию, и подтвердил свою прежнюю политическую позицию – войны до победного конца с неверными и их пособниками.

Оставаться в Пешаваре было для бин-Ладена небезопасно, пакистанские власти по первому же требованию выдали бы его Саудовской Аравии. И бин-Ладен немедленно отправился в Афганистан, где был восторженно встречен всеми конфликтующими сторонами. С уходом общего врага – советских войск – в стране началась гражданская война. И ранее бедная страна с феодальным укладом жизни превратилась в очаг междоусобиц, где царила разруха и властвовал бандитизм. Разбой на дорогах Афганистана достиг таких масштабов, что ни один груз гуманитарной помощи не доходил по назначению, оседая на базах полевых командиров.

Бин-Ладен безрезультатно пытался воспользоваться своим авторитетом и усадить за стол переговоров враждующих вождей, но все его попытки потерпели неудачу. Тогда он приказал своим сторонникам воздержаться от участия в военных действиях на стороне любой из противоборствующих группировок. Хотя это благое начинание имело некоторый успех, но радикально изменить ситуацию не удалось. Но и отступать было некуда. О возвращении на родину не могло быть и речи. Терпению саудовских властителей пришел конец, и связи семейного клана бин-Ладена уже не могли смягчить гнев короля Фахда. У себя дома он рассматривался как государственный преступник со всеми вытекающими отсюда последствиями – судом, смертной казнью или пожизненным тюремным заключением. Власти других мусульманских стран возражали против его присутствия. К тому времени бин-Ладен уже открыто заявлял о своем стремлении привести к власти исламских фундаменталистов и поэтому, естественно, не мог рассчитывать на сочувствие властей предрежащих. Мало того, они с удовольствием выдали бы его саудовским властям.

Страна, на гостеприимство которой бин-Ладен мог рассчитывать, находилась в восточной части Африканского континента. Это был Судан, где полтора года назад, 30 июня 1989 года, к власти пришла исламистская хунта во главе с генералом Омаром Хасаном Ахмет аль-Баширом. Здесь опасаться выдачи не приходилось. Исламские фундаменталисты объявили о том, что любой мусульманин может рассчитывать в этой стране на теплый прием и надежное убежище. После того как генерал аль-Башир был «избран» президентом страны, он провозгласил: «Отныне Судан будут жить по Хомейни!». Соответствующими декретами была запрещена деятельность всех политических партий и общественных организаций. Единственной разрешенной партией был объявлен Национальный Исламский Фронт, во главе которого стал «духовный лидер нации» шейх Хасан аль-Тураби, исповедовавший «истинный ваххабизм». Как и в Иране, чью модель копировал «новый» Судан, все органы власти оказались под полным контролем «черного папы», как сам себя любил называть духовный лидер суданских исламистов шейх аль-Тураби.

В конце декабря 1991 года Осама бин-Ладен на борту частного самолета тайно вылетел в Судан. К этому времени там уже находилось немало его сподвижников, укрывавших-

ся, как и он, от преследований за радикализм. В Судане бин-Ладен был принят как почетный гость, бросивший вызов властям и правительствам стран, которые отвернулись от суданской революции. Первые месяцы своего пребывания в Судане Осам бин-Ладен жил скромно в небольшом домике на берегу Голубого Нила, а потом вместе с семьей перебрался в Рияд – богатый район Хартума, в котором жили бизнесмены и местные влиятельные политики.

Недалеко от дома бин-Ладена находилась богатая вилла аль-Тураби. Немало вечеров новые соседи проводили вместе, обсуждая планы переустройства исламского мира. В лице влиятельного шейха бин-Ладен нашел единомышленника, их духовная близость сохранилась на годы и завершила формирование бин-Ладена как одного из столпов радикального ислама и, безусловно, наиболее деятельного его практика.

Взгляды шейха во многом соответствовали политическому моменту. Суть их заключалась в следующем. Страны «третьего мира», исповедующие ислам, вступают в новую фазу своей истории. Освободившись от колониального гнета, они не находят перспективы ни в марксистской идеологии, скомпрометировавшей себя отношением к религии, ни в «западной модели» общества потребления, проникнутом бездуховностью. Не оправдали надежды и местные националистические движения, которые привели к созданию новых элит, преследующих собственные интересы, порождающие коррупцию и с той или иной степенью цинизма попирающие социальные права простых граждан – верующих мусульман. И в этом изначальная правота ислама, который интернационален по сути и не признает границ.⁷⁴

Объединение социальных предпосылок с религиозным учением послужило обоснованием для будущего международного исламского халифата как модели общества, соответствующей основам мусульманской религии. Практическим инструментом для реализации этой цели должны были стать «Эль-Каэда» и созданная на ее основе международная террористическая организация Всемирный Исламский Фронт Джихада против крестоносцев и евреев. Шейха аль-Тураби, безусловно, можно считать вдохновителем всей последующей деятельности бин-Ладена, вместе с ним он несет ответственность за разрушительные последствия идеологии, воспринятой бин-Ладеном и получившей практическое воплощение в стратегии террора.

Получив политическое убежище и находясь под покровительством шейха аль-Тураби, бин-Ладен смог спокойно обдумать дальнейшие планы. Король Фахд стал его личным врагом, ведь бин-Ладен сам объявил незаконным правительство Саудовской Аравии. Такие заявления не прощаются. По-видимому, этим обстоятельством можно частично объяснить ненависть бин-Ладена к США, поддерживавшим Саудовскую Аравию, он назвал отношения между Эр-Риядом и Вашингтоном сатанинским союзом. Это объясняет мотивы крестового похода против Соединенных Штатов, объявленного бин-Ладеном. Преступный саудовский режим держится за счет американцев, значит, США должны стать главным объектом нападения и возмездия. Сначала нужно заставить американцев убраться из района Персидского залива (программа минимум), а потом можно будет приступить к планомерному низвержению светских, умеренных режимов в мусульманских странах и построению Арабского халифата, простирающегося от Марокко до Индонезии (программа максимум).

Жизнь в Судане можно было назвать комфортабельным изгнанием, несмотря на несколько неудачных покушений, организованных, по всей видимости, саудовскими спецслужбами. Бин-Ладен производил на окружающих приятное впечатление миролюбивого, делового человека, посвятившего свою жизнь семье и бизнесу (он поддерживал о себе мнение как о богатом промышленнике и землевладельце). Отчасти так оно и было. Не без помощи шейха аль-Тураби бин-Ладен смог создать настоящую финансово-промышленную империю.

Невинный имидж преуспевающего предпринимателя служил бин-Ладену хорошей ширмой, за которой он развил бурную подготовительную деятельность по созданию международной террористической сети. На земле «тихого фермера» стала формироваться странная община, состоящая из крепких мужчин, ее жизнь отличала дисциплина и режим секретно-

⁷⁴ Ислам как религия не признает национальные различия, для него существует только «умма», то есть исламское общество или община.

сти. Суданскому обывателю оставалось только гадать о причинах необычного скопления людей на землях богатого владельца. Это съезжались в Судан арабские моджахеды, воевавшие под началом бин-Ладена в горах Афганистана. Бывших членов «Эль-Каэды» собралось около 2000 человек, а были еще новые добровольцы и наемники. К этому времени на территории Судана были созданы три лагеря по подготовке террористов, и организация получила свое окончательное название – «Эль-Каэда». Частично она финансировалась за счет личных средств бин-Ладена. Но были и другие, гораздо более мощные источники. За время афганской войны бин-Ладеном по всему мусульманскому миру была создана спонсорская сеть, жертвовавшая огромные суммы на священный джихад в Афганистане. После окончания войны бин-Ладен смог переориентировать спонсоров на финансирование теперь уже «всемирного джихада».

Немалую роль в реорганизации «Эль-Каэды» сыграл шейх аль-Тураби, стоявший во главе Исполнительного комитета Национального исламского фронта. Будучи советником шейха, бин-Ладен наладил связи с другой авторитетной организацией – «Арабо-исламской конференцией», известной также как «Зеленый интернационал». Авторитет и рекомендации шейха послужили надежной гарантией. «Ара-бо-исламская конференция» стала еще одним спонсором «Эль-Каэды». Таким образом, бин-Ладен получил неограниченные финансовые возможности для осуществления своих планов.

Вместе с ближайшими соратниками – Айманом аль-Завахири и другими бин-Ладен разработал структуру комитетов «Эль-Каэды».

- Шура, или Консультационный совет, – включает узкий круг соратников бин-Ладена, сюда входят руководители «комитетов», большинство из которых составили ветераны войны в Афганистане.

- Шариа, или Политический комитет, – отвечает за издание «фетв» – постановлений, основанных на толковании Корана, обосновывает практическую политику «Эль-Каэды», вплоть до физического устранения политических, военных и иных лиц.

- Военный комитет – включает в себя два подкомитета: подкомитет по планированию операций, осуществляющий выбор мишени террора, разработку и проведение террористических операций; подкомитет управления лагерями обучения, осуществляющий отбор и обучение новых членов организации.

- Финансовый комитет – отвечает за сбор средств, финансирование тренировочных лагерей, оплату расходов организации, включая укрывательство активистов и финансирование проведения террористических акций.

- Иностраный комитет закупок – отвечает за приобретение оружия, взрывчатых веществ и специального оборудования.

- Комитет безопасности – отвечает за физическую защиту членов организации, сбор разведывательной информации, контрразведку, вербовку новых членов организации, создание международной агентуры в различных частях света и поддержание с ними связи.

- Комитет информации – политотдел, отвечающий за пропагандистскую работу.

Во главе Военного комитета стал старый сподвижник бин-Ладена, один из самых приближенных к нему людей Мохаммед Атеф. Именно он, а не только, как принято считать, бин-Ладен, был непосредственным руководителем всех террористических операций «Эль-Каэды». Мохаммед Атеф фактически являлся военным руководителем организации. Этот тихий, набожный человек, судя по показаниям захваченных боевиков, был «мозговым центром» по подготовке террористических актов «Эль-Каэды» и контролировал нити, ведущие к законспирированным террористическим ячейкам, разбросанным по всему миру.

Особое место в структуре «Эль-Каэды» принадлежало автомобильным боевым отрядам так называемой Исламской армии. Именно ей отводилась роль непосредственного исполнителя террористических акций. Структура Исламской армии состояла из отдельных, никак не связанных между собой небольших групп (ячеек). Такие ячейки разбросаны повсюду миру и могут годами находиться в «законсервированном состоянии», не проявляя никакой активности. Как правило, действия групп имеют одноразовый характер и состоят главным образом из террористов-самоубийц («шахидов»). До назначенного часа «законсервированные» боевики не должны выделяться среди обычных, законопослушных граждан, им запрещалось участие в политической и общественной жизни, высказывание своих политических и рели-

гиозных взглядов, проявление повышенного интереса к процессам, происходящим в стране, – цели будущего теракта. Эти люди незаметно растворялись в массе иммигрантов из ближневосточных стран, оседавших в Европе и Северной Америке, готовы были терпеливо ждать приказа и выполнить его.

Перебежчик «Эль-Каэды», бывший близким соратником бин-Ладена, показал, что активность «Эль-Каэды» в так называемом восточноафриканском регионе Судан – Йемен – Сомали (иное название – Террористический треугольник Красного моря) была результатом тщательно разработанной стратегии. Регион находился в состоянии военных конфликтов, центральная власть была слаба и коррумпирована, силовые структуры деморализованы. С другой стороны, геостратегическая важность региона была очевидной. Достигнув успеха, «Эль-Каэда» должна была выйти на лидирующие позиции с тем, чтобы участвовать в дальнейшем перераспределении власти. В лагерях «Эль-Каэды» развернулась работа по военной подготовке черных исламистов. Наряду с формированием собственных структур «Эль-Каэда» налаживала контакты с многочисленными, но разрозненными террористическими и партизанскими движениями и ячейками. В них не было недостатка во всех мусульманских странах – в Египте, Ливии, Саудовской Аравии, Омане, Тунисе, Алжире, Ираке, Сомали, Иордании, Ливане, Марокко, режимы некоторых из этих стран с пониманием относились к деятельности бин-Ладена и не отказывали ему в поддержке. Не везде все шло гладко, но в большинстве случаев удавалось договориться, и «Эль-Каэда» постепенно приобретала известность и авторитет координационного центра радикального исламизма. За этим просматривались будущие контуры единого Арабского Халифата во главе с Многонациональным советом, определяющим выбор первоочередного врага, распределение финансов, стратегию операций, политическое закрепление результатов террора.

Наступила пора испытать стратегию в действии. Время – первая половина 90-х годов – было удобным, центром геополитики сейчас была война на территории распавшейся Югославии. «Эль-Каэда» поддержала военные провокации суданских властей, направленные против соседних государств – Эфиопии, Эритреи, Уганды и Сомали. Исламисты, преследуемые в этих странах, нашли на территории Судана надежное убежище. С помощью «Эль-Каэды» они превратили приграничные районы Судана в стратегические плацдармы для совершения террористических рейдов на территорию своих соседей. Это не могло не привести к войне, как раз то, чего хотел бин-Ладен. Молодое пополнение чернокожих африканских исламистов пошло в «Эль-Каэду» потоком. Пропаганда работала вовсю. Вступление в «Эль-Каэду» или сотрудничество с ней считалось большой честью, чтобы оправдать ее и доказать свою преданность легендарному «шейху моджахедов», новобранцы были готовы выполнить любое задание. Теперь пошел обратный поток – выпускники суданских лагерей «Эль-Каэды» тайком возвращались в свои собственные страны и ждали получения приказа.

Несмотря на масштаб подрывной деятельности, роль «Эль-Каэды» долго оставалась в тени. В этом ей помогли сотрудники суданских спецслужб. Они полностью поддерживали «Эль-Каэду», снабжая боевиков фальшивыми документами. Это было нетрудно. Человек, попавший в Судан, мог бесследно исчезнуть, чтобы спустя некоторое время объявиться под новым именем, с новыми (суданскими) документами и продуманной легендой. При этом роль «Эль-Каэды» оставалась важной, но малозаметной. Она направляла финансовые средства, обеспечивала боевиков оружием и проводила с ними военную подготовку. Проведение теракта и ответственность за него (часто в чисто пропагандистских целях) брали родственные организации. По этой причине первые теракты в Йемене, Саудовской Аравии, Египте, Эфиопии и США произошли без видимого участия «Эль-Каэды», лишь позже выяснилось, что планировались они в Военном комитете под началом «правой руки» бин-Ладена, Мохаммеда Атефа.

Начиная с 1991 года на территории Судана и Афганистана в тренировочных лагерях «Эль-Каэды» под руководством Атефа прошли обучение несколько десятков боевиков из йеменской исламистской террористической группировки. Это были приверженцы оппозиционера йеменского режима шейха Тарика аль-Фадли. Сам шейх укрывался в это время в Лондоне. Когда обучение боевиков было закончено, бин-Ладен обратился к шейху с призывом вернуться на родину и возглавить «освободительное» движение исламистов. Первой задачей нового движения должна была стать серия терактов против американских военнослу-

жащих, направлявшихся в Сомали. Получив согласие шейха, бин-Ладен организовал его нелегальное возвращение в Йемен. По предложению шейха и при координирующем участии бин-Ладена к плану была привлечена местная исламистская террористическая организация «Джихад аль-Ислами аль-Ямани».⁷⁵

Оперативный план, разработанный созданным Военным комитетом, включал организацию взрывов в двух отелях в центре йеменской столицы, где транзитом на пути в Сомали останавливались американцы, и обстрел из ручных противотанковых гранатометов (РПГ-7) транспортных самолетов ВВС США, находящихся в аэропорту йеменской столицы.

Поскольку уровень подготовки, боевиков «Джихад аль-Ислами аль-Ямани» оставлял желать лучшего, бин-Ладен усилил диверсионные группы «арабскими афганцами» – специалистами взрывного дела. Все финансовые расходы взяла на себя «Эль-Каэда», деньги переводились через банковские счета йеменских компаний, принадлежавших бин-Ладену.

Необходимое вооружение и боеприпасы были доставлены из соседнего Судана через Красное море на небольших рыбацких шхунах, разгрузка снаряжения проводилась на отдаленном участке побережья Йемена, в районе аль-Кауваха. Руководил подготовкой боевиков специально вызванный из Афганистана инструктор ливийского происхождения, бин-Ладен дорожил этим человеком, за день до теракта он покинул Йемен и вернулся в Афганистан.

29 декабря 1992 года в центре Адена, между отелями «Голден Мур Отель» и «Аден Отель» прозвучал мощный взрыв. Несмотря на сильные разрушения, человеческие жертвы были небольшими. Погибло 2 человека, в том числе австралийский турист, 20 случайных прохожих были ранены. Никто из американских военнослужащих не пострадал, накануне теракта они были отправлены в Сомали. Ни одна террористическая организация не взяла на себя ответственность за взрыв.

Силы йеменской полиции и службы безопасности были приведены в состояние боевой готовности. Очевидно, что целью теракта было нападение на американцев. Благодаря принятым мерам безопасности, удалось предотвратить еще один теракт в столичном аэропорту. Возле ограждения взлетно-посадочной полосы была захвачена группа боевиков, вооруженная автоматами Калашникова и ручными гранатометами.

Они готовились обстрелять транспортные самолеты ВВС США, подготовленные к отправке в Сомали. Эффективные оперативно-розыскные действия позволили по горячим следам раскрыть преступление, 8 января 1993 года, спустя 10 дней после теракта, был арестован шейх Тарика аль-Фадли и большинство его людей, преступные связи исполнителей прямо указывали на бин-Ладена.

Бин-Ладен со свойственными ему хладнокровием и рассудительностью сделал необходимые выводы. Операция, по его мнению, потерпела полный провал из-за низкого профессионализма людей, ответственных за сбор разведывательной информации и планирование операции. Йеменская группа не только не выполнила задание, но и поставила под угрозу провала всю региональную сеть «Эль-Каэды». Больше «Эль-Каэда» и ее руководитель не допустят столь грубых промахов. Взрыв в центре йеменской столицы был только началом целой череды разрушительных терактов с многочисленными невинными жертвами – христианами, мусульманами, иудеями, индусами...

К тому времени лидирующую позицию в организации вслед за бин-Ладеном прочно занял Айман аль-Завахири, объединивший с «Эль-Каэдой» свою собственную террористическую фракцию. Союз бин-Ладена и аль-Завахири, их энергия, опыт и финансовые возможности оказались весьма продуктивными, теперь «Эль-Каэда» могла контролировать многие организации исламских радикалов типа «Джихад аль-Ислами» и действовать по всему миру. Во многом этому способствовала поддержка духовных авторитетов, в первую очередь слепого шейха Умара Абд аль-Рахмана – лидера египетских исламистов. Это время можно назвать временем окончательного завершения строительства организации и оформления ее идеологии – радикального воинствующего исламизма – Всемирного Исламского Фронта Джихада против крестоносцев и евреев. Роль Аймана аль-Завахири в этом процессе, его «архитектора» и идеолога, не уступает роли самого бин-Ладена.

⁷⁵ «Йеменский исламский джихад».

К 1993 начали проявлять тревогу спецслужбы США. До этого времени о бин-Ладене было сравнительно мало известно. Во время партизанской войны в Афганистане против Советской армии он был даже их союзником. Потом он стал активистом исламского фундаментализма в изгнании. Таких было немало, и личность бин-Ладена явно недооценивалась. Теперь – после террористических нападений и поступления сведений о масштабах террористической активности – американцы принялись за пересмотр собственной политики и ошибок. Это время совпало и провоцировалось тяжелой гуманитарной катастрофой в Сомали и вызванным этим региональным кризисом.

С 1991 года в Сомали шла гражданская война. В 1992 году к этому добавилась сильная засуха. К осени 1992 года более половины населения Сомали, почти 5 миллионов человек, страдали от голода и эпидемий инфекционных болезней. Более 300 тысяч человек – большинство из них дети – умерли, около 2 миллионов беженцев были вынуждены покинуть свои дома. Несмотря на массивную поставку продовольствия и медикаментов, организованную мировым сообществом, положение беженцев не улучшалось. Гуманитарная помощь ООН не достигала адресатов, оказываясь в руках вооруженных грабителей. Немногочисленный миротворческий контингент ООН не мог обеспечить охрану доставки и пунктов распределения гуманитарной помощи.

Большую часть страны и ее столицы Могадишо контролировал наиболее сильный из полевых командиров, бывший выпускник советского военного училища Мохаммед Фарах Айдид. Но в целом государственная власть в Сомали отсутствовала, и положение все время ухудшалось. В ноябре 1991 года в Могадишо после кратковременного затишья вновь вспыхнули бои между соперничающими вооруженными группировками. К декабрю 1991 года в ходе конфликта погибло около 4 тысяч человек, в основном мирных жителей, более 20 тысяч были ранены. Столица превратилась в руины.

9 декабря 1992 года на восточном побережье Сомали, недалеко от Могадишо, высадились Объединенная оперативная группировка (UNITAF) войск ООН общей численностью в 17 тысяч человек. Целью группировки было обеспечение безопасной доставки гуманитарных грузов и обеспечение нормального функционирования пунктов распределения продовольствия. Очевидно, что наличие группировки задевало интересы противоборствующих сторон, конфликт принял международный характер с участием США.

Бин-Ладен, наблюдавший за развитием событий из своей ставки в пригороде Хартума, не преминул воспользоваться ситуацией. По его словам, ввод миротворческого контингента ООН на территорию Сомали стал «...еще одним подтверждением империалистической сущности Америки и ее неприкрытой экспансии, направленной против мусульман...». ООН, по мнению бин-Ладена, превратилась в послушную игрушку в руках Соединенных Штатов. Вначале Египет, затем Саудовская Аравия и Кувейт, на этот раз – Сомали. Взрыв «адской машины» у отелей Адена в декабре 1992 года должен был послужить предупреждением американцам, однако они «...проигнорировали исламскую армию и вторглись в Сомали...».

Одновременно с переброской американских военных в Сомали Осам бин-Ладен направил сюда сотни «арабских афганцев». Вступило в силу заранее – еще в 1991 году – подготовленное соглашение между ним и руководителем сомалийских повстанцев Айдидом, которому была обещана финансовая поддержка. Из «человека Москвы» Айдид стал исламским фундаменталистом. По распоряжению бин-Ладена руководитель Военного комитета «Эль-Каэды» Мохаммед Атеф организовал в столице Кении Найроби оперативный штаб. Летом 1993 года бин-Ладен организовал переброску сотен «арабских афганцев» на территорию Сомали. Главным образом это были выходцы из Пакистана, Афганистана и Йемена. Часть боевиков проникала на территорию Сомали с моря и отсюда мелкими группами просачивалась в Могадишо, другая пересекала сомалийскую границу на легких самолетах со стороны Кении и Эфиопии. «Арабские афганцы» присоединялись к отрядам Айдиды. Между ним и людьми бин-Ладена была договоренность, боевики «Эль-Каэды» не принимали участия в суданской междоусобице. У них была своя цель – американские солдаты. Нужно было дождаться удобного случая. Вскоре он представился.

В июне 1993 года в Могадишо с новой силой вспыхнули уличные бои. На этот раз удар был впервые нанесен по военнослужащим контингента ООН. В результате нападения погибли 25 пакистанских военных. К середине лета в столкновениях с «армией Айдиды» по-

гибло еще 30 военнослужащих из состава сил ООН и несколько сотен мирных горожан. Очевидно, что препятствием к мирному решению проблемы служит Айдид, нормализация ситуации в Сомали невозможна без его нейтрализации или устранения. Эта задача была возложена на подразделения специального назначения армии США, включавшие в свой состав рейнджеров и бойцов антитеррористической группы «Дельта».

План операции был разработан в Центральном Разведывательном Управлении США и состоял в неожиданном нападении и разгроме вооруженной верхушки движения во главе с Айдидом, предполагалось, что его военные силы (милиция Айдиды) после этого просто разбегутся. Ошибка была катастрофической – спецподразделению США противостояли не полуголодные головорезы Айдиды, а хорошо обученные и вооруженные профессионалы войны из числа «арабских афганцев» бин-Ладена. Предполагая развитие будущих событий, Мохаммед Атеф (военный руководитель «Эль-Каэды») разработал встречный план – заманить американцев в заранее подготовленную ловушку в городских районах Могадишо.

3 октября 1993 осведомитель ЦРУ из окружения Айдиды сообщил о том, что штаб Айдиды и он сам находятся в центре Сомалийской столицы, недалеко от центрального рынка в здании гостиницы «Олимпик». В 15:32 силы специального назначения армии США на 19 вертолетах, атаке 12 боевых машин из состава сил ООН начали выдвижение к центральному рынку Могадишо. Общая численность группы составляла 120 военнослужащих армии США.

Ловушка сработала. Сразу после высадки десанта его окружила огромная толпа вооруженных и бесчинствующих сомалийцев. Получив приказ к отступлению, американцы столкнулись с «афганцами» бин-Ладена и вынуждены были принять бой. Вместо спецоперации, на которую отводилось 90 минут, американцам пришлось сражаться в течение 14 часов с хорошо вооруженным и численно превосходящим противником. Потери американцев составили 18 человек убитыми и 73 ранеными, счет потерь их противника шел на сотни. Специальная комиссия Конгресса США, расследовавшая причины провала операции в Могадишо, установила роль бин-Ладена и его людей как главную противостоящую силу конфликта, боевики Айдиды выполняли второстепенные функции прикрытия – организацию массовых беспорядков и создание препятствий и завалов на пути движения военной колонны.

Америка пережила публичное унижение – наибольшее со времен Вьетнамской войны. Мировые телеканалы показывали, как толпа сомалийцев торжествует и бесчинствует над трупами американских солдат. Под давлением общественного мнения и в соответствии с решением Конгресса США президент Билл Клинтон объявил о своем намерении вывести из Сомали американские войска к марту 1994 года.

Для бин-Ладена наступил торжественный момент. В каком-то смысле решение американцев оказалось для него приятной неожиданностью. Он не ожидал столь быстрого и впечатляющего результата. Теперь из всего этого следовало извлечь пропагандистскую выгоду. Его стратегия оправдала себя. Америка потерпела поражение на глазах всего мусульманского мира. Вывод американского воинского контингента из Сомали и последующая эвакуация посольства США должны были послужить поучительным примером. Если исламисты смогли заставить могущественную сверхдержаву покинуть Сомали, то в дальнейшем это можно будет сделать и в других регионах мира. Господству Америки, как представлял это себе бин-Ладен, наступал конец.

Но противостояние только начиналось. В феврале 1994 года Осам бин-Ладен был лишен саудовского гражданства. Все его банковские вклады на территории Саудовской Аравии, оцененные приблизительно в 250–300 миллионов долларов, были заморожены. В один день он потерял все состояние и возможность финансирования своих далеко идущих планов. Такова была цель ас-Саудов и их американских союзников. Основная причина лишения гражданства, сформулированная саудовскими властями состояла в проведении террористической деятельности против этой страны с целью изменения ее внешней политики и государственного устройства. Однако доказать это было непросто. Сам бин-Ладен не заявлял (хоть и не опровергал) о своей причастности к терактам и не призывал публично к насильственному изменению государственного строя страны. По его утверждению, критика существующего режима носила хотя и острый, но исключительно мирный характер. Поэтому

бин-Ладен обвинил ас-Сауда в том, что они используют институт лишения гражданства как инструмент для расправы с диссидентами, а его собственная судьба служит подтверждением справедливости его слов. При этом в его случае речь идет о богатом и независимом человеке. Что же тогда говорить о судьбах остальных, далеко не столь известных и знаменитых? И далее бин-Ладен в свойственной ему спокойной манере заявлял: лишить гражданства можно, но при этом нельзя лишить человека его гражданского самосознания. И борьба будет продолжаться.

Оказавшись в изгнании, бин-Ладен уже открыто начинает формировать исламистскую, в том числе антисаудскую, сеть. Вместе с другими саудовскими оппозиционерами и союзными «Эль-Каэда» египетскими исламистскими террористическими организациями «аль-Джамаа аль-Исламия» и «Джихад аль-Ислами аль-Масри, он приступает к формированию так называемого „Братства бин-Ладена“. Спустя несколько лет это „Братство“ станет основой Всемирного Фронта Джихада против крестоносцев и евреев, наиболее масштабной и эффективной террористической организации в мире.

В отличие от своих предшественников и ряда параллельных экстремистских структур, бин-Ладен принципиально изменил стратегию терроризма. Если ранее направлением борьбы для структур, подобных „Джихад аль-Ислами аль-Масри“⁷⁶ и „аль-Джамаа аль-Исламия“, ⁷⁷ были собственные прозападно ориентированные режимы (в частности, режим Мубарака в Египте), то бин-Ладен изменил цель. Приветствуя удачное покушение на президента Египта, которое готовилось в течение нескольких лет и к которому, как предполагается, он сам приложил руку, бин-Ладен одновременно изменял главное направление террора. Он убеждал своих союзников в том, что неосмотрительно тратить свои усилия, чтобы рубить «щупальца гидры западного империализма и продажных светских режимов», которые тут же отрастают. В сложившихся условиях наносить удар следовало в центр «всех проблем арабо-мусульманского мира», то есть по американскому присутствию в регионе. По убеждению бин-Ладена, безбожные режимы уже доказали свой «антиисламский характер», некомпетентность и преступную сущность. Если американцы уберутся назад за океан, «измученная умма»⁷⁸ сама попросит исламских революционеров встать во главе мусульманского возрождения».

Пример показал сам бин-Ладен. Руководимая им «Эль-Каэда» отказалась от проведения эпизодических непоследовательных акций, а путем долгосрочного планирования создала единый фронт военных действий. Все операции намечались заранее и били в одну цель – освобождение мусульманских стран от прозападного, в основном американского, влияния. Антиамериканские требования декларировались вслух. Теперь любая акция приобретала внушительный пропагандистский вес. При этом нельзя было предугадать, где и когда будет нанесен очередной удар и проследить цепь, ведущую от заказчика к исполнителю преступления было крайне трудно. Стратегия оказалась эффективной, противодействующие спецслужбы столкнулись с новым явлением и не смогли оказать ему должного противодействия. Осуществляя нападения в Йемене и Судане, бин-Ладен начал планирование диверсий против американских военных объектов и посольств (а также посольств Израиля) на территории стран Восточной и Центральной Африки.

Но главным объектом его внимания была Саудовская Аравия. Американское присутствие в этой стране было стратегически важно как самим американцам, так и саудовцам. Умудренные болезненным опытом последних лет американские объекты были взяты под круглосуточный усиленный режим охраны. Ни один человек, не говоря уже о машине, не мог приблизиться к ним на близкое расстояние. Но Абдулазиз аль-Мукрин, резидент «Эль-Каэды» в Саудовской Аравии, сумел найти достойную цель. Ею оказалось Управление программного обеспечения Национальной Гвардии Саудовской Аравии, размещенное в многоэтажном здании в самом сердце Эр-Рияда. В работе Управления были задействованы воен-

⁷⁶ «Египетский исламский джихад» (араб).

⁷⁷ «Исламское общество» (араб).

⁷⁸ Община правоверных (араб).

ные специалисты из Соединенных Штатов, они же проводили обучение сотрудников. По наблюдениям террористов, в здании одновременно находилось, как минимум, полторы сотни американцев. Вместе с тем охрана Управления была явно недостаточной, даже представительство американских авиакомпаний в Эр-Рияде охранялось лучше. В случае удачного проведения теракта появлялась возможность нанести удар сразу и по Соединенным Штатам, и по Национальной Гвардии – элитной военной структуре ненавистного бин-Ладену саудовского режима.

Все расходы по подготовке диверсии бин-Ладен взял на себя. Министерство обороны Судана, находившееся под контролем «Эль-Каэды», обеспечило каналы для доставки всего необходимого. При помощи суданских спецслужб были изготовлены фиктивные сопроводительные документы на груз, согласно которым, в мешках с тринитротолуолом находилась сельскохозяйственная продукция. С территории одного из предприятий, принадлежащего бин-Ладену, на грузовиках его же компании взрывчатые вещества были доставлены на военный склад, расположенный на побережье Красного моря. Отсюда ночью на небольших моторных лодках, также принадлежащих бин-Ладену, груз был тайно переправлен в Йемен. Далее через пустыню при помощи местных исламистов взрывчатка мелкими партиями была переправлена в Саудовскую Аравию.

13 ноября 1995 года, в 11:30 по местному времени, на автомобильной стоянке Управления программного обеспечения Национальной Гвардии Саудовской Аравии прогремел сильный взрыв двух заминированных автомобилей. 5 граждан США и 2 индеец были убиты на месте, 60 человек, из них 10 американцев, получили тяжелые ранения. 30 машин, находившихся на стоянке Управления, выгорели, прежде чем на место взрыва прибыли пожарные. Взрывной волной были выбиты витрины магазинов в радиусе нескольких сотен метров, и вся улица превратилась в огромную грудку битого стекла. Взрыв ощущался даже на окраинах Эр-Рияда, тамошние жители приняли его за начало землетрясения.

Более масштабных жертв удалось избежать лишь по счастливой случайности. Взрывное устройство, заложенное во второй машине, должно было, по замыслу террористов, сработать после прибытия спасателей, пожарных, полиции и службы безопасности. Но заряд сдетонировал, и оба автомобиля взорвались одновременно. Кроме того, террористы рассчитывали, что от взрыва произойдет обрушение самого здания Управления, а это означало гибель гораздо большего числа людей, только американцев, по расчетам террористов, находилось в здании до 200 человек. Но здание устояло, взрыв вызвал лишь незначительное повреждение фасада.

В тот же день из США для расследования теракта вылетело 12 криминалистов ФБР. Благодаря их эффективному сотрудничеству с сотрудниками саудовской службы безопасности, удалось быстро задержать четверых подозреваемых. Все они оказались подданными Саудовской Аравии, ветеранами афганской войны и во время допроса признались в совершении теракта и своей принадлежности к «Эль-Каэде».

Бин-Ладен утверждал о своей непричастности к взрыву; но результаты расследования доказывали обратное. Все задержанные боевики прошли подготовку в лагерях «Эль-Каэды». На это у бин-Ладена был готов ответ: далеко не все, кто обучался в его лагерях (а таких были тысячи) были посвящены в его планы, к тому же эти люди могли состоять и в других организациях и получать приказы оттуда.

В этих аргументах была логика, и бин-Ладен использовал ее и в дальнейшем. Он не скрывал своей приверженности к священному джихаду. Но это не значит, что он отвечает за конкретные действия отдельных лиц, которые могут быть результатом ошибочного понимания ситуации или даже провокации. В его планы (если таковые есть) посвящен узкий круг его приближенных и соратников. Поэтому разоблачительные показания людей, пусть даже членов «Эль-Каэды», незнакомых с бин-Ладеном и даже никогда не видевших его, немного стоят. В этих аргументах проявились «достоинства» структурной организации «Эль-Каэды». На завершающей стадии теракта использовались рядовые члены организации, являющиеся слепыми исполнителями и не знающие от кого исходит приказ. Доказать вину организаторов теракта при этом было невозможно.

К 1996 году деятельность террористических организаций, поддерживаемых бин-Ладеном, приобрела такие масштабы, что стала угрожать стабильности не только в арабо-

мусульманском регионе, но и во всем мире. К тому времени сотрудникам ЦРУ стали известны многие детали функционирования финансовых структур бин-Ладена и их роль в поддержке международного терроризма. Стало ясно, что личность бин-Ладена до сих пор недооценивалась. Если ранее американцы воспринимали бин-Ладена как инициативного исламистского активиста, доступного, тем не менее, для их контроля, то теперь стало ясно – в лице этого человека США приобрели могущественного противника, способного противодействовать их геополитическим интересам, подвергать постоянным угрозам жизнь множества людей и сложившийся миропорядок в целом.

Саудовский режим также изменил тактику. Саудовцы любыми путями пытались «угорорить» бин-Ладена вернуться домой. Для этого были хороши все методы – от подкупа и обмана до откровенных угроз и шантажа. На клан бин-Ладена оказывалось давление, через него же велись переговоры. Бин-Ладену обещали, что если он добровольно вернется домой и официально откажется от борьбы с ас-Саудами, признав короля Фахда истинным, правоверным мусульманином, то будет восстановлен в саудовском подданстве и во всех ранее лишенных имущественных правах. Очевидно, что за всем этим крылось элементарное желание заманить бин-Ладена на родину. После взрыва у здания Национальной Гвардии мирный исход его конфликта с властями Саудовской Аравии был крайне маловероятен. Что вскоре и подтвердилось. Спустя несколько недель после теракта в Эр-Рияде на бин-Ладена было произведено покушение. Оно закончилось неудачно. Исчерпав все возможности вернуть бин-Ладена на родину, правительство Саудовской Аравии выступило с официальным заявлением, в котором обвинило Судан в прямом пособничестве терроризму, в том числе укрывательстве его организаторов. В качестве ответной меры Саудовская Аравия заморозила кредиты, выделенные ею ранее для оздоровления суданской экономики.

Если раньше Осам бин-Ладен и «арабские афганцы» были желанными гостями Судана, то в сложившейся ситуации его присутствие стало слишком обременительным.

Бин-Ладен понимал, что его пребывание в этой стране подошло к концу. Тому были веские доказательства. В 1995 году на него было совершено еще два покушения, которые едва не стоили ему жизни. Необходимо было искать себе новое убежище. Бин-Ладен никогда не порывал афганских связей, теперь пришла пора ими воспользоваться. Это были годы, когда в Афганистане набирало силу движение Талибан. Особо доверительные отношения сложились между бин-Ладеном и лидером движения муллой Омаром. Тот высоко ценил вклад «шейха моджахедов» в войне против Советов. Когда дальнейшее пребывание в Судане стало смертельно опасным, бин-Ладен обратился к мулле Омару и немедленно получил от него приглашение. Тайно распродав суданские активы, в июне 1996 года бин-Ладен покинул эту страну на борту зафрахтованного большого грузового самолета «Геркулес С-130» вместе с тремя женами и детьми (в том числе подростками сыновьями – 17-летним Омаром и 15-летним Саадом) и несколькими сотнями «афганских арабов». Путь его лежал в афганский город Джелал.

Гражданская война в Афганистане была в самом разгаре. Однако у бин-Ладена сохранились хорошие отношения со всеми сторонами конфликта. Его помнили и были рады его возвращению в страну. Враждующие между собой вожди были готовы предоставить ему убежище. К тому же сеть созданная им в 80-х годах на территории Афганистана и Пакистана, продолжала функционировать. Находясь в Судане, бин-Ладен поддерживал ее дееспособность, регулярно переводя в этот регион солидные суммы денег. Сейчас он мог воспользоваться плодами своей предусмотрительности, не попадая в зависимость от местных полевых командиров.

Внезапную передислокацию бин-Ладена из Судана можно расценить как грубую ошибку американцев. Они знали непримиримость своего врага и его высокую дееспособность. Теперь они потеряли возможность решить затянувшееся противостояние эффективными силовыми методами. В хаосе гражданской войны в Афганистане бин-Ладен был недоступим и в то же время мог эффективно руководить террористической сетью, раскинутой по территориям мусульманских стран. Горы Афганистана стали надежным убежищем для бин-Ладена и центра его террористической инфраструктуры.

Тем временем Афганистан переживал период зарождения новых структур, рождаю-

щихся из хаоса многолетней войны. Еще продолжалось всевластие полевых командиров и вождей клановых группировок. Поколение молодых людей, выросшее за годы войны, не знало мирных профессий, единственным их умением было держать в руках оружие. Страна нуждалась в авторитете, лидере, сильной личности, которая сумеет сплотить разнородную воинственную массу. Идея была известна – прославление и защита ислама, под знаменем этой идеи велась война с Советской армией, а личностью, объединившей массы вооруженных афганцев, стал Мохаммед Омар, или попросту Мулла Омар. Он возглавил новую военно-политическую силу Талибан и придал ей государствообразующий характер. Талибан объединял в основном молодых людей, само это слово переводится как «студенты». Под «студентами» понимались воспитанники и слушатели различных духовных учебных заведений, целью – строительство Афганистана как ортодоксального мусульманского государства. Под приветственные крики «Амин аль-Моминин»,⁷⁹ мулла Омар объявил себя вождем всех правоверных, приняв их присягу в верности.

На контролируемых ими территориях талибы стали вводить законы шариата в наиболее жесткой его форме. Даже иранские аятоллы с опасением поглядывали на своих предельно радикализированных соседей. За несколько лет правления талибов Афганистан превратился в закрытое авторитарное общество, идеал для которого мулла Омар видел в средневековом Арабском Халифате. Бин-Ладен и верные ему люди значительно усилили потенциал нового афганского режима. В свою очередь, наряду с потерями в результате бегства из Судана, новое положение бин-Ладена давало ему важные преимущества. Пребывание в Судане накладывало на него существенные ограничения режим этой страны (как члена международного сообщества), даже сочувствуя и поощряя террориста, не мог позволить ему делать заявления, призывающие к насилию и убийствам. Бин-Ладен должен был сдерживать свою экстремистскую риторику и пафос своего антиамериканизма. Вместе с тем идеологическая составляющая была важнейшей частью стратегии его борьбы, он должен был непрерывно разъяснять цели своего движения, поощрять и поддерживать фанатизм среди своих сторонников. В свою очередь, правители Афганистана не боялись ни военной интервенции, ни экономических санкций, ни тем более резолюций и словесного осуждения мирового сообщества. Здесь бин-Ладен мог высказываться и убеждать совершенно свободно и открыто. Само по себе присутствие в среде талибов открывало огромные возможности для агитации и вербовки новых членов «Эль-Каэды», а сам афганский режим приобретал дополнительную значительность и вес как проводник «чистого ислама». Как сказал сам бин-Ладен, приезд в Афганистан был для него равносителен возвращению к своему духовному очагу. Неудивительно, что мулла Омар и бин-Ладен «бросились в объятия друг друга».

Вместе с тем обстановка на Ближнем и Среднем Востоке быстро менялась. После окончания войны 1991 года в Персидском заливе Саудовская Аравия превратилась в основной форпост американских сил в арабо-мусульманском мире. На территории здешней военной базы было размещено более 20 тысяч американских военнослужащих и 40 тысяч граждан США из числа обслуживающего персонала, сотрудников нефтяных компаний и других гражданских специалистов. Все это порождало волну возмущения среди исламских фундаменталистов, полагавших, что американское присутствие на Аравийском полуострове оскверняет святые мусульманские места.

Еще до своего вынужденного бегства из Судана бин-Ладен отдал распоряжение о начале подготовки силами «Эль-Каэды» крупной террористической акции на территории Саудовской Аравии. В качестве объекта нападения была выбрана база ВВС США «аль-Хуббар», размещенная в городе Дахран – главном «нефтяном резервуаре» страны. С этой базы после окончания войны в Персидском заливе американские летчики совершали каждодневные вылеты, патрулируя южное воздушное пространство Ирака, запрещенное для полетов авиации Хусейна. На базе одновременно проходили службу не менее 2000 американских военнослужащих, не считая немалое число гражданского обслуживающего персонала. База была ограждена высоким бетонным забором, который при необходимости должен был выдержать взрыв «адской машины». В сравнении с другими американскими военными объек-

⁷⁹ «Вождь правоверных» (араб).

тами в этом регионе, база считалась наиболее защищенной. Именно поэтому «Эль-Каэда» решила нанести здесь очередной удар – там, где американцы менее всего ждали нападения.

План террористов был прост. Поздно вечером, когда большинство военнослужащих будут находиться у себя в комнатах и готовиться ко сну, террористы рассчитывали подогнать к бетонному забору базы грузовик, начиненный взрывчаткой. Если шансы проникнуть внутрь базы сводились к нулю, то нужно было взорвать ее снаружи. Для этого требовалось изготовить взрывное устройство повышенной мощности. Существуют доказательства, что изготовлением взрывного устройства занимался некий Мидхат Мурси Омар – дипломированный химик, главный специалист Осамы бин-Ладена по этому вопросу. Он предложил провести нечто похожее на «вакуумный взрыв». По его распоряжению агенты «Эль-Каэды» приобрели огромный грузовик-цистерну, который должен был послужить «адской машиной». В одном из гаражей, специально для этой цели арендованном на окраине Дахрана, цистерну вскрыли и перегородили надвое. В одну часть уложили взрывное устройство весом в две с половиной тонны, а другую непосредственно в день теракта заполнили высокооктановым бензином. Во время взрыва двух с половиной тонн взрывчатки и распыленного бензина в долю секунды сгорает огромное количество кислорода и в большом объеме воздушного пространства мгновенно образуется вакуум. Насколько бы ни была разрушительна первая взрывная волна, вторая, вызванная эффектом вакуума в несколько раз более губительна: если первая распространяется от центра взрыва, то другая направлена в противоположном направлении, засасывая свои жертвы в вакуумную воронку и создавая – одна за другой – «эффект хлыста». Наибольший ущерб такое взрывное устройство наносит не сооружениям, а людям. Попав в зону вакуумной воронки спастись невозможно.

25 июня 1996 года, ровно в 22:30. двое наиболее опытных и проверенных боевиков «Эль-Каэды» из числа «арабских афганцев» поднялись в кабину бензовоза и, вырулив из гаража, стали медленно продвигаться в направлении базы. За несколько минут до взрыва солдат американской военной полиции, несший патрульную службу в районе базы, увидел двух арабов, которые припарковав под оградой бензовоз, подозрительно быстро выскочили из кабины и стремглав бросились к поджидавшему их белому легковому автомобилю. Солдат поднял тревогу, но было уже поздно.

Страшный взрыв снес железобетонный забор, как бут-то тот был из песка, а вслед за ним южную стену казармы в которой в это время находились несколько сот американских военнослужащих. Второй взрыв распыленного бензина довершил дело: вакуумная волна буквально высосала людей из казармы и бросила их в воронку взрыва. Погибло 19 американских военнослужащих, 386 человек получили ранения, из них 147 граждан Саудовской Аравии, 118 граждан Бангладеш и 109 американцев, из них 80 были ранены крайне тяжело. Это был самый крупный теракт против американских военнослужащих со времен Ливанской войны 1982–1984 года.

На следующий же день после взрыва государственное телевидение Эр-Рияда передало официальное заявление саудовских властей, гарантировавших вознаграждение в размере 10 миллионов реалов (более 2 миллионов 600 тысяч долларов) за информацию, которая приведет к задержанию преступников. Вскоре отпала первая версия о причастности к взрыву проиранской саудовской террористической организации – «Шиа Хизбалла». Некоторое время организаторы теракта оставались неизвестны. Ответ дал сам бин-Ладен. 23 августа 1996 года, или 1417 года месяца Хиджры, он выпустил свою первую фетву – освященное послание объемом около двадцати страниц. Фетва называлась «Против американцев, оккупирующих Святые места, – изгнать неверных с Аравийского полуострова» и прямо призывала к джихаду против Соединенных Штатов: Фетва прямо указывала на организаторов взрыва и имела далеко идущие последствия. Отныне любой масштабный теракт против США стал приписываться бин-Ладену. Этот человек открыто объявил войну Соединенным Штатам.

Одной из первых африканских стран, на территорию которой проникли эмиссары бин-Ладена, стала Кения – отсталая страна, с погрязшим в коррупции правительством, бездействующими законами и крайне бедным населением, большую часть которого составляли мусульмане. Все это делало Кению удобным местом для создания хорошо законспирированной террористической сети. В столице страны Найроби, прямо в посольстве США, размещалась крупная станция прослушивания ЦРУ, в кенийском порту Момбасе, старейшем на

восточноафриканском побережье, находилось большое число американцев. В этом регионе бин-Ладен решил нанести очередной удар. На этот раз целью должны были стать посольства США в Кении и Танзании.

К планированию терактов «Эль-Каэда» приступила в 1993 году, за 5 лет до их осуществления, когда бин-Ладен ещё находился в Судане и мог действовать достаточно свободно. Как позже показали на допросах арестованные члены «Эль-Каэды», подготовка взрывов в Кении и Танзании проходила в три этапа:

- В 1992–1993 году в Восточную Африку прибыли тайные представители бин-Ладена, которые должны были собрать максимум информации о странах, в которых планировалось создать подпольные ячейки «Эль-Каэды».

- С 1994 по 1997 год сюда начинают проникать «спящие агенты» (будущие резиденты), перед которыми поставлена основная задача – «натурализация». Они должны были здесь жениться, получить гражданство и открыть собственное дело, которое будет прикрытием явочных квартир и террористических баз «Эль-Каэды».

- В мае-июне 1998 года из Пакистана и других стран Ближнего Востока в Кению и Танзанию под разными предлогами легально прибыли или проникли непосредственные организаторы и исполнители взрывов. В операции также принимали участие местные жители из кенийской и танзанийской мусульманских общин. Они исполняли различные технические поручения, не представляя общего замысла и цели теракта.

На основании собранной разведывательной информации бин-Ладен лично разработал план операции и наметил ее сроки. Удар по посольствам в Найроби и Дар-эс-Саламе было решено нанести 7 августа 1998 года («черную пятницу») – в восьмую годовщину с начала американского присутствия в Саудовской Аравии. Дата, таким образом, имела символическое значение. Дальнейшая разработка операции была поручена Мохаммеду Атефу и главному вербовщику организации палестинцу Абу Зубейде.

В Кении Фазул Абдулла Мохаммед, с 1996 года руководивший местным отделением «Эль-Каэды», арендовал на окраине Найроби, по адресу Рунду-Эстэйт, 43, большую, обнесенную высоким бетонным забором трехэтажную виллу. У местного птицефермера агенты «Эль-Каэды» купили большой грузовик «тойота». Во дворе дома прибывший из Афганистана эксперт-взрывник, египтянин по кличке Абдель Рахман, за два дня собрал мощную бомбу. Взрывчатка, взрыватели и другие компоненты, использованные при сборе «адской машины» были доставлены морским путем из Танзании на рыболовецких шхунах Мохаммеда Садика Оде, с 1994 года живущего в рыбацкой деревне недалеко от Момбасы.

В это же время в Танзании член «Эль-Каэды», местный житель по имени Хальфан Хамис Мохаммед, арендовал дом и приобрел старый автомобиль-рефрижератор фирмы «Ниссан», который, в соответствии с инструкцией Абдель Рахмана, заполнил несколькими сотнями килограмм тринитротолуола. Все компоненты взрывного устройства были переправлены в страну заранее. Бомба предназначалась посольству США в Дар-эс-Саламе.

Ранним утром 7 августа 1998 года в Лондон пресс-атташе бин-Ладена Халеду аль-Фауазу было направлено тайное распоряжение. Сразу после того, как станет известно о взрывах в посольствах США на территории Кении и Танзании, придать огласке заявление об ответственности за взрывы от имени «Армии освобождения исламских святынь». Чуть позже, примерно в 09:00 по кенийскому времени, Агентство Национальной Безопасности США (АНБ) смогло перехватить отрывок телефонного разговора бин-Ладена по спутниковой связи с одним из своих боевиков: «...а теперь мы взрываем американское посольство...». Сигнал был перехвачен слишком поздно. Оставалось слишком мало времени, чтобы предотвратить трагедию.

В пятницу 7 августа 1998 года, примерно в 09.45, «тойота», в кузове которой находился мощный тротильный заряд, выехала на улицы Найроби. Грузовик вел Мохаммед Рашид Дауд аль-Оухали, при нем была светозвуковая граната, чтобы нейтрализовать охранника на въезде в посольство. Второй террорист – Азам – держал в руках электрический выключатель взрывного устройства. Боевики распевали тексты из Корана готовясь предстать перед Всевышним (как оказалось, решимости хватило не каждому). В час пик – 10.40 утра – «тойота» выехала на запруженную, как всегда в это время, городскую площадь, на которой находилось посольство. Неподалеку от пересечения проходящих здесь главных улиц города нахо-

дился железнодорожный вокзал, на который в это время пришел поезд. Сотни людей, прибывшие на работу в столицу, заполнили площадь. Грузенная взрывчаткой «тойота» еле продвигалась в плотном скоплении пешеходов и машин.

Когда «тойота» попыталась проехать на территорию посольства, дорогу ей преградил охранник, африканец, и потребовал предъявить разрешение. После короткого спора аль-Оухали выскочил из кабины грузовика и метнул в охранника светозвуковую шоковую гранату. Тот бросился бежать, оставив шлагбаум закрытым, аль-Оухали сделал несколько выстрелов из пистолета ему вслед, а потом и сам отказавшись от «мученической участи», пустился наутек. Оставшись в одиночестве, Азам привел в действие взрывное устройство прямо посреди самого оживленного перекрестка в десяти метрах от здания посольства. Взрыв 750 кг тротила и нитрата алюминия был ужасен. Посольское здание оказалось наполовину разрушенным, взрывной волной сорвало даже массивные бронированные двери. От соседних домов в которых размещался секретарский колледж и банк, остались лишь дымящиеся руины. Пятиэтажный бетонный колледж рухнул, как карточный домик. Во время взрыва погибло 213 человек, среди них 12 американцев, более 4500 человек получили тяжелые ранения.

Спустя 9 минут после взрыва в Найроби авторефрижератор, начиненный тротилом, взорвался на подъезде к американскому посольству в Дар-эс-Саламе. В результате теракта в Танзании погибло 11 человек и 85 получили ранения.

Никто из американцев не пострадал, все жертвы оказались танзанийцами. Жертв в Дар-эс-Саламе могло быть намного больше, помог случай. Опасаясь инфекционных заболеваний, американцы не использовали воду из местного водопровода, а доставляли очищенную в специальных автоцистернах. И сейчас такая автоцистерна преградила дорогу машине террориста. Пока охранник проверял документы у водителя водовоза, террорист занервничал, решил не рисковать и взорвал свою машину, не приблизившись вплотную к цели.

Сразу после взрывов неизвестный позвонил в кенийское информационное агентство и сообщил, что ответственность за теракты берет на себя ранее не известная исламистская группировка «Армия освобождения исламских святынь». Подозрение в организации преступлений пало на бин-Ладена и его организацию. В свою очередь, бин-Ладен отверг выдвинутые в его адрес обвинения. По его словам, он, как и все, узнал о взрывах в Кении и Танзании из теле- и радиосообщений. Вместе с тем бин-Ладен выразил свое полное одобрение случившемуся, находя вполне естественным, что «американцев всюду убивают на исламской земле».

После взрывов в Восточной Африке за бин-Ладеном прочно закрепилась репутация «врага Америки номер один». В конце 1998 года Окружной суд Южного Нью-Йорка вынес обвинительное заключение против него и 11 его сообщников за организацию и проведение терактов... Несмотря на то что бин-Ладен официально отверг свою ответственность за взрывы в Кении и Танзании, суд счел его вину полностью доказанной. Доказательствами служили: сообщение, отправленное в Лондон, перехваты телефонных переговоров, признательные показания захваченных террористов, подтвердивших свое членство в «Эль-Каэде».

В качестве ответных мер президент США Билл Клинтон отдал распоряжение директору ЦРУ подготовить акции против «Эль-Каэды» и тех государств, которые поддерживают антиамериканскую террористическую деятельность бин-Ладена. В первую очередь было решено нанести ракетный удар по афганским базам «Эль-Каэды». Вторая цель была на территории Судана. Агенты ЦРУ собрали образцы почвы в окрестностях фармацевтической фабрики «Аль-Шифа», расположенной в жилом квартале суданской столицы. Анализ, проведенный в Соединенных Штатах, позволил рассматривать фабрику как возможное место производства нервно-паралитического газа «VX».

20 августа 1998 года 60 крылатых ракет типа «Томагавк» были выпущены с четырех надводных кораблей и одной подводной лодки ВМФ США. Наведение их по целям в Афганистане осуществлялось через военный спутник. Чуть позже еще 20 ракет того же типа накрыли северное предместье суданской столицы.

Результат для американцев оказался крайне неудачным. В Афганистане в районе Хоста были разрушены два пустовавших лагеря «Эль-Каэды». Сразу после взрывов посольств бин-Ладен и его боевики предусмотрительно покинули их и укрылись в горных пещерах. Кроме

этих лагерей оказались разрушенными несколько домов афганских крестьян, не имевших отношения к террористам, и деревенская мечеть. Однако главным просчетом оказалась ошибочная атака секретной базы пакистанской разведки ИСИ, расположенной в области Пактия. Согласно неофициальной информации, полученной от высокопоставленного пакистанского чиновника, во время ракетного обстрела погибло пятеро офицеров ИСИ и около 20 стажеров, находившихся в это время на базе. Семьдесят девять миллионов, затраченных на крылатые ракеты «Томагавк», привели к материальному ущербу в несколько тысяч долларов (стоимость полевых барачков и палаток в лагерях «Эль-Каэды»), разрушению домов и гражданских объектов и гибели гражданских лиц и военных, не имевших никакого отношения к терактам в Восточной Африке. При этом ни один из террористов, включая самого бин-Ладена, не получил даже царапины. Сразу же после ракетного залпа «Томагавков» ЦРУ засекло в эфире голос бин-Ладена. Говоря по спутниковому телефону, он произнес лишь одну короткую фразу: «Хвала Аллаху, я жив...».

Не лучшие результаты оказались и в Судане. В Хартуме была разрушена фармацевтическая фабрика «Аль-Шифа» и расположенная по соседству кондитерская лавка. Международные эксперты не обнаружили никаких следов нервно-паралитического газа. В глазах арабо-мусульманского мира атака на мирный объект, производящий важные для населения медицинские препараты, стала проявлением неприкрытой американской агрессии против беззащитного мусульманского государства. Необдуманый шаг стоил Вашингтону разрыва дипломатических отношений с Суданом и эскалации напряженности в регионе.

Тем не менее администрация Клинтона не собиралась «посыпать голову пеплом». На этот раз Вашингтон был настроен решительно. Американцы в ультимативной форме потребовали от талибов выдачи укрываемого ими бин-Ладена и представили доказательства его ответственности за взрывы в Найроби и Дар-эс-Саламе. Поскольку теракты в Восточной Африке потрясли мировое сообщество, талибы не решились проигнорировать это требование. Мулла Омар не хотел, чтобы его страна, как и режим талибов, ассоциировалась с международным терроризмом. Он не опасался международной блокады или американской интервенции в Афганистан, но дорожил отношениями с соседним Пакистаном, своим главным и единственным союзником. Фактически предоставив убежище бин-Ладену и его людям, талибы сами превратились в заложников ситуации. О выдаче бин-Ладена не могло идти и речи. Поэтому мулла Омар предложил провести суд над бин-Ладеном на территории Афганистана. Суд должен был происходить по исламским законам. Мулла Омар потребовал направить в Афганистан все материалы расследования терактов в Кении и Танзании, а также убедительные доказательства вины бин-Ладена и его людей.

20 ноября 1998 года всем надеждам Соединенных Штатов добиться от талибского режима выдачи бин-Ладена пришел конец. Талибы через своего пресс-атташе заявили, что суд над бин-Ладеном завершился. Следуя исламской традиции, «глашатай» Талибана объявил, что на основании рассмотрения иска бин-Ладен признан исламским религиозным судом невиновным. Все обвинения со стороны США о его причастности к международному терроризму были признаны неубедительными. Особо отмечалось, что Верховный суд Афганистана не смог всесторонне изучить дело, так Соединенные Штаты не предоставили убедительных доказательств. В конце этого заявления указывалось, что бин-Ладен «... может жить на территории Афганистана в качестве гостя-мусульманина...».

Стратегия Белого Дома в борьбе с бин-Ладеном оказалась ошибочной. Результаты неудачных ракетных ударов бин-Ладен использовал в пропагандистских целях. В первую очередь это касалось атаки на фармацевтическую фабрику в Хартуме. Если она оказалась ошибочной, а ее последствия трагическими (имея в виду человеческие жертвы), почему не предположить, что и остальные действия американцев столь же ошибочны? В конце концов, именно об этом бин-Ладен и говорил: вмешательство США в дела мусульманских стран имеет колонизаторский характер и наносит этим странам тяжелый ущерб. Президент США выступив на пресс-конференции с обвинениями в адрес бин-Ладена, придал его личности огромный масштаб. Если до 1998 года бин-Ладен был всего лишь известным исламистом, ведущим войну против Америки, то теперь он превратился в «суперзвезду», сопоставимую по силе с его противником. Отныне само понятие «антиамериканизма» стало отождествляться с бин-Ладеном, он стал не только вождем джихада, лидером всех террористов арабо-

мусульманского мира, но самым символом движения.

Неумная и высокомерная пропаганда сделала имя бин-Ладена легендарным. Для простых мусульман он стал «арабским Робин Гудом», сражающимся с западными поработителями-«крестоносцами» во имя свободы и благоденствия бедняков мусульман. При этом «королем Джоном» выступает всемогущий и несправедливый президент США Билл Клинтон, а «ноттингемскими шерифами» – свои собственные, местные монархии и «реакционные светские режимы», сотрудничающие с Америкой ради личной выгоды в ущерб интересам собственных народов. В соответствии с законами героического жанра военные удачи и стойкость бин-Ладена объяснялись его несомненной правотой и стремлением к справедливости. Легенда наделила бин-Ладена, не получившего традиционного религиозного образования, ореолом духовного лидера. Он стал исключением из мусульманской традиции, действуя не путем ненасильственного убеждения, а агрессивной риторикой, подтвержденной соответствующими практическими действиями и личным примером. Подобные явления в мусульманском обществе, разделенном социальными противоречиями, имели место и раньше. Ставку на борьбу против «общего врага», попирающего традиционные мусульманские ценности и использующего с этой целью местные коррумпированные режимы, делали шейх Абдалла Азам, осужденный американским судом к пожизненному заключению, египетский слепой шейх Умар Абд аль-Рахман и ряд других исламистских радикалов. Но только бин-Ладену удалось сделать то, что не получалось у его предшественников, а именно: объединить разрозненные группировки в единый международный исламистский фронт, получивший название «Братство бин-Ладена». В феврале 1998 года за счет присоединения к «Братству» родственных организаций была создана новая террористическая мегаструктура – Международный Исламский Фронт Джихада против крестоносцев и евреев. В нее вошли пять террористических организаций:

- «Эль-Каэда».
- «Джихад аль-Исламиаль-Масри».
- «Аль-Джамаааль-Исламийя».
- «Джихад аль-Ислами Бангладеша».
- «Аль-Ансар Афганистана».

Кроме этих организаций, составивших «позвоночник» Фронта бин-Ладена, у него было много сочувствующих из местных исламистских организаций. Было бы ошибочным считать, что бин-Ладен достиг своего влияния благодаря неограниченным финансовым возможностям. Деньги, конечно, имели большое значение, но немалую роль играла мистическая аура самого бин-Ладена. Сражаться рядом с ним и выполнять его приказ считалось честью. Поэтому «афганские арабы» и Исламский регион сохранили преданность своему вождю после окончания советского военного присутствия в Афганистане. С другой стороны, не только бин-Ладен формировал свое «Братство». «Братство» формировало его самого, убеждая в правильности выбранного пути. В спецслужбах, безуспешно охотящихся за бин-Ладеном, распространено мнение, что после его гибели распадутся созданные им структуры. Трудно предположить что станет с «Эль-Каэдой», но можно почти с уверенностью сказать, что у дела бин-Ладена найдутся продолжатели. Причина этого кроется в непонимании глубинных процессов, произошедших в мусульманском мире, и особенности менталитета приверженцев ислама. Непонимание это послужило причиной поражения, постигшего Советский Союз в афганской войне, и возникших проблем, которые неизбежно предстоит решать странам Запада, в первую очередь США. При этом следует отметить: во-первых, в Афганистане США открыто противостояли Советскому Союзу, оказывая повстанцам (в том числе и бин-Ладену) военную и политическую поддержку, и, во-вторых, США не только не ограничивают (в связи с отсутствием «советской угрозы»), а всемерно расширяют свое присутствие в этом «нефтяном» регионе, это значит, что борьба будет продолжаться.

С 1980 по 1989 год «арабские афганцы», состоявшие из добровольцев, приехавших из мусульманских стран, проходили обучение под руководством западных военных инструкторов. Для западного и мусульманского мира они были борцами за свободу, и в западной прессе никому не приходило в голову называть «арабских афганцев» террористами. Под флагом борьбы с коммунизмом западные страны удачно использовали «арабских афганцев» в войне против Советского Союза. Эти люди и сегодня пользуются огромным уважением во

всем мусульманском мире от Марокко до Индонезии. Однако война закончилась, и надобность в «афганцах» отпала. Но эти люди, как и тысячи местных моджахедов, научились воевать. Ислам дает им уверенность в правоте собственного дела и поощряет желание силой оружия доказать свою правоту. США находились в заблуждении, полагая, что народы мусульманских стран готовы разделить «западные ценности» и ими можно управлять через своих сателлитов. Все это верно только до определенной степени. Исламскому миру чужд как коммунизм, так и западная демократия, и по призыву духовных авторитетов он готов применить оружие против тех и других. Этот мир понимает лишь силу, но не приемлет насилия со стороны чуждых для него сил. Было бы ошибочно и неверно полагать, что радикальный исламизм возник как ответная реакция на западную «культурную экспансию», он является продуктом исламского миропонимания, включающего в себя как миролюбие и искреннее гостеприимство, так и откровенный фанатизм вплоть до нерассуждающей готовности к самопожертвованию и насаждения средневекового мракобесия. Все это легло в основу конфликта: страны Запада не могли объяснить враждебности к ним со стороны афганских боевиков (которых они исправно снабжали оружием), а те считали себя преданными как бывшими союзниками, так и собственными режимами, управляемыми тем же Западом и еще вчера всемерно поощрявшими их решимость и энтузиазм.

Военная неудача Советского Союза, радостно воспринятая Западом, помешала его аналитикам правильно оценить перспективу и направление усилий воздействия на сложившуюся ситуацию. Неудивительно, что этим воспользовался идейный противник Запада («крестоносцев») бин-Ладен. Человеческие и военные ресурсы (в том числе финансирование за счет оборота наркотиков) буквально оказались у него под руками. Мир отвернулся от «арабских афганцев», не понимая того, что эти люди уже не смогут вернуться к обычной жизни. Победная эйфория сменилась безысходностью. Тысячи опытных боевиков не собирались складывать оружие. Часть из них осела в Афганистане формально для того, чтобы продолжить священный джихад против правительства Кабула, а на самом деле присоединиться к многочисленным группировкам, ведущим междуусобицу за контроль над наркобизнесом. Другие вернулись в свои страны, где стали использовать свой уникальный опыт, влившись в местные антиправительственные террористические организации. Немало «арабских афганцев» отправились на Балканы для участия в межэтнических конфликтах на стороне боснийских мусульман и косовских албанцев против местных христиан.

Все эти годы бин-Ладен продолжал оставаться легендой как для афганских ветеранов, так и для молодежи, вдохновленной проповедями исламистских радикалов. Результатом было постоянное пополнение, которое бин-Ладен получал за время своего «суданского периода». От добровольцев, желающих присоединиться к легендарному «шейху моджахедов», а ныне таинственному суданскому изгнаннику, не было отбоя. Это натолкнуло бин-Ладена на создание организации, в которой он смог бы предстать в новом качестве, не только как лидер «Эль-Каэды» организации, отличившейся в Афганистане и теперь частично реализовавшей свою цель (в связи с окончанием войны), а как революционный объединитель всех мусульман. Война в Афганистане, его личный конфликт с династией Саудитов были всего лишь отдельными успешно завершенными эпизодами будущей борьбы всех приверженцев ислама за духовное очищение и избавление от «сил зла» (то есть западного, американского влияния и его местных властных проводников). Так появилось «Братство бин-Ладена», объединившее мощные региональные организации, такие как «Джихад аль-Ислами аль-Масри» и «аль-Джамаа аль-Исламийя», «Эль-Каэда» (в качестве основного «учредителя»), а также бесчисленные исламистские группировки, разбросанные по всему миру. В целом для стратегии бин-Ладена свойственно создание сразу нескольких родственных организаций под разными названиями, с единой целью, но отличающихся по задачам и организации. Это позволяет ему мимикрировать, маскируя ответственность за конкретные действия и осложняя мероприятия противодействующих спецслужб. В отличие от «Эль-Каэды» агенты «Братства бин-Ладена» остаются неизвестными, их боевые структуры составляют боевики, пребывавшие в подполье и готовые по призыву исполнить волю своего вождя. Вождь может не конкретизировать свое мнение в форме приказа, ему достаточно проявить заинтересованность и назвать желаемый результат. Поэтому так трудно определить конкретное участие бин-Ладена в приписываемых ему террористических актах. Реальность неотделима здесь от

легенды.

В основу «Братства бин-Ладена»⁸⁰ положены принципы, в корне отличающиеся от предшествующих террористических организаций.

- «Братство» больше напоминает международную децентрализованную мафию, чем структуру, объединенную под единым началом. Самоуправляемость отдельных террористических группировок, действующих автономно, но при этом связанных с «Братством» единой стратегической целью, обеспечивает мобильность организации и защиту от общего провала.

- «Братство» может «почковаться», создавая новые террористические структуры, подчиняя своему влиянию новые регионы и ориентируясь на местные условия.

- «Братство» способствует появлению новых харизматических лидеров. В глазах своих приверженцев и последователей они становятся не только жертвами произвола режимов своих стран, но «мучениками ислама» в целом. Выполнив свою миссию, эти люди погибают, оказываются в заключении или теряют свое влияние, в то время как харизма самого бин-Ладена становится все более яркой.

- Каждая из групп, входящих в «Братство», имеет свои собственные источники финансирования, при этом одна группа могла финансировать террористические акции другой.

- Объявив священный джихад против Запада, любая группировка может рассчитывать на помощь и международную поддержку других членов «Братства», в том числе боевиками (как это было на Балканах), оружием, финансами и широкой пропагандистской кампанией.

- Все эти факторы придают отдельным акциям характер «единого фронта», общей борьбы с «новыми крестоносцами» и становятся общей идеологией, на которой воспитывается молодое поколение мусульман.

Огромное внимание при организации «Братства» бин-Ладен уделил вопросам финансирования. Он учел уроки своих предшественников, в частности палестинских террористов. Их организации зависели от своих спонсоров: Ливии, Сирии, Ирана, других арабских стран, что нередко превращало палестинцев в обычных наемников, отстаивающих чужие интересы. Ведь «кто платит, тот и заказывает музыку». «Братство бин-Ладена» самодостаточно и не нуждается в «спонсорах». Оно само «зарабатывает» для себя деньги.

При этом, в сравнении с теми же палестинцами, «Братство бин-Ладена» не подвержено коррупции. В отличие от богатеющих за счет своих организаций и «фронтов» палестинских руководителей, исламистские лидеры ведут аскетический образ жизни. Их быт практически ничем не отличается от жизни рядовых членов организации.

Бин-Ладен сумел наладить эффективно функционирующий механизм финансирования, не зависящий от одного источника. В первую очередь, это неправительственные благотворительные организации, разбросанные по всему миру. Под предлогом проведения гуманитарных акций они могут распоряжаться большими суммами денег. Благотворительный характер акций освобождает расходуемые на них средства от уплаты налогов, что избавляет от соответствующего контроля со стороны властей и позволяет направлять финансовые потоки в любую точку мира вне зависимости от личности конечного получателя. Организованная таким образом система отличается большой изобретательностью и позволяет решать «финансовый вопрос» террористов.

Членов «Братства бин-Ладена» объединяет вера в действенность совместных усилий. Общие политические далеко идущие цели позволяют определить эту организацию как «партию международного исламистского интернационала». «Братство бин-Ладена» и созданный им в феврале 1998 года «фронт» вполне заслуживают это название. В этой структуре бин-Ладену отведена роль вождя, личность которого еще ждет глубокого анализа. Пока что ясно, что такой анализ не удастся провести с позиций традиционных ценностей христианской цивилизации. Бин-Ладен является ярчайшим представителем современного арабомусульманского экстремизма. Эта «новая волна» образовалась под влиянием нескольких факторов: общего технического и экономического прогресса и его зависимости от нефти, соответственно – прагматического интереса к странам нефтеносного региона и, как части

---

⁸⁰ Название «Братство бин-Ладена» принадлежит журналистам и является условным. Фактически речь идет о единой террористической сети.

этого интереса, воздействия на традиционный уклад мусульманского общества, базирующегося на почитании ислама и его духовных проводников. Энергичное западное (в первую очередь, американское) вмешательство в «дела Востока», повсеместная экспансия (культурная материальная) и навязчивая пропаганда чуждого «образа жизни», подмена с помощью коррумпированных элит национальных интересов не могли не вызвать столь же энергичной реакции отторжения. Современный неокOLONиализм, как характеризуют нынешнюю ситуацию сторонники исламизма, представляет гораздо большую угрозу национальной самобытности арабо-мусульманского мира, чем политика «старых» колонизаторов. Этот неокOLONиализм охватывает все аспекты жизни и в первую очередь бросает вызов духовной (религиозной) основе исламского мироустройства. «Бездуховность» Запада так же враждебна исламу, как и атеизм коммунистической идеологии, и то и другое здесь неприемлемо. Две мировые системы, еще недавно противостоявшие друг другу, не принимали во внимание «третью силу», считая, что ей можно управлять, исходя из собственных интересов (здесь не нужно забывать, что и марксизм, и коммунистическая идеология в целом также являются продуктом западной цивилизации). Ко всему этому добавилось чувство «исторической вины» христианской цивилизации, которую удачно используют идеологи исламизма (слово «крестonosец» является здесь не случайным). Исламский мир со своей безграничной покорностью и столь же агрессивным фанатизмом ищет свой путь и нуждается в собственной идеологии. Именно по этой причине исламский экстремизм с каждым годом занимает все более прочные позиции. В Осаме бин-Ладене эта идеология нашла своего вождя – фанатично преданного учению ислама, отличающегося личным мужеством, сильным умом и полным бескорыстием. Точнее всего его можно охарактеризовать как реформатора мусульманской цивилизации, готового пойти во имя своих идей на любые жертвы (тем более среди «неверных»). Характерно стремление бин-Ладена примирить главные ветви ислама – шиитов и суннитов, ведущих многовековой спор (в том числе с применением насилия) за правильность толкования основ религии. Бин-Ладен считает, что, объединившись, современный ислам может достичь более высокой цели – взять реванш у западной цивилизации и установить миропорядок, завещанный Пророком. Вопрос в том, захочет ли остальной мир согласиться с этой участью.